

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
Одесская национальная академия пищевых технологий

А. И. Павлов

**РУРАЛИСТИКА:
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ,
НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ**

Монография

Одесса
«Астропринт»
2018

УДК 332.14:911.36
П121

В монографии определен понятийно-категориальный аппарат исследования, изложены теория и методология, институциональные основы руралистики, прослежена историческая эволюция руральности, обоснована идентификация руралистики как междисциплинарной научной отрасли, охарактеризованы ее исследовательское поле и научные направления.

Издание рассчитано на научных сотрудников, преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов.

Рецензенты:

Г. М. Запша, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и маркетинга Одесского государственного аграрного университета;

В. В. Немченко, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой учета и аудита Одесской национальной академии пищевых технологий;

М. П. Сахацкий, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга Одесской государственной академии строительства и архитектуры

Рекомендовано к печати ученым советом Одесской национальной академии пищевых технологий (*протокол № 10 от 6 марта 2018 г.*)

Содержание

Предтеча руралистики:

АКАДЕМИК НААН УКРАИНЫ В. В. ЮРЧИШИН 5

Предисловие 19

Раздел 1

ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ РУРАЛИСТИКИ

1.1. Руральность как состояние бытия 24

1.2. Руральное развитие: цель и проявления 47

1.3. Рурализация как общественный процесс 62

1.4. Рурализм как мировоззрение и идейное течение 74

Раздел 2

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РУРАЛИСТИКИ

2.1. Теоретический арсенал руралистики 106

2.2. Междисциплинарные подходы к руралистическим
исследованиям 127

2.3. Методология руралистики 145

Раздел 3

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РУРАЛИСТИКИ

3.1. Институциональные предпосылки руралистики:
задачи формирования и опыт Украины 163

3.2. Нормативно-правовая база руралистики 177

3.3. Руральный дискурс зарубежной нормотворческой
практики 192

3.4. Субъекты руральной жизнедеятельности:
отечественная и зарубежная практика 206

Раздел 4

ЭВОЛЮЦИЯ РУРАЛЬНОСТИ

- 4.1. Зарождение руральности в аграрную эпоху 225
- 4.2. Трансформация руральности в индустриальную эпоху 241
- 4.3. Состояние руральности в постиндустриальный период 273

Раздел 5

РУРАЛИСТИКА КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУЧНАЯ ОТРАСЛЬ

- 5.1. Междисциплинарная сущность руралистики 298
- 5.2. Исследовательское поле руралистики 315
- 5.3. Научные направления руралистики 341

Послесловие 362

Список использованных источников 368

Предтеча руралістики:
АКАДЕМИК НААН УКРАЇНИ В.В. ЮРЧИШИН

АКАДЕМИК НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ
АГРАРНЫХ НАУК УКРАИНЫ
ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ЮРЧИШИН

А. И. Павлов

**ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ДОСТОЯНИЕ
АКАДЕМИКА В. В. ЮРЧИШИНА КАК НАУЧНАЯ ОСНОВА
ВОЗРОЖДЕНИЯ УКРАИНСКОГО СЕЛА И КРЕСТЬЯНСТВА**

Академик В. В. Юрчишин принадлежит к плеяде ученых, интересы которых не ограничиваются какой-либо одной отраслью знаний, а результаты их исследований имеют не только чисто теоретическое значение, а являются достоянием общественной жизни¹.

¹ Селянський син: дух і справа академіка Володимира Юрчишина / за ред. О. М. Бородіної; НАН України, ДУ Інститут екон. та прогнозув. НАН України. — К., 2015. — С. 198–210.

Как утверждал сам В. В. Юрчишин, он дважды почувствовал потребность переориентации собственных научных исследований. Первая из них состоялась в середине 1970-х годов, когда после двадцати с лишним лет исследований отраслевой экономики он направил свой взгляд на исследование организационно-управленческих проблем социально-экономического развития сельского хозяйства. Необходимость последующей научной переориентации базировалось на все более очевидном осознании необходимости анализа и изучения социальных проблем сельско-крестьянского развития с его общественно-необходимым подтекстом [1, с. 25–26].

Вторая научная переориентация во времени совпала, пользуясь терминологией В. В. Юрчишина, с аграрной революцией 1991 года которая, как и революция 1917 года, имела глубоко разрушительный характер [2, с. 51–52], так как из аграрных трансформаций выпала их сельскохозяйственная крестьянская составляющая.

На наш взгляд, в постсоветском периоде научной деятельности В. В. Юрчишина можно выделить три подпериода, каждый из которых имеет свои отличия, учитывая предмет научных интересов автора.

В первом из них, который приходится на 1990-е — начало 2000-х годов, сельско-крестьянское развитие характеризуется в контексте многоукладности сельского хозяйства, разнообразия организационно-правовых форм хозяйствования, рассмотрения крестьянства как первоосновы села и сельского хозяйства, приоритетности интересов села и крестьянства. Такие крестьяноцентрические взгляды В. В. Юрчишина получили свое продолжение в концепциях многофункционального развития украинского села и сельского сектора Украины Л. А. Шепотько. В эти годы В. В. Юрчишин плодотворно сотрудничает с А. Н. Онищенко, П. Т. Саблуком и другими известными экономистами, выступает в печати с полемическими публикациями в защиту села и крестьянства.

Наступление второго подпериода ознаменовано выступлением В. В. Юрчишина с содокладом на Седьмом годовом собрании Всеукраинского конгресса ученых экономистов-аграрников, посвященном социально-экономическим проблемам развития украинского села и сельских территорий [3] и публикацией статей по сельскому развитию [4; 5], одна из которых подготовлена совместно с А. Н. Онищенко.

Третий подпериод (с начала 2010-х годов) отмечен обращением В. В. Юрчишина к научному арсеналу социоекономики как но-

вого научного направления. Этот шаг он так объясняет в одной из своих публикаций: «угрожающие обстоятельства, что в последние два десятилетия сложились в сельскохозяйственном крестьянском секторе, его сельских территориях, объективно обуславливают неотложную необходимость поиска, практического воплощения и эффективного освоения нетрадиционных научных подходов и практических шагов по преодолению всего негативного и пагубного, что за этот период накопилось, и привело к неизмеримо большим социальным, социально-психологическим, непосредственно производственным и соответствующим всему этом экономическим потерям» [6, с. 464]. Именно в это время выходит первая в отечественной науке статья по социоэкономике, подготовленная В. В. Юрчишиным в соавторстве с В. Н. Гейцем, А. Н. Бородиной и И. В. Прокопой [7]. В мае 2012 года В. В. Юрчишин выступил с докладом на общем собрании Отделения аграрной экономики и продовольствия НААН Украины на тему «Социоэкономическое обеспечение развития сельского хозяйства».

Вместе с тем в 2000-е годы из-под пера В. В. Юрчишина выходит ряд фундаментальных работ чисто экономической направленности [1; 8–10], что соответствует его убеждению в том, что земледелие и в дальнейшем будет оставаться определяющей производственной отраслью [1, с. 168].

Однако научный путь В. В. Юрчишина, со всеми его достижениями и разочарованиями, подтверждает высказывание о том, что история — это не все, но все является историей. В истинности этого утверждения убеждаешься после ознакомления с трудами В. В. Юрчишина по истории аграрных преобразований [11] и истории аграрной политики [12], в которых он выступает как настоящий историк аграрной экономики. В первой из этих работ доказано, что аграрные преобразования советской и постсоветской эпохи, которые имели революционный, а не эволюционный характер, базировались на социальных, экономических, психологических и других руинах. Вторая публикация дает системное представление об аграрной политике, которая проводилась на территории современной Украины в течение последних полутора веков: от реформы 1861 года в царской России, аграрной реформы П. А. Столыпина, реформ советской эпохи и до аграрных преобразований суверенной Украины. Их сравнительный анализ свидетельствует не в пользу современных реформ, которые нанесли значительный урон сельскому хозяйству, селу и крестьянству. На ос-

новании этого автор сделал вывод о необходимости разработки новой аграрной политики, сущность которой должны составлять ценности, обязательства и ответственность государства за обеспечение интересов и потребностей крестьян по созданию для него условий, адекватных его общественному назначению. В этом смысле ответственность выступает как определяющая государственно-управленческая функция. Если раньше сердцевиной государственной аграрной политики считались аграрная и земельная реформы, то в современных условиях приоритетное значение приобретает ее социальная составляющая. В отличие от большинства современных профессиональных историков В. В. Юрчишин при исследовании аграрной истории проявил себя как ученый, лишенный каких-либо конъюнктурных предпочтений. У него на первое место поставлены научность, объективность и защита интересов сельского хозяйства, села и крестьянства.

Научное творчество В. В. Юрчишина имеет выразительную социальную окраску. По его убеждению, реформационно-созидательный характер аграрных преобразований должен осуществляться на последовательно социальной основе, чего не наблюдается в современных реформах. В результате в большинстве сельских поселений прослеживается последовательная асоциальность сельского крестьянского бытия [1, с. 22, 32, 169]. Это нашло свое проявление в невосполнимых потерях демографическо-воспроизводственного потенциала села, деградации его человеческого потенциала, опустошении сельских населенных пунктов, духовном растлении крестьянства [9, с. 9–11].

Преодоление этой асоциальности, по мнению В. В. Юрчишина, требует разработки и внедрения в общественное сознание крестьяноцентричных, по своей сути, мировоззрения и идеологии. Принцип крестьяноцентризма как таковой предполагает системное подчинения всей совокупности возрождения интересам села и крестьянства [3, с. 34]. С позиций крестьяноцентричной идеологии село и крестьянство — это не только земледельцы и кормильцы, но и колыбель украинской нации, ее исторические истоки. Поэтому нынешнее уменьшение крестьянской занятости в земледелии, по В. В. Юрчишину, не только не должно снижать заботу государства о крестьянстве, а, наоборот, последовательно повышать ее. Поворот к нуждам села важен еще и потому, что оно остается единственной ячейкой, где хранится богатство духовности, родного языка, народных обычаев, традиций и особенностей, которые наиболее полно характеризуют самобытность нашего народа. Именно поэтому одна из моно-

графий В. В. Юрчишина посвящена «крестьянскому роду Украины, основателю и хранителю социогенетического кода отечественной нации» [1, с. 7]. Для того, чтобы крестьяноцентричная идеология стала доминирующей в украинском обществе, на наш взгляд, необходимо появление нового мировоззрения как миро- и самовосприятия человека, в котором аккумулируются современные научные знания и духовные ценности, целостное отношение к жизни, социальный опыт предыдущих поколений. Только формирование нового мировоззрения и выработка крестьяноцентричной идеологии способны изменить отношение государства и общества к сельскому хозяйству, селу и крестьянству, улучшить психологический климат на селе, преодолеть неуверенность сельского населения в своем будущем, вернуть ему доверие к государственным институтам [13, с. 31].

По логике В. В. Юрчишина, до тех пор, пока крестьяноцентричный принцип не станет приоритетным в украинском обществе, существует реальная угроза потери крестьянства как социального слоя. Отсюда следует его предложение поднять решения крестьянского вопроса на уровень национальной идеи. Для этого необходимо: преодолеть деградационные разрушительные процессы за счет возрождения сельского хозяйства, села и крестьянства; возродить земледельческую славу страны; сохранить потенциал сельскохозяйственного крестьянского сектора; создать условия для заинтересованного участия крестьянства в возрожденческих процессах; возродить место Украины в мировых земледельческих процессах; развивать сельские территории в интересах местных общин; предоставить гарантии крестьянству по недопущению пагубных бедствий [1, с. 39–40].

Возрождение сельского хозяйства, села и крестьянства требует также соответствующего методологического обеспечения. По мнению В. В. Юрчишина, совокупность методологических приемов и средств состоит из следующих факторов: рассмотрения проблем будущего села и крестьянства в неразрывном единстве с перспективами развития сельского хозяйства, агропродовольственного сектора экономики; направления преобразовательных процессов в соответствии с требованиями новых для нашей деятельности нужд устойчивого развития; укрепление человеческого капитала села; обеспечение эффективного функционирования сельско-территориальных образований; базирования перестроечных процессов относительно будущего села и крестьянства на концептуальных положениях действующей на каждом последующем этапе аграрной политики; предоставление

таким процессам четко выраженных комплексности и системности [3, с. 35].

Основополагающую роль в дальнейшей эволюции научных взглядов В. В. Юрчишина сыграло его убеждение в том, что по своей природе и целевому назначению сельскохозяйственное производство, с одной стороны, село и крестьянство — с другой неразделимы. Речь идет о таком изменении акцентов в их соотносительности, при которых интересы села и крестьянства признавались бы приоритетными. При таких условиях проблемы отрасли можно решить только путем первоочередного обеспечения интересов села и крестьянства [3, с. 33]. Учитывая, что сельское хозяйство представляет собой отрасль, село — сельский центр во всех его проявлениях, крестьянство — соответствующий социум, а все они вместе размещены и развиваются в определенном пространственной среде, вполне оправдано применение к ним не отраслевого, а территориального исследовательского подхода. Осознанное понимание этой истины стало результатом многолетних исследований В. В. Юрчишиным различных аспектов сельского бытия в их целостном единстве, критического анализа общественных преобразований на селе и беспристрастной оценки последствий аграрной политики.

Поэтому не случайно, что В. В. Юрчишин вместе с А. Н. Онищенко впервые в отечественной экономической науке обнаружили органическую связь между такими родственными научными категориями как «сельский сектор», «сельские территории», «сельское развитие», этимологические истоки которых касаются сельской экономики и сельского социума. Ими было высказано предположение, что «объединяющее место в этой научно-прикладной «тройке» больше занимает сельское развитие» [5, с. 9]. Большое познавательное значение имеет трактовка сельского развития как взаимосвязанного развития, с одной стороны, села, крестьян, сельского социума в целом, а с другой — сельскохозяйственного производства, которые следует расценивать как единое целое, своеобразный социально-экономический и производственно-хозяйственный тандем или как двухуровневую систему, охватывающую непосредственно сельскохозяйственную крестьянскую и производственно-хозяйственную составляющие. В прикладном отношении это означает необходимость разработки ключевых аспектов каждой из этих составляющих и двух вместе с их материализацией, сущностным наполнением; обеспечением их системного развития и функционирования, при которых потенциал,

энергия каждой из них будут порождать синергетический эффект [5, с. 10, 11].

В свете такого позиционирования сельского развития оно предстает как процессное проявление устойчивого социально-экономического развития сельских территорий, в пространственных пределах которых находятся сельское хозяйство, село и крестьянство.

Первым шагом на пути системного возрождения сельских территорий, по замыслу В. В. Юрчишина и А. Н. Онищенко, должна стать разработка стратегии сельского развития с ее последующей «материализацией». Это предполагает определение сущности и целевого назначения сельского развития, системы политических, правовых, социальных, экономических, организационных, управленческих и других механизмов, обеспечивающих эффективную реализацию целей и задач сельского развития, места и роли государства, регионов, органов местного самоуправления, сельских общин, субъектов хозяйствования в развитии сельских территорий [5, с. 12].

Другая социально значимая проблема, которая была сформулирована В. В. Юрчишиным как общегосударственная, касается формирования в Украине постсоветского аграрного строя (устройства) как долгосрочной стратегии аграрного (агропродовольственного) развития страны, будущего села и крестьянства. В наиболее общем отношении аграрный строй рассматривается с позиций отражения в нем системного проявления общественно-политических и социально-экономических отношений в аграрном секторе экономики, согласуемых со стратегически целевым назначением и формами проявления с общественно-политическим строем, который формируется в современной Украине [3, с. 36, 37].

Такое понимание аграрного строя выходит за пределы аграрной парадигмы, оно по сути является моделью будущего сельского уклада в Украине. По нашему убеждению, основной недостаток трансформации агропродовольственной сферы — ее осуществление без конструирования образа будущего сельского бытия.

С новой силой творческий потенциал В. В. Юрчишина, креативность его мышления проявились в его отношении к социоэкономике. По сути он является одним из сторонников имплементации социоэкономического подхода в аграрную отрасль экономической науки, переориентации развития агросферы на основе социоэкономики.

Это означает необходимость переоценки роли экономики в системе общественных отношений, анализа взаимосвязи между эконо-

мической деятельностью и социумом в его различных проявлениях и прежде всего на уровне личности. Важное методологическое значение для понимания сущности социоэкономики имеет утверждение А. С. Гальчинского о целесообразности осмысления экономической наукой процессов, связанных с персонификацией личности как субъекта экономической деятельности, со смещением акцентов с «производства для обмена» на «производство самого себя» [14, с. 16], то есть речь идет о необходимости удовлетворения жизненно необходимых потребностей человека.

Социоэкономика ставит в центр своего внимания вопрос не только о важности получения человеком пользы и удовольствия от потребления товаров или услуг, а прежде всего обращает внимание на моральную сторону дела через оценку средств, используемых при достижении этой целевой установки. Показательной в этом отношении является ситуация с крестьянством.

В свое время В. В. Вернадский предсказывал крестьянству роль планетарной силы, одновременно указывая, что, открыв земледелие, человек не достиг необходимой обеспеченности своей жизни [15, с. 348–349]. С тех пор многое изменилось, кроме положения крестьянина. Более того, сегодня крестьянство как первичная форма существования социума и социальности как таковая находится на грани вымирания. Как это ни парадоксально, но в результате системного несовершенства современных аграрных реформ происходит разрушение сельской поселенческой сети, деградирует социальная сфера села, снижаются трудовая мотивация крестьянства, уровень и качество жизни сельского населения в целом. Итак, социальный слой, обеспечивающий продовольственную безопасность, кормящий страну, сам лишен условий для достойного человеческого существования, что противоречит национальным интересам, и несовместимо со здравым смыслом. С точки зрения чисто экономической, угрожающее состояние сельской социальной среды, унижительное положение крестьянства не только не стимулируют его эффективную работу, а является угрозой для его воспроизведения.

Принимая во внимание современное состояние отечественного сельского хозяйства, села и крестьянства, В. В. Юрчишин подчеркивает, что переход к социоэкономической модели развития аграрного сектора и села — длительный процесс, связанный с формированием нормативно-правового поля, формальных институтов и, что самое главное, с изменением общественного сознания относительно места

и роли аграрного бизнеса, семейного хозяйства, сельской местности, сельских общин в сохранении природно-ресурсного и ресурсного потенциала страны для современных и будущих поколений.

По мнению В. В. Юрчишина, в процессе перехода к социоэкономической модели развития аграрного сектора Украины должны быть заложены основы для преодоления противоречия между ростом производства и экспорта сельскохозяйственной продукции и упадком села через расширение доступа сельского населения к экономическим выгодам, которые создаются в процессе использования агропродовольственного потенциала страны и диверсификации сельской экономики. Этот переход принесет такие ожидаемые результаты:

- на основе увеличения инвестиций в человеческий и социальный капитал села возрастет потенциал общин в реализации экономических и политических интересов, наладится конструктивный социальный диалог между государством, бизнесом и населением в повышении взаимной ответственности за будущее аграрного сектора и села;

- повысятся возможности сельского населения в определении и реализации приоритетов развития в экономической, экологической и социальной сферах, что будет способствовать формированию в селах самодостаточной экономики, улучшению окружающей среды, расширению доступа населения к потребительским благам и услугам;

- возникнут условия для преодоления диспропорций в отраслевой, продуктовой и организационной структурах аграрного сектора из-за более полного привлечения к этому процессу домохозяйств и общин;

- увеличатся доходы сельских домохозяйств на основе их полного привлечения к производственной деятельности корпоративного сектора через создание организационных механизмов их взаимодействия и включение в технологическую цепь формирования добавленной стоимости;

- эффективнее станет государственная поддержка аграрного производства и развития сельской местности благодаря консолидации бюджетных средств и увеличению прозрачности их использования через распределение на конкурсной основе;

- возрастет общий объем финансирования аграрного и сельского развития на многоканальной основе путем консолидации инвестиционных ресурсов, благотворительных взносов и других источников [6, с. 475, 476].

Проведений аналіз історико-соціально-економічних досягнень В. В. Юрчишина в області сільського крест'янського розвитку переконує в тому, що незважаючи на різні підходи к його дослідженню впродовж тривалого історичного часу незмінним залишався цілісний триєдиний об'єкт наукової діяльності — сільське господарство, село і крест'янство. В науковому пошуку В. В. Юрчишина органічно переплелися науковість, любов до села, правдивість, неінертне ставлення до життя, високий громадянський обов'язок. Саме ці складові і є запорукою успіху в справі відродження українського села і крест'янства і секретом щасливої людської долі академіка В. В. Юрчишина.

Бібліографія

1. Юрчишин В. В. Сучасні аграрні перетворення в Україні. Ретроспективні нариси: у трьох частинах / В. В. Юрчишин. — К.: ДУ «Ін-т економіки та прогнозування НАН України», 2013. — 424 с.
2. Юрчишин В. В. Фундаментальність як базова основа вчення академіка І. І. Лукинова в царині аграрної економіки / В. В. Юрчишин // Теоретичні надбання академіка І. І. Лукинова та їх значення у розвитку аграрного виробництва України (Лукиновські читання): збірник виступів 10 жовтня 2008 року / відп. за вип. Г. М. Підлісецький. — К.: ННЦ «ІАЕ», 2009. — С. 44–56.
3. Юрчишин В. В. Концептуальні проблеми майбутнього села і селянства / В. В. Юрчишин // Стенограма Сьомих річних зборів Всеукраїнського конгресу вчених економістів-аграрників 9–10 листопада 2005 року. — К.: ННЦ «ІАЕ», 2005. — С. 32–39.
4. Юрчишин В. В. Сільські території як системоутворюючі фактори розвитку аграрного сектора економіки / В. В. Юрчишин // Економіка АПК. — 2005. — № 3 (125). — С. 3–10.
5. Онищенко О. Сільський розвиток: основи методології та організації / О. Онищенко, В. Юрчишин // Економіка України. — 2006. — № 10(539). — С. 4–13.
6. Юрчишин В. В. Базові основи переорієнтації розвитку вітчизняної агросфери на засадах соціоекономіки / В. В. Юрчишин // Сталій розвиток та безпека агропродовольчої сфери України в умовах глобалізаційних викликів: монографія / Павлов О. І., Хвесик М. А., Юрчишин В. В. та ін.; за ред. О. І. Павлова. — Одеса: Астропринт, 2012. — С. 464–478.
7. Геєць В. Соціоекономічна модернізація аграрного сектора України (концептуальні положення) / В. Геєць, В. Юрчишин, О. Бородіна, І. Прокопа // Економіка України. — 2011. — № 12 (593). — С. 4–14.
8. Андрійчук В. Г. Сучасна аграрна політика: проблемні аспекти / В. Г. Андрійчук, М. В. Зубець, В. В. Юрчишин. — К.: Наукова думка, 2005. — 140 с.

9. Онищенко О. Сільське господарство, село і селянство України у дзеркалі пострадянської аграрної політики / В. Онищенко, В. Юрчишин // Економіка України. — 2006. — № 1(530). — С. 4–13.
10. Юрчишин В. В. До проблеми доведення до логічного завершення земельних та всіх інших сучасних аграрних перетворень / В. В. Юрчишин // Трансформація земельних відносин до ринкових умов: збірник матеріалів Одинадятих річних зборів Всеукраїнського конгресу вчених економістів-аграрників, Київ, 26–27 лютого 2009 року / редкол.: П. Т. Саблук та ін. — К.: ННЦ «ІАЕ», 2009. — С. 106–107.
11. Юрчишин В. Аграрні революції в Україні у контексті зламів політичних епох: витоки і сутність / В. Юрчишин // Економіка України. — 2009. — № 3 (568). — С. 45–57.
12. Юрчишин В. В. Аграрна політика в Україні на зламі політичних епох. Історико-соціально-економічні нариси / В. В. Юрчишин. — К.: Наукова думка, 2009. — 367 с.
13. Павлов О. І. Сільські території України: функціонально-управлінська модель: монографія / О. І. Павлов. — Одеса: Астропринт, 2009. — 344 с.
14. Гальчинський А. Методологія складних систем / А. Гальчинський // Економіка України. — 2007. — № 8 (549). — С. 4–17.
15. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский // Библиотека журнала ORGANIC UA. — ВК «АПС», 2013. — Кн. 10, т. 1. — 416 с. — (Серия «Отечественная мысль»; кн. 4).

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДЕЛА ВСЕЙ ЖИЗНИ АКАДЕМИКА ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВИЧА ЮРЧИШИНА В ЕГО КНИГАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ О НЕМ

Каждый из нас, кроме прожитого времени, отмеренного судьбой, оставляет после себя определенный след. Глубина и ширина этого следа определяются делами человека, совершенными им.

Академик В. В. Юрчишин, жизненный путь которого завершился 13 августа 2017 года, оставил после себя не только огромное научное наследие в виде своих трудов и учеников, а и останется в памяти современников как истинный крестьянский сын, витязь и корифей отечественной аграрной экономической науки, ее разум, честь и совесть, париарх-новатор, великий педагог и учитель, настоящий патриот земли украинской, Человек с большой буквы.

Владимир Васильевич был удостоен высоких и по праву заслуженных характеристик при жизни, что является уделом далеко не каж-

дого и свидетельствует об его исключительных заслугах перед соотечественниками.

У каждого, кому посчастливилось быть лично знакомым с академиком Владимиром Юрчишиным, своя история, насчитывающая десятки лет или не длительный период времени. В любом случае эта история насыщена значимыми делами, отношениями и волнующими переживаниями, всегда побуждающими к теплым воспоминаниям и добрым делам.

История наших отношений с Владимиром Васильевичем Юрчишиным является не столь продолжительной и насыщенной событиями по той причине, что нас разделяли Киев и Одесса, но никак не разница в возрасте и статусе.

Для меня, как человека проявившего интерес к сельской проблематике еще в 1970-е годы, уже тогда были знакомы имя и научные труды В. В. Юрчишина. О моем существовании академику В. Юрчишину стало известно в 2004 году после публикации моей статьи «Сельські території: структура та функціональне призначення» в сборнике научных трудов Одесского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, которая вызвала у Владимира Васильевича профессиональный интерес. С этого момента собственно и началось мое вхождение в научное сообщество аграрных экономистов Украины. В 2005 году я принял участие в Седьмом годовом собрании Всеукраинского конгресса ученых экономистов-аграрников, на котором академик В. Юрчишин выступил с содокладом на тему «Социально-экономические проблемы развития украинского села и сельских территорий». Именно в этот день — 9 ноября 2005 года и состоялось наше личное знакомство, которое постоянно поддерживалось и развивалось на разного уровня научных мероприятиях.

Владимир Васильевич имел непосредственное отношение к одному из самых значимых событий в моей жизни: в мае 2010 года он был одним из оппонентов моей докторской диссертации, защита которой состоялась в ННЦ «Институт аграрной экономики». Сказать, что Владимир Васильевич был одним из тех, кто мне дал путевку в науку — это ничего не сказать. В официальном отзыве академика В. Юрчишина на рукопись диссертации содержалась высокая оценка моего скромного вклада в развитие научного направления, в становление которого существенный вклад внес он сам. Фактически это означало

приобщение меня к единомышленникам В. Юрчишина. С той поры наши отношения приобрели дружественный характер, в которых всегда можно было рассчитывать на поддержку старшего коллеги. Поэтому, когда члены моей семьи удивлялись телефонным звонкам от самого академика В. Юрчишина, объяснение этому было простое: общность научных интересов, совпадение взглядов по исследуемым проблемам и уважительное отношение друг к другу. Все остальное — это условности. Этим Владимир Васильевич выгодно отличался от основной массы академического сообщества. Ему были присущи, наряду с величием и высокой требовательностью к себе и другим, великодушные, равнодушные и удивительная скромность. Можно всегда было рассчитывать на его советы и поддержку по любому вопросу.

Результатом нашего творческого сотрудничества явилось издание коллективной монографии «Сталий розвиток та безпека агропродовольчої сфери України в умовах глобалізаційних викликів» (2012 год).

Будучи человеком весьма взыскательным и требовательным прежде всего к себе, Владимир Васильевич не был скуп на похвалу и всегда радовался успехам коллег. Не обошло это стороной и мои научные изыскания, когда в 2015 году в журнале «Экономика Украины» появился его лестный отзыв об одной из моих монографий.

В марте 2015 года по инициативе академика В. М. Гейца и активном участии сотрудников ГУ Институт экономики и прогнозирования НАН Украины был проведен круглый стол, посвященный 90-летию В. Юрчишина и 60-летию его научной и научно-педагогической деятельности. На этом торжественном мероприятии, участником которого довелось быть и мне, прошла презентация книги об академике В. В. Юрчишине.

В тот день юбиляр был полон идей и планов, к реализации которых он вскоре приступил. Однако они были нарушены из-за болезни Владимира Васильевича. Перенеся впоследствии сложную многочасовую операцию, он до последнего не терял надежды на излечение от тяжелого недуга. За пять дней до своего ухода из жизни, в телефонном разговоре со мной, он делился своими ближайшими научными планами, что подтверждает его жизнелюбие, оптимизм и веру в собственные силы. Однако судьба распорядилась по-другому.

Прошел почти год, как нет с нами Владимира Васильевича Юрчишина. Но академик В. Юрчишин — великий ученый, настоящий человек, истинный гражданин, защитник села и крестьянства, про-

должает жить в своих книгах, наших светлых воспоминаниях и полезных делах его последователей.

Владимир Васильевич был в известном смысле моим наставником, как авторитетный старший коллега и товарищ, единомышленник, соратник и соучастник научных замыслов и идей. Он имел непосредственное отношение и к моей задумке данного научного проекта. Академик В. В. Юрчишин не только сыграл важную роль в моем утверждении в научном сообществе как исследователя руральной проблематики, а и по праву считается предтечей руралистики.

В повседневной жизни важно не столько мерить себя по академику В. Юрчишину, сколько жить по чести и совести, как это делал на протяжении всей своей жизни, Владимир Васильевич.

Предисловие

Всякий научный проект, авторская задумка по своему смыслу не имеют завершенности. Начатое дело всегда имеет продолжение и развитие, что подтверждается авторской логикой исследования сельских территорий. В начале 2000-х годов трудно было предположить, что научный интерес к данной проблематике будет иметь такую тематическую последовательность, которую он приобрел сегодня. По крайней мере автором не планировалась подготовка серии монографий, объединенных одним замыслом, а задачи исследования сельских территорий будут вытекать одна из другой. Однако жизнь и состояние сельских территорий все расставили по своим местам, выстроив в определенную логическую цепочку темы монографических исследований.

В 2006 году свет увидела первая монография автора — «Сільські території України: історична трансформація парадигми управління», которая, судя по индексу цитирования, является на сегодняшний день наиболее востребованной в научном сообществе. По меньшей мере на нее часто ссылаются исследователи, занимающиеся данной проблематикой. Такое положение вполне объяснимо с точки зрения не только времени, прошедшего после публикации этой монографии, а и эффекта новизны изучаемой темы, а также формата рассматриваемых в ней вопросов. С нашей точки зрения, среди этих вопросов ключевыми были два: феномен сельских территорий и эволюция подходов к управлению этими природными и социально-пространственными образованиями на протяжении длительного исторического периода, вобравшего в себя несколько эпох и стран. По логике вещей поднятые в монографии проблемы нуждались в их практическом разрешении, что является уделом социальных институтов ответственных перед обществом за положение дел на сельских территориях и, в первую очередь, государственных органов различных уровней и компетенции. Так ли это обстояло и обстоит на самом деле — вопрос риторический.

Во второй монографии — «Сільський розвиток в Україні: теорія, практика, політика, управління» (2008 год) сельское развитие позиционируется как объективный процесс, который развивается в рамках сельской территориальной подсистемы общества. Таким образом, в качестве объекта сельского развития рассматриваются сельские территории. Новым, таким что было привнесено впервые в

авторское исследовательское поле, явилась трактовка сельского развития как понятия фактически тождественного понятию «развитие сельских территорий». Кроме этого, в отдельный раздел монографии выделена политика сельского развития.

Третья монография — «Сільські території України: функціонально-управлінська модель» (2009 год) по широте поднятых и раскрытых в ней вопросов является наиболее комплексной. В ней помимо характеристики функций, общественного предназначения сельских территорий, их системной управленческой модели в научный оборот были введены и получили развернутую авторскую интерпретацию такие понятийные конструкции как «уровни сельских территорий», «разновидности сельских территорий», «типы сельских территорий».

Публикация следующей монографии — «Идентификация и классификация сельских территорий: теория, методология, практика» (2015 год) произошла спустя достаточно длительный период времени, судя по ранее заданному публикационному темпу, после выхода в свет предыдущей книги. В какой-то мере это было связано с накоплением критической массы материала, необходимостью его осмысления и реализации научного продукта в виде множества статей, опубликованных в отечественных и зарубежных специализированных периодических изданиях. Однако смею заметить, что главной причиной подобного «застоя» было неверие в практическую целесообразность подобного рода занятий, в их востребованность не только властью имущими, но и неимущими социальными слоями сельского социума. Тем не менее, и эта монография носила признаки инновационности, которые заключались в анализе научной трактовки понятия «сельские территории» в зарубежной научной литературе и в нормативно-правовых актах стран СНГ в его сопоставлении с родственными и смежными понятиями. Специальный раздел был посвящен идентификации сельских территорий как агроэкосистемы, экономического пространства, социальной среды и ментального пространства. В надежде быть услышанным не только в Украине, а и в Белоруссии, Казахстане и в России, автор прибег к использованию русского языка, однако в силу разных причин ожидаемый эффект от публикации этой монографии пока не достигнут.

За десять с лишним лет, прошедших после появления первой монографии, в Украине произошли изменения, которые заставляют посмотреть на исследуемую проблематику в более широком, чем это было ранее, общественном и социально-экономическом контексте.

За это время в Украине сменились два президента. При В. Ющенко страна пережила год села (2006). Четвертого и пятого президентов объединяет маниакальное желание вывести Украину, в одном случае за десять лет, а другом — за пять лет, на ведущие позиции в мире. Опорой такого движения П. Порошенко провозглашены новая украинская идея — революция чести, свободы и будущего; децентрализация власти в форме добровольного объединения территориальных общин; реализация до 2020 года шестидесяти двух реформ; объявление 2018 года — годом украинского языка. Однако ни одному из президентов не пришлось на ум превратить срок своего нахождения у власти во время процветания своей Родины, свободного и счастливого развития своих граждан. Для этого, как известно, необходимы не красивые слова, лозунги и обещания, а конкретные дела. С делами как раз все обстоит не так радужно, как это декларируется.

По воле жребия и судьбы все эти годы одной из наиболее наболевших и обсуждаемых тем является тема сельского развития в Украине, объединившая вокруг себя как его сторонников, так и противников. Пожалуй никогда ранее не было принято такое количество нормативно-правовых актов, программ, других документов, номинально регулирующих сельское развитие. В специализированных научных советах защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций, опубликовано не меньшее количество монографических исследований, посвященных различным аспектам сельского развития, сельских территорий и украинского села. Однако это не только не способствовало практическому разрешению имеющихся в этой сфере проблем, а скорее разделило общество на тех, кто позитивно оценивает развитие Украины в рамках аграрной и сельской парадигмы, и остальную его часть, обеспокоенную нарастающей тенденцией превращения нашей страны в «сырьевой придаток» Европы.

Индустриальные «лоббисты» и урбанисты ратуют за промышленное возрождение Украины, к числу которых относится и второй президент Украины Л. Кучма, приложивший руку к ее развалу. Однако никто из них не предлагает конкретных путей реализации этого проекта. А все дело в том, что ни один из гипотетически возможных проектов не является осуществимым. Вероятно, следуют трезво посмотреть на вещи и не впадать в крайности, руководствуясь принципом «за» или «против».

Действительно, в Украине за последнее десятилетие наблюдается рост экспортных поставок не готовой агропродовольственной про-

дукции, а сырьевых товаров. Соответственно растет доля добавленной стоимости указанной продукции в общем объеме добавленной стоимости. Удельный вес сельского хозяйства в ВВП страны колеблется на достаточно высоком уровне — 12 %, а вместе с пищевой промышленностью эта цифра более чем удваивается. Данная статистика свидетельствует, прежде всего, о возрастании доли аграрного сектора в структуре национальной экономики на фоне упадка промышленного сектора. Однако это никоим образом не оправдывает позицию, занимаемую на внешних рынках крупными аграрными компаниями холдингового типа, в первую очередь, зерновыми агротрейдерами, заинтересованными в быстром получении огромных прибылей от реализации на экспорт зерновых и технических культур, без вкладывания средств в перерабатывающую отрасль.

В связи с этим следует отказаться от спекуляции на тему, связанную с «сырьевыми ловушками», якобы несущими угрозу национальной безопасности, и трезво и взвешенно подойти к поиску выхода из создавшейся ситуации. А это предполагает отказ от умышленного вброса в информационное пространство всякого рода «джинсы», «успокаивающей» общественное мнение тем, что Украина якобы входит в ТОП-10 стран Европы по уровню развития сельского хозяйства, основываясь при этом на показателе его удельного веса в ВВП страны. Очевидно, в данном случае следовало бы сопоставить конкурентные возможности Украины в сравнении с действительно наиболее развитыми в сельскохозяйственном отношении странами, в десятку которых входят США, Япония, Китай и другие развитые страны. Здесь, как говорится, одно другому не мешает: сельское хозяйство не замещает промышленность, а промышленность не вытесняет в полном объеме сельское хозяйство.

На самом деле угроза национальной безопасности исходит с другой стороны — от все большего превращения Украины в руральную (в наилучшем значении этого слова) страну, погрязшую в коррупции, лжи, обмане, аморальности и безответственности. Из приведенной характеристики пожалуй лишь одно значение нуждается в уточнении, а именно — «руральная страна». Если для этого уместно использование сленга, то определим ее как страну преимущественно «рагулей». Данный термин определяет складывающуюся в Украине социально-демографическо-поселенческую структуру общества, замешанную на симбиозе незрелости исторических, психологических, социально-экономических предпосылок рыночных отношений,

антикапиталистической ментальности, стяжательской психологии, не завоеванной, а дарованной судьбой свободой и поведенческой воровитости. Данный психологический генотип в настоящее время заполнил практически все поры общественного организма. Поэтому говорить сегодня о наличии в Украине среднего класса, как гаранта ее политической и социально-экономической стабильности, не приходится, равно как и о профессионально подготовленном слое работников сферы промышленности, сельского хозяйства, как и об их связующем звене — интеллигенции. Кануло в прошлое, по большому счету и бунтарское, в категориях первой половины XX ст., крестьянство, составляющее сегодня, выражаясь языком Л. Гумилева, почти третью часть субпассионарного украинского негражданского общества. К категории крестьянства следует отнести все население, проживающее в сельской местности, объединенное не только местом своего проживания, а и судьбой, родом занятий, обеспечивающим физическое выживание, и соответствующим образом жизни. Иного не дано, ибо с учетом классических признаков, определяющих отнесение определенного слоя сельского населения к крестьянству, его сегодня в Украине просто не существует. Поэтому делать ставку на территориальную общину, как на основу сельского развития, означает передать дело спасения утопающих в руки самих утопающих. Необходимы более радикальные меры, связанные с реализацией перераспределенческой политики в самом прямом ее значении, направленной на создание институциональных, организационных и финансовых предпосылок для динамичного развития хозяйств населения и фермерских хозяйств с одновременным ослаблением доминирующей роли в производстве агропродовольственной продукции крупных аграрных предприятий холдингового типа.

Таким образом, чтобы не допустить превращения Украины в руральную страну, в представленном значении данного феномена, необходимо, в первую очередь, переосмыслить имеющийся опыт ее рурального развития как в историческом контексте, так и в современных реалиях. Это, в свою очередь, предполагает иной формат исследовательской практики, связанной с научными подходами, используемыми по отношению к данной проблеме различными науками, объединенными единым объектом изучения. Реализация указанной исследовательской задачи является возможной в рамках междисциплинарной отрасли научных знаний, определяемой нами как руралистика. Собственно, о руралистике и пойдет речь в этой монографии.

Раздел 1

ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ РУРАЛИСТИКИ

1.1. РУРАЛЬНОСТЬ КАК СОСТОЯНИЕ БЫТИЯ

Ключевую роль в системе теоретических знаний, продуцируемых руралистикой как междисциплинарной научной отраслью, играет характеристика ее понятийно-категориального аппарата. В своей совокупности этот аппарат выступает как тезаурус, состоящий из фундаментальных понятий, которые формируют основы руралистических знаний. Целостность этих знаний во многом определяется последовательностью анализа понятийно-категориального аппарата.

Из системы руралистических понятий на первый план выходит категория «руральность». Задачей ее научного анализа является раскрытие сущности и содержания руральности, позиционируемой как определенное, динамично развивающееся состояние бытия. Такая трактовка руральности соответствует философскому пониманию бытия как целостного единства антропной, материальной, социальной и духовной форм жизнедеятельности. В этом смысле руральность — реальное состояние природы (естественной и искусственной), общества и сознания (ментальности). Это объективная и субъективная реальность, проявляющаяся в предметах материального и идеального мира, в общественном и индивидуальном сознании. Это мир вещей, идей, созданных природой и человеком как ее творением.

Руральность-бытие, как и какая-либо другая реальность, не является чем-то неизменным, а постоянно развивается в пространстве и времени. Временным рамкам руральности посвящен отдельный раздел монографического исследования, поэтому сосредоточим внимание на ее пространственных характеристиках.

Пространство как форма существования материи и универсальная научная категория в первую очередь характеризуется такими параметрами как географические координаты, площадь, протяженность, компактность, конфигурация. В этом смысле руральное пространство обладает соответствующими границами, отделяющими его от урбанного пространства, которые имеют определенное коли-

чественное и качественное измерение. В терминах первой категории речь идет о площади, составляющей более 80 % земельной территории Украины. Это руральный пространственный сегмент, занимающий периферийное и маргинальное положение по отношению к крупным мегаполисам, транспортным магистралям, промышленным, научным, культурным центрам. Данное пространство является естественным, природным, менее компактным и более протяженным по своей конфигурации, чем пространство урбанное. Оно подвержено меньшей антропогенной нагрузке, чем пространство урбанное. Качественное измерение руральности, как определенного пространства, позволяет выявить его характерные, существенные отличительные признаки через идентификацию и порядок размещения в этом пространстве определенных компонентов (вещей). Речь идет не просто о сегменте пространства, а о его физических, биотических и антропных характеристиках, носителями которых являются представители растительного и животного мира, а также человек как существо биосоциальное.

Анализ пространственного среза руральности является первым шагом на пути определения ее сущности и идентичности. Вместе с тем, не менее важно установить не только атрибуты руральности, порядок их размещения, а и выявить место их размещения, свойства атрибутов и характер отношений между собой, а также отношений с атрибутами, находящимися за границами рурального пространственного сегмента.

По определению, выразителями руральности выступают крестьянин (социальная группа), земледелие (основной вид хозяйственной деятельности и способ существования человеческой общности) и село (тип поселения, пространство жизнедеятельности), которые являются главными социальными атрибутами определенного этапа цивилизационного развития человечества, классифицируемого как аграрное общество, при котором основную роль в формировании материальных общественных благ играет стоимость ресурсов, производимых в земледелии.

Среди указанных атрибутов руральности наиболее универсальным является село. Сам термин «село» длительное время использовался в монолитном единстве его многообразных значений. Первоначально руральность ассоциировалась с селом как с землепашеским поселением, жители которого занимались преимущественно земледелием. То есть термин «сельский» имел скорее не поселенческий, а отрасле-

вой отпечаток. Впоследствии за термином «село» закрепилось значение всего того, что было связано с населенным пунктом, образовавшимся вокруг пашни. С расширением хозяйственных функций села оно по-прежнему рассматривается, как место размещения агропроизводства. И в этом смысле термины «аграрный» и «сельский» в научной литературе длительное время трактовались как идентичные, а аграрный сектор экономики отождествлялся с сельским хозяйством. В современном научном дискурсе термин «село» кроме значения поселения и экономического пространства, в границах которого осуществляется хозяйственная деятельность, несет и другую смысловую нагрузку: пространственной сегмента, природной среды, культурного ландшафта, селитебной территории, локального социума, административно-территориальной единицы, места жизнедеятельности.

Вместе с тем в специальных научных публикациях, современных энциклопедических изданиях полифункциональность села пока еще не получила адекватного отражения. В частности социологическая трактовка села сводится к его одностороннему определению как одной из первых форм расселения людей, занятых преимущественно сельскохозяйственным трудом, отличающейся от города малой концентрацией и небольшой численностью населения, локализованного в пределах определенной территории [360].

Малопродуктивной является и практика описания села как одной из составляющих дихотомии «село — город», в контексте которой село рассматривается как более разреженное, по сравнению с городом, поселение людей, занятых однотипной сельскохозяйственной деятельностью [162, с. 134].

Более предпочтительным выглядит мнение авторов, позиционирующих село как населенный пункт со специфическими социально-культурными процессами, часть жителей которого занимается сельским хозяйством. В рамках указанного подхода села классифицируются по критерию занятости населения: если более 50 % работающего населения занято сельским хозяйством и первичной переработкой сельскохозяйственной продукции, то это сельскохозяйственный пункт; не менее трети — агропромышленный; больше половины работающего населения занято несельскохозяйственными видами деятельности — несельскохозяйственный населенный пункт [390, с. 122–123].

С позиции территориального маркетинга село представляет собой территорию проживания устойчивых социальных общностей

(сельские социумы), характеризующуюся единством условий жизнедеятельности людей, наличием ресурсной базы для ведения хозяйства преимущественно аграрной специализации и формирующейся в рамках локализованного пространства общей культуры. Подобный подход обеспечивает возможность выявления и управления пространственно-социальными взаимодействиями в рамках модели интегрированного маркетингового регулирования «территория — социум — хозяйство» [342].

В рамках данного исследования важно учитывать роль села как интегрирующего центра, на основе которого формируется целостное представление о руральном состоянии бытия. Как известно, на размещение населения в населенных пунктах и формирование сельской поселенческой сети влияют экономические, политические и социально-культурные процессы, что в конечном счете отражается на системе расселения. С учетом изменений системы расселения трансформируется и территориальное устройство страны. Вместе с тем, в пространственной организации руральной подсистемы общества помимо сел существенную роль играют территории, находящиеся за пределами (красной линией) сельских населенных пунктов, которые в значительной степени определяют специфику рурального способа жизнедеятельности, составной частью которого являются аграрные виды хозяйственной деятельности.

В этом плане следует различать понятия «руральности» и «аграрности». Слово «аграрный» (от лат. *agragius* — земельный) характеризует все то, что имеет отношение к землевладению и землепользованию. Земля, как важнейший компонент природной сферы, имеет такие отличительные характеристики, как пространство, рельеф, ландшафт, почва, растительность, климат, недра и прочее. Одновременно земля является местом расселения, основным средством производства в сельском и лесном хозяйстве, а также пространственным базисом для размещения различных объектов. В этом смысле аграрные территории — это земельные территории.

Не территориальное, а отраслевое значение термина «аграрный», как было отмечено ранее, прямо связано с определенными видами хозяйственной деятельности, первичными формами которой были натурально-патриархальный и аграрно-мелкоотоварный хозяйственные уклады, которые не утратили своего значения в составе сельских домохозяйств на современном этапе общественного развития. В процессе исторической эволюции эти уклады трансформировались в

межотраслевой аграрный сектор, состоящий из сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности. В КВЭД, нормативно-правовых актах, статистической отчетности Украины сельское хозяйство рассматривается вместе с лесным и рыбным хозяйством, а также охотничеством.

Термин «аграрный» интегрирует не только сельскохозяйственную отрасль и межотраслевой аграрный сектор экономики, а и другие виды деятельности, связанные с землями природоохранного и оздоровительно-рекреационного назначения, дислоцированными в руральном пространстве.

Вместе с понятием «аграрный сектор» в экономическом дискурсе с начала 2000-х годов утвердилось понятие «сельский сектор», в состав которого вместе с сельским хозяйством включены не аграрные виды хозяйственной деятельности.

Однако, при доминировании отраслевого исследовательского подхода и культивировании дихотомной парадигмы «город — село», в научной литературе второй половины XX ст. не проводилось четкого разграничения понятий «аграрный» и «сельский».

«Аграрный» в значении «земельный» кроме отраслевого проявления имеет также ресурсное, сферное и территориальное проявления, расширяющие смысловые рамки аграрности как составляющей руральности. В данном случае огромное познавательное значение имеет представление сельскохозяйственных земель одновременно как природного ресурса и части природной сферы (среды) и неурбанной земельной территории.

В данной триаде понятий исходным является понятие природной сферы (среды). Ее «очеловечивание» происходит в результате использования человеком природных условий, их трансформации в природные ресурсы в процессе общественного воспроизводства. Таким образом природная среда эволюционирует в географическую среду, которая после ее общественного обогащения формирует антропогенную земельную территорию и соответствующую социально-экономическую среду. Продукт такого перерастания обогащенной общественными элементами географической среды эстонский географ С. Ныммик [220] еще в 1970-е годы определил как социально-экономическую пространственную систему (СЭПС).

Социально-экономическая среда, по мнению С. Ныммика, отличается от природной и географической среды степенью насыщенности технико-экономических и культурных компонентов, быстрой

исторической изменчивостью и активным обратным воздействием на развитие общественного воспроизводства, на жизнь общества в целом. Вариативность СЭПС обусловлена глобальными, региональными различиями географической среды. В основе пространственной концентрации жизни общества и формирования СЭПС лежит непрерывная структурная трансформация жизни общества, уменьшение связанных с естественноисторической основой руральных и увеличение роли объемистых в овеществленном человеческом труде, но слабо связанных с местной естественноисторической основой не руральных форм деятельности людей. Руральность трактуется данным автором как критерий связанности деятельности людей с землей территории их расположения. Эта связанность может быть в дедуктивной последовательности руральной, полуруральной и неруральной. Для систематического отражения степени пространственного накопления производительных сил в базовом уровне СЭПС — социально-экономических территориальных комплексах (СЭТК) С. Ныммик вводит понятие «социально-экономическая нагрузка» (критерий концентрации производительных сил) как совокупность видов деятельности человека на определенной территории. Изучение особенностей групп народнохозяйственных циклов по руральности, как структурных элементов СЭТК, и социально-экономической нагрузки выявило определенные закономерности. Так руральная группа циклов, связанная с сельским и лесным хозяйством, опирается в своем развитии на природную среду в целом. Земля остается для них основным средством производства. Непосредственная зависимость от естественноисторической основы определяет и ареальность территориальной организации руральных видов деятельности людей, а характер землепользования — специфику их средообразующего действия. Социально-экономическая нагрузка руральных видов деятельности людей распространяется на большой территории и поэтому она незначительна. Полуруральная группа (добывающая промышленность, рыболовство, охота, лесозаготовки, водный транспорт) циклов формируется на основе локальных природных ресурсов. Руральность этого типа циклов ограничивается местом нахождения соответствующего ресурса и, как следствие этого, возникает определенная компактность их территориальной организации, а социально-экономическая нагрузка локализуется на месте нахождения основного ресурса, приобретая дискретно-очаговую форму, выделяясь особой интенсив-

ностью среднего образования. Неруральная группа (перерабатывающая промышленность, сфера обслуживания и нематериального производства) циклов опирается в своем развитии на предпосылки, вытекающие из географического разделения труда. В структуре СЭТК преобладают циклы, выделяющиеся сильной связанностью не с местной природной, а с местной социально-экономической средой, поддерживаемые дальними внешними экономическими связями. Все это сопровождается высокой компактностью и высокой социально-экономической нагрузкой, средообразующим действием неруральных СЭТК [220, с. 5, 7, 10–12].

Таким образом, С. Ныммик выводит характеристики руральности из видов хозяйственной деятельности по их связи с природной сферой (средой), которые являются по своей сути аграрными и такими, которые концентрируются в селах. Соответственно неруральные виды деятельности, концентрируемые преимущественно в городах и районах высокой хозяйственной деятельности, являются неаграрными. Определение С. Ныммиком руральности через связанность хозяйственной деятельности людей с землей территории их расположения указывает на единство руральной среды и природы. Отсюда следует, что с трансформацией хозяйственных циклов неизбежно отдаление воспроизводственного процесса от рурального способа хозяйствования, что в свою очередь требует жесткого учета законов развития природы и бережливого отношения к природным ресурсам. Второй вывод, вытекающий из характеристики СЭПС как образователей среды, свидетельствует о формировании, на основе последовательной эволюции природной среды в географическую и далее в социально-экономическую среду, определенной (руральной) среды жизнедеятельности, имеющей свои отличительные особенности, проявляющиеся в тесной связи с природной сферой (средой), соответствующими ресурсами и локальной руральной территорией.

В научных и практических целях крайне важно дифференцировать руральные территории как системный объект пространственного развития, а аграрный сектор с его сердцевиной (сельское хозяйство) — в качестве базовой отрасли этих природных и социально-пространственных образований. Сельское хозяйство (отрасль экономики) и сельские территории (пространственный базис хозяйствования и социализированное пространство) хотя и относятся к разным формам общественного воспроизводства, все же взаимодействуют между собой как часть и целое.

По мере развития научно-технического прогресса содержание аграрных форм руральности убывает, уступая место не аграрным видам хозяйственной деятельности со всеми вытекающими из этого последствиями. В процессе общественного разделения труда, с возникновением и последующим развитием городов в индустриальную и постиндустриальную эпохи, совершенствованием технико-технологического уровня общества, аграрный способ производства материальных благ потерял черты универсальности, однако по-прежнему остается доминирующим в руральном пространстве. В процессе общественной эволюции к традиционно руральным, первичным отраслям (сельское и лесное хозяйство, рыболовство, охота) добавились рекреация, зеленый туризм, а также вторичные (пищевая промышленность, переработка) и третичные (торговля, услуги) виды хозяйственной деятельности. С другой стороны, агропродовольственное производство охватило единое село-городское пространство. Однако расширение занятости сельского населения в не аграрных отраслях общественного производства, появление не типичных для села видов деятельности не могут заместить функции производства сельскохозяйственной продукции и выполнение сельскими жителями важных воспроизводственных функций. Крестьянский труд, несмотря на трансформационные изменения, происходящие в способе производства материальных благ, по-прежнему остается общественно значимым.

В процессе общественной эволюции изменились не только руральная система хозяйствования, уклад жизнедеятельности, а вместе с ними и структура рурального общества, включая его основной социальный слой — крестьянство, которое тем не менее остается одним из компонентов руральности.

Решение вопросов, связанных с возрождением престижности крестьянского труда, повышением социального статуса сельского населения в целом, лежит в плоскости психологии. Так по крайней мере считают современные крестьяноведы, воспринимающие крестьянство носителями «абсолютного добра», которому противостоит «абсолютное зло» в лице государства, как приверженца идеи прогресса, никак не совместимой с руральностью. Согласно взглядам сторонников прогресса, руральность является атрибутом доиндустриального этапа общественного развития и историческим анахронизмом, а крестьянство — носителем патриархальной идеологии.

С помощью средств массовой информации, рекламы, школьного воспитания, социальной пропаганды сельским жителям «навязывают-

ся» ценности социального успеха и рыночных, предпринимательских практик, высокие потребительские стандарты, сосредоточенные в городах. По отношению к селу культивируется исключительно потребительское отношение как к своего рода кладезю жизненных ценностей, связанных с его близостью к природе, к пространству, в границах которого производится продовольствие и сельскохозяйственное сырье.

Такие мировоззренческие установки, процветающие на фоне растущих диспропорций в социально-экономическом развитии села и города, ухудшении жизненного уровня сельского населения, деградации социальной инфраструктуры села, сформировали в общественном сознании преобладающей части сельских жителей негативное отношение к сельскому образу жизни. Поэтому главная проблема в том, чтобы найти ответ на вопрос: почему крестьяне в своем преимуществе отдадут предпочтение не жизни в селе, на земле в индивидуальном жилище усадебного типа, максимально соответствующем первичным людским потребностям, высокому качеству жизни и демографическому развитию [274, с. 8], а городу, удовлетворяющему вторичные и третичные, но высокие потребности, включая средства и способы их удовлетворение?

Поиск ответа на указанный вопрос соответствует решению исследовательской задачи определения идентификационных признаков руральности как состояния бытия. Эти признаки должны отражать особенности, своеобразие, отличие объекта идентификации от других объектов. Чем реже тот или иной признак повторяется в других объектах и чем больше он характерен, устойчив и стабилен по отношению к объекту идентификации, тем более он значим в идентификационном отношении. Речь идет об объектах руральных и урбанных. В странах ЕС существуют различные определения руральности (табл. 1.1) [292, с. 330–331].

Таблица 1.1

Обзор определений руральности в странах-членах ЕС

Страна — член ЕС	Территориальная единица	Критерий	Пороговое значение	Источник
Австрия	Коммуны	Величина поселения	> 2000 человек	Espon (2003)
Бельгия	Коммуны	Секторная структура занятости	20 % занятых в сельском хозяйстве	Espon (2003)

Продолжение табл. 1.1

Страна — член ЕС	Территориальная единица	Критерий	Пороговое значение	Источник
Болгария	Муниципалитеты	Плотность населения, величина поселения	< 150 чел. / км ² < 30000 человека в самом городке	ОЕРС (2005)
Кипр	Не конкретизировано	Количество населения	Вся территория за пределами городских агломераций Никосии и районных городов, охваченных локальными городскими планами, определены Департаментом градостроительства	Espou (2003)
Чешская Республика	Муниципалитеты	Количество постоянных резидентов	< 2000 человек	ОЕРС (2005)
ФРГ	Регионы	Плотность населения, величина поселения	Плотность населения > 150 чел. / км ² или > 100, если регион включает городской центр с населением 100 000 человек	ОЕРС (2005)
Дания	Адресность	Величина поселения	< 200 человек	ОЕРС (2005)
Эстония	Регионы Nuts 5	Количество населения	< 2000 человек	2001, 2006
Эстония	Муниципалитеты	Количество населения	< 2 500 человек	ОЕРС (2005)

Продолжение табл. 1.1

Страна — член ЕС	Территориальная единица	Критерий	Пороговое значение	Источник
Финляндия	Муниципалитеты Nuts 5	Разные	—	ОЕРС (2005)
Франция	Муниципалитеты Nuts 5	Количество рабочих мест, коммутирующие модели	Поселение с населением меньше чем < 2 000 человек	ОЕРС (2005)
Греция	Муниципалитеты и коммуны Nuts 5	Количество населения	< 2 000 человек	Национальная статистическая служба Греции
Венгрия	Поселения Nuts 4	Количество населения; плотность населения	<10 000 человек <120 чел. / км ²	ОЕРС (2005)
Ирландия	Районный избирательный округ	Количество населения	За пределами кластера > 1 500 человек	ОЕРС (2005)
Италия	Коммуны или локальные системы работы	Плотность населения	< 100 чел. / км ²	ОЕРС (2005)
Латвия	Почтовые округа	Количество населения; характеристики городков	Маленькие городки (< 3 000 человек); села и другие места постоянного проживания, которые не имеют типичных городских характеристик	ОЕРС (2005)
Люксембург	Коммуны	Количество населения	< 2 000 человек в административном центре коммуны	Espron (2003)
Литва	Приходы и сельские территории	Вся территория за пределами городских территорий	Не является существенным	ОЕРС (2005)

Окончание табл. 1.1

Страна — член ЕС	Территориальная единица	Критерий	Пороговое значение	Источник
Мальта	Не специфицированы	Величина поселения	Территория за пределами городов > 1 500 человек и за пределами районных центров	Espon (2003)
Нидерланды	Подрайоны в муниципалитетах	Плотность адресатов	< 500 адресатов / км ²	Espon (2003)
Польша	Муниципалитеты или их часть	Плотность населения	< 150 чел. / км ²	MARD ³⁶⁸ (2006)
Португалия	Коммуны	Плотность населения	< 100 чел. / км ²	Ferrao and Lopes (2003)
Румыния	Село / муниципалитеты	Величина поселения, сельскохозяйственная занятость	Не идентифицированы	ОЕПС (2005), Espon (2003)
Словакия	Муниципалитеты	Количество населения; плотность населения	< 5 000 постоянно проживающих; < 100 чел. / км ²	ОЕПС (2005)
Великобритания, Англия, Уэльс	Поселения	Величина поселения	За пределами согласно переписи городских территорий > 10 000 человек	RERC (2004)
Великобритания, Шотландия	Поселения (результаты переписи районов 2001 года)	Величина поселения	< 3 000 человек	Управление статистики (2004)

Как следует из содержания таблицы 1.1, в странах ЕС отсутствуют единые классификационные признаки руральности.

На практике в качестве объектов руральности и урбанности рассматриваются сельские и городские территории соответственно.

В большинстве европейских методик классификации территорий на городские и сельские используются следующие критерии: численность и плотность населения, схема движения населения, удаленность от рынков труда, услуг и товаров или же их комбинации. При этом применяются различные пограничные значения каждого критерия. Например, в Венгрии, при отнесении территории к сельской, плотность населения не должна превышать 120 человек, в Италии и Словакии — 100 человек на 1 кв. км. Значительно варьируют пороговые значения сравниваемых территориальных единиц, как по численности населения, так и по площади. Французские коммуны имеют численность населения в среднем 1500 человек и территорию в 15 кв. км. В Англии численность населения округа в целом составляет 118 тыс. жителей, проживающих на площади более 500 кв. км. Большинство предоставленных типологий основаны на существующем административно-территориальном делении регионов. Этот подход не всегда отражает происходящие социально-экономические трансформации, но позволяет обобщать статистическую информацию и учитывает изменения, происходящие в результате реализации государственной политики [269, с. 23–24].

Среди множества европейских региональных типологий сельских территорий только одна, разработанная Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), принята во многих странах как основа социально-экономического анализа и разработки политики развития села.

Типология ОЭСР выделяет два иерархических уровня: локальные административно-территориальные образования (LAU 2 — local administrative units) и региональный уровень (NUTS 3 и NUTS 2 — nomenclature of territorial units for statistics). Нижний уровень классифицируется как сельский или городской в зависимости от плотности населения (меньше 150 человек на 1 кв. км в одном случае и больше — в другом). Критерии региональной классификации представлены в таблице 1.2 [211, с. 9].

Тем не менее, данная классификация, активно используемая во всей Европе, не подходит для северных стран. Размеры и конфигурация регионов NUTS 3 и относительно низкая плотность населения означают, что ни в Швеции, ни в Финляндии нет преимущественно городских территорий, а Стокгольм и Хельсинки классифицируются как преимущественно сельские. На территории северных стран всего четыре региона классифицируются как преимущественно городские.

Три из них составляют Копенгаген и его прилегающие территории и последний — Осло. Согласно классификации ОЭСР практически 90 % населения стран Северной Европы живут на преимущественно сельских территориях. И эти «сельские» территории составляют примерно 95 % площади северных стран [211, с. 9].

Таблица 1.2

Критерии региональной классификации (NUTS 3)

Преимущественно городские	доля населения, проживающего в сельских административно-территориальных образованиях, не превышает 15 %
Промежуточные	доля населения, проживающего в сельских административно-территориальных образованиях, составляет от 15 % до 49 %
Преимущественно сельские	доля населения, проживающего в сельских административно-территориальных образованиях, более 50 %

Каждая северная страна использует свои критерии выделения сельских территорий, два из которых являются определяющими: плотность населения и расстояние /доступность городских центров. Кроме этого, в каждой из стран существуют свои дополнительные социально-экономические критерии. С учетом этого в Дании и Финляндии выделяются три типа сельских территорий, в Швеции — два. Это — сельские территории вблизи городов, промежуточные сельские территории и удаленные. И все же здесь нет четкого определения сельских территорий, для разных целей используются различные определения. Так в Дании, с точки зрения статистики, сельскими считаются территории, которые находятся вне городских зон. К сельским муниципалитетам также относятся те территории, на которых численность населения крупнейшего города не превышает 3000 человек. Статистическое определение сельских и городских территорий выделяет три критерия: численность населения, проживающего на территории, плотность застройки и численность населения центрального населенного пункта [128].

Одним из параметров руральности Финляндии является ее удаленность от глобальных центров мирового рынка. Будучи страной с обширной сельской местностью и с преобладанием малых форм ведения сельского хозяйства, она имеет давнюю традицию рассеянно-рассредоточенного регулирования аграрных процессов и в списке стран ОЭСР занимает третье место по доле сельских территорий (93 %), вто-

рое — по численности сельского населения (52 %) и вкладу сельских районов в ВВП (62 %). Финские фермеры с их хуторской системой расселения, как правило, не объединены в крупные агропоселения — большие села и деревни, как в Центральной Европе [212, с. 77].

Тем не менее, несмотря на это, границы между городским и деревенским образом жизни в Финляндии очень подвижны, в первую очередь, потому что здесь сельская местность — это, прежде всего, место проживания, а не локализации особого, аграрного типа производства [506, с. 89].

Проведя сравнительный анализ развития северных стран и соответствующих провинций Российской Федерации, А. Пилясов пришел к выводу, что на российском Севере доминируют ресурсные, сервисные и аграрные сообщества, а на зарубежном Севере — социально укорененные. Из четырех выделенных этим автором сообществ два являются руральными. Сообщества национальных сел (староверов, старожилов) являются промысловыми. Их будущее зависит от способности дополнить традиционный уклад альтернативными видами деятельности (этнический туризм, новые виды местных и экспортируемых услуг). Жизнеспособность агропромысловых сел зависит от местоположения относительно рынков сельскохозяйственной продукции и возраста (социальной укорененности аграрной деятельности). В целом успешность адаптации этих руральных сообществ к новой постиндустриальной действительности зависит не только от их типа, но и от таких факторов как размеры сообществ, ресурсы регионального бюджета (субсидии, программы помощи малым предприятиям, подготовка кадров), некоммерческая деятельность (создание рабочих мест за счет меценатства, благотворительности корпоративных структур, добровольческих инициатив сообществ), децентрализация государственных полномочий для преодоления финансово-экономической дискриминации периферийных сообществ [277, с. 77].

Как следует из приведенных данных, в Европе как на локальном (муниципальном) уровне, так и на уровне региональном территориальных образований для определения руральности территории используются демографические и расселенческие критерии. При этом практически не принимаются во внимание показатели аграрного развития, уровня социально-культурного и коммунально-бытового обустройства территории, что связано в одном случае с незначительной долей сельскохозяйственного производства в его общем объеме и отсутствием существенных культурно-бытовых различий между

селом и городом — в другом случае. Иначе говоря, социально-экономическое развитие европейских стран не рассматривается в контексте дихотомии «село — город». В то же время, если сравнивать уровень социально-экономического развития европейских стран и Украины, Российской Федерации, Казахстана, Беларуси по таким показателям, как удельный вес сельского населения в общей численности населения, удельный вес сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства в ВВП, удельный вес населения, занятого в аграрном секторе, в составе экономически активного населения, уровень безработицы на селе, то эти различия не являются столь существенными. В Европе, как и в указанных постсоветских республиках, на сельских территориях ниже уровень доходов и выше уровень бедности населения, чем в городах. Но каждая из стран выбирает собственный путь разрешения руральных проблем.

Особое место в этом плане занимает Украина. В украинском обществе, что на научном уровне, что на уровне обыденного сознания, все еще ведутся дискуссии относительно того, является ли Украина аграрной страной. Признание данного факта, с точки зрения «анти-аграрников», лишает Украину перспектив развития и будущего, которое, по их мнению, связано с новейшими технологическими укладами, но никак не с архаикой. На наш взгляд, именно необходимость технологического прорыва Украины требует установления степени зависимости ее рурального состояния бытия от технического и технологического уровня аграрного производства и осуществления соответствующих преобразований, а также накопления финансовых ресурсов, прежде всего, от поставок агропродовольствия на глобальные рынки для инновационного развития национального хозяйства.

Для этого существуют все предпосылки. Прежде всего речь идет об аграрном национальном богатстве, которое, по данным Института экономики и прогнозирования НАН Украины [5], в ценах 2012 года оценивается в 4795 млрд грн или 210 млрд дол., в т. ч. сельскохозяйственные угодья — 431 млрд грн, человеческий капитал — 2236 млрд грн, а валовая продукция сельского хозяйства в постоянных ценах 2010 года — в 223,3 млрд грн. Очевидно, что приведенная суммарная цифра является заниженной, поскольку оценка сельскохозяйственных угодий произведена не по их реальной рыночной стоимости. Да и вещественный и продуктивный компонент богатства содержат скрытые резервы, связанные с неэффективным использованием факторов агропродовольственного производства.

Исходя из этого не возникает никаких сомнений в целесообразности включения в систему показателей, идентифицирующих руральность, данных аграрной статистической отчетности. Второй момент связан с определением учетных данных относительно уровней руральных территорий, третий — касается взаимосвязи и взаимовлияния руральных и урбанных территориальных образований как дополнительных индикаторов руральности.

Вначале приведем аргументы в пользу необходимости первостепенного учета показателей, свидетельствующих об аграрной насыщенности рурального бытия в Украине. Прежде всего — это наличие огромного аграрного наследия и «родового следа» аграрности в историческом развитии Украины, на большей части пространства которой признаки индустриального развития проявились лишь во второй половине XIX ст. Во-вторых, это наличие значительной площади плодородных земель, других природных ресурсов, благоприятных природно-климатических и географических условий. В-третьих — это многовековые традиции земледельческой культуры. В-четвертых, речь идет о противоестественном, насильственном культивировании индустриализации и урбанизации, что не могло не отразиться на аграрном облике немалой части украинских городов.

Учитывая, что руральные территории, исходя из их масштаба и величины, делятся на различные соподчиненные уровни, соотносящиеся между собой по принципу «матрешки»: общегосударственный, региональный, районный и базовый, возникает проблема выбора таксономической единицы среди представленного перечня уровней территорий как объекта статистического учета рурального бытия. Общегосударственный уровень формирует собирательный, обобщенный образ руральности, не учитывающий частности и детали рурального пространства в его тех или иных проявлениях. Базовый уровень, с одной стороны, не является устоявшимся (в качестве его рассматриваются сельский совет, село, территориальная община, социум, субъект хозяйствования) и связан с неполнотой получения статистической информации — с другой. Количественные и качественные показатели руральных территорий регионального уровня формируются на основе данных о соответствующих территориях районного уровня, вследствие чего региональные различия сглаживаются. Поэтому неслучайно исследователи и, в частности И. Прокопа [294, с. 52], предпочитают рассматривать в качестве основного объекта изучения руральности территории районного уровня, так как

за усредненными показателями территорий регионального уровня скрываются существенные отличия их составляющих. Например, в состав сельских территорий Киевской области входят густозаселенные территории, прилегающие к г. Киеву (в Киево-Святошинском, Вышгородском, Броварском и Бориспольском районах сосредоточена почти треть сельского населения области), лесостепные крупнозаселенные районы и полесская зона с характерной для нее мелкозаселенной поселенческой сетью.

Полнота характеристики руральности складывается также на основе ее сопоставления с урбанностью, что требует выхода за рамки односторонних показателей, ограниченных данными о руральном пространстве.

И все же первостепенное значение для характеристики руральности имеют показатели, связанные с аграрностью, поскольку земельные ресурсы Украины составляют 44 % от общего объема природных ресурсов. Удельный вес сельскохозяйственных земель в общем объеме земельной площади Украины составляет 70,8 %, на одного жителя Украины приходится 0,93 га сельскохозяйственных угодий, в том числе 0,68 га пашни, тогда как в среднем по Европе эти показатели составляют 0,44 и 0,25 га соответственно [83, с. 271].

Эти показатели существенно разнятся в региональном разрезе, поэтому их необходимо учитывать при определении руральных регионов. Дело в том, что, если учитывать только европейскую методику идентификации руральности, тогда все регионы Украины, за исключением Донецкого и Луганского, являются преимущественно руральными. Поэтому для полноты идентификационных показателей целесообразно использовать такие из них, как производство сельскохозяйственной продукции на 100 га сельскохозяйственных угодий и на одного жителя, удельный вес валовой добавленной стоимости продукции сельского хозяйства в ее общем региональном объеме, удельный вес населения, занятого в сельском хозяйстве. С учетом перечисленных показателей два региона являются преимущественно урбанными, шесть преимущественно руральными, остальные шестнадцать — относительно руральными.

Изменения в демографии сельского населения, связанные с его сокращением по сравнению с 1990 годом на 3,79 млн человек и сельских населенных пунктов на 419 единиц, отражают общемировую тенденцию и не являются прямым свидетельством снижения руральности. На сокращение удельного веса сельского населения

с 32,7 % в 1990 году до 30,81 % в 2016 году повлияло сокращение его общей численности на 9,70 млн человек, в том числе городского — на 5,28 млн человек. По этому показателю разница между максимальным (Закарпатская область — 62,92 %) и минимальным его значением (Донецкая область — 9,26 %) составляет 6,8 раза. Еще в четырех областях (Черновицкая, Ивано-Франковская, Тернопольская, Ровенская — удельный вес сельского населения превышает 50 %). А в Луганской, Днепропетровской, Харьковской и Запорожской областях он ниже среднего по стране и колеблется от 13,11 % до 22,80 % [430, с. 5].

Таксономической единицей районного уровня руральных территорий является административный район, которых насчитывается 490. Из 13,175 млн человек сельского населения более 200 тыс. человек проживают в городах областного значения. В 51 административном районе (10,4 % от общего количества), представляющих 16 регионов, сельское население составляет менее 50 %. В 29 районах (5,9 %) 16 регионов проживает исключительно сельское население [248, с. 166–167, 173].

«Внешними» (не руральными) критериями руральности являются показатели численности и населенности городов, а также расстояние между ними. Удельный вес малых городов (с населением не более 50 тыс. человек) в их общей численности составляет почти 70 %, количество крупных городов (с населением более 100 тыс. человек) составляет 43 единицы или 9,3 % от их общего количества, а радиус зоны их активного влияния на руральную территорию не превышает 20–25 км. Уровень рурализованности регионов следует рассчитывать как отношение суммарного значения городов областного значения и поселков городского типа, расположенных на неруральных территориях, к сумме значений городов районного значения и поселков городского типа, расположенных на руральных территориях, а также сельских населенных пунктов. Высокий уровень рурализованности (коэффициент, не превышающий — 0,5) характерен для 11 регионов, средний (коэффициент — от 0,5 до 1,0) — 8 регионов, низкий (коэффициент более 1,0) — 5 регионов (Донецкий, Луганский, Киевский, Херсонский, Днепропетровский) [248, с. 175, 193].

Приведенные данные, несмотря на их дифференцированность в разрезе уровней руральных территорий, формируют определенное обобщенное представление о руральности, отличающей ее от урбанности по единым сущностным факторам (табл. 1.3).

Характеристика руральности, произведенная по 11 определяющим факторам, приведенным в таблице 1.3, свидетельствует о формировании в границах рурального пространства соответственного образа жизни, отличного от урбанного образа жизни. С этой точки зрения, руральное состояние бытия предстает как руральный образ жизни, носителем которого является сельская общность.

Таблица 1.3

Сравнительная характеристика руральности и урбанности

Определяющие факторы	Признаки руральности	Признаки урбанности
Хозяйственный	Преимущественно агропромышленного производства	Преимущественно промышленного производства
Виды использования территории	Преимущественно сельскохозяйственного предназначения	Преимущественно индустриального назначения
Метод застройки территории	Сельский, усадебного типа	Городской, индустриального типа
Тип расселения	Мелкодисперсный	Концентрированный
Социально-прослоечный	Преобладание крестьянства	Преобладание рабочих и служащих
Образ жизни	Руральный	Урбанизированный
Плотность населения	Низкая	Высокая
Сфера социальных услуг	Элементарная, неразвитая	Многофункциональная, развитая
Транспортная сеть, связь	Необустроенная, неразвитая	Разветвленная, развитая
Экологический	Рекреационная биосферно-природоохранная зона	Зона высокой техногенной нагрузки
Этнонациональный	Двуэтничный, с преобладанием украинцев	Полиэтничный, со значительной долей русскоязычного населения

К подобным выводам пришли О. Завьялова и Л. Меньшикова, которые ввели в научный оборот понятие «руральная система жизнедеятельности» (РСЖД), определив ее как взаимосвязанное и взаимодействующее сочетание множества объектов, элементов, коммуникаций сельских территориальных общностей и среды их жизнедеятельности (природной, социально-экономической, меди-

ко-экологической, бытовой и др.), в совокупности обеспечивающих функцию качества жизни ныне живущих поколений. Это понятие рассматривается с двух сторон. С одной стороны, как концептуальная модель — представление о территориальных ячейках всесторонней жизнедеятельности селян. С другой стороны, РСЖД можно рассматривать как реальные образования на уровне страны, региона, поселения. Структурная схема РСЖД представлена на рисунке 1.1 [91, с. 159, 160].

Рис. 1.1. Структурная схема руральной системы жизнедеятельности

Ведущей составляющей РСЖД является природно-экологическая подсистема, с которой тесно связана производственная подсистема, определяющая хозяйственный профиль поселения и формирующая локальную систему расселения. Еще В. Семенов-Тян-Шанский утверждал по этому поводу, что «сельскими занятиями должны считаться те, добывающие по преимуществу промыслы населения, которые непосредственно связаны с поверхностными растительными и

животными богатствами стран и для своего осуществления требующие прежде всего простора полей, степей, лугов, лесов и вод, будучи немислимы на участках земли, более или менее сплошь занятых человеческим жильем» [364].

Различия рурального и урбанного образов жизни являются объективными и универсальными. П. Сорокин вместе с соавторами в своих работах по сельско-городской социологии указали на восемь различий городского и сельского миров: занятости, среды обитания, размера общины, плотности населения, однородности и неоднородности населения, социальной дифференциации и стратификации, мобильности, особенностей системы социального взаимодействия (табл. 1.4) [501, с. 56–57; 461, с. 187–233].

Таблица 1.4

Различия основных свойств сельского и городского миров

Свойства	Сельский мир	Городской мир
Занятость	Преимущественно сельскохозяйственная	Преимущественно промышленная, торгово-коммерческая, профессиональная и управленческая
Среда обитания	Преобладание естественно-природного начала	Высокая степень изоляции от природы
Размер общины	Отдельно стоящие фермы или маленькие общины. «Агрокультуризм» и размер общины имеют обратную корреляцию	Большие общины. Урбанизм и численность населения имеют прямую корреляцию
Плотность населения	Низкая плотность населения. Сельская жизнь и плотность населения имеют обратную корреляцию	Высокая плотность населения. Урбанизм и высокая плотность населения имеют прямую корреляцию
Этнопсихологические различия и однородность населения	В сельской местности население тяготеет к однородности. Сельские общины и этнопсихологические различия имеют обратную корреляцию	Более разнородное население, чем в сельской местности. Урбанизм и разнородность населения имеют прямую корреляцию
Социальная дифференциация и стратификация	На селе социальная дифференциация и стратификация ниже, чем в городе	Социальная дифференциация и стратификация имеют прямую корреляцию с урбанизмом

Свойства	Сельский мир	Городской мир
Мобильность	Все виды социальной мобильности выражены ограниченно. Основное направление миграции из села в город	Задействованы все виды социальной мобильности. Урбанизм и мобильность в норме имеют прямую корреляцию. Миграция из города в село начинает доминировать лишь в периоды больших социально-экономических потрясений
Социальное взаимодействие	Ограниченная численность социальных контактов людей. Узость сферы взаимодействия. Основная часть отношений связана с первичными контактами. Доминируют личные и относительно устойчивые, сравнительно простые и искренние связи. Во взаимодействии человек проявляет себя как личность	Многочисленные социальные контакты. Широкая сфера взаимодействия и агрегирования связей. Доминируют вторичные, безличные и ограниченные по времени взаимодействия контакты. Отношения обычно сложные и формализованные. Во взаимодействии люди проявляют себя как «число» и «адрес»

Содержание таблицы 1.4 указывает на попытку американских социологов сформулировать, пусть и в зародышевой форме, идею интегрального синтеза сельского и городского миров.

Исходя из наличия объективных, заданных природой, различий рурального и урбанного образов жизни (сельского и городского миров), следует сделать вывод о целесообразности не умышленного уничтожения первого из них, что вредит человеческому сообществу, а о необходимости формирования единого рурально-урбанного континуума.

Как видим, идея формирования сельско-городского континуума является многогранной и не новой. Ее теоретическая постановка имеет и свою актуальность для восприятия руральности не как замкнутого, автохтонно развивающегося бытия, а как одной из сторон человеческой повседневности, имеющей свое начало и продолжение. Практический аспект идеи о сельско-городском синтезе высвечивает ряд проблем, связанных со становлением рурально-урбанных отношений, которые сводятся к следующим [87, с. 131–132]:

– зависимость доступности инфраструктуры от структуры расселения (для пригородных руральных районов территория приобретает «центральность», а для отдаленных — обособленность);

– диверсификация экономики руральных районов и городов в широком смысле, ее обособленность размещением на селе промышленных объектов, развитие туризма и отдыха, близость к рынкам, использование новых информационных и коммуникационных технологий);

– территориальные воздействия на сельскохозяйственные структурные изменения в более урбанизированных пространствах, служащих «буфером», где интегрируются сельское хозяйство, природа и досуг;

– двоякая роль природного наследия (сохранение природы как очагов биоразнообразия и ее использование как инструмента занятости);

– использование культуры в стратегиях экономического развития (повышение интереса к оценке культурного наследия на руральных территориях как к общему достоянию региона и страны);

– расширение сотрудничества между сельскими и городскими властями (проявление заинтересованности в совместном использовании экономической базы, инфраструктуры, природных ресурсов территорий, находящихся на рурально-урбанном стыке).

Из проведенного исследования следует вывод о целесообразности использования понятия «руральность» в широком значении как образа жизни, системы жизнедеятельности, связанной с близостью бытия к природной среде, агроландшафтам, а также в узком, конкретно-историческом значении как определенного этапа развития цивилизации — аграрного общества со всеми присущими ему характеристиками. Таким образом, руральность — это не статическое, а динамично развивающееся состояние бытия, его различных сторон — экономической, социальной, духовной, политической, тесно взаимосвязанных с природной средой — и пребывающего в постоянных контактах с урбанным пространством.

1.2. РУРАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: ЦЕЛЬ И ПРОЯВЛЕНИЯ

Руральное развитие — это форма проявления руральности, и в этом смысле его задачей является сохранение и поддержание рурального состояния бытия и характерных для него видов занятий, которые имеют прямое отношение к самим истокам жизни человека и

общества. Эти занятия, как отмечает В. Пациорковский [274, с. 34], связаны с первичными и фундаментальными основами предметной деятельности, которые опираются на процессы переноса и преобразования вещества и энергии возобновляемых ресурсов земной поверхности. Это позволяет сохранить сложившуюся систему сельского расселения, инженерную и социальную инфраструктуру, создать благоприятные условия хозяйствования всем категориям сельских товаропроизводителей с целью укрепления и совершенствования рурального образа жизни.

Экономическое развитие, как базовая составляющая рурального развития, связано не только с качественными изменениями в хозяйственной системе, а и с активным использованием природных ресурсов и преобразованием окружающей среды, которые имеет и негативные последствия для природы и социума.

Определяя границы экономики, Г. Дейли рассматривает ее как составляющую глобальной природной системы, частью которой является руральное пространство. При этом, по его мнению, экономика не может ни расширяться до размеров природы, ни уменьшаться до нуля. Поэтому «сегодня... важнейшим заданием является прекращение экспонентного расширения границ подсистемы (экономики) до нынешнего режима экономического империализма, однако сделать это нужно так, чтобы не увлечься соблазном экономического редуционизма» [77, с. 14].

Описание проявлений рурального развития следует предварить сопоставлением категории «развитие» с его объектом, в качестве которого рассматриваются сельские территории. Формы и направления рурального развития в странах ЕС ассоциируются с различными подходами к идентификации объекта этого развития (табл. 1.5) [292, с. 32].

По большому счету всю совокупность подходов к руральному развитию можно свести к двум — отраслевому и территориальному. В этом смысле понятие «руральное развитие» передает эволюционное движение объекта, переход от одного его состояния к другому. Динамика этого развития прослеживается в процессе выполнения объектом конкретных функций, определяемых природой объекта. Поскольку объект рурального развития ассоциируется одновременно с соответствующим пространством и с видом хозяйственной деятельности, в исследовательском дискурсе и управленческой практике имеют место различные способы его идентификации.

Таблица 1.5

Эволюция подходов к идентификации сельских территорий стран — членов ЕС

Подход	Территории, которые не являются «городскими» (отличные от городских)	Территориально-пространственное образование	Уровень интеграции территории с национальной экономикой	Уровень урбанизации	Многокритериальный подход
Критерии	Привязка к особому использованию земли, уровню экономического благосостояния	Демографический критерий: — Плотность населения (NUTS 5) — доля населения региона, которое проживает в сельских общинах (NUTS 3)	Структура занятости населения. Уровень диверсификации экономики. Уровень развития инфраструктуры и т. п.	Плотность населения. Количество населения	Приближенность к центрам деловой активности. Состояние окружающей среды. Уровень диверсификации экономики. Величина миграционных потоков из сельских районов в города
Типы территорий	Все сельские районы	Преимущественно сельские регионы. Относительно сельские регионы. Преимущественно городские регионы	Экономически интегрированные сельские районы. Промежуточные районы. Оддаленные сельские районы	Густонаселенные территории. Промежуточные территории. Слабозаселенные территории	Территории с сильным антропогенным и экономическим давлением. Территории с деградацией сельских районов. Маргинальные, труднодоступные (периферийные) территории
Разработчик	Совет Европы	ОЕСР	ОЕСР	Европейская комиссия (Евростат)	Европейская комиссия

При отраслевом подходе руральное развитие рассматривается в контексте его противопоставления урбанному развитию, а дихотомия «село — город» идентифицируется с дихотомией «сельское хозяйство — промышленность». Жесткая привязка рурального развития и определенной отрасли нашла свое искаженное отражение в сугубо отраслевой аграрной политике, которая сужает и ограничивает рамки его функциональности сельским хозяйством. Неадекватно сущности рурального развития и название министерства, которое по определению несет ответственность исключительно за агропродовольственное производство. Такие же недостатки присущи и планированию рурального развития. В основу построения «Генеральной схемы планирования территории Украины» положен ведомственный принцип. Так, дифференциация территорий по видам и режимам их преимущественного использования на такие, которые характеризуются агропромышленным производством и сельской застройкой (зона сельского хозяйства), в противовес территориям с интенсивной промышленной, городской, жилищной и хозяйственной застройкой (зона урбанизации) [299], является не только не корректной, но и неполной. К тому же типологизируются эти зоны по разным критериям: по отраслевому — в одном случае (сельское хозяйство) и по одной из тенденций развития городского образа жизни — в другом (урбанизация).

Для большей убедительности и аргументированности отраслевого подхода к определению объекта рурального развития его сторонники ссылаются на концепцию факторов «первой природы» и «второй природы» П. Кругмана [480, с. 38]. Согласно данной концепции, определяющую роль в выборе вида хозяйственной деятельности в руральном пространстве играют сельскохозяйственные земли, лесные, водные, фаунистические ресурсы, рельеф, климат, природная зональность, а также географическое положение, то есть факторы «первой природы». Что касается факторов «второй природы» (агломерационный эффект и высокая плотность населения, дающих экономию на масштабе, развитой инфраструктуры, способствующей сокращению расстояния, человеческом капитале и институтах, формирующих предпринимательский климат, мобильную инновационную среду, то они связываются с урбанным пространством. Следовательно, руральные территории, как периферийные или полупериферийные по отношению к урбанным территориям, воспринимаются как неспособные к внедрению инноваций. Отсюда соответствующая реакция

на аграрность, вытекающую из ее связанности с факторами «первой природы», как на обреченную на отсталость.

Однако данное обстоятельство — не причина для игнорирования аграрного вида хозяйственной деятельности как объекта рурального развития. Проблема заключается в другом — насколько обоснованной и полной является такая характеристика.

В отечественной экономической литературе аграрность ассоциируется с такими явлениями как развитие аграрного сектора, аграрный рост и аграрное развитие. Так, Е. Бородина и И. Прокопа [34, с. 56] рассматривают аграрный рост как наращивание сельскохозяйственного производства, являющегося двигателем развития всей экономики, которое имеет и нежелательные последствия. Аграрный рост в Украине, по их мнению, сопровождается упадком села, что требует соответствующей корректировки аграрной политики. В отличие от аграрного роста аграрное развитие не является исключительно экономическим явлением.

Это такое наращивание аграрного производства, при котором выгода от него более-менее равномерно распределяются между всеми участниками процесса, повышение производительности осуществляются способом, безопасным для окружающей природной среды, а сокращение занятости в сельском хозяйстве сопровождается созданием новых рабочих мест в не аграрной сфере. Оно направлено на разрешение проблемы перехода от аграрного роста к аграрному развитию за счет повышения, с одной стороны, результативности аграрного сектора, который охватывает все субъекты хозяйствования, среду, обеспечивающую его природными, инфраструктурными, социальными ресурсами, и социоэкономической модернизации с ориентацией на общины — с другой.

Подчеркивая фундаментальность аграрного развития, научные сотрудники Института экономики и прогнозирования НАН Украины [408, с. 43] выделяют в нем наряду с развитием аграрного производства сельское развитие на основе общин. Учитывая законодательное определение структуры аграрного сектора, охватывающего различные отрасли агропродовольственного производства, рыбное хозяйство, аграрную науку и образование, социальную среду села, их материально-техническое и финансовое обеспечение [323], можно частично согласиться с такой его расширительной трактовкой. Однако методологически неверно сводить сельское развитие к одному из направлений аграрного развития,

скорее наоборот — последнее является составной частью рурального развития.

Также отраслевое проявление рурального развития представлено современной, по сути кейнсианско-шумпетеровской предпринимательской моделью, в которой предпринимательство позиционируется как ведущий фактор рурального развития [97, с. 67]. Речь идет прежде всего о преодолении зависимости села от аграрной сферы и соответственно суженого круга субъектов предпринимательства за счет развития не аграрных видов хозяйственной деятельности, сельской инфраструктуры с участием заинтересованных в этом предпринимателей. В свете изложенного руральное развитие определяется разработчиками предпринимательской модели как расширение (через эндогенный экономический рост) доступных для местных общин ресурсов и инструментов индивидуальной и скооперированной деятельности предприимчивых крестьян, организации быта, институциональной и пространственной среды их взаимодействия. При этом генератором рурального развития выступает предпринимательство, а его ответственным организатором — местное самоуправление. Институциональные основы и инфраструктурную поддержку гибкой структуры территориально-административной и социальной организации, координацию направлений и ресурсов развития обеспечивает государство [97, с. 72–73].

Сторонниками развития аграрного предпринимательства и сельских территорий по селосохраняющей модели являются Я. Гадзало и В. Жук [53]. В отличие от предыдущей полицентричной предпринимательской модели данная модель — моноцентрична. Ее разработчики основной акцент сделали на необходимости преодоления монополизации земельных и бюджетных ресурсов, дехолдингизации аграрного производства за счет развития малого и среднего аграрного предпринимательства. В качестве составляющих этой модели рассматриваются социально ответственное предпринимательство, институт сельского самоуправления, система государственной политики, разноисточниковые инфраструктурные инвестиции, научное и общественное обеспечение. Ответственность за ее реализацию распределена между предприятиями, сельскими общинами и государством.

Также субъектно выраженной и аграрно направленной разновидностью, ранее представленной, модели рурального развития является концепция селообразующего предприятия, которая весьма популяр-

на в среде отечественных аграрных экономистов. Если исходить из ее названия, речь идет о целевой установке деятельности базового предприятия села на поддержание сельской поселенческой сети как основы рурального развития. Несмотря на определенную терминологическую некорректность («селообразующее предприятие»), данной концепцией предусмотрено формирование такого субъекта хозяйствования на селе, который будет основой не только экономической, а и социальной, природосберегающей и культурной жизни в сельской местности. Действительно, сама идея конструктивна и по своей форме реализации напоминает советскую колхозно-совхозную систему развития села. Другое дело — насколько она реальна в сложившейся системе хозяйствования при ее асимметричности и монополизме агрохолдингов, преследующих цель не комплексного развития отечественного села, а эксплуатации его природных ресурсов с целью получения сверхприбыли.

В научной литературе кроме аграрного сектора, предпринимательства и базовых предприятий в качестве объекта рурального развития рассматривается община как объединение граждан. Такое развитие основано на общих усилиях, направленных на идентификацию локальных ресурсов, максимальную их активизацию и создание дополнительных стоимостей (материальных и нематериальных) в процессе капитализации с целью повышения уровня и качества жизни членов общин. Количественная мера возможностей общины (запасы, ценности, источники средств, денежные средства) определяется природными, трудовыми и материальными ресурсами. При руральном развитии на базе общины используются природный, людской, физический, финансовый, социальный потенциал, соответствующие активы и капитал [35, с. 160, 159]. В теории такая объектность рурального развития выглядит весьма убедительно. На практике этот путь представляется трудно осуществимым, поскольку ни одним из указанных источников развитая община не владеет, не считая земельных участков сельских жителей, перешедших в их собственность после паевания сельскохозяйственных земель, принадлежавших ранее коллективным сельскохозяйственным предприятиям.

Определенной разновидностью объектно-общинного рурального развития является путь развития села с помощью сельских общин, в котором в роли объекта выступает собственно село [138]. Обосновывая данную версию рурального развития, Т. Кравченко, ссылаясь на «мировую теорию сельского развития», проводит различие между

понятиями «развитие в общине» и «развитие общины», подменяя ими понятие «развитие села», заявленное в названии ее научной публикации как объект развития. Термин «развитие в общине», на ее взгляд, характеризует изменения, связанные с развитием местного бизнеса, предпринимательства или иных экономических структур. Сельская община рассматривается как экономическая среда, способствующая активной деятельности сельских жителей. Такое развитие зависит от пяти компонентов: собственности общины, местного лидерства, коллективных действий, осознания возможностей и мотивации. К развитию сельской общины относится процесс — серия решений и действий, которые улучшают не только экономическое состояние общины, а и утверждают ее функциональную силу. На наш взгляд, такая надуманная дифференциация есть не что иное как схоластика, не несущая в себе какого-либо конструктивизма, равно как и поиски различий между территориальной общиной и сельской общиной, к которым прибегают и другие авторы [381; 281]. В данном случае суть позиции не меняется: руральное развитие отождествляется с развитием села. Независимо от контекста и субъектной направленности развития села представленная версия рурального развития ограничивается его «красной линией». При этом не принимается во внимание, что сельскохозяйственные земли, другие природные ресурсы, производственный комплекс находятся за пределами красной линии, отделяющей сельское поселение от межселенных территорий.

Причины подобных заблуждений лежат в односторонней увлеченности зарубежными концепциями как эталонными и поэтому заслуживающими наследования. Так, отечественные экономисты, вслед за их западными коллегами противопоставляют в качестве объекта рурального развития территорию и общину, утверждая, что подходы, ориентированные на территории, преобладали в программах рурального развития в ЕС и США в XX ст. [35, с. 153, 154]. Нам представляется более взвешенной и обоснованной позиция выделения, как системообразующих стратегических направлений рурального развития, — экономического, социального и экологического. Экономическое направление предусматривает создание новых условий и возможностей развития на селе экономической деятельности, ее диверсификацию, разнообразие и повышение уровня занятости. Социальное направление связано с развитием самоуправления и усилением роли сельских общин в гармонизации и удовлетворении

интересов всего сельского социума, с социальной защитой сельского населения, обеспечением ему доступа ко всем социальным благам, гарантированием социального равенства. Экологическое направление основывается на глубинном переосмыслении взаимодействия человека и природы, коренного изменения отношения к окружающей среде, на рациональном использовании и сбережении природных ресурсов, формировании экологического сознания [282, с. 122].

Сравнительный анализ различных подходов к определению объекта рурального развития свидетельствует о расширении их перечня. Противоположной тенденцией характеризуется субъектная сторона рурального развития. Несмотря на различия в деталях, общим в научных подходах является субъект рурального развития — община. В экономической науке Украины это проявилось в утверждении модели рурального развития на основе общин. В Российской Федерации перспективы рурального развития связываются с его новой парадигмой [108], сущность которой заключается в переходе от государственного патернализма к саморазвитию с опорой на внутренние ресурсы и с равноправным партнерством государства, бизнеса и населения. Стратегическая цель рурального развития в рамках новой парадигмы заключается в обеспечении качественного прорыва в повышении уровня и качества жизни сельского населения и устойчивого развития сельских территорий на основе полифункциональности аграрного сектора, многопрофильности сельской экономики, многоукладности аграрного производства, сохранения не урбанистического образа жизни населения. Достижение этой цели предполагается обеспечить с помощью следующих институциональных, экономических, организационных и социальных механизмов:

- совершенствование институциональной среды (земельного, водного и лесного кодексов);
- закрепление и защита прав собственности;
- государственная политика по защите интересов отечественного товаропроизводителя;
- диверсификация сельской экономики (развитие несельскохозяйственных видов деятельности, народных промыслов, зон рекреации, сельского туризма);
- вывод из сельскохозяйственного оборота маргинальных земель);
- развитие малого и среднего бизнеса;
- возрождение сельской кооперации;

- реализация национальных проектов;
- развитие местного самоуправления;
- социальное партнерство между государством, бизнесом и населением;
- формирование в общественном мнении положительного образа крестьянина.

Движущей силой в достижении цели рурального развития должен стать средний класс, который пока находится в зародышевом состоянии.

Рассматриваемая новая парадигма рурального развития, как и его общинная модель предстает как своего рода умозрительная проекция будущего, которая плохо согласуется с реалиями повседневности рурального бытия, лишенного практической основы жизнедеятельности. На самом деле сельская община сегодня не располагает ни одним из видов ресурсов, мелкий и средний бизнес являются неконкурентными в условиях аграрного монополизма крупных компаний и отсутствия государственной поддержки. Трудоспособная часть населения в поисках работы вынуждена выезжать за пределы села, молодежь связывает своё будущее с городами.

Поэтому перед тем, как моделировать руральное развитие, необходимо уточнить его определение прежде всего с точки зрения соотношения его компонентов. В этом смысле заслуживает внимания понимание А. Онищенко и В. Юрчишиным рурального развития как взаимосогласованного развития, с одной стороны, села, крестьян и сельского социума в целом, а с другой — сельскохозяйственного производства, которые они расценивали, как единое целое, своеобразный социально-экономический и производственно-хозяйственный тандем, как двухуровневую систему [221, с. 9].

Е. Бородина и И. Прокопа при определении сущности рурального развития исходят из разницы между понятиями «развитие сельских территорий» и «сельское развитие» в исходных посылаках концепций, соответственно, экономического роста и экономического развития. Но как прогресс сельских территорий невозможен без человеческого фактора, точно так же понятие «сельское развитие» утрачивает смысл без «привязки» к сельской среде. Сердцевиной данных процессов является сельскохозяйственная (аграрная) составляющая [32, с. 80].

На наш взгляд, не менее важно не только указать на «присутствие» сельского хозяйства в содержании обоих понятий, но и уточнить связь между развитием сельских территорий, аграрным развитием

и сельским развитием, что позволит охарактеризовать руральное развитие в объектном, отраслевом, пространственном, процессном и субъектном проявлениях. Учет функций сельских территорий и аграрной сферы позволяет выстроить определенную цепочку их взаимозависимости и интеграции в руральное развитие (рис. 1.2).

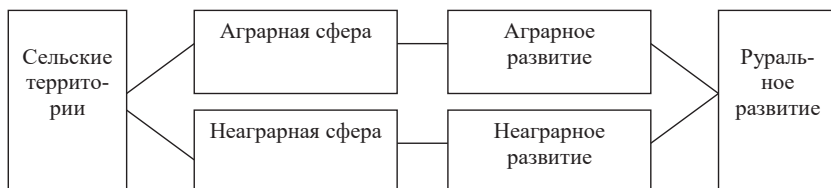

Рис. 1.2. Генетика рурального развития

Идентификация рурального развития (процессное проявление развития сельских территорий и аграрной сферы) через развитие сельских территорий и аграрной сферы (объектное проявление общественного процесса) свидетельствует о схожести трех перечисленных понятий.

Схематичное соотношение рурального развития и развития сельских территорий можно представить в таком виде (рис. 1.3).

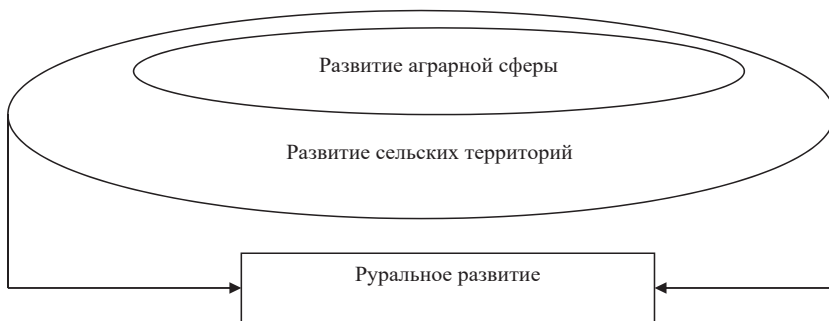

Рис. 1.3. Руральное развитие как выразитель развития сельских территорий и аграрной сферы

Такая постановка вопроса о соотношении рурального развития и развития сельских территорий является признанием последних в качестве системного объекта рурального развития. Противники такого подхода аргументируют свою позицию не только ссылками на евро-

пейскую практику признания неактуальными территориальных программ рурального развития в XXI ст., а и невещественной природой пространственных образований как таковых.

Следует признать, что объект территориального развития отражает не просто порядок размещения вещей в пространстве, а дает ответ на вопрос о том, что именно развивается. И в этом смысле сельские территории представляют собой определенную совокупность вещей, характеризующихся не только адресностью, но и сущностными характеристиками, позиционирующими их как системный объект. По реляционному проявлению, которое характеризует объект в его отношениях с другими объектами, сельские территории не являются собственно системой, а входят в состав единой территориальной системы общества, что требует учета их взаимосвязанности с городской территориальной подсистемой. По атрибутивному проявлению, характеризующему объект по соотношению его составляющих между собой, сельские территории — это система. В границах этой системы происходят процессы разной направленности, как по масштабам, так и по функциям, отраслям и сферам жизнедеятельности, за которыми стоят потребности, интересы и цели различных субъектов рурального развития.

Поликомпонентная структура сельских территорий характеризуется тем, что каждый из ее компонентов относится к определенной составляющей: социальной (население, поселение, социальная сфера и соответствующая инфраструктура), экономической (производственный комплекс и соответствующая инфраструктура), экономической (производственный комплекс и соответствующая инфраструктура, земли) и экологической (окружающая природная среда с ее природными ресурсами и условиями).

Реализация целевой установки развития сельских территорий достигается за счет решения определенных задач (рис. 1.4).

Анализ развития сельских территорий в территориальном, поселенческом, ресурсном, отраслевом и функциональном измерениях свидетельствует о взаимосвязи между сельским хозяйством как ведущей отраслью сельской экономики и сельскими территориями как социализированным пространством. Сельское хозяйство, как и любой другой вид деятельности, развивается в границах определенного пространственного сегмента, используя его как источник, условия и фактор развития и наполняя это пространство жизнью во всех его проявлениях, а также формируя взаимосвязи и отношения между производством, социумом и природной средой.

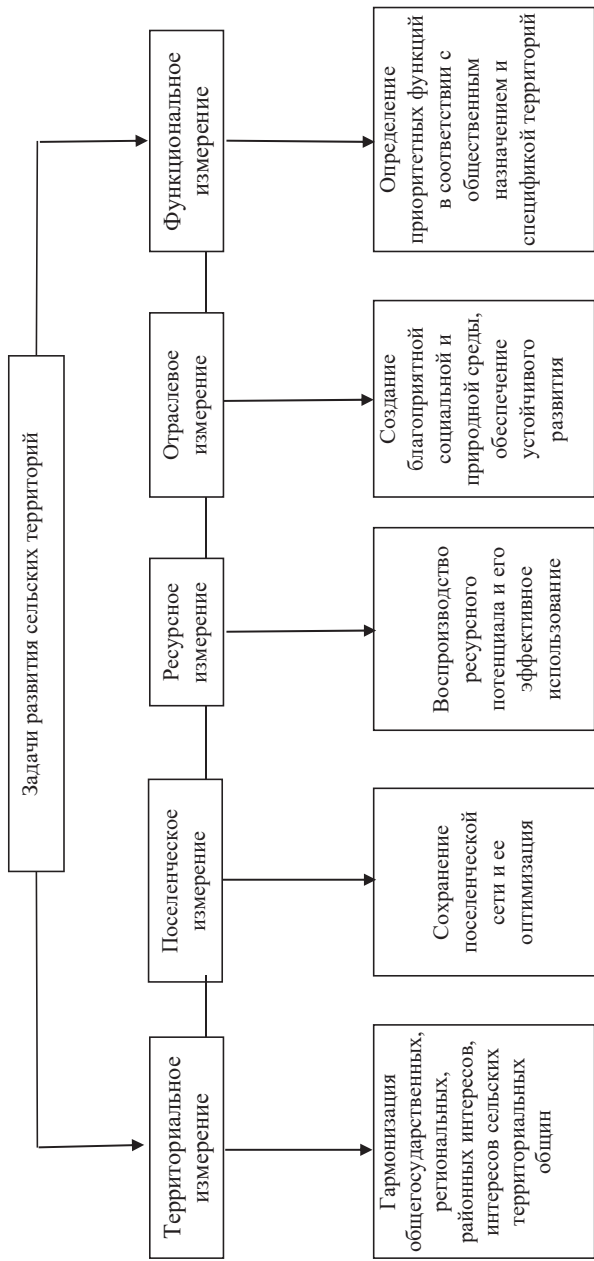

Рис.1.4. Задачи развития сельских территорий Украины

Поэтому проблема продуктивной занятости населения на сельских территориях должна разрешаться за счет приложения труда в аграрном секторе экономики. Это позволяет достичь одновременно нескольких целей развития: рационального использования природных ресурсов, наполнения местных бюджетов, воспроизводства сельского хозяйства, усовершенствования производственной и социальной инфраструктуры, улучшения жизненного уровня крестьян, всего сельского населения.

Однако не все сельские территории в достаточной степени обеспечены земельными и другими природными ресурсами, необходимыми для ведения сельскохозяйственного производства. Поэтому на таких территориях преобладают не аграрные виды хозяйственной деятельности. Зачастую такая деятельность не только имеет экономический эффект, а и обеспечивает воспроизводство общественно значимых ценностей, которые не всегда поддаются стоимостной оценке. В этом смысле сельские территории способствуют воспроизводству и обеспечению устойчивого развития не только руральной территориальной подсистемы, а и всего общества. Речь идет о гарантировании поддержания жизнедеятельности социума, сбережении ландшафтов, в том числе природно-заповедного фонда Украины, предотвращении проявления негативных явлений техногенного характера.

Целевая установка и общественное предназначение сельских территорий реализуются в процессе их функционирования (рис. 1.5). Проявление и соотношение указанных функций является разным для тех или иных разновидностей и типов сельских территорий. Одни из них — основные, иные дополнительные.

Руральное развитие предстает, с одной стороны, как объективный многомерный процесс, которому присущи самоорганизация и саморазвитие, что обусловлено полифункциональностью сельских территорий, и как целенаправленное развитие в соответствии с их общественным предназначением и заданиями — с другой.

В то же время руральное развитие происходит под действием внешних факторов. Его перспективы и динамика прежде всего определяются результативностью аграрной реформы, изменениями в территориальной организации общества, децентрализацией управления.

Определенный алгоритм руральному развитию задает глобализация. Под ее влиянием расширяются его пространственная и функциональная ниши. Усиление интеграционных связей между сельской и городской территориальными подсистемами общества имеет для

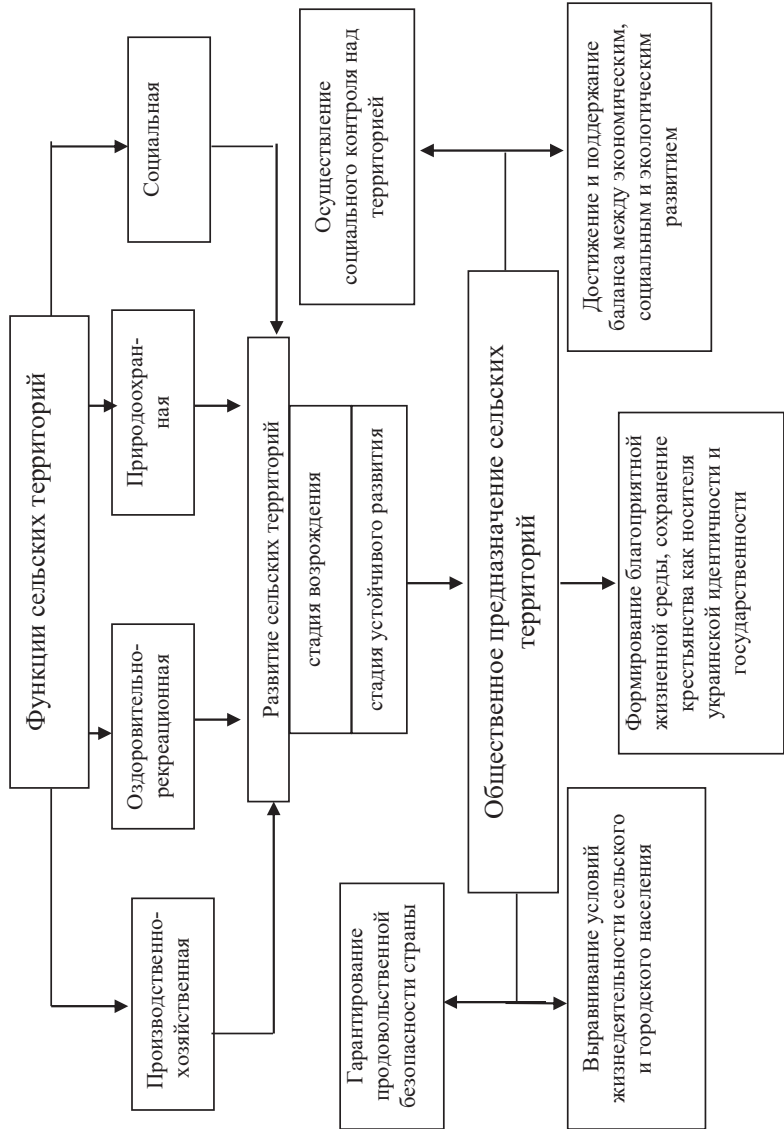

Рис. 1.5. Функции сельских территорий в контексте их общественного предназначения

рурального развития больше негативных последствий, чем позитивных. В первую очередь углубляется пропасть между городом и селом по уровню их социально-экономического развития, растет неэквивалентный обмен между сельским хозяйством и промышленностью. Ускоренными темпами происходит истощение сельского ресурсного потенциала (в лучшем случае он концентрируется в полюсах или точках роста) и «вымывание» людских ресурсов за счет миграции экономически активного населения в города и за пределы страны. Вследствие депопуляции и упадка социальной сферы деградирует поселенческая сеть. Тем самым возникает угроза сохранения шансов на выживание села как такого. В первую очередь это касается сел, отдаленных от больших городов, так называемой «глубинки».

Под влиянием глобализации руральное развитие выходит за пространственные рамки сельской территориальной подсистемы общества, что позволяет идентифицировать данный процесс как рурализацию.

1.3. РУРАЛИЗАЦИЯ КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОЦЕСС

Научное исследование рурализации как об общественного процесса расширяет смысловые и тематические рамки представления о руральности. Формирование такого расширенного представления о руральности зависит от точности и полноты определения сущности рурализации, которое не является однозначным, что обусловлено самой природой данного явления. В научной литературе существуют узкая и широкая трактовки термина «рурализация». При узкой трактовке сущности рурализации она предстает как мероприятия по интродукции в городском ландшафте экологических и эстетических элементов сельского ландшафта. При широкой трактовке сущности рурализации под ней понимается процесс роста числа сельских поселений и численности сельского населения, то есть интенсификации процесса сельского освоения территории, распространение и сохранение сельского образа жизни в определенных территориальных элементах агломерационного расселения [6, с. 36]. И все же представленная формулировка — это суженый формат трактовки рурализации, ограничивающий ее сущность расселенческим и демографическим показателями, хотя и подкрепленная ссылкой на ее агломерационный контекст.

Довольно распространенным является значение термина «рурализация» как переноса в город сельскими мигрантами форм образа жизни, социально-территориальной организации и видов производства, характерных для деревни [84]. Приведенное понимание значения рурализации, во-первых, сужает ее сущность и, во-вторых, указывает на ее подчиненную роль в сопоставлении с урбанизацией и урбанным пространством.

Близкой по значению приведенному определению рурализации является ее трактовка как воспроизводства в городе патриархальных социальных сред и отношений в результате тотального аграрного кризиса, развала социальной сферы села, миграции наиболее трудоспособной части населения. Для снятия рисков неопределенности в меняющейся хозяйственной среде сельское население вынужденно использует практики и институты, унаследованные от прошлого периода развития сельского социума, в виде землячеств, разного рода семей и встраивает их взаимодействия в обществе. В результате возникает эффект клановости (кастовости) в социальных и экономических отношениях. Таким образом, в городском пространстве происходит консервация отношений, воспроизводство новой архаики и укрепляется тем самым фундамент для неэффективного развития [174, с. 169]. В данном случае имеет место негативная оценка рурализации как процесса, воспроизводящего патриархальную среду, которая сдерживает в первую очередь инновационное развитие городов.

Данная версия рурализации с ее различными оттенками представлена в исследованиях экономистов, географов, историков, социологов, этнологов Российской Федерации, Украины, Беларуси, Казахстана, Таджикистана. В одних случаях речь идет о пагубных последствиях инкорпорации культурных традиций села, привнесенных в городской социум сельскими мигрантами. Например, З. Мадминджанова классифицирует рурализацию в Таджикистане как наступление села на город, что, с одной стороны, приводит к снижению удельного веса сельского населения в общей его численности и к распространению сельского образа жизни, сельского мышления и сельского поведения, к постепенному отказу от городских ценностей, — с другой. Учитывая, что процесс строительства новых городов и урбанизации в целом получил широкое развитие в Таджикистане лишь в годы советской власти, такое наступление села на город ведет к утрате городской культуры и связанных с нею традиций, не только в таких крупных городах страны как Худжанд, Курган-Тюбе, Куляб, но

и в ее столице — Душанбе. Городская культура утратила свои позиции также вследствие большого оттока из этих городов в 1990-е годы русскоязычных жителей. Заместившие их выходцы из села не только не принимают правила проживания в больших густонаселенных кварталах, домах, игнорируют правила санитарии, а и приспособливают город к своим условиям жизни, «усовершенствуя» свой быт в городе такими способами как стирка ковров и паласов во дворах или возле открытых водоемов, строительство печей для выпекания хлеба с последующей вырубкой деревьев [169]. Хотя данный автор и осознает условность определения описанного процесса, тем не менее этого недостаточно для получения полноты картины, определяемой термином «рурализация».

На наш взгляд, такой поверхностный подход к процессу рурализации как к чему-то вторичному не в полной мере отражает содержание данного феномена, подменяет его существенные характеристики второстепенными.

В этом смысле гораздо ближе в своем научном поиске истины исследователи, которые рассматривают рурализацию не как последствия урбанизации, а как отток населения из городов в сельскую местность, взгляд на нее как на процесс, имеющий под собой объективную основу или сознательно регламентируемый и регулируемый государством. Так, правительство Татарстана осуществляет политику рурализации, понимая ее как возвращение жителей в села. С этой целью в Стратегию развития республики Татарстан до 2030 года включены меры, связанные с созданием комфортных условий жизнедеятельности в сельской местности как способом повышения роли села в экономике республики [10]. Скорее всего таким образом возможно лишь сократить темпы миграции сельского населения, но невозможно остановить его отток.

На этом фоне более естественным и реалистичным выглядит восприятие процесса рурализации, сопровождаемого сознательным выбором городским населением сельской местности как места жительства более привлекательного, чем города. И. Высавская определяет этот процесс как дауншифтинг по-приазовски. Как известно, данным термином называется явление, связанное с уходом жителей крупных городов в сельскую местность ради общения с природой. В классической форме дауншифтинг ассоциируется с переездом в Таиланд, на Гоа, в Доминикану, Египет. Сторонники этого течения прибегают к сдаче собственного жилья в наем, а сами на полученные от аренды

денежные средства временно поселяются на берегу океана. В описываемом случае речь идет об интенсивном освоении Азовского района (пригород г. Ростова) городскими жителями не только южных, а и северных регионов России. Одни из них стараются обзавестись дачей, другие выкупают сельские дома или строят новые дома коттеджного типа. Они занимаются здесь выращиванием экологически чистых продуктов, организуют отдых на природе, но при этом продолжают работать в городах. Данное обстоятельство позволяет рассматривать указанный процесс как большую рурализацию [49].

Приведенные определения руральности в рурально-урбанном контексте свидетельствуют о необходимости не противопоставления рурализации урбанизации, а рассмотрения их как единого и встречного процесса.

При этом, по мнению Ю. Поросенкова [296, с. 158, 159], рурализация и урбанизация могут наслаиваться, проникать друг в друга. Например, экстенсивный этап урбанизации, который пережил СССР в период ускоренной индустриализации, сопровождался массовым оттоком сельских жителей в города и привел к временному усилению сельского образа жизни во многих городах, окраины которых по характеру застройки, планировки, благоустройства и характера поведения населения сохраняли руральный облик. Поселки городского типа являлись городскими лишь по их административному статусу и структуре общественной деятельности населения. В 1990-е годы снижение уровня жизни привело к оттоку из крупных городов их жителей преимущественно пенсионного возраста в сельскую местность. С другой стороны, постсоветские экономические реформы стимулировали массовое распространение личных подсобных хозяйств садово-огородного типа в пригородных зонах, что свидетельствовало об урбанизации пригородных сел и рурализации образа жизни городского населения указанных категорий (пенсионеры-переселенцы, сезонные дачники-огородники).

Итак, не только город, но и село имеет обратное влияние на городскую жизнь, тем самым рурализируя ее. Природу данного влияния еще в 1950-е годы раскрыл американский социолог Л. Вирт, который точно подметил, что наша социальная жизнь в большей или меньшей степени несет на себе отпечаток существовавшего ранее народного общества, для которого были характерны такие формы поселения как крестьянский двор, поместье и деревня. Это историческое влияние усиливается тем обстоятельством, что население

города рекрутируется большей частью из сельской местности, где сохраняется образ жизни, напоминающий об этой ранней форме существования человечества. А потому нет оснований ожидать резкого и радикального различия между городским и сельским типами личности [46, с. 91].

В современной науке формируется исследовательский подход, в рамках которого процесс рурализации определяется как — обратный урбанизации. В частности, В. Бизянов связывает деурбанизационные изменения с необходимостью перехода жизнеустройства от индустриального (перепроизводство) к постиндустриальному обществу (сервис и услуги, инновации седьмого технологического уклада) в форме рассредоточения потенциала страны, переноса деятельности (промышленный аутсорсинг) и оттока населения из больших городов (мегаполисов) в малые поселения (в сельскую местность) в связи с возрастанием угроз природных, техногенных, искусственных (война, терроризм) и социальных (безработица, революция) катаклизмов, ухудшением в больших городах экономической (трудовой, жизненной, продовольственной) ситуации, а также по экономическим (экопоселения) или религиозно-сентименталистским мотивам (идейные общины). К факторам, способствующим ускорению процесса рурализации в России, этот автор относит следующие [18]:

— отсутствие необходимости жить сверхплотными поселениями в больших городах, так как упрощается перемещение (скоростной транспорт) на большие расстояния, общение и обмен информацией на больших расстояниях, возрастает количество специальностей, позволяющих работать удаленно, растут возможности получать образование дистанционно и самостоятельно;

— возникают проблемы транспортного коллапса мегаполисов, экологические проблемы городов, риски пандемий и регулярность вирусных эпидемий;

— земля и жилье в городах недоступны большинству горожан, стоимость которых существенно превышает их стоимость в сельских районах, где дешевле и легче строить жилье.

Отдельные социологи причины рурализации, как процесса обратного урбанизации, объясняют кризисом урбанизма, который создает предпосылки для сельского ренессанса. В связи с этим А. Хагуров, акцентируя внимание на миграции из города в село, как факторе рурализации, выделяет ее пять видов. Первый вид миграции обусловлен высокой техногенной нагрузкой на окружающую среду в городах,

пагубно влияющей на здоровье и продолжительность жизни горожан. Второй вид миграции — социокультурный, проявляющийся в культурных и религиозных мотивах. Третий вид миграции в села связан с поисками лучшего качества жизни и проявляется в коттеджном строительстве, осуществляемом состоятельными горожанами. К четвертому виду миграции относится маятниковая миграция, которая активизируется в весеннее-летний период, когда горожане устремляются в сельскую местность с целью укрепления здоровья, улучшения качества питания и заготовки фруктов и овощей. Данный вид миграции хотя и классифицируется как маятниковая, тем не менее зачастую связан с преодолением расстояний от одной до трех сотен километров, отделяющих дачные постройки от постоянного жилья, расположенного в крупных городах. Пятый вид миграции из города в село характерен для русскоязычных переселенцев из стран СНГ [418].

Однако описанный тип рурализации далеко не все исследователи склонны оценивать как сельский ренессанс. Так, В. Нехамкин классифицирует его как антиурбанизм (альтернативу урбанизации), определяя его как систему теоретических построений и практических действий, негативно оценивающую роль городов в жизни людей, рассматривающую городские территории как сферу аморализма, скученности, хаоса, преступности, иных антисоциальных проявлений, вызывающих необходимость обязательного переселения городского населения в сельскую местность [203, с. 7].

На наш взгляд, трудно согласиться, во-первых, с авторской оценкой антиурбанизма как системы представлений и действий, во-вторых, с противопоставлением города, как исключительно места средоточения зла, селу как сфере добра, в-третьих, с возможностью сельской местности поглотить и ассимилировать большие потоки городского населения.

Независимо от того, каким способом идентифицируется рассматриваемый тип рурализации, вызванной переселением горожан в сельскую местность на постоянное или временное проживание, она в принципе не способствует повышению общественной значимости руральности, ее продвижению в пространстве и не динамизирует руральное развитие. Это во многом предопределено мотивами, целевыми установками городских мигрантов, их профессиональным уровнем и социальным статусом. Как правило, мигранты — это пенсионеры или лица, испытывающие трудности материального характера по месту прежнего места жительства. Удельный же вес мигрантов,

переселившихся в сельскую местность по соображениям идейного характера, является незначительным. Владельцы домов коттеджного типа не принимаются в расчет в силу их сознательной самоизоляции от сельских общин и местных проблем. Как реальная движущая сила руральности, исходящая из среды городских мигрантов, могут рассматриваться предприниматели, планирующие развитие собственного бизнеса на селе. Однако подобная перспектива выглядит маловероятной в силу неразвитости здесь инфраструктуры, отсутствия государственной поддержки и наличия монополии на распоряжение природными и другими ресурсами, которой обладают агрохолдинги. Более реальным является путь размещения в сельской местности, в основном в пригородной зоне, предприятий и цехов перерабатывающей промышленности.

Следует также иметь в виду, что и с точки зрения количественной число городских мигрантов является незначительным, поскольку, по убеждению Л. Вирта, покинуть города значило бы отказаться от преимуществ крупного производства, использующего самые хитроумные приспособления, известные человеку. Другая альтернатива — сделать город местом, пригодным для человеческой жизни [46, с. 123]. Однако, как нам представляется, город не во всем может заменить собой село, связанное с природными основами жизни.

В свою очередь, сельское население, его молодое поколение, не желающее существовать в парадигме выживания, отдает предпочтение городу, предоставляющему более широкий диапазон жизненных возможностей по сравнению с селами. По этой причине миграция сельского населения выглядит более реальной, чем отток в села горожан. В этом смысле речь идет о «рурализации» городов. Поэтому неслучайно Д. Хофман назвал свое исследование Москвы 1930-х годов «Крестьянская столица». Однако трудно согласиться с К. Шлегелем, считающим, что города, захлеснутые массовыми потоками крестьян-поселенцев, усваивают культуру и обычаи деревни, а сами же крестьяне при этом постепенно превращаются в рабочих [438].

Действительно, урбанизация не только обусловила быстрый рост городов и городского населения, а и продемонстрировала преимущества городов как промышленных, транспортных, научных, культурных и административных центров. Города тем самым сформировали в общественном сознании образ территорий, более привлекательных по условиям жизнедеятельности, чем сельские, который материализовался в миграционном поведении сельского населения. Приток

значительного количества сельской молодежи, которая не приобрела устойчивых психологических и духовных черт, в иную социокультурную среду ведет к формированию в городах переходных маргинальных групп, которым присущи такие специфические признаки: искаженная самоидентификация как истинных (действительных) жителей городов; безразличное отношение к своей малой родине; приспособление любой ценой к непривычным условиям жизнедеятельности; настороженность ко всему новому; нежелание сохранять и поддерживать сельские традиции; использование в деловом общении и быте русско-украинского суржика.

В научно-популярной литературе для передачи содержания такого типа рурализации используется термин «рагулизация» [388; 389], который означает незавершенность процесса распространения на городской стиль жизни продуктов сельской культуры, в том числе моделей поведения и ценностей, привнесенных в городское культурное пространство многочисленными выходцами из села. Проводниками рагулизации являются рагули — «сельские горожане», которые неспособны принять и усвоить городскую культуру. Проявление такой самоуверенной малокультурности передается с помощью термина «рагулизм».

По мнению львовского писателя Ю. Винничука, в далекие времена рагули жили за городской чертой, а их въезд в город перекрывал шлагбаум («рогатка»). Данной категории городского населения присуща такая доминирующая черта как кажущаяся любовь к своей малой родине, на которую не желательно возвращаться [389, с. 24]. Очевидно, что рагулизм как определенное общественное явление присущ каждому большому городу, причем чем больше его размер, тем больше в нем рагулей.

В конечном итоге рассмотренный тип рурализации ведет к «окрестьяниванию», «оселяниванию» и аграризации урбанного образа жизни. «Окрестьянивание» получило свое проявление в волнах массовой миграции в города крестьянства в результате осуществления советской ускоренной индустриализации второй половины 1920-х — середины 1930-х годов, оргнабора по послевоенному восстановлению городов, бегства из колхозов после получения крестьянами паспортов начиная с конца 1950-х годов и в поисках лучшей жизни в постсоветский период, когда социальный слой крестьянства уже был растворен в широком потоке сельского населения. «Оселянивание» городов выражалось в инкорпорации в городской быт и культуру эле-

ментов сельского образа жизни, традиций и привычек, ментальности сельских мигрантов. Аграризация занятий горожан проявилась в культивировании дополнительной, а у пенсионеров основной занятости жителей городских окраин в личных подсобных хозяйствах, на земельных участках, выделяемых под сады и огороды. Кроме этого, часть горожан трудилась в колхозах и совхозах, расположенных на территориях сел и поселков, входящих в черту города, а также на перерабатывающих предприятиях.

Таким образом сельская миграция в городе в определенном смысле (негативном) стирает грани между городским и сельским образом жизни ценой решения проблемы трудовой занятости в сфере обслуживания. При этом города разрастаются как по площади, так и по количеству населения, оставляя нерешенной их главную проблему, сформированную Л. Виртом и связанную с необходимостью ограничения их роста. В противном же случае существует угроза социуму быть раздавленными этим сложным организмом. На этом фоне слабым утешением выглядит виртовское назидание о том, что не будь город столь привлекателен и не будь того влияния, которое он оказывает на сельское население, разница между сельским и городским образами жизни была бы еще более глубокой [46, с. 4, 92].

Следует заметить, что влияние города с его привлекательностью на практике имело скорее отрицательное значение, чем положительное, не только для деревни и состояния рурального бытия, а и для общества в целом, негативно отразившись на выполнении функции воспроизводства в самом широком его значении, включая и окружающую природную среду с ее ресурсами, столь значимыми и для воспроизводства самого человека, следствием чего стали большие потери человеческого капитала на селе.

Исследуя данный процесс применительно к России, Т. Нефедова и Дж. Пэллот вывели зависимость степени депопуляции сельской местности от природных условий и удаленности от крупных городов. Максимальных размеров депопуляция достигла в Нечерноземье: между Москвой и Санкт-Петербургом сформировалась зона, где доля сельских домохозяйств, состоящих из одного-двух человек, составляет более 60 %. Плотность сельского населения вблизи региональных столиц в среднем оказалась в 12 раз больше, чем в наиболее удаленных, окраинных районах. Наиболее плотно населенными оказались пригородные и полупригородные районы. Несколько иная ситуация сложилась на юге России, и прежде всего, на Северном Кавказе, где

плотность сельского населения составляла 20–30 человек на 1 кв. км. А в пригородных районах она была в 3 раза выше, чем в окраинных. До 1990-х годов численность сельского населения росла и на северо-восточных окраинах страны в связи с освоением новых земель и природных ресурсов [199, с. 134–136].

Влияние урбанизации на отток экономически активной части сельского населения в города также было неравномерным и в Украине, где наиболее низкой плотность сельского населения оказалась в северо-восточных регионах (Черниговский, Сумской, Харьковской). А наиболее густонаселенными являются административные районы Западной Украины, которая представлена одним крупным городом — Львовом. Вопреки отсутствию в западных регионах значительных массивов сельскохозяйственных земель здесь удельный вес сельского населения является наиболее высоким, а количество крупных сел — наибольшим.

С формальной точки зрения, учитывая высокую плотность сельского населения, его значительный удельный вес в западных регионах Украины, можно было бы признать их достаточно рурализованными. Однако вследствие незанятости значительной части экономически активного сельского населения в общественном секторе производства оно вынуждено в поисках работы выезжать за пределы Украины.

Подчеркивая встречный характер взаимодействия рурализации и урбанизации и его влияние на рурализацию в целом, одновременно отметим дихотомичность данного процесса. Вместе с тем отдельные исследователи настаивают на признании условной грани между городом и селом по статусу, функциям, облику, образу жизни и «наполнению» места группами подвижных обитателей [296, с. 161]. По нашему убеждению, таким контактными местами являются дачи как проявление не городских видов жизни [283]. В данном случае имеются в виду не классические городские дачи, превратившиеся в виллы состоятельных горожан, а загородные дачные (садово-огородные) поселки и дома с земельными участками, расположенные в селах, владельцами которых являются от половины до двух третей городских жителей постсоветских независимых государств. Наряду с хозяйствами сельского населения владельцы этих дач выполняют важную функцию продовольственного обеспечения своих стран, выращивая на своих земельных участках продукцию, предназначенную не только для удовлетворения потребностей собственных семей, но

и для реализации на рынках. Естественно, что кроме экономической функции эти дачи выполняют и рекреационную функцию. Несмотря на сезонный характер данного вида жизнедеятельности, сочетающего в себе городские и сельские черты, он способствует аграризации занятий горожан и рурализации их образа жизни. Это послужило основанием для определения данного явления как дачезации [198; 436; 429]. По-сути дачезация — это двусторонний процесс рурализации, проводником которого являются, с одной стороны, сезонные горожане-переселенцы, а также сельские мигранты городов, тяготеющие к сельскохозяйственному труду в загородных садово-огородных товариществах — с другой. Если «сельские» горожане своим отношением к труду на земле демонстрируют в городской среде пример бережного отношения к дарам природы и к земледельческому труду, то городские дачники, поддерживая развитие жизни в сельской местности, тем не менее ставят своей целью привлечение внимания сельской общественности к делу спасения современного села.

Для получения более полного представления о сущности феномена рурализации целесообразно привести ее классификацию, которая подразделяется на мнимую (ложную), действительную (фактическую) и гибридную (дачезация). К разновидностям первой относятся инверсионная рурализация в виде реакции на наступление города на село (урбанизация); очаговая (заселение пригородной зоны городскими мигрантами-маргиналами, которые оседают здесь чаще по приговору судьбы, чем по сознательному выбору, а также использование этой пограничной территории состоятельными горожанами под коттеджное строительство); административная (утрата поселками городского типа статуса городских поселений); ментальная, связанная с растворением городского стиля жизни в нарастающем потоке маргинальной культуры сельских переселенцев. Данный вид рурализации не содержит в себе конструктива по отношению как к городскому образу жизни, так и к сельскому, искажая саму сущность рурализации. Гибридная рурализация выступает компромиссом между рурализацией и урбанизацией и ограничена ее сезонным характером. Фактическая рурализация проявляется в расширении и развитии рурального пространства, реосвоении староосвоенной сельской местности в форме идейной (социокультурной), экологической (природной) деурбанизации как антипода урба-руральной конфронтации, но главным образом — распространении руральности за счет выполнения сельскими территориями функции общественного воспроиз-

водства, насыщения сельского рынка рабочей силой, оптимизации количественного соотношения горожан и сельчан за счет природного прироста сельского населения, повышения его плотности, стабилизации сельской поселенческой сети, увеличения удельного веса сельскохозяйственной продукции в валовом внутреннем продукте, валовой добавленной стоимости сельского хозяйства, перерабатывающей промышленности в общем объеме добавленной стоимости.

В целях придания процессу рурализации целенаправленности и динамизма важно реально оценивать ее восприятие обществом. Трудно спорить с мнением некоторых российских географов о том, что несмотря на урбанистическую скученность, стрессы, сложную экологическую ситуацию, дороговизну городской жизни трудно ожидать массового добровольного возвращения горожан на сельскую периферию [296, с. 283]. Заметим, что такой исход маловероятен и по отношению к густозаселенному и хозяйственно освоенному руральному пространству. Поэтому движущей силой рурализации является автохтонное сельское население, что в принципе не исключает инкорпорации в руральную среду городских предпринимателей, а также волонтеров, преследующих не экономический интерес, а подчиняющих свою деятельность цели возрождения села, его исконных корней как прародины человечества и природного резервуара.

Однако такие надежды останутся тщетными до тех пор, пока не произойдут кардинальные изменения в общественном сознании, связанные с восприятием села как источника жизненной силы социума. Подобную оценку мы находим в фундаментальном труде К. Маркса «Капитал». «Если мелкая земельная собственность, — отмечал К. Маркс, — создает класс варваров, который наполовину стоит вне общества, который соединяет в себе всю грубость первобытных общественных форм со всеми страданиями и всей нищетой цивилизованных стран, то крупная земельная собственность подрывает рабочую силу в той последней области, в которой находит убежище ее природная энергия и в которой она хранится как резервный фонд для возрождения жизненной энергии нации — в самой деревне» [177, с. 884–885].

Формой и способом реализации данной установки выступает рурализм как идеология руральности.

1.4. РУРАЛИЗМ КАК МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ИДЕЙНОЕ ТЕЧЕНИЕ

Из четырех основных научных категорий, по которым идентифицируется руралистика, наименее разработанной является категория «рурализм», что связано прежде всего с несоответствием содержания, приписываемого в научной литературе данному термину, его сущности. Причем делается это не в прямой постановке, а опосредованно, по принципу «от обратного», через позиционирование рурализма как антиномии урбанизма. Начало этой традиции было положено Л. Виртом, опубликовавшим в начале 1950-х годов статью «Урбанизм как образ жизни», в которой город описывается как особая форма человеческой ассоциации. Очевидным образом предполагалось, что на противоположном городу полюсе находится сельская местность. Но как города отличаются друг от друга, отмечает Л. Вирт, так отличаются друг от друга и сельские поселения. Оставляя без ответа вопрос о критериях сельской жизни, отличающих ее от городской, американский социолог ограничивается классификацией сельских поселений на сельские нефермерские поселения, деревни и рассеянные на больших пространствах фермерские ареалы. Сгребание в одну кучу огромного многообразия городов и сельских поселений, констатирует Л. Вирт, скорее скрывает, чем раскрывает отличительные особенности тех и других, а само принятие идеально-типических полярных понятий не доказывает, что город и сельская местность фундаментально и необходимо различны [46]. В статье, раскрывающей различия между «сельским» и «городским», опубликованной после ухода из жизни Л. Вирта [510], использован термин «рурализм», который перестал отождествляться с немеханизированным трудом, как и не тождественен индустриализму урбанизм, что стало следствием приближения постиндустриальной эпохи. В этих условиях происходит стандартизация образов жизни, на фоне чего сельская жизнь, какой мы ее до сих пор знали, начинает выглядеть в наших глазах во многих отношениях архаичной, поэтому мы смотрим на нее, отмечает Л. Вирт, как на пережиток прежней эпохи. Из этого следует, что в изложении Л. Вирта рурализм — это сельский образ жизни, являющийся патриархальным и таким, который не соответствует духу времени. В этом смысле данная точка зрения не содержит новизны, а определение рурализма, собственно, как и урбанизма в качестве образа жизни, является своего рода заблуждением, поскольку явления, описываемые Л. Виртом как урбанизм и рурализм, есть не что иное

как урбанность и руральность, т. е. состояние городского и сельского бытия.

В этом плане более убедительным был Д. Менделеев, сместивший акценты в определении сущности рурализма (не используя в научном обиходе самого термина) с собственно образа жизни на его отражение в общественном сознании в виде определенных представлений о самом явлении. Будучи эволюционистом по своим научным взглядам, Д. Менделеев не отрицал, что сельскохозяйственные интересы считались в начальных периодах истории перворазрядными и роль всех видов деятельности людей почиталась подчиненною этим интересам. Поэтому в своем незавершенном сборнике трудов «Познание России. Заветные мысли» он подверг критике энциклопедистов конца XVIII ст. и деятелей Великой Французской революции, считавших лишь сельское хозяйство плодотворною промышленностью, а все прочие виды ее — бесплодными. Однако, указывает далее он, не только такие идеалисты, как славянофилы прошлого времени, а и граф Л. Толстой в наши дни, а с ними и масса наших литераторов, по сей день приписывают сельскому хозяйству во всех отношениях высшее значение для всей жизни людской современной и предстоящей и желают явно или между строк, чтобы этой мыслью определялись все мероприятия людские. Д. Менделеев понимает, что без плодов сельского хозяйства поныне жить и множиться людям нельзя, поэтому они, осознав производительное и преимущественное значение труда, — волей или неволей — непременно должны стремиться к другим видам промышленности, и чем дальше, тем больше. Он подчеркивал роль А. Смита, указавшего на разделение труда как на первую причину всех видов прогресса и как на средство, которое нашло человечество, перешагнув первичный патриархальный быт (способ добывания пищи, одежды и крова), о потере которого плакались такие передовики, как Ж.-Ж. Руссо, плачутся и современники. Плач их поистине должно считать полуребяческим, убежден Д. Менделеев, потому что в патриархальном быте, как и в быте высших животных, должен наступить конец прироста, а человечество, взятое в целом, этого конца не признает, будучи проникнуто инстинктивным стремлением к сохранению и развитию человеческого потомства и считая эту любовь к потомству первой обязанностью сознательно разумной деятельности. При этом мыслитель считает, что обманывают земледельцев и сами обманываются те писатели, которые панацею всего видят в росте земледелия. Улучшения в нем необходимы, но

они должны идти последовательно, из самого народа, от развития в нем образования и от накопления у него средств к улучшению, а всякое вмешательство в это дело — не только ненужно, а и вредно. Благо народное, как полагал Д. Менделеев, требует, чтобы земледелец вел свое хозяйство с выгодой, а не просто бы отбывал перед землей повинность, подобную барщинной [185]. Задача повышения образования, самосовершенствования земледельца перекликается с мыслями Н. Бердяева, обратившего внимание на то, что человек может быть рабом не только внешнего мира, но и самого себя, своей низшей природы [16, с. 324—325]. Как видим, Д. Менделеев видел в земледелии не только способ добывания человеческих благ, но и определенный образ жизни, меняющиеся в процессе общественной эволюции, выделяя ключевую роль в этом процессе крестьянина через его отношение к земле и к соответствующему труду. В свете поиска сущности рурализма нас здесь больше интересует не столько сама триада «способ жизнедеятельности (добывания благ) — ее ресурс и фактор (земля) — субъект (крестьянин)», сколько ее отражение в мыслительной деятельности исследователя, отслеживающего саму историческую эволюцию процесса во взаимосвязи его составляющих.

Безусловно, системообразующую роль в представлении сущности рурализма как определенной системы убеждений о сельском образе жизни играет оценка отношения крестьян и всего общества на том или ином этапе его развития к земле, а через это отношение — определение общественных ценностей.

Система общественных ценностей, основанная на указанных критериях, исторически была исходной, но постоянно изменялась под воздействием научно-технического прогресса. Соответственно претерпевало изменения и отношение крестьян к земле и общества к крестьянству как к своей праоснове, иногда оно достигало крайних значений у представителей не только разных, но и одного поколения.

Предметом нашего исследования является анализ эволюции взглядов на крестьянство через его отношение к одному из главных природных богатств — земле — в контексте взглядов прежде всего наиболее передовой части украинского общества — его мыслителей, к которым наряду с научной элитой относились и известные писатели. Вместе с тем научный интерес также представляет и сопоставление их взглядов с мнением видных европейских и евразийских писателей, которые в художественно-образной форме описывали особенности сознания крестьянства, принадлежащего к различным

странам и разным эпохам. С познавательных позиций для нас представляет интерес их аргументация восприятия крестьянства через отношение последнего к своему предназначению, общественному долгу и собственной судьбе. При этом важен анализ аргументации как тех из них, кто идеализирует крестьянский мир, так и критически относящихся к нему.

В западной писательской среде тонким знатоком жизни и психологии крестьян, критически настроенным по отношению к ним, зарекомендовал себя Оноре де Бальзак. В своем произведении «Сцены сельской жизни. Крестьяне» (1845 г.) французский писатель сформулировал свое исследовательское кредо следующим образом: «надо отправиться в деревенскую глушь, дабы изучить на месте непрерывные козни, которые строят те, кого мы до сих пор называем слабыми, против тех, кто считает себя сильным, — крестьянина против богача...» [222]. Отслеживая поведенческую линию крестьян, Оноре де Бальзак использует категорию нравственности, в понимании которой он был близок к Ф. Достоевскому, показавшему, что нравственность, построенная на шатких основаниях личного произвола, неизбежно приводит к принципу: «все дозволено», т. е. к прямому отрицанию всякой нравственности [85, с. 11]. Французский писатель связывает безнравственность с корыстью, завладевшей всеми помыслами крестьян после 1789 года в особенности; им не важно, законен ли тот или иной поступок, не безнравственен ли, а только выгоден ли он для них или нет. Нравственность, которую отнюдь не следует смешивать с религией, начинается с достатка: деликатность чувств, которую мы наблюдаем в более высоких сферах, расцветает в душе человека только после того, как богатство позолотит его обстановку. Вполне честный и нравственный крестьянин — редкость. В силу своего общественного назначения крестьяне живут чисто материальной жизнью, весьма близкой к дикарскому состоянию, чему способствует и постоянное общение с природой. Труд, изнуряющий тело, отнимает у мысли ее очищающее действие, тем более у людей невежественных. Для крестьянина его нищета все оправдывает [222].

Бальзаковская дедукция нравственности из богатства на самом деле далеко не безупречна. Первичным здесь является вопрос о природе богатства, в данном случае французского дворянства. Безусловно, его основу составляет изнурительный труд крестьянина. В этом смысле был более точен А. Пушкин, указавший на тесную связь благосостояния крестьян с пользой помещиков. Отсюда следует, что

основой управления крестьянской вотчиной является аксиома: чем мужик богаче, тем он избалованнее, чем беднее, тем смиреннее [297, с. 48]. В связи с этим смиренность вотчины является главной крестьянской добродетелью. Поэтому для крестьян полезнее строгость или, точнее, для помещичьего хозяйства. Разумеется, Оноре де Бальзак описывает, в отличие от А. Пушкина, иную эпоху, наступившую после победы Великой Французской революции, принесшей свободу и крестьянскому сословию. Но до революции они не имели ни земли, ни свободы, что не могло не отразиться на их последующем отношении к власти.

Существенная особенность французских крестьян — это их юридически неопределенный статус третьего сословия, в которое помимо них также входили купцы, ремесленники и буржуа, что затрудняло как выделение крестьянства из этой совокупности сословий, так и осознание им собственных классовых интересов, развитие самосознания. Они вынуждены, находясь в связке с буржуазией и будучи ведомыми ею, защищать, порой, чуждые им интересы. Крестьяне поддержат тех, кто эмоционально свяжет проблему земли, традиции со свободой: поэтому они будут поддерживать и Робеспьера, и Наполеона. Но их самостоятельное выступление, пусть иногда спровоцированное, как в Вандее, всегда есть бунт, и это бунт «жестокий и беспощадный» [67].

Весьма уязвимой выглядит позиция О. Бальзака относительно зависимости дикарского состояния (оставим на совести и само определение данного образа жизни) крестьянства от постоянного общения с природой. Его условный оппонент по этому вопросу — Ж.-Ж. Руссо, призывая человечество вернуться к природе, тем самым выражал свое негативное отношение к цивилизации. Соответственно свою любовь к крестьянину он проявлял через ненависть к аристократу, коммерсанту, бюрократу, человеку, связанному с искусственной средой, а не с природой. Его призыв возврата к природе означал не возвращение на четвереньках в лес, а установление всеобщего равенства.

«Идиотизм деревенской жизни», используя терминологию К. Маркса, в полной мере изображен в романе Э. Золя «Земля» (1887 г.), неоднозначно воспринятом современниками, но принесшем его автору славу, хотя и скандальную. Речь идет прежде всего о публикации в год выхода романа «Манифеста пяти» (статья молодых французских писателей, прежде разделявших творческие искания писателя), в котором это произведение было названо «ублюдоч-

ным», а сам автор — человеком, «скатившимся на самое дно помойной ямы» (крестьянская жизнь). Данная оценка была поддержана и А. Франсом.

Крестьяне «Земли» — это не те традиционные идиллические пахари, какими изображала их Ж. Санд, они вызывают в памяти крестьян О. Бальзака, немного сродни крестьянам Г. де Мопассана. Это дети земли. С землей-кормилицей связывают они свои надежды на скупое счастье, из-за нее рвутся семейные связи, возникает вражда и ненависть. Несмотря на увлечение автора показом биологической стихии, физиологических крайностей и описанием натуралистических подробностей, А. Луначарский назвал роман «Земля» великой книгой, которая заставляет думать о нетерпимости положения крестьян [352].

Картины крестьянской жизни, описанные во французской художественной литературе, в значительной мере отражали ее состояние в XIX ст., когда крестьянство оставалось таким же невежественным и косным, как и во времена средневековья, но уже не желало жить культурой замков и монастырей, т. е. той культурой, которая исходила от господствующего класса. Ему еще предстояло сформировать свое отношение к новому времени, но рассчитывать на высокую культуру, судя по крестьянскому быту, не приходится.

Следует также учитывать специфику Франции как бюргерской и буржуазной страны, родины буржуазной идеологической революции, колыбели Просвещения, где эра капитализма зарождалась еще в XVI ст. В силу перечисленных обстоятельств такую страну сложно отнести к категории типичных аграрных стран. Другое дело — страны Восточной Европы.

В этом плане показательным является творчество польского писателя В. Реймонта — лауреата Нобелевской премии 1924 года по литературе, номинированной за роман «Мужики» (1904–1909 годы). Действия романа разворачиваются в последовательности природного цикла: осень, зима, весна, лето в реально существующей польской деревне начала XX ст., получившей впоследствии к своему историческому названию Липовцы дополнение Реймонтские в знак уважения к знаменитому земляку. Хотя в романе речь идет о событиях более поздних по сравнению с описываемыми О. Бальзаком, но по своей сути они характеризуют типичный психологический портрет крестьянства индустриальной эпохи, которое хотя и предстает социально расслоенным на богатых и бедных, но в целом не желающим подчиняться власти помещика, используя лукавство, саботаж, раз-

личные способы ухищрений. Свое отношение к крестьянству автор выразил через своего героя Мацея Борыну, который в своей исповеди Святому Петру так объяснил свой приход к воротам рая: «невтерпез мне стало на земле: люди там, как волки, грызутся между собой... царят на земле разврат, пьянство, злоба... забыл народ о послушании, о честности, брат восстает на брата, дети на отцов, жены на мужей, слуги на господина... везде хитрость одна, жульничество да воровство... будь это самый лучший луг — потравят и вытопчут... норвят запахать от чужого поля хотя бы самый маленький клочок... курицу выпустишь со двора — живо утащат, как волки, куска железа, веревки нельзя оставить — будь они хоть ксендзовы, непременно украдут... пьют, развратничают, в божий храм не ходят, хуже язычников». На что последовала такая реакция Святого Петра: «земля у вас плодородная, и выгоны есть, и луга, и леса участок, а вы, псы поганые, с жиру беситесь... Даю им сроку три недели. Если не исправятся, — так их прижму голодом, да пожарами, да болезнями, что попомнят меня, негодяи, этакие! [345].

Данное предостережение выглядит не действенным на фоне состояния дел мирских жителей села Липовцы. Так, героиня романа Агата — престарелая женщина, которая не имеет не только избы, а и собственной кровати, вынуждена всю зиму странствовать в поисках пропитания, поскольку вне сезона для нее нет не только работы у своих родственников, но и крова, свое место в хлеву она вынуждена уступить скоту. Другой герой, бедняк Антек, не желает работать у богатых крестьян, хотя гроша медного не имеет за душой, а его семья перебивается картошкой с солью. Бедные крестьяне сами не желают трудиться и не хотят терпеть вокруг себя хозяйственных немцев, которые вынуждены покинуть село под давлением местных польских мужиков. Не жалуют мужики и помещика, готового пойти с ними на мировую, выдвигая тому свое условие — передачу им леса и земли. Недоверие и вражда к помещику являются следствием жизненного опыта, когда помещик не жаловал мужика и в грош его не ставил. Такова историческая реальность польской деревни, в которой отразились противоречивые процессы общественной жизни европейских стран, переживающих переход от одной эпохи к другой, в котором все меньше места остается исторически мало востребованному мятежному крестьянству. Придерживаясь географического и исторического принципов рассмотрения крестьянства в контексте цивилизационного развития человечества, обратимся к сельскому пространству

Хорватии — в межвоенный период являющейся составной частью Югославской Федерации, в которой сочетались сильные городские и аграрные традиции, представленные в форме иллюстративного материала как способа визуализации хорватской аграрной истории в фундаментальном исследовании Й. Хорвата «Хорватская история» (1939 и 1942 годы) [116]. Акцентируя внимание на репродукциях картин известных художников, автор демонстрирует гармоничное сочетание городской и сельской тенденций в истории Хорватии, тем самым позиционируя хорватскую дихотомию — сосуществование городской и сельской культур. Названия картин: «Хорватский крестьянин», «Родная земля», их содержание закрепляют в сознании образы крестьян в национальной одежде, их быт, ландшафт, сельские дороги. Изображение на городской площади повозки и крестьян, одетых в народные костюмы, подчеркивает сочетание городских и сельских мотивов в истории и культуре Хорватии. Сельская Хорватия воспринимается как периферия, однако осознается как центр поддержания народной культуры, национальных традиций. Само же исследование Й. Хорвата является синтезом исторической науки и визуально-художественного (живопись) искусства, способствующим созданию целостного аграрного образа, свидетельствующего о том, что аграрная традиция не угасает в обществе, подверженном модернизации.

Свидетельством жизнестойкости данной общественной тенденции и культурной традиции является эволюция чехословацкой литературы 1920–1950-х годов в форме общественно-политического движения «Рурализмус», наиболее ярким представителем которого был Й. Кнап.

Следуя традициям деревни XIX ст., писатели ставили в центр своего внимания тему отношения к земле, судьбу крестьян и будущее аграрного развития в период индустриализации страны и осуществления преобразований в сельском хозяйстве в 1940-е годы, направленные на ликвидацию частной собственности на землю. С приходом к власти коммунистов позиции руралистов в общественной жизни страны сошли на нет, сыграв свою заметную роль в активизации международного земледельческого движения в 1920-е годы.

Большое внимание крестьянско-земельной теме уделяли видные деятели русской литературы. Как и в случаях с украинской и белорусской литературой, такой повышенный интерес со стороны прозаиков к данной теме объясняется тем, что именно крестьянство составляло абсолютное большинство населения в период формирования наци-

ональных культур этих славянских народов (конец XVIII — начало XIX ст.).

Исследуя художественные и ценностные источники русской деревенской прозы, З. Матушова [182] выделяет две линии в изображении деревни, берущие свое начало с XVIII ст.: радищевскую (радикально-просветительская) и карамзинскую (сентиментальная с элементами идеализации деревни). Бинарный взгляд на деревню становится для этой темы судьбоносным и доминирующим, пронизывая всю историю деревенской литературы вплоть до XX ст. включительно. Такая двойственность позиции была присуща не только тем или иным литературным течениям, но и их творцам.

В этом отношении характерным является пример творчества Л. Толстого, который в начале своего литературного пути стоял на позициях сентиментализма, а позже стал придерживаться критически-реалистической точки зрения на деревню и крестьянство. Еще будучи студентом, Л. Толстой решил посвятить себя жизни в деревне: с 1847 по 1851 год он безвыездно прожил в Ясной Поляне. Описывая этот период в своем произведении «Утро помещика» (1857 г.), писатель, будучи убежденным в том, что лучшая жизнь — крестьянская жизнь, отмечает, что главное зло заключается в самом бедственном, жалком положении мужиков (крестьян), которое можно исправить только трудом и терпением. Исходя из того Л. Толстой свою священную и прямую обязанность видит в заботе о счастье своих семисот человек (крепостные души). Мечтательность и морализм писателя проявляются и в «Юности», где он признается в испытании бессознательного сильного смущения при встрече с крестьянами несмотря на то, что простой народ не существовал для него [373]. Этим можно объяснить и его решение об отмене телесных наказаний в своем хозяйстве.

После отмены крепостного права в царской России гуманистические взгляды Л. Толстого, связанные с идеализацией крестьянского мира, общины постепенно уступают место более реалистической картине крестьянской повседневности, тяжкого, изнуряющего тело и душу труда крестьян. Так, в произведениях «Власть тьмы» (1886 г.), «Плоды просвещения» (1890 г.) изображены гибель старых устоев патриархально-крестьянской жизни, тяжелое социально-экономическое и политическое положение крестьян пореформенного периода. В первом литературном труде Л. Толстой ведет речь о власти тьмы над крестьянином, имея в виду под тьмою невежество. Тем самым он вступил в полемику с представителем народнического движения

Г. Успенским — автором книги «Власть земли» (1882 г.), утверждавшим, что земля нужна народу не только для того, чтобы быть сытым, но и для сохранения своего мирозерцания [411].

Если иметь в виду, выражаясь словами Г. Успенского, под мирозерцанием лесную мораль мужика, который вносит в людскую жизнь слишком много тенденций дремучего леса, то получается, что сохранять собственно нечего. Скорее от такой морали следует избавляться. На аргумент автора «Власти земли» о нехватке земли Л. Толстой отвечает в своем произведении «Много ли человеку земли нужно» следующим образом: «каждому из нас нужно только три аршина земли — от ног до головы» [394]. Таково итоговое умозаключение данного литературного произведения. А начинается оно спором двух сестер о преимуществах городской и сельской жизни. Младшая из них, деревенская, утверждает, что «мужицкое дело вернее купеческого: у мужика живот тонок, да долог, богаты не будем, да сыты будем». На что старшая сестра отвечает: «сытость-то какая — со свиньями да с телятами! Ни убранства, ни обращения! Как ни трудись твой хозяин, как живете в навозе, так и помрете, и детям то же будет...» Слушал Пахом — хозяин — на печи, что бабы балакают. — Правда это, — говорит, — истинная. Как наш брат сызмальства ее, землю-матушку, переворачивает, так дурь-то в голову и не пойдет. Одно горе — земли мало! А будь земли вволю, так я никого, и самого черта, не боюсь!.. А черт за печкой сидел, все слышал... Ладно, думает, поспорим мы с тобой, я тебе земли много дам. Землей тебя и возьму» [394]. В конечном итоге все так и произошло. Стало постепенно богатство Пахома землею прирастать. Стало ему в земле жить просторней, а в миру (община) теснее: поссорился он с воровитыми соседями и стал переезжать на новые места, пока не оказался у башкир на свободных землях. А закончилось все тем, что приобретенная им в огромных размерах земля стоила ему утраты последних жизненных сил и превратилась в клочок в три аршина. По Л. Толстому получается, что счастье крестьянское — не столько в количестве земли, сколько в правильности житейской философии, в обустройстве крестьянской жизни во всех ее смыслах. Его бы слова да в уши нашим современникам — как властвующим в стране, так и сельским жителям, бедствующим на собственных земельных участках не потому, что их площадь крайне мала, а по другим, известным, причинам. Позиция Л. Толстого по отношению к крестьянству выглядит «осуждающе-понимающей» и сочувственной. На фоне крестьянской жизни и сам писатель по своим

мировоззренческим принципам не выглядел человеком современным, приветствующим прогресс, который, по его мнению, представлял угрозу деревенскому укладу жизни.

Другое дело А. Чехов, утверждавший, что крестьянство, в отличие от городских слоев, не имеет своей истории: соха да телега как были столетия назад, так и остались в конце XIX — начале XX ст. Забитость и отсталость крестьянина он описывает в рассказе «Злоумышленник», показывая безнаказанность и общественную опасность его занятия откручивания гаек на железнодорожном полотне ради свершения рыбалки. Здесь уместно вспомнить «Железную дорогу» Н. Некрасова, строительство которой, являющейся признаком прогресса, принесло много страданий и горя крестьянам, через поля которых она пролегла. Выходит так, что польза крестьянству от такого прогресса заключается в гайках для рыбалки. Еще меньше выиграли от прогресса современные крестьяне. Если железная дорога, как и другие магистрали, негативно влияла на его доходы и благополучие в целом, то пищевые биохимические добавки XXI ст. не только снижают спрос на натуральное сырье, но и наносят ущерб здоровью потребителей продуктов питания.

На основе анализа деревенской прозы наиболее типично «деревенских» писателей Европы и России следует сделать вывод о том, что главной проблемой их исследования была власть земли над человеком, ее решающая роль в судьбе крестьянства.

Весомый вклад в рассмотрение данной проблемы внес великий украинский писатель И. Франко. Как отмечает один из исследователей взглядов И. Франко на психологию крестьянства В. Гриценко [65], писатель, во-первых, в своей прозе уделил значительное внимание крестьянству («Ліси і пасовиська», «Лесина челядь», «Великий шум»), во-вторых, перекинул своеобразный мостик от социально-бытовой прозы И. Нечуя-Левицкого и П. Мирного к социально-психологической прозе В. Стефаника, М. Коцюбинского и О. Кобылянской, в-третьих, отобразил проблему «земля и человек» сквозь призму французской литературы (О. Бальзак, Э. Золя), основной героиней которой была земля, которую обрабатывают крестьяне. В своем публицистическом исследовании «Влада землі в сучасному романі» (1891 г.) И. Франко указывает на то, что крестьянин всю свою жизнь борется с землею, находясь в рабской зависимости от нее. Земля, отмечает писатель, не только кормит крестьянина и является толчком к пробуждению ряда необычных чувств, а и имеет

для него политическое и социальное значение, является основой его гражданства, поскольку именно земля вводит его в связь с государственным организмом. Больше или меньшее количество земли, которой владеет крестьянин, определяет его большее или меньшее общественное значение. «Крестьянин без земли, — делает вывод И. Франко, — не имеет никакой стоимости. Лишение части земли, которая до этого была в его владении, — для земледельца одинаково болезненно, как потеря части своего тела...». Анализируя роман Э. Золя «Земля», И. Франко отмечает, что сила земли окутывает крестьянина своеобразной атмосферой и не отпускает его от колыбели до могилы, влияет на его характер и мировоззрение. Эта сила слепая, стихийная, а поэтому калечит душу крестьянина, который имеет единую, могучую страсть — Любовь к земле. Земледелец под властью земли — зло, однако и хлебороб без власти земли не существует. Поэтому возникает выбор: крестьянин должен быть или рабом земли, или рабом рабовладельца. Однако, на наш взгляд, современные реалии бытийности украинского крестьянства вносят существенные коррективы в философские представления И. Франко о власти земли над крестьянином. Отечественный крестьянин, став владельцем земли, не избавился от рабской зависимости от нее, однако еще в большей зависимости он пребывает от государства и финансово-промышленного капитала.

Наряду с идеями мыслителей из литературной среды о судьбах и предназначении крестьянства, историческом месте сельского уклада жизни, неразрывно связанного с трудом на земле, профессиональный интерес для исследователя представляют взгляды «аграрников». Этим многозначным понятием А. Никулин определяет тип мышления и действия, направленные на постижение особенностей сельской жизни в ее разнообразных проявлениях, присущий не только экономистам, политикам, социологам, менеджерам, культурологам, а также чиновникам и земледельцам, включая и землевладельцев [209, с. 5].

Понимание крестьянской «картины мира», крестьянства как «класса для себя», практически отсутствующего в повседневной жизни, как страдательного элемента, по определению Т. Духиной [86], проводимых преобразований, выступающего в них главным образом в качестве их объекта, а не субъекта, было бы неполным без учета представлений таких просвещенных помещиков как А. Фет и А. Васильчиков, которых можно отнести к аграриям-землевладельцам.

Значительный интерес для исследователей руральной проблематики представляют мемуары А. Фета (1820—1892) под названием «Жизнь Степановки» (1875 г.). В них известный поэт, являющийся хозяйствующим землевладельцем в Орловской губернии, следующим образом описывает «дуализм народного хозяйства»: практика как бы назло теории указывает на два рядом уживающихся рода промышленности: коммерческий и крестьянский... В первом труд ценится непомерно высоко, во втором — ни во что [415, с. 277]. На примере личного опыта А. Фет приходит к пониманию различий экономического устройства его собственного, «коммерческого» хозяйства и хозяйства крестьянского. Крестьянское хозяйство он видел не ориентированным на рынок и имеющим иные мотивы деятельности, чем коммерческое. Он считал, что регулятором крестьянского хозяйства являются потребительские нужды крестьянина. «Чувство довольства и недовольства, достаточности или бедности зависит от требовательности отдельного лица — от горизонта его истинных и мнимых потребностей... В исправном крестьянском хозяйстве всех предметов как раз столько, сколько необходимо для поддержки хозяйства; ни более, ни менее. При меньшем их количестве пришлось бы нуждаться, а при большем одному хозяину-труженику за ними не усмотреть... Говорите, что хотите о привлекательном труде, трудиться подобно русскому крестьянину, — не легко, и неудивительно, что он предпочитает ограничить свои потребности до крайности — тяжелой работе, хотя случаи к заработкам сами ищут его на каждом шагу» [415, с. 285, 288]. В этих высказываниях содержится основная идея будущего чаяновского «трудопотребительского баланса», составляющего научное кредо так называемой организационно-производственной школы.

Князь А. Васильчиков (1818—1881) вошел в историю как русский аристократ, последовательный сторонник развития местного самоуправления сельской России, ее защитник и своеобразный секундант в социально-политических конфликтах между центральной бюрократией и сельским самоуправлением.

Основополагающую роль в научном наследии А. Васильчикова занимает сравнительный анализ состояния землевладения, земельного и аграрной колонизации западноевропейских стран и России. По его мнению, ошибочность решения «аграрного вопроса» в западных странах состояла в обезземеливании крестьянства, следствием чего стало превращение его основной массы в пролетариат. Способ

избегания такого ошибочного решения данного вопроса для России А. Васильчиков видел в сохранении земельной общины, что позволит избежать «антагонизма сословий», продвижения и реализации социалистических и коммунистических идей [142, с. 24].

Поэтому свою задачу князь видел в разрешении практических проблем, препятствующих реализации общинно-крестьянской альтернативы России посредством роста благосостояния крестьян и повышения роли в этом процессе общинного устройства крестьянского быта.

Будучи уездным, а потом и губернским предводителем новгородского дворянства, А. Васильчиков одновременно является автором капитальных трудов: «О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений» (1872 г.), «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах» (1876 г.), «Сельский быт и сельское хозяйство в России» (1881 г.).

Прожив большую часть своей жизни в сельской провинции, десятилетиями занимавшийся управлением своими имениями в шести губерниях России, А. Васильчиков признается в своей неспособности расследовать степень благосостояния или нужды местных жителей, различить притворные жалобы, обманчивые показания от правдивых и составить себе полное понятие о действительном положении местного крестьянского хозяйства [209, с. 14]. При этом он подчеркивал, что для крестьян любой незнакомый человек из города представляется более загадочным и, как следствие, более опасным, чем местный барин.

Центральной проблемой исследований А. Васильчикова было изучение причин и следствий богатства и бедности народонаселения, выражаясь современным языком, проблем социально-экономической дифференциации. В ее изучении он концентрируется на ключевых критериях организации крестьянского хозяйства:

- отношение рабочих душ к душам малолетним и дряхлым;
- число лошадей и скота;
- пропорции земли во владении и в обработке.

Применение указанных критериев, по мнению А. Васильчикова, позволит определить количество сельских жителей, требующих помощи, что составляет главный и первый предмет хозяйственного управления. На примере европейского опыта середины XIX ст. он делает вывод о том, что дифференциация богатства и бедности порождает

ла армии пролетариев и пауперов, что было как несправедливо, так и опасно для существования общества в целом.

Не идеализируя общину, А. Васильчиков отмечает в ней множество недостатков: подавление отдельной семьи и личности волей сельского общества, косный уровень агрокультуры, сопротивление рациональным нововведениям, подчиненность общины административному контролю. Однако он видел в общине главное достоинство: социальную поддержку всех членов общества, в том числе и самых слабых. Отсюда — огромное внимание А. Васильчикова к самоуправлению понимаемому им как участие народа в местном управлении своим отечеством, включающем в себя три взаимосвязанных действия:

- сбор налогов и формирование из них местного бюджета;
- расходование местных средств;
- работа местной администрации и суда.

А. Васильчиков раскрывает особенности российского самоуправления на фоне практики самоуправления Англии, Франции и Германии.

Глубокий смысл отечественного самоуправления он видел в земствах, как представительстве не народа, а земли, подчеркивая при этом, что в России связь с землей не только право, но и обязанность, обязанность землю держать. Именно земство выражает совокупность интересов местных жителей, которые держат землю и которые доходами от нее обеспечивают отбывание повинностей и уплату податей. Как следствие, собственник, сдавший в аренду землю, не признается членом местного земства, а его место в земстве занимает тот, кто использует его угодья: арендаторы, оброчники, земледельцы.

Другая особенность земской организации состоит в подавляющем значении крестьянства, организованного в сельские общины [209, с. 24, 25].

Учет указанных А. Васильчиковым оснований российского земского самоуправления имеет первостепенное значение для организации современного устройства украинского села и совершенствования поземельных отношений как ключа к разрешению существующих социально-экономических проблем сельского развития в Украине. Для формирования же рурализма, как идейной основы руральных устоев жизни, крайне важно учитывать принципы местного самоуправления, сформулированные А. Васильчиковым, исходным постулатом которых является следующий: за любое благо, за любую пользу дол-

жен платить только тот, кто имеет возможность поучаствовать в соответствующих выгодах от этого оплаченного им мероприятия. Однако возможность участия в мероприятиях зависит прежде всего, по его мнению, от соответствующей близости и дальности расстояний.

По убеждению А. Васильчикова, в России эта драма расстояний и расселений имеет свою особую территориально-культурную специфику, заключающуюся в большей или меньшей плотности сельских поселений. В России не столько густота населения, близость расстояний, удобство сообщений, но прежде всего рассеянность и плотность мест сельского жительство оказывают решающей в вопросе самоуправления общественного благосостояния: вокруг столиц и крупных городов в сельской местности еще возможно обнаружить добротные учебные, медицинские, кредитные, благотворительные заведения, а заберешься куда подальше, так там не найдешь ни признаков прогресса современной цивилизации, но соответственно самих сведений о состоянии местного самоуправления. Таким образом раскол между высшими и низшими условиями становится не только имущественным, но прежде всего территориальным.

Спустя полтора столетия принципы местного самоуправления, обоснованные А. Васильчиковым, трансформировались в повседневные принципы общественной жизни:

- суверенитет муниципальной власти;
- сбор основных налогов и формирование на их основе местных бюджетов;
- эффективный муниципальный контроль основных отраслей социальной сферы;
- выравнивание уровня благоустройства жизни городов и сельских поселений [209, с. 29].

Вопреки прозорливости взглядов А. Васильчикова его оппоненты из консервативного лагеря использовали его антикапиталистическую позицию для обвинения князя в приверженности социализму. Здесь можно согласиться с точкой зрения И. Кузнецова, считавшего, что «социализм» А. Васильчикова не заимствовался из политэкономических учений, но возникал как последовательное развитие идеологии просвещенных и гуманных аграриев-крепостников — в приложении к аграрной политике пореформенного периода [142, с. 28]. Его «социализм» отличался от воззрений его современников-народников. Он предполагал не общественное производство, не объединение крестьянских хозяйств в том или ином

виде, а систему централизованного контроля и регулирования индивидуальных хозяйств.

Продолжая тему о «социализме» народников, следует иметь в виду революционные взгляды А. Герцена, Н. Чернышевского — «русский (крестьянский) социализм», которые активно пропагандировали журналы «Современник» и «Русское богатство». Основу «русского социализма», согласно взглядам лидеров данного радикального течения общественной мысли, составляла сельская община, в хозяйственных и административных началах которой усматривались черты социалистического коллективизма. В статье А. Герцена «Русские немцы и немецкие русские» (1859 г.) речь идет о таких социалистических началах общины как право каждого на землю; общинное владение ею; мирское управление [57]. Преодоление такого негативного явления общинных порядков, как поглощение личности общиной при сохранении общины, социалистами-утопистами виделось в ликвидации помещичьей власти и чиновничества, а также в развитии народного образования. Последние требования вопреки утопическому представлению о социалистических зачатках крестьянской общины были не только революционными, но и демократическими.

С конца 1870-х годов утопические представления идеологов «русского социализма» о крестьянстве и крестьянском хозяйстве утвердились в виде своего рода синтеза классической политической экономии и народнического дискурса в одной из академических школ аграрно-экономической науки.

Корни рурализма как идейного течения имеют не только идеологические признаки, но и научную основу, которая была заложена представителями разных течений аграрно-экономической науки России и ее правопреемницы — СССР второй половины XIX — первой половины XX ст. Их разграничение, осуществленное преимущественно по партийно-идеологическим признакам, является условным, поскольку взгляды представителей этих течений эволюционировали по мере изменения общественно-политического строя и определенным образом утрачивали социальную значимость с утверждением новых социально-экономических отношений, как для отдельных научных течений, так и для их отдельных представителей.

В развитии народнического аграрного течения, его концепции И. Кузнецов выделяет два периода [142, с. 29]:

- до начала XX ст. с доминантой идеи общины;
- после начала XX ст. с ведущей идеей ассоциации / корпорации.

Экономисты народнического толка обосновывали идею некапиталистического характера крестьянского хозяйства отсутствием в нем эксплуатации наемного труда. Следовательно, у трудового хозяйства существовал некапиталистический мотив хозяйственной деятельности, а именно удовлетворение потребительских нужд.

Интерес к крестьянской кооперации появился у аграрников-народников в начале XX ст. после ознакомления с правым течением западноевропейского марксизма — ревизионизмом (Ф. Гертц, Д. Гатти, Э. Вандервельде, Э. Давид). Однако заимствование идей ревизионистов о кооперативном пути развития крестьянского хозяйства к социализму не ослабило внимания народников к самой природе крестьянского хозяйства, которое еще более усилилось с выходом работы С. Булгакова «Капитализм и земледелие». В ней это хозяйство определялось как семейно-трудовое, целью которого является не возрастание ценности капитала, а удовлетворение собственных потребностей. Поскольку доход крестьянина — это совокупность предметов, удовлетворяющих его основные потребности, соответственно цена крестьянских продуктов определяется уровнем культурных потребностей крестьянина, его стандартом жизни.

Ярким представителем неонародников эсеровского толка был теоретик позднего народничества и аграрного социализма, идеолог и лидер партии социалистов-революционеров В. Чернов (1773—1852). Его первые теоретические статьи по аграрному вопросу, составившие основу аграрной программы эсеров, «Характер современного крестьянского движения», «Социализация земли и кооперация в сельском хозяйстве» и др. были датированы концом XIX — началом XX ст. В исторической литературе утвердилось мнение, что в обстановке идейного брожения и организационного кризиса, начавшегося в эсеровской партии в последующие годы, В. Чернов вплоть до Первой мировой войны не занимался аграрной проблематикой. Вместе с тем, согласно данным О. Коноваловой [127], именно в 1911—1912 годы В. Черновым были опубликованы статьи «Социализация земли как тактическая проблема», «Купля-продажа наделной земли и расслоение крестьянства на классы», серия статей под общим названием «Разрушение общины и наша программа», которые проливают свет на общественную значимость теоретических программных установок эсеровской партии по аграрному вопросу.

Анализируя сущность поземельной общины и происходящие в ней процессы, В. Чернов отметил в ней наличие как коллективист-

ского, так и индивидуалистического начал. Тем самым им была признана дуалистическая природа общины, не исключающая реальной возможности ее капиталистической трансформации. Именно в этом заключается отличие взглядов В. Чернова от общинной теории классического народничества, односторонне рассматривавшей общину как социалистическую альтернативу капитализму. Таким образом, В. Чернов не отрицал, что аграрная реформа могла быть осуществлена двумя путями: наделением крестьян землей на началах частной собственности; организацией уравнительного крестьянского землепользования на основе увеличения общественной поземельной собственности. Он поддерживал второй путь не только как социалист, но и в силу его большей экономической эффективности. Вместе с тем современникам В. Чернова по идейно-политическим соображениям была выгодна односторонняя трактовка взглядов эсеровского лидера. Так, Г. Плеханов косвенно осудил эсеровскую аграрную программу в полемике с В. Лениным в 1907 году на объединительном съезде РСДРП (б), определив социализацию земли и крестьянский труд как новое издание крепостного права в России, возвращение к барщине, где в роли помещика будет выступать коммунистическое государство. В свою очередь критика В. Лениным эсеровской программы по крестьянскому вопросу не остановила большевиков в их стремлении воспроизвести идею социализации земли в «Декрете о земле».

Заметной фигурой в среде неонародников эсеровского толка являлся С. Маслов (1874—1938) — видный теоретик и практик кооперативного движения, организатор и идейный вдохновитель трудовой крестьянской партии в зарубежье. Особый интерес для современников представляют две масловские книги. Первая из них — «Россия после четырех лет революции» содержит характеристику эпохи периода военного коммунизма, сочетает в себе анализ классовых структур и статистических закономерностей, национальных проблем и народного фольклора [210, с. 31]. Основной вывод книги: в революции крестьянство оказалось одной из наиболее влиятельных сил, поэтому оно как наиболее массовый класс России нуждается в собственной партии, которая бы отстаивала его интересы. Во второй книге — «Колхозная Россия» С. Маслов вскрыл основное противоречие колхозной жизни, заключающееся в симбиотическом сосуществовании интересов государства и колхозного крестьянства как главной силы сельского сообщества. Признавая семейный крестьянский труд в качестве основы существования сельской жизни, автор

подчеркивает, что в будущем колхозы не должны уничтожаться, их следует трансформировать в кооперативные предприятия, обслуживающие крестьянские хозяйства [180]. Однако данное предостережение С. Маслова не было учтено в процессе реформирования общественных колхозов в период общественной трансформации конца XX — начала XXI ст.

Еще одним ярким сторонником неонароднических и эсеровских взглядов на проблемы аграрного развития России был П. Сорокин. Как и С. Маслов, П. Сорокин по своим взглядам, претерпевшим длительную эволюцию в зарубежье, относится к блестящей плеяде теоретиков, которых невозможно однозначно идентифицировать в силу широты их научных интересов и междисциплинарности взглядов. В этом плане характерны публикации в эсеровских газетах «Дело народа» и «Воля народа» его статей «Теория факторов в социологии народничества» и «О причинах войны, об империализме», в которых излагалась суть разногласий между эсерами и социал-демократами. В центре этих разногласий, по мнению П. Сорокина, находились различия между плюралистическим и монистическим пониманием общества и его истории. Если народники признавали влияние множественности социальных факторов на жизнь общества, то социал-демократы концентрировались по преимуществу на утверждении политико-экономического фактора, как главного и ведущего в истории и современности [209, с. 200].

Находясь в центре революционных событий России 1917 года, П. Сорокин в статье «Возможные конфликты и необходимые выводы», определяя риски революции, указывал на вероятность противостояния города и деревни, рабочих и крестьян по вопросу продовольствия, прежде всего хлеба: «конфликт... наступит, если почему-либо крестьянин забудет о городе, задерживая свой хлеб, или рабочий забудет о деревне... в целях дальнейших завоеваний социально-экономических приобретений... если мы не хотим этого конфликта, то должны всемерно стараться, чтобы и крестьянин дал хлеб армии и городу, и город дал необходимые продукты деревне» [375, с. 16]. Как засвидетельствовала история, это предчувствие оказалось пророческим, оно проявилось в событиях периода гражданской войны, военного коммунизма, новой экономической политики, политики сталинской сплошной коллективизации.

Пребывая в эмиграции, П. Сорокин издал брошюру «Идеология аграризма», в которой город и деревня позиционировались как два

мира, то враждебных, то солидарных, но всегда резко отличных друг от друга. В связи с этим он призывал земледельцев осознать свои интересы и защищать их, создав собственные крестьянские партии.

В американский период жизни П. Сорокин в глазах научной общности зарекомендовал себя как последовательный сельский социолог, издав в соавторстве с К. Циммерманом книгу «Принципы сельско-городской социологии» (1929 г.), а также вместе с третьим соавтором Ч. Дж. Гальпиным — трехтомный справочник «Систематическая книга-источниковедение по сельской социологии» (1930—1932 гг.). Социологическое исследование П. Сорокиным сельско-городской проблематики совпало в США по времени со становлением сельской социологии как самостоятельной научной дисциплины, в то время как в Европе сельские исследования оставались составной частью общей социологии. На этом фоне прорывным выглядел вывод авторского коллектива трехтомника о том, что урбанизм и его антипод — рурализм (сельскость) в будущем трансформируются в определенный симбиоз первого и второго в виде рурбанизма. Разработки П. Сорокина в сфере сельской социологии способствовали формированию новой концепции сельско-городского континуума как сельско-городского пространственного синтеза, конвергенции города и деревни. Данная концепция приобретает огромное практическое значение для Украины, провозгласившей курс на децентрализацию власти в ее самоуправляющейся версии за счет добровольного объединения территориальных общин, центром которых выступают города.

Следующее течение аграрно-экономической науки представлено организационно-производственным направлением, датой формирования которого А. Никонов [207] считал 1911 год, когда на Московском областном агрономическом съезде встретились ученые-аграрники, составившие в будущем его ядро. К этому времени большинство из них представляли из себя состоявшихся исследователей, что, однако, не исключало эволюцию их взглядов, в том числе и альтернативный путь развития, предложенный впоследствии учеником лидера данного течения А. Чаянова — Г. Студенским, которому в ту пору было от роду 13 лет. В 1920-е годы это направление оформилось в школу во главе с ее лидером — А. Чаяновым, получившим за рубежом имя крестьянского Маркса. А. Чаянов рассматривал семью как ядро крестьянского хозяйства, зависящего от количества ее членов, их возраста и способа существования, а целью экономи-

ческого существования семьи он определил наиболее полное удовлетворение семейных потребностей на основе максимального использования трудового семейного потенциала. Процесс достижения указанной цели есть не что иное как самоэксплуатация семейного хозяйства: чем выше потребность семьи, тем интенсивнее семейный труд. В организационном отношении крестьянская семья существует в системе народного хозяйства через связь с рынком, которая является определителем товарности производства хозяйства [426, с. 284, 290]. Способ создания процветающей экономики А. Чаянов видел в вертикальной кооперации, имеющей две стороны — организационно-хозяйственную (кооператив как предприятие) и социальную (кооперация как общественное движение). Особой формой кооперации он считал «интегральную земледельческую артель» или колхоз, полагая, что в артели принципы кооперативного сотрудничества сконцентрированы сверх рационального оптимизма, определяемого рыночной конъюнктурой. Для успешной работы данной формы, указывал А. Чаянов, необходимы или высокий религиозный, идейный устой (стимул, мотив) членов артели, или авторитарное, мудрое руководство ее руководителя [427, с. 17, 382]. Как показала советская практика, успех деятельности колхозов обеспечивался при наличии обоих указанных условий.

Среди ученых организационно-производственной школы прославившим критиком идеи трудо-потребительского баланса А. Чаянова и методологии сельского районирования А. Челинцева был Г. Студенский. Его заслуга перед наукой о крестьянском хозяйстве состоит прежде всего в обосновании организационно-производственной концепции хозяйства и идеи «трудопотребительского баланса». С его точки зрения, в основе организации крестьянского хозяйства действительно лежит некий субъективный баланс, только не баланс между уровнем потребностей и затратами труда (самоэксплуатацией). «Не прожиточным минимумом определяется мера самоэксплуатации, а наоборот, уровень потребления определяется доходом, который, в свою очередь, определяется соизмерением его оценки с тягостностью самоэксплуатации» [387, с. 23]. Таким образом, стремление крестьянина к максимизации дохода ограничивается запасом его рабочих сил, поэтому его трудовые усилия регулируются желанием нечрезмерного расходования собственного труда, в определенный момент ставшего субъективно невыгодным. Нижней границей трудозатрат является выработка прожиточного минимума.

Насколько крестьянин сможет превзойти нижнюю границу — вопрос не мотивов и целей хозяйствования, а его возможностей.

По сути организационно-производственной школой были заложены концептуальные основы некапиталистической системы крестьянского хозяйства, его «кооперативной коллективизации», что послужило поводом для ее определения как «неонароднического» направления. Данное определение верно в том смысле, что чаяновская школа стремилась теоретически обосновать путь развития, связанный с исторической трансформацией крестьянского (семейного) хозяйства в своего рода кооперативный уклад под патронатом социалистического государства.

Однако в литературе [59] существует точка зрения о том, что наиболее полно обновленное народничество, как эволюционно-историческое и этическое направление, предстало в работах Н. Огановского (1874—1938), близко стоявшего к организационно-производственной школе, земского статистика, политического деятеля, кооператора, экономико-географа.

Н. Огановскому принадлежит критика аграрников-марксистов, «растащивших» в стремлении создать теорию капиталистического развития России систему отношений в сельском хозяйстве по трем отдельным сферам: распределение, «производительные силы» и обмен. Он также обосновал различия в характере индустриальной и аграрной интенсификации. Первая из них выражается в относительном увеличении доли основного капитала: возрастании размеров предприятия и роли машин. В сельском хозяйстве интенсификация сопровождается увеличением доли оборотного капитала: удобрений и тщательности приемов обработки, в котором мелкое земледелие имеет преимущества перед крупным. Самобытность русской истории в сфере сельскохозяйственного производства Н. Огановский видел в неограниченном просторе земель и в постепенной их колонизации. Кроме фактора обширной внутренней колонизации, по его мнению, на аграрную эволюцию России особый отпечаток наложил и фактор внешнего рынка, когда пшеница и ячмень заняли доминирующее положение в российском экспорте, в силу чего торговый капитал брался охотно лишь за сбыт тех продуктов, которые не требовали забот и расходов по хранению и первичной переработке. От себя заметим, что в этом отношении с тех пор мало что изменилось. Актуальным для современности является также понимание Н. Огановским устойчивости развития производственных сил как результата превращения

односторонне земледельческого народного хозяйства в двустороннее аграрно-индустриальное на основе преобразования сельского хозяйства также в двустороннее сочетание интенсивного многопольного земледелия и продуктивного мясо-молочного животноводства.

Условность классификации аграрных научных течений становится наиболее очевидной при попытке идентификации тех или иных их представителей как носителей консервативных убеждений. Трудность первая подобной классификации состоит в том, что большая часть ученых осуществляла свою творческую деятельность как в до-революционный, так и в советский период, отсюда открытым остается вопрос о точке отсчета (капиталистические или социалистические преобразования). Вторая трудность связана с тем, что в известном смысле все они по определению были консерваторами, учитывая их социальное происхождение или участие в общественной жизни эпохи царизма. Тот же П. Сорокин, будучи сыном чеканщика, тем не менее в начале своей политической карьеры занимал пост помощника премьер-министра Временного правительства А. Керенского. Поэтому осознавая, что всякое место пусто не бывает, мы с определенной долей условности отнесли к аграрникам-консерваторам Л. Литовченко и Б. Бруцкуса, идентифицируемых в некоторых литературных источниках представителями аграрного либерализма консервативно-политического (фактически столыпинско-кадетского направления) в отличие от иных представителей аграрного либерализма социально-рыночного направления (Н. Кондратьев, С. Маслов, П. Сорокин) или альтернативно-социалистического направления (А. Чаянов, Г. Студенский) [210]. Исходя из этого к «чистым» консерваторам мы относим А. Билимовича (1876–1963). Формальной причиной этому является его прямая ставка на крестьянство (уходящий с историко-политической арены класс по определению) как восходящий социальный слой XX ст., как альтернативу рабоче-большевистскому движению. Об этом свидетельствует его книга «Марксизм», в которой он обосновывает предназначение экономистов — в политической борьбе выковывать своими теориями идеологическое оружие: физиократы «вооружили» класс землевладельцев, А. Смит и Д. Риккардо — капиталистов, К. Маркс — пролетариат [19]. Ранее, в другой своей работе А. Билимович ведет речь о важности наличия у каждого восходящего к власти класса своего идеологического строя: у аристократии это был феодализм, буржуазии — капитализм, рабочего класса — социализм. Для того, чтобы противостоять идеологии

пролетарской диктатуры, у крестьянства должна быть выработана собственная идеология, базирующаяся на его праве собственности на землю, воплощенном и развитом в собственных политических и культурных организациях [20]. Наконец, не следует забывать о том, что А. Билимович фактически занимал пост министра сельского хозяйства Белого Юга (правительство генерала А. Деникина).

А. Билимович во всем своем научном творчестве акцентирует внимание на ключевой роли аграрной экономики и села. В двухтомнике «Эра пятилетних планов в хозяйстве СССР» (1959 г.) он отмечает, что во многом именно за счет села достигались рост и модернизация советской страны в целом. В последней книге А. Билимовича «Экономический строй освобожденной России» содержится совет не навязывания новых мессианских жертв русскому народу, которому нужна нормальная жизнь без надрывов и ненужных жертв. Здесь же высказано предостережение опасности форсированного роспуска колхозов «сверху» для жизни всего советского общества и угрозы дезорганизации сельской сферы [21, с. 107].

При условном позиционировании Л. Литошенко (1886–1941/43) как агрария-консерватора следует учитывать идеологический контекст его определения чайновской школы, оппонентом которой он был, как неонароднической: ее представители при разработке программы аграрно-экономического развития России исходили из учета интересов всех социальных групп деревни, среди которых интегратором этих интересов выступало среднее крестьянство. Харьковчане («южане»), среди которых Л. Литошенко был интеллектуальным лидером, предпочтение в аграрном развитии отдавали богатым и влиятельным слоям деревни. Не случайно А. Никулин экономическую концепцию Л. Литошенко сформулировал так: «развитие производительных сил аграрной России по либеральным экономическим рецептам на основе интересов русских земледельческих элит» [209, с. 149].

Б. Бруцкуса (1874–1938) следовало бы признать типичным консерватором по той причине, что он вплоть до столыпинской реформы следовал в русле народнической традиции, одновременно оставаясь одним из острых критиков экономической системы социализма, если бы не влияние на его взгляды П. Струве, генерирующего их эволюцию от поддержки крестьянского хозяйства до критики общинно-уравнительных программ решения аграрного вопроса в России. В силу такой эклектичности взглядов работы Б. Бруцкуса по

аграрной проблематике не оказали существенного влияния на современников, хотя его анализ экономической политики большевиков в период «военного коммунизма», НЭПа, первых пятилеток в перестроечные годы были восприняты как пророческие. И тем не менее книга Б. Бруцкуса «Экономия сельского хозяйства» (1924 г.) продемонстрировала его приверженность крестьянскому трудовому хозяйству и идеализацию крестьянства в условиях рынка, как предпосылку экономического процветания страны.

Идейно-политические взгляды и научные концепции аграрных либералов формировались в условиях незрелости капиталистических отношений накануне революционных событий февраля и октября 1917 года, что не могло не отразиться на их социальной участи и судьбах, двойственности общественного положения. Типичным в этом отношении является пример с крупным ученым рыночного направления, занимавшим ключевые посты в советских государственных учреждениях, Н. Кондратьевым (1892–1938), круг научных интересов которого выходил далеко за рамки аграрного вопроса. В современной литературе Н. Кондратьеву определено место на правом фланге нэповского идейного спектра, как оппоненту марксистов и чаянцев, в правительственных кругах он слыл либералом. Вместе с тем в брошюре «Аграрный вопрос. О земле и земельных порядках» (1917 г.) он предстает как эсер-народник, судя по ее содержанию. В числе недостатков земельного строя России ее автор указывает: малоземелье, техническую отсталость крестьянского хозяйства, нерациональное землепользование, неравномерное расположение крестьянского населения по территории страны, эксплуатацию крестьян капиталом и землевладельцами, присвоение ренты землевладельцами [124, с. 20].

Идейная эволюция Н. Кондратьева в направлении либерализма проявилась в его монографии «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции» (1922 г.), содержащей негативную оценку роли государственного вмешательства в рыночные процессы. В книге «О крупнокрестьянских хозяйствах» Н. Кондратьев, выступая за социализацию земли и уравнильно-трудовое землепользование, одновременно не признает частые переделы, предлагает заменить их финансово-налоговыми мерами выравнивания. Аграрная структура, по Н. Кондратьеву, выглядит следующим образом: трудовое землепользование, семейное крестьянское хозяйство, кооперация, рынок. Проблему дифференциации хозяйственного уклада предлагается разрешить через перевод на кооперативную основу сбыта, снабжения,

переработки продукции, использование механики, кредита, мелиорации, землеустройства [125, с. 173]. При разработке перспективного пятилетнего плана развития сельского хозяйства, начавшейся в Наркомате земледелия осенью 1923 года под руководством Н. Кондратьева, были заложены следующие требования концептуального характера: стране необходима индустриализация, предполагающая наличие капитала, накопление которого совершается в крестьянских хозяйствах; реализовать высокие темпы накопления капитала возможно посредством развития экспорта продукции сельского хозяйства, что в свою очередь обеспечит импортирование индустриальных средств производства; для увеличения поставок из-за рубежа этой продукции необходимо расширение емкости внутреннего рынка сельскохозяйственного производства, его активная интеграция в мировой рынок. Данные предложения вызвали не только конструктивную критику оппонентов, но и идеологическую обструкцию со стороны аграрников-марксистов. На практике была реализована политика сплошной коллективизации.

Н. Тулайков (1875–1938) имел репутацию экономиста-эксперта в области международного аграрного развития, поэтому на его долю выпало не только исследование, а и распространение, адаптация аграрного опыта западных стран (Германии и США) к условиям советской экономики. После зарубежных поездок Н. Тулайковым был опубликован ряд брошюр, в которых пропагандировались американский путь развития земледелия на базе государственной поддержки фермерских хозяйств, система обучения фермеров. Однако все ограничилось интересом И. Сталина к данному опыту, процитировавшего на июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 года отрывки из одной из брошюр Н. Тулайкова, где речь шла об уникальных особенностях американской зерновой фабрики, с целью критики противников форсированного развития крупных советских хозяйств в ущерб семейным крестьянским хозяйствам, что, тем не менее, не избавило от репрессий автора брошюры, ставшего их жертвой.

Если Н. Тулайков занимался преимущественно популяризацией американского сельскохозяйственного опыта, то Н. Макаров (1887–1980) вплотную подошел к его теоретическому осмыслению. Так, в монографии «Как американские фермеры организовали свое хозяйство» (1923 г.) Н. Макаров, сопоставляя систему хозяйствования российского крестьянина и американского фермера, приходит к выводу, что если для крестьянской семьи величина дохода определяется

возможностью натурального воспроизводства ее существования на основе удовлетворения семейных потребностей, то у американского фермера прежде всего важно, чтобы доход от его фермы покрывал проценты на капитал, вложенный в нее [171, с. 23]. Однако руководство страны избрало иной путь аграрного развития.

Политическая направленность теоретических воззрений аграрников-марксистов предопределялась их статусным положением как представителей безопозиционной правящей партии, выдвинувшихся на передний план идеологической борьбы в качестве обличителей «врагов» существующего общественного строя. В таких условиях научная аргументация марксистских аграрников отходила на второй план, уступая первенство партийным идеологическим установкам и политическим убеждениям.

Данная исходная посылка получила свое практическое подтверждение в дискуссии периода «военного коммунизма» о путях обобществления аграрного сектора на конференции аграрников-марксистов, состоявшейся в декабре 1929 года в Институте экономики Коммунистической академии.

Центральной проблемой указанной дискуссии о формах социалистического переустройства деревни, развернувшейся в печати, фактически было оправдание курса пролетарского государства на непосредственное ускоренное социалистическое строительство. Такой подход априори отбрасывал идею эволюции единоличных крестьянских хозяйств как противоречащую задаче их обобществления. Поэтому дискуссия вылилась в поддержку линии на создание крупного обобщественного хозяйства (совхозов или коммун). Главная задача марксистов в этой дискуссии заключалась в обосновании построения аграрного строя на единой социалистической собственности. Изначальная ленинская установка на прямой продуктообмен без товарно-денежных отношений в условиях «военного коммунизма» доказала свою несостоятельность, а вместе с ней и взгляд на кооперацию, отстаиваемый В. Милутиным, Ю. Лариным, Н. Орловым, как на отжившую форму организации крестьянских хозяйств. Во избежание экономической катастрофы на IX съезде РКП(б) было высказано предложение об огосударствлении кооперации. Н. Мещеряков и Н. Сольц высказались в пользу самостоятельности кооперации, работающей под контролем государства. Решающую роль здесь сыграла статья В. Ленина «О кооперации», в которой признавалось существование наряду с государственной и кооперативной формы собствен-

ности, что во многом предопределило формирование концепции переходного периода и новой экономической политики. Тем не менее немалая часть марксистов осталась на прежних позициях, ограничивающих простыми формами кооперацию, призванную содействовать процессу обобщения и укреплению общественных форм хозяйствования, а не индивидуально-крестьянских. С отходом от ленинского учения о кооперации уже во второй половине 1920-х годов была отвергнута точка зрения Н. Бухарина на кооперацию как на столбовую дорогу крестьянства к социализму.

Отголоском марксистской дискуссии о путях развития аграрного сектора явилась и реакция партийной печати (журнал «На аграрном фронте», редактируемый Л. Крицманом) на пятилетний план Наркомата земледелия, разработанный Н. Кондратьевым в 1923–1924 годах. Была отвергнута не только сама методология генетического планирования как альтернатива плана-здания, а и непризнание приоритета индустриального развития перед аграрным, недооценка опасности возрождения в дереве капитализма в условиях расслоения крестьянства.

Окончательный удар по немарксистским аграрным экономическим течениям был нанесен в 1929 году. На конференции аграрников-марксистов их ударная сила была представлена двумя группами. Первую презентовали большевики с дореволюционным партийным стажем — Л. Крицман и В. Милютин, вторую — выпускники Института красной профессуры — А. Гайстер и М. Кубанин.

В докладе на конференции В. Милютина «Борьба на аграрном фронте и реконструкция сельского хозяйства» указывалось, что «...проникновение капитализма в сельское хозяйство обостряет тем самым классовую борьбу как в городе, так и в деревне, увеличивая руководящую роль пролетариата». Главной теоретической задачей эпохи социалистической реконструкции экономики было определено проведение в течение одного-двух лет в основных сельскохозяйственных районах (Северный Кавказ, Нижнее Поволжье, Украина) сплошной коллективизации, превращение колхоза в крупное предприятие, своего рода фабрику и завод [400, с. 17–18, 50].

Резолюция конференции, содержащая задачу выкорчевывания всех остатков неонароднической идеологии, беспощадного разгрома всех реакционных буржуазных и мелкобуржуазных идеологий, разоблачения основных концепций правого уклона, разрушения базы для роста капитализма, коренящегося в мелком крестьянском хозяйстве,

получила свою завершенность в письме И. Сталина В. Молотову, в котором содержалось требование расстрела Н. Кондратьева, В. Громана и пары-другой «мерзавцев» [99]. Все дело в том, что на практике не обошлось парой-другой «мерзавцев». Уничтожены были не только теоретики как немарксистского, так и марксистского направлений, взгляды которых не укладывались в формат сталинистов, а и надежды на альтернативный путь развития, а вместе с ними и класс предпринимчивого крестьянства.

Развитие рурализма, как течения аграрной научной мысли, было неразрывно связано с общественно-политическими движениями, поскольку сфера научных интересов аграрников напрямую выходила на поиск путей претворения теоретических разработок в социальную практику.

В силу несовместимости представлений о будущем России ученых-аграрников с действиями правящей большевистской партии в силу их идейных соображений и классовой принадлежности немалая часть из них оказалась в 1922 году пассажирами «философских пароходов», доставивших их в зарубежные страны. В числе зарубежных аграрников находились уже упомянутые нами С. Маслов, Б. Бруцкус, Г. Студенский, П. Сорокин и др. Часть из них была радикально настроенной по отношению к большевистскому режиму, создав для борьбы с ним специальную партийную организацию (С. Маслов), иные, питавшие иллюзии по поводу мирных способов утверждения крестьянской власти, сосредоточили свои усилия на пропаганде в России и за ее пределами собственных воззрений, а П. Сорокин вышел за рамки крестьянской проблематики, обосновав концепцию сельско-городского синтеза.

В известном смысле своеобразной «перевалкой» и сосредоточением российской эмиграции была Прага, где осела немалая часть беженцев из числа крестьян и казаков, составивших классовую основу русского земледельческого движения 1920-х годов в Чехословакии. Речь, в частности, идет о деятельности общественно-политической организации под названием «Крестьянская Россия». Исследование по данному вопросу Е. Борисенок [31] заставляет усомниться в категоричности утверждения, закрепившегося в исторической литературе, в частности в исследованиях Т. Шанина [500], о том, что крестьянства как класса для себя почти не видно в мирное время.

В Чехословакии русское земледельческое движение было окружено вниманием местных аграрных организаций и, в первую очередь,

Земледельческого союза. Большую роль в его становлении сыграла помощь чехословацкого правительства («русская акция» 1923–1925 годов), носившая регулятивный характер. Идеология русского земледельческого движения в Чехословакии, являющегося чрезмерно политизированным, тем не менее соответствовала общему руслу аграрной идеологии. Как и чешские аграрии, русские земледельцы настаивали на введении принципа частной собственности, на государственном регулировании экономики, развитии кооперации. Однако при этом их идеология была «аграризмом крестьянского толка», исходящим из интересов мелкого крестьянского хозяйства. В отличие от него чешское движение преследовало цель обеспечения высокого технического уровня сельского хозяйства и сглаживания различий между промышленностью и сельским хозяйством.

В условиях радикализации эмигрантских настроений по мере возвращенного наступления социализма в Советской России, русское земледельческое движение в Чехословакии все более приобретало антисоветский характер, сосредоточившись на задаче более решительной борьбы с большевистским режимом. Однако, не имея широкой и прочной социальной базы, политической поддержки со стороны российского крестьянства и ослабления материальной базы в самой Чехословакии, русское крестьянское движение в Праге пошло на убыль и практически к началу 1930-х годов перешло в фазу свертывания.

Вопреки различным прогнозам крестьянство пока что не смогло выработать собственной идеологии, поставившей его в центр аграрных преобразований. А. Чертищев объяснение этому видит в утопичности крестьянского видения этих преобразований, в основании которого лежали две утопии: «Земля» и «Воля» [428, с. 224–225]. Дополним данную характеристику крестьянской психологии оценкой Н. Бердяева, подчеркивающего, что «русский народ хочет не столько святость, сколько преклонения перед святостью, подобно тому, как он не хочет власти, а отдания себя власти, перенесения на власть всего бремени» [15, с. 10–11].

Если сквозь призму веков (вторая половина XIX — начало XXI ст.) проследить характер взаимодействия крестьянства и власти, можно утверждать, что по мере осуществления радикальных аграрных реформ утрачивались системные классовообразующие и жизнеформирующие признаки крестьянства, т. е. происходило раскрестьянивание. При этом аграрный вопрос не только не разрешался, а все более усугублялся. В исторических очерках известного советского аграрного

историка В. Данилова [75, с. 633], посвященных истории сельской России с 1861 по 2001 годы, прослеживается 20-летняя периодичность аграрных реформ:

- крестьянская реформа 1860-х годов;
- попытки аграрных реформ Н. Бунге первой половины 1880-х годов;
- аграрная реформа 1917–1922 годов;
- коллективизация конца 1920-х — начала 1930-х годов;
- реформы Н. Хрущева в конце 1950-х — начале 1960-х годов;
- аграрная реформа М. Горбачева — Б. Ельцина 1990-х годов.

Анализируя итоги циклично повторяющихся аграрных реформ, В. Данилов делает вывод о их сущности, состоявшей в потресении крестьянской страны, вступившей на путь модернизации.

Постмодернизм, отчетливо проявившийся в общественной жизни во второй половине XX ст., по времени совпал с процессом перехода раскрестьянивания когда-то многочисленного и мощного социального класса в окрестьянивание страны и возникновение крестьяноведения, рефлексивного крестьяноведения [348], как рурального социального движения, занимающегося поиском истоков крестьянской жизни в сложной системе социальных взаимодействий. Появление крестьяноведения в его существующей версии породило немало реплик, как, например, «чем меньше крестьян, тем больше крестьяноведов».

В этой связи важно понимать, что крестьяноведения, на фоне уничтоженного крестьянства и исчезающей с лица земли деревни, явно недостаточно для формирования собирального образа рурализма как идейного течения и идеологии, который не ограничивается исключительно представлениями о крестьянстве. Рурализм призван сформировать системное представление о перспективах и путях сельского развития в постиндустриальном обществе. Для решения данной задачи необходима серьезная и долговременная работа по переделке общественного сознания всего населения страны, напрямую заинтересованного в возрождении и социальном переустройстве села и сельской жизни.

Раскрытие сущности руральности, рурального развития, рурализации и рурализма — ключевого понятийно-категориального аппарата руралистики является первым шагом к обоснованию ее теоретических и методологических основ как междисциплинарной научной отрасли.

2.1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АРСЕНАЛ РУРАЛИСТИКИ

Позиционирование руралистики как формирующейся междисциплинарной научной отрасли выдвигает на передний план вопрос о ее теоретическом арсенале и методологическом инструментарии. Исходя из степени изученности исследуемой проблематики заметим, что на данном этапе вопрос о создании единой теории руралистики является преждевременным. Скорее речь должна идти о создании общего каркаса теоретических построений, состоящих из связанных в индуктивной последовательности различных парадигмальных подходов, концептуальных представлений, отраслевых теорий, объясняющих природу и сущность процессов в их эволюции и взаимосвязях, отражающих исследовательское поле руралистики.

Первый шаг в этом направлении уже сделан в процессе определения и научного описания понятийно-категориального аппарата руралистики. На основе ключевых понятий, дающих связное представление об изучаемой области действительности, предстоит осуществить анализ различных теорий, концепций, идей, описывающих объектно-предметное поле исследования и сформировать цельную систему знаний в виде руралистического учения. Отправным научным постулатом в этом процессе является гипотеза о руральности (сельскости) как о непреходящем изменяющемся в пространстве и времени общественном явлении. Непротиворечивость данной гипотезы подтверждается положениями современных эволюционных теорий. В частности финский эволюционист П. Кууси [147, с. 9, 98], исследуя процесс исторической трансформации человеческого общества, пришел к выводу, что только одна треть современных людей достигла стадии транснациональных корпораций, большинство же продолжает существовать на стадии аграрной культуры, и лишь их незначительная часть остаются собирателями и охотниками. По убеждению П. Кууси, сообщества людей различаются между собой способами удовлетворения одних и тех же потребностей. Что же касается функций жизнедеятельности и видовых специфических поведенческих характеристик

человека, то они остаются неизменными на протяжении многих тысячелетий. Представление об эволюционном характере общественных изменений дает таблица 2.1 [278, с. 75].

Таблица 2.1

Эволюционно-инновационный характер развития общества

Показатели	Этапы развития цивилизации			
	аграрный	индустриальный	постиндустриальный	интеллектуальный
Основной продукт	еда	товары	услуги	культура
Фактор производства	земля	капитал	знания и умения	духовное развитие
Ключевые технологии	ручные	машинные	организационные, информационные	интеллектуально-инновационные, мировоззренческие
Место человека	источник физической силы	оператор машин и механизмов	творец	сотворчество с Богом
Главный ожидаемый результат образования	элементарные знания и навыки	научные и инженерные знания	методология познания и деятельности	гармоничное развитие общества и пространства

Оставаясь на позициях эволюционизма, вместе с тем нельзя игнорировать структурные общественные трансформации Нового времени, определяемые диффузионными, техническими и технологическими факторами, которые рассматриваются в рамках теории модернизации. Определяя модернизацию как процесс адаптации традиционного общества к новым условиям, порожденным научно-технической революцией, С. Блэк указывает, что в экономической сфере она приводит к механизации производства и к резкому ускорению промышленного роста, к специализации и к развитию торговли [466, с. 7]. При этом автор выделяет три стадии модернизации, связывая последнюю из них с промышленной революцией конца XVIII ст., приведшей к индустриализации, сопровождаемой перемещением значительных масс населения из сферы сельскохозяйственного производства в сферу промышленности. Составной частью преобразований индустриальной эпохи была аграрная реформа

и раздача земли крестьянам с тем, чтобы использовать излишки сельскохозяйственного производства для индустриализации. В результате экономической и социальной трансформации произошла окончательная модернизация общества, ставшего преимущественно городским. Эти структурные изменения раньше других стран произошли в Англии (1832–1845 гг.), тогда как на территории Российской империи они начались в 1917 году. Англии, первой ставшей на путь модернизации, стали подражать остальные страны, тем самым придав модернизации оттенок вестернизации и европеизации. Наряду с Англией во второй половине XIX ст., как отмечает У. Мак-Нил [172, с. 950], сформировалась германская модель модернизации, ставшая образцом для вестернизации и в определенном смысле деаграризации периферийных государств, к числу которых относятся украинские земли, протопреемницей которых является современная суверенная Украина.

Предметное поле теории модернизации тесно соприкасается с цивилизационными теориями. Критически оценивая цивилизационный подход к оценке развития человечества, мы не разделяем точку зрения отдельных российских историков относительно слабости его теоретической базы [453, с. 98], отсутствия у него «исторического шлейфа» [362, с. 44]. На самом деле слабым местом цивилизационных теорий является рассмотрение аграрного общества как такого, которое не имеет будущего. В этом просматривается «след» формационного подхода, исчисляющего историю человечества по сменяющим друг друга общественно-экономическим формациям, в свете которого аграрному обществу соответствовал феодализм с его натуральным, преимущественно земледельческим хозяйством. На самом деле формационным подходом к оценке аграрного этапа общественного развития не исчерпывалась исследовательская парадигма (табл. 2.2)

Общественные преобразования осуществлялись при активном участии субъектов истории, роль которых менялась в силу объективного характера происходящих изменений. В этом плане характерным является отношение к основному субъекту аграрного общества, выразителю его общественной психологии, содержащееся в теоретическом арсенале А. Дж. Тойнби. По его мнению, крестьянство, охваченное вихрем истории, втянуто в цивилизацию, чтобы материально обеспечить привилегированное меньшинство. Поэтому крестьянство до сих пор остается наиболее несчастным братом тех примитивных обществ, которые цивилизации не успели поглотить [393, с. 107].

Периодизация исторического развития

Исследовательские подходы			
Европоцентричный	Формационный	Технологический	Цивилизационный
Древняя эпоха (III тыс. до н. э. — V ст. н. э.)	Первобытная формация; Рабовладельческая формация; Феодальная формация	Аграрное общество	Древние цивилизации; Традиционные цивилизации
Средневековая эпоха (конец V — середина XVII ст.)			
Эпоха нового времени (середина XVII ст. — начало XX ст.)	Капиталистическая формация	Индустриальное общество	Индустриальная цивилизация
Эпоха новейшего времени (от начала XX ст.)	Коммунистическая формация (социализм как ее первая фаза)	Постиндустриальное (информационное общество)	Постиндустриальная цивилизация

Если абстрагироваться от буквального значения приведенной фразы А. Дж. Тойнби, она имеет глубокий смысл. Во-первых, в постиндустриальную эпоху господствующий класс представляет меньшинство современной цивилизации, которая имеет и иные признаки, доставшиеся ей от прошедшего времени. Во-вторых, крестьянство, оставаясь атрибутом примитивного общества, по-прежнему выполняет роль кормильца социума. Отсюда следует вывод: чтобы иметь собственное будущее, крестьянству следует перестать быть братом примитивных обществ, пребывающих на обочине цивилизационного развития. Для этого необходимо включиться в процесс системной общественной трансформации и социальной интеграции.

Показательной с этой точки зрения является исследовательская логика О. Шпенглера [439, с. 90, 91, 100, 102]. Упадок европейской цивилизации немецкий философ связывал с сосредоточением жизни в городе. В то время, как все остальное увядает, житель большого города — человек, абсолютно лишенный традиций, человек фактов, переполненный глубоким отвращением к крестьянству, совершил огромный шаг к неорганическому, к концу. Прийти к концу, по О. Шпенглеру, означало стать провинциальным или прийти к упадку. Первая фаза этого упадка — победа города над селом, вторая — переход к цивилизации в результате утраты почвенного духа крестьян-

ства, к созданию искусственных мегаполисов, что означает переход к новой исторической эпохе. Суть этой новой эпохи — в отрыве человека от ландшафта, с которым была неразрывно связана вся предыдущая история человечества. Впервые искусственное изменение ландшафта началось с развитием земледелия. Тем самым крестьянин пустил корни в почву, которую он обрабатывал. Так и сама культура, подобно растению, вырастает из своего материнского ландшафта. Однако с развитием городов человек начинает отрываться от почвы. С появлением мировых столиц, являющихся признаком зрелых цивилизаций, — обесценивается провинция — материнский ландшафт культуры. Все превращается в провинцию — и село, и малый город, и город большой, за исключением двух-трех гигантских мегаполисов. В отличие от локальных цивилизаций, сменяющих одна другую, крестьянин — вечный человек, который предшествовал культуре. Он продолжает свой род из поколения в поколение благодаря его связи с землей. Эта связь не исчезает до тех пор, пока огонь, в благочестивом смысле этого слова, остается действительным, значимым центром семьи. Идентификационной квинтэссенцией глубоких по своему смыслу и глобальных по значимости мыслей О. Шпенглера является вывод о том, что крестьянин является вечным персонажем истории при условии не утраты им связи с ландшафтом, занятиями на земле и выполнения детородной функции. Различия во времени связаны с исторической эволюцией сельского уклада и рода занятий крестьянства, технической и технологической оснащенности его хозяйственной деятельности.

Огромным познавательным потенциалом для идентификации сельских территорий обладает учение представителя французской исторической школы Анналов, одного из основателей мир-системного подхода Ф. Броделя [36, с. 413, 414, 418]. В отличие от О. Шпенглера французский исследователь подошел к рассмотрению проблемы взаимоотношений села и города не с позиции их противопоставления, а в контексте их взаимного влияния. Учитывая историческое значение разделения труда между городом и селом, Ф. Бродель отметил, что это разделение не носит заверщенного характера, а постоянно обновляется. По этой причине село и город невозможно отделить друг от друга: в одно и то же время существовали отделение и сближение, размежевание и объединение. Села, расположенные возле города, черпали пользу от такого соседства. Села и города подчинялись обоюдности перспектив, вследствие чего происходили из-

менения, имеющие обратный характер: города урбанизировали села, а те делали окончательно города сельскими. Вместе с тем Ф. Бродель подчеркивал, что города в этом обоюдном обмене выполняют роль экономических трансформаторов: они повышают напряжение, ускоряют обмен. Город существует как город только в противопоставлении нижнему способу, чем он (селу. — *А. П.*). Не было ни одного города, ни одного городка, которые бы не имели своих сел, своего клочка сельской жизни, который не оказывал бы окружающей местности своих услуг. Анализируя развитие сельского хозяйства, которое концентрировалось исключительно вокруг городов (Кастилия XV–XVI веков), Ф. Бродель [37, с. 79] размышлял над тем, целесообразно ли развивать села, находящиеся на больших расстояниях от городов. Из приведенного аналитического материала следует, что формирование образа сельских территорий предполагает выделение их существенных свойств, отличных от городов, противостоящих друг другу («мы» и «они»). В то же время кроме сельских территорий и городов существуют «смешанные», переходные виды социально-пространственных образований. Наконец, сельские территории и города не могут существовать одни без других.

Анализ аграрного способа производства, как доминирующего на сельских территориях, в контексте технологической парадигмы содержится в работах Д. Белла. Для его описания американский социолог использовал понятие «технологические ступени». К первой ступени он отнес наряду с горнодобывающей промышленностью и сельское хозяйство, составляющие вместе доиндустриальный сектор, который основывается на ресурсной базе. Несмотря на то, что в информационную эпоху удельный вес занятых в сельском хозяйстве значительно уменьшился, это, по убеждению Д. Белла, не означает, что постиндустриальное общество замещает индустриальное, равно как и последнее не ликвидирует аграрный сектор экономики [13, с. CXXX, CL, 468].

По своему подходу концепция постиндустриального общества Д. Белла во многом подобна концепция Э. Тоффлера. Однако ее отличие состоит в том, что переход от одной исторической эпохи к другой, по Э. Тоффлеру, происходит в форме столкновения. Прибегнув к аллегории (идея «волнового» исторического развития), Э. Тоффлер [396, с. 23, 98, 99] определил сельское хозяйство как родовой признак цивилизации первой волны (аграрное общество), отличающейся «ограниченным пространством». При этом он имел в виду не толь-

ко локальный характер, а и узкую производственную специализацию аграрного сектора экономики. Что касается субъектов хозяйствования, то они представлены, в изложении американского футуролога, фермером и его семьей, интенсивно работающими на своем маленьком клочке земли, среди моря пространства, на фоне которого человек выглядит карликом.

В формировании теоретического арсенала руралистики одну из ключевых ролей играют теории и концепции пространственного развития, разработанные в разное время географами и экономистами.

В числе первых, кто попытался научно объяснить закономерности пространственного размещения хозяйства, был И. Г. фон Тюнен [402, с. 106]. Его теория сельскохозяйственного штандорта (местоположения) была изложена в фундаментальном труде «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике» (1826 г.). Целью работы немецкого ученого было создание оптимальной экономической модели размещения сельскохозяйственного производства с учетом действия таких внутренних факторов как расстояние до рынка сбыта (города), цена на продукцию и земельная рента. В модели заданным был центральный город, исходя из чего обосновывалось размещение вокруг него сельскохозяйственного производства при определяющей роли расстояния до города. В результате расчетов были выявлены зоны, наиболее благоприятные, с точки зрения минимизации транспортных затрат, для размещения в них определенных видов хозяйственной деятельности. В законченном виде модель И. Г. фон Тюнена представляла собой систему концентрических кругов (колец) разного радиуса вокруг центрального города, которые ограничивали зоны размещения таких видов деятельности:

- интенсивное товарное садоводство и огородничество, молочное животноводство;
- интенсивное лесное хозяйство;
- зерновое хозяйство без чистых паров, мясное животноводство;
- трехпольный севооборот с чистыми парами, лугами и выгонами;
- пастбищное скотоводство (производство мяса, масла, шерсти);
- неиспользуемые, но пригодные для освоения земли, примитивное охотничье хозяйство.

Порядок чередования колец определяется спросом рынка (города) на продукты, а степень интенсивности ведения хозяйства прямо пропорциональна его близости к городу. Земельная рента максималь-

на в первом кольце и соответственно уменьшается по мере удаления земельных наделов от города, что свидетельствует о ее зависимости от транспортных издержек.

Идеи И. Г. фон Тюнена были революционными не только для своего времени и конкретного места. Они заложили основы нового научного направления — теории размещения хозяйства. Поскольку в первой четверти XIX века средства коммуникации были развиты недостаточно, а система расселения состояла из сел и небольших городов, поэтому число городов в модели размещения ограничивалась одним городом. Виды хозяйственной деятельности в пределах колец И. Г. фон Тюнена (сельских территорий) представлены сельским, лесным и охотничьим хозяйством. Концентрация экономической деятельности в первых поясах модели (прообраз пригородной зоны) играет определяющую роль в интенсификации процесса расселения вокруг крупного города, что положительно сказывается на плотности населения. В свете учения И. Г. фон Тюнена не бесперспективным выглядит и развитие сельских территорий, удаленных от городов, специализирующихся на производстве определенных видов продукции. Представленная модель также содержит положения, идентифицирующие сельские территории и как природные образования.

В XX веке В. Кристаллер и А. Леш, основываясь на исследовательских методах экономики и географии, разработали теорию центральных мест, обладающую значительным научным потенциалом для осуществления идентификации сельских территорий.

В. Кристаллер в работе «Центральные места в Южной Германии (1933 г.) [219] обосновал модель оптимизации территориальной организации населения. В ней под центральным местом понимается крупный город, центр для всех других населенных пунктов данного района, обеспечивающий их основными товарами и услугами. В идеальной модели расселения, существующей только на бесконечной однородной равнине с одинаково равномерной плотностью и покупательной способностью населения, равномерным размещением ресурсов, одинаковым транспортным сообщением, В. Кристаллер выделил гексагональную (шестиугольную) структуру районов, дополняющих центральное место и шесть малых поселений (сел), которые образуют треугольные решетки окружения для таких поселений. Таким образом, вокруг высшей ступени иерархии расселения (крупный город) находятся шесть поселков и 36 сел. Такое размещение населенных пунктов (в идеале) обеспечивает рациональное перемещение

потребителей, товаров и услуг, оптимизацию рыночной, транспортной инфраструктуры и административное устройство.

Более реальную модель размещения центральных мест предложил А. Леш. Его основной научный труд «Географическое размещение хозяйства» («Пространственная организация хозяйства» по А. Гранбергу [63; 64]) в 1959 году был переведен на русский язык. Ее автор [161] исходит из того, что по мере роста, с увеличением расстояний, транспортных издержек цены на товары и услуги в периферийных частях рыночных зон повышаются, а спрос падает. В результате этого образуется «конус спроса» — радиус зоны сбыта товаров и услуг центральных мест, нижний предел которого определяется пороговым значением рынка, верхний — расстоянием, на которое целесообразно сбывать товар. А. Леш, на основании проведенных расчетов, доказал, что суммарный объем конусов спроса максимален, когда их основания имеют шестигранную форму. «Врачая» наложенные друг на друга рыночные зоны разных размеров («экономические ландшафты») вокруг центрального места, он выделил шесть «богатых» и столько же «бедных» населенных пунктов. При таком размещении, по мнению А. Леша, суммарное расстояние между населенными пунктами минимизируется, а ассортимент товаров и услуг, который можно приобрести на месте, расширяется. При этом в пределах секторов с большим числом населенных пунктов их размеры возрастают по мере удаления от центрального города, а малые населенные пункты (села) расположены примерно на полпути между двумя более крупными.

Теория центральных мест В. Кристаллера и А. Леша служит основанием для методики идентификации сельских территорий. Во-первых, сельские территории — это одна из двух, наряду с городскими поселениями, составляющих системы расселения, между которыми существует тесная взаимосвязь. Во-вторых, система населенных пунктов является иерархической: крупный город является центральным местом не только по отношению к селам, но и к малым городам; пригородные села вместе с городской окраиной составляют один из эшелонов центра расселения, так же как и крупные сельские населенные пункты (удаленные от крупных городов) имеют статус административного центра (центры сельских советов) по отношению к малым селам. В-третьих, практически каждый сельский населенный пункт имеет перспективы развития при наличии ресурсов, развитой транспортной, социальной инфраструктуры, условий для занятости населения и его вовлеченности в систему рыночных отношений.

Во второй половине XX века в числе других концепций пространственного развития особую популярность приобрела теория «центр — периферия» Дж. Фридмана, в которой центр понимается как место генерирования технологических, социальных и других нововведений, тогда как периферия — среда их распространения, интенсивность которого зависит от контактов с центром [474]. Периферия, с точки зрения этого автора, — некое однородное пространство. Она состоит из внутренней области (ближней), тесно связанной с ядром, которая получает от него импульсы к развитию и внешней (дальней), на которую ядро практически не оказывает существенного влияния [474, с. 31].

Такая традиция трактовки центрально-периферийных отношений получила свое дальнейшее развитие в мир-системных научных концепциях. Мир-система, согласно И. Валлерстайну [38], становится «системой» в силу взаимодействия центра и периферии. Если для центра характерен экономический рост, то для периферии — экономический упадок. Промежуточное место в мир-системе занимает полупериферия, состав которой является наиболее нестабильным за счет ее подвижности. Она, с одной стороны, стабилизирует мир-систему и выступает в роли «агента изменений» — с другой.

Идентификация сельских территорий в контексте центр-периферийной парадигмы требует предварительного разграничения географического и экономического представлений о центре и периферии как об определенных полярностях. В переводе с греческого слово «периферия» означает окраину, то есть то, что находится на краю. Итак, периферийность — это окраинное место расположения объекта в географическом пространстве по отношению к другим объектам, один из которых позиционируется как центр. По своему местоположению сельские территории в сравнении с городами (центрами) выступают как периферия. Центральность с точки зрения географической означает близость к рынкам сбыта, транспортным и водным артериям, полезным ископаемым, ресурсам. Поэтому преимущество получают те сельские территории, которые ближе, чем другие, расположены к этим географическим центрам (городам). Экономическое представление о городе как о центре связано с концентрацией в нем активной хозяйственной деятельности со всеми вытекающими из этого последствиями (наличие рынка товаров и услуг, научных, культурных, административных учреждений, социальной и производственной инфраструктуры, пр.). В этом смысле любая сельская

территория является периферийной либо полупериферийной по отношению к городу. В то же время в рамках сельской территориальной подсистемы сложилась своя иерархия центрально-периферийных отношений.

Более широкой, чем «центр-периферийная» теория, по охвату объектного поля является теория территориальной организации общества, которая ассоциируется с американским географом Р. Мориллом, российскими учеными Э. Алаевым, М. Шарыгиным, Н. Култашевым и др.

В широком значении слова территориальная организация характеризуется как пространственное выражение существования материальных объектов. В организационном отношении она предстает как строение, функционирование, развитие и управление.

В качестве основного компонента территориальной организации общества в географической литературе [47, с. 10–11] рассматривается территориальная общественная система как пространственно-локализованная часть человеческого общества, в которой взаимосвязано сочетаются все сферы жизнедеятельности людей и создаются условия жизни, достойные человека. Все компоненты данной пространственно-временной целостности взаимодействуют с окружающей природной средой. Внутренняя структура территориальной организации общества представлена разнообразными функциональными подсистемами: демографической, социальной, экономической, природно-ресурсной, духовной, политической, рекреационной, производственно-инфраструктурной, эколого-инфраструктурной, рыночно-инфраструктурной, институциональной и др.

В географической науке существуют различные подходы к характеристике территориальной организации общества. Один из них представляет Э. Алаев [6, с. 117], рассматривающий территориальную организацию общества как:

- совокупность процессов и действий по размещению предприятий материального производства и непромышленной сферы, расселению населения, природопользованию с учетом их отношений, связей, соподчиненности и взаимозависимости;
- сочетание функциональных территориальных структур (расселение населения, производства, природопользования, объединяемых субъектами управления).

Несколько иного подхода к категории «территориальная организация общества» придерживается М. Шарыгин [432, с. 43]. Он рас-

смачивает территориальную организацию общества, во-первых, как явление, представленное иерархически соподчинительными районами разного ранга, во-вторых, как процесс — постоянное движение и пульсацию всей социально-экономической жизни населения в пространстве-времени.

Общегеографическое толкование понятия «территориальная организация общества» дает Н. Култашев [143, с. 21]; а именно как состояние глобальной системы взаимодействия человечества и природы.

Независимо от подхода, характеризующего содержание понятия «территориальная организация общества», в свете данной концепции сельские территории предстают как одна из подсистем этой организации, отличающаяся от городской подсистемы своей структурой (на уровне элементов), но сходная с ними по составу блоков — хозяйственного, природного и социального. Отличие сельских территорий от городов — в составе ландшафтов, в способах их хозяйственного освоения, в расселении населения, организации пространства жизнедеятельности.

Идентификация сельских территорий была бы неполной без творческого использования научных положений концепции «поляризованной биосферы» («поляризованного ландшафта») российского географа Б. Родомана [351, с. 23]. В ее основу положен позиционный принцип, в соответствии с которым пространственное положение трактуется как совокупность таких пространственных аспектов отношений объекта к другим объектам, которые являются существенными для рассматриваемого объекта. В данном контексте речь идет о способах минимизации антропогенного воздействия на природную среду за счет гармоничного взаимовыгодного сосуществования и взаимообусловленного размещения природных и антропогенных элементов окружающей среды как противоположных и полярных по своей функциональности. Б. Родоман подчеркивает, что заслуживают называться полярными такие элементы, которые не только противоположны по качеству, но кроме того, сравнимы и равноценны по величине, значению и размещению в пространстве.

Согласно концепции «поляризованной биосферы» как равноценные и аналогично размещенные «полюсы» окружающей среды, взаимозависимые элементы парагенетического природно-антропогенного ландшафта рассматриваются большой город и дикая природа, связанные в систему территориальным распределением функций и маятниковыми миграциями людей. Между городским центром и

природными территориями располагается ряд зон — промышленных, селитебных, сельскохозяйственных, парковых, которые помимо основной специализации обладают дополнительными функциями, господствующими в соседних зонах, а также играют роль буферов, предотвращающих экологически нежелательные соседства и контакты. Места, у которых географическое положение неблагоприятно для урбанизации и полноценного материального производства, следует использовать для сохранения и восстановления природного ландшафта, для отдыха и туризма, для экстенсивной или умеренной эксплуатации естественно возобновляемых природных ресурсов [351, с. 24].

Если в рамках «центр-периферийной» теории сельские территории сосуществуют с городами как их противоположность и полярный объект, заслуживающий опережающего по своим темпам развития по сравнению с городом с целью недопущения их социальной деградации, то в концепции «поляризованной биосферы» сельские территории выступают в несколько ином ракурсе. Так, рациональная организация сельских территорий предполагает, кроме естественной природной предрасположенности ландшафтов к сельскохозяйственному использованию, реализацию возможностей природной среды в совокупности с выгодным географическим положением для формирования на них природоохранных и рекреационно-оздоровительных функциональных зон. В идентификационном смысле это означает, что сельские территории — это не только социальное, экономическое пространство, но и природная среда, представленная аграрными, природоохранными и рекреационными ландшафтами.

Значительным идентификационным потенциалом, по отношению к сельским территориям, обладает концепция природно-хозяйственных территориальных систем, разработанная в 1980-е годы географом Г. Швобсом [433, с. 19]. Ее автор определил природно-хозяйственную территориальную систему как форму существования и развития географической среды (антропосферы) в ее целостной конкретности, которая представлена специфическим составом, территориальной организацией и способом обмена веществ. Эти системы состоят из двух блоков — природного и хозяйственного, которые дополняют друг друга и объединены взаимосвязями. Это природные системы, поскольку они имеют соответствующую основу, функционируют и развиваются согласно природным закономерностям. Вместе с тем они также и хозяйственные системы, на которые влияют социально-экономические закономерности, которым они подчиня-

ются. Разумеется, каждый вид хозяйствования выдвигает разные требования к окружающей среде, территории, природным условиям и ресурсам. Например, в сельскохозяйственных природно-хозяйственных территориальных системах определяющей является природная составляющая, которая определяет тип землепользования, размещения хозяйств и природоохранные мероприятия на определенной территории, включая селитебную зону. Здесь огромную роль играют такие природные факторы как рельеф, грунты, климатические и гидрологические условия.

Организация природно-хозяйственных территориальных систем направлена на оптимизацию природопользования с целью формирования культурного ландшафта. Это в свою очередь предполагает решение одновременно двух трудно совместимых задач: получение прибыли и создание благоприятной среды жизнедеятельности. Как известно, погоня за получением максимального экономического эффекта влечет за собой увеличение нагрузки на природу. Для разрешения этого противоречия Г. Швец [433, с. 24] выдвинул идею о создании агроландшафтных заповедников, что предполагает выделение в составе природно-хозяйственных территориальных систем территорий, где бы чередовались и тесно между собой взаимодействовали участки как хозяйственного, так и природно-заповедного фонда.

В целом концепция природно-хозяйственных территориальных систем, несмотря на свою структурно-организационную незавершенность (отсутствие социального блока с его движущей силой — человеком), способствует формированию представления о сельских территориях как о пространственном образовании, в границах которого происходит коэволюционное развитие природы и хозяйственного комплекса в условиях неоднородного пространства. Это касается как земельных ресурсов, которые отличаются в разрезе каждой территории не только по площади, но и по типу почвы, так и рельефа местности, природных условий. Все эти отличия вместе с видовым разнообразием хозяйственной деятельности придают своеобразие каждой из территорий.

Определенную эвристическую функцию выполняет концепция рубежной коммуникативности отечественного географа В. Дергачева [79], творческое использование которой позволяет выйти за рамки традиционного представления о сельских территориях как автономном и замкнутом пространственном образовании. Автор отмечает, что концепция рубежной коммуникативности основана на искусстве

использовать «географический разум» для решения глобальных и региональных геополитических, геоэкономических и геоэкологических проблем в многомерном коммуникационном пространстве через изучение граничных, «краевых» процессов в природе и обществе, обладающих высокой энергетикой. Понятие «рубежный» в авторском понимании означает противоположный центральному: «маргинальный» (в переводе с лат. — крайний). Функции рубежности проявляются в природных, политических, экономических, этнических, конфессиональных, информационных, конвенциональных и других границах. При этом В. Дергачев исходит из гегелевского понимания границы как проникающей все наличное бытие. «Поля» различных социальных процессов не совпадают в географическом пространстве и, накладываясь друг на друга, образуют маргинальные зоны, обладающие энергетикой интенсивных взаимодействий, формируя мир антиподов. Этот мир антиподов сосуществует в биосфере, социосфере, этносфере, литосфере, гидросфере, атмосфере. Вместе с тем географическая дифференциация Земли преимущественно конвенциональна — условны границы океанов, Европы и Азии, цивилизаций, ландшафтов. Например, Крымский полуостров не представляет однородного физического целого. Различия между Южным берегом и остальной частью Крыма более существенны и контрастны, чем между степью полуострова и материка. Таким образом, различные образования земной поверхности имеют не только конвенциональные, но и естественные границы, которые, как правило, не совпадают. Но именно естественные границы обладают высокой энергетикой, поэтому важно глубокое знание процессов, происходящих в рамках рубежных пространств.

Следуя основным положениям концепции рубежной коммуникативности, сельские территории можно идентифицировать как антипод городов, а пригород как рубеж и контактную зону, в рамках которых происходит интенсивное взаимодействие этих пространственных образований. Как внутренние рубежи сельских территорий выступают зоны взаимодействия их природной, экономической и социальной составляющих. Использование этой концепции позволяет определить те или иные функции сельских территорий как основные, дополнительные или конкурентные. Статус рубежных приобретают сельские территории, расположенные на стыке различных государств, природно-климатических зон, суши и морского побережья, а также границ аграрных и природных ландшафтов.

Вторая половина XX ст. ознаменовалась попытками, связанными с объединением разных наук, изучающих сельскую местность (география сельского хозяйства, география сельского населения, география лесного хозяйства и др.) [494]. Это свидетельствовало о том, что пространственные изменения в руральной сфере происходили более стремительно, чем иные изменения.

Трансформационные пространственные изменения зарубежными и отечественными учеными рассматриваются с позиции цикличности и стадийности территориального развития. Еще в 1970-е годы югославский экономист Р. Бичанич [464] выдвинул концепцию о поворотных пунктах (точках бифуркации) в динамике сельского хозяйства. Данная концепция основана на учете изменений основных факторов производства (земля, труд, капитал), происходящих в процессе общественной эволюции. На основании этих изменений Р. Бичанич выделил в историческом развитии сельского хозяйства три стадии. На первой стадии (натуральное хозяйство) численность занятых в сельском хозяйстве постоянно растет. Производственный процесс в целом определяется естественной продуктивностью земель, капитал не играет определяющей роли, основными производителями продукции являются крестьяне. На второй стадии происходит падение доли занятых в сельском хозяйстве, осуществляется поворот к товарному рыночному производству. Вследствие урбанизации постепенно исчерпываются плодородные земли, промышленность вытесняет сельское хозяйство как наиболее капиталоемкая отрасль, на первый план выступают коммерческие факторы. На третьей стадии наблюдается интенсификация землепользования, замещение естественного плодородия капиталом посредством развития механизации, мелиорации и химизации, земля утрачивает свое первоначальное значение, численность занятых в сельском хозяйстве резко сокращается. Ключевую роль в экономической жизни начинают играть инвестиции и инновации.

Идея стадийного развития территориально-экономических систем в советской географической науке получила развитие в трудах С. Артобалева, Н. Иоффе, А. Трейвиша [11], которые обратили внимание на связь между изменениями в общественно-политической и экономической системах, синхронизацию экономического и регионального развития. Уже в наше время А. Трейвиш [397, с. 148], развивая концепцию стадийности регионального развития, выдвинул положение о двух видах сжатия социально-экономического про-

странства — повышении его проницаемости и сокращении площади освоенных территорий.

Географическая концепция эволюции сельского пространства обстоятельно изложена в трудах Т. Нефедовой. В своей монографии «Сельская Россия на перепутье: географические очерки» [201] она выделяет пять стадий сельской эволюции, соответствующих этапам урбанизации сельских территорий. Первая стадия — природная, когда сельскохозяйственное производство, образ жизни — все вписано в природу. Преобладает натуральное хозяйство, продуктивность которого зависит от природных условий. Вторая стадия — раннегородская, природно-национальная, когда урбанизация стимулирует отток сельского населения, но благодаря высокому естественному приросту сохраняется его многочисленность, осуществляется процесс дифференциации специализации и культуры землепользования. Для третьей стадии (среднеурбанизационная) характерно резкое деление территорий, обладающих благоприятными (юг) и неблагоприятными (север) природно-климатическими условиями для ведения сельского хозяйства. Природа и капитал выступают как взаимодополняющие друг друга факторы. На этой стадии происходят концентрация и поляризация производства и сельского расселения, стягивание населения и жизнеспособного общественного производства к городам. Стадия четвертая — позднеурбанизированная, где усиливаются зональные различия. Капитал уже заменяет труд, не требуя роста сельского населения. Пятая стадия — неоприродная (экологическая). Сельское пространство утрачивает черты аграрного и становится рекреационно-дачным и экобиотехнологическим. Автор считает, что Россия в целом в настоящее время проходит третью стадию эволюции, а некоторые регионы, такие как Подмосковье, находятся на четвертой стадии.

Данная концепция получила признание ученых не только России, но и Украины. Однако из этого не следует, что она лишена недостатков. Прежде всего вызывает возражение жесткая привязка сельской эволюции к урбанизации, хотя сама зависимость между пространственной трансформацией сельских территорий и процессом их урбанизации безусловно имеется. Автор подменяет общую тенденцию общественного развития, связанную с индустриальным и постиндустриальным развитием, тенденцией урбанизации как одной из их составляющих. Тем самым упрощается суть глубинных процессов, происходящих на сельских территориях, имеющих собственную логику развития и испытывающих влияние других факторов развития,

не ограничивающихся исключительно урбанизацией. Так, согласно Т. Нефедовой, на третьей стадии происходит концентрация общественного производства вокруг городов. Однако в другой своей публикации [200] этот автор отмечает, что на юге, особенно на равнинном Северном Кавказе, города влияют на агропроизводство меньше, чем различающиеся от территории к территории природные условия. Трудно также представить ситуацию (пятая стадия), чтобы сельское пространство перестало быть аграрным.

Практическое значение концепции Т. Нефедовой измеряется тем, насколько она применима к сельским территориям Украины. В Украине уровень урбанизации не является таковым, чтобы играть определяющую роль в развитии сельских территорий. Об этом в первую очередь свидетельствует группирование городов по численности наличного населения: 371 город (80,65 %) из общего количества имеет население до 50 тыс. человек, 37 — от 100 до 500 тыс. человек и только 8 — свыше 500 тыс. человек. Наибольший удельный вес (34,56 %) составляют города с численностью жителей от 10 до 20 тыс. человек, имеющие статус городов районного значения. По нашим расчетам, в сфере влияния среднестатистического города Украины находится 30813 человек сельского населения [248, с. 253].

Рурализованность, понимаемая как руральность (реальное бытие) и мыслительная деятельность о руральной бытийности, может быть описана в терминах концепции географических образов Д. Замятина, которая фиксирует отличия между отдельными сегментами пространства в их одновременности, опираясь не на физикалистские представления и картографические модели, а на анализ образно-географических интерпретаций пространства, его метафорические образы. Данная концепция заложила основы развития образного ландшафтознания [95], исследующего характер и типы географических образов разных территорий, в том числе и руральных, т. е. проблемы феноменологии пространства. Речь в данном случае идет о феноменологически понимаемой пространственности как «пространство процессов, взятых вместе с мыслью о них, с практикой» [135, с. 18].

Вместе с тем место, район, пространство, руральная территория не только географические образы, а прежде всего географический, этнический, хозяйственный и исторический ландшафт — составные части евразийской концепции месторазвития П. Савицкого [356]. Сопоставляя понятие «месторазвитие» с понятием «культурно-исторический тип», введенным в научный оборот Н. Данилевским [73],

П. Савицкий пришел к выводу, что каждому культурно-историческому типу соответствует свое месторазвитие, тем самым дополнив их перечень евразийским типом.

Понятие культуры у П. Савицкого неразрывно связано с культурными ценностями, которые каждая культура вырабатывает самостоятельно. Каждый народ является носителем собственной специфической культуры, он не может «быть как другие», должен постоянно стремиться познать самого себя и быть неповторимым. Данные наблюдения являются ориентиром для познания поведенческой линии крестьянства, сельского населения в целом как творцов собственных культуры и исторической судьбы. Поскольку месторазвития связано не только с природной средой, а и с принадлежностью представителей рурального социума к тому или иному этносу, т. е. с этносферой. Отсюда связь месторазвития с этногенезом, понимаемым Л. Гумилевым как социо-природный процесс жизнедеятельности этносов. По Л. Гумилеву, жизнь этноса — это наложение биологического времени на историческое, смены поколений — на звенья событий в их причинной последовательности. Это наложение осуществляется благодаря сочетанию генетической памяти с исторической преемственностью, вследствие чего этнос существует как целостность. Именно объединение этногенеза с социальными процессами на фоне разных культур и ландшафтов создает истории разных этносов, которые причудливо переплетаются одна с другой [70].

Исследуя изменения, происходящие в руральном пространстве, важно учитывать не только циклический характер развития экономики на макроуровне, а и стадиальность цивилизационного развития. В этом смысле важное познавательное значение имеет исследование ритма изменений постиндустриальной цивилизации, проведенное Ю. Яковцом [454, с. 280, 261; 455]. Этим исследователем установлено, что человечество в последней четверти XX века только вступило в период перехода к информационному обществу. Этот период положил начало процессу смены сверхдолгосрочных (цивилизационных) циклов, что является свидетельством глубины и длительности трансформационных изменений. Сущность самого перехода длительностью в полстолетия, по мнению Ю. Яковца, определяет совпадение и сосуществование последней фазы индустриального общества и начальной фазы нового общества, в результате чего возникает цивилизационный кризис. Таким образом, указанный период нельзя идентифицировать как собственно информационное обще-

ство, поскольку технологии, экономика, социальная, политическая и культурная жизнь являются «смешанными», что несовместимо с сущностными характеристиками нового этапа цивилизационного развития человечества.

Представленные Ю. Яковцом динамика ритма развития постиндустриальной цивилизации и тенденции развития переходного периода первого цикла целесообразно сопоставить с кондратьевскими длинными волнами, концепцией о поворотных пунктах в динамике сельского хозяйства Р. Бичанича и географической концепцией эволюции сельского пространства Т. Нефедовой. В свете представленных концепций сельские территории Украины находятся в нисходящей фазе кондратьевского цикла, на второй стадии (поворота к товарному рыночному производству) Р. Бичанича и на третьей (среднеурбанистической) стадии эволюции сельского пространства по Т. Нефедовой.

Значительным познавательным потенциалом, способным обогатить теоретический арсенал руралистики, обладает ценностная теория социологии П. П. Сорокина. В отличие от Л. Гумилева П. Сорокин отмечал доминирующую роль в процессе социализации человека не его биологическим характеристикам, а социокультурным [376, с. 160].

Для характеристики степени межчеловеческого взаимодействия П. Сорокин использовал понятие «социальное пространство», означающее определенную вселенную, состоящую из народонаселения. Это дает возможность определить положение человека или какого-либо социального явления по отношению к другим социальным феноменам. Системоформирующим компонентом социального пространства выступает определенная система ценностей, по которой одно социальное пространство отличается от другого, ему подобного.

П. Сорокин рассматривал социокультурное явление как результат взаимодействия социальных субъектов. При этом он придавал большое значение духовным основам человека, которые выявляются через социально значимую активность, проявляющуюся по таким универсальным ценностным категориям, как истина, красота, добро, польза. Каждый процесс значимого человеческого взаимодействия состоит из трех компонентов (рис. 2.1).

Социокультурная динамика общества, по П. Сорокину, характеризуется периодичностью существования и смены систем истины:

– идеациональной (истина веры) — истиной, которая открывается Божьей милостью через его глашатаев, выявляемая надчувствен-

ным способом путем мистического опыта, непосредственного прозрения, Божьей интуицией и одухотворением;

— чувственной — истиной чувств, достигаемой органами чувственного восприятия;

— идеалистической — синтезом двух первых истин, созданных человеческим разумом, и предначертанной Божиим откровением.

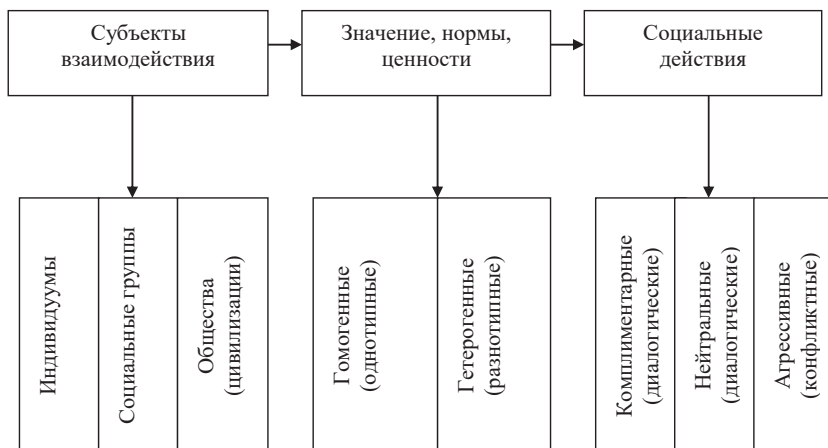

Рис. 2.1. Типы социокультурного взаимодействия

Каждая из указанных истин является частично истинной и достоверной, занимая определенное место в процессе познания многосторонней действительности, адекватно раскрывая лишь определенные аспекты объективной реальности. При этом П. Сорокин был убежден, что основные постулаты науки составляют интуиция и вера. В трехмерном пространстве веры, разума и чувств общая истина ближе к абсолютной, чем истина, рожденная одной из этих форм. Каждая из этих систем, существующая изолированно от других, становится менее достоверной и более ошибочной даже в рамках собственной компетентности [376, с. 474, 478].

Каждое общество имеет свои этические идеалы и ценности, воплощенные в его этическом сознании, а также правовые нормы, которые создают ту или иную систему этики и права.

Выдвигая идею о сельско-городском (рурально-урбанном) континууме, П. Сорокин руководствовался исконными идеями, заложенными в его концепции конвергенции (от лат. *convergo* — сближаюсь,

схожусь). «Смешанный» тип общества (не социалистический и не капиталистический, а своего рода их симбиоз) П. Сорокин выводил из кризиса существующего строя, который не нашел адекватной ценностной системы. Такой интегративный тип общества объединит в себе большинство позитивных ценностей существующих обществ [376, с. 18]. Используя прием сравнения, мы можем сегодня на основе идеи конвергенции П. Сорокина реализовать ее в виде рурально-урбанного пространственного и функционального синтеза.

Позиционирование рурального пространства в контексте цивилизационных, экономических, отраслевых и пространственных концепций и теорий является надежным способом формирования достоверных научных знаний, составляющих теоретический фундамент руралистики.

2.2. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ К РУРАЛИСТИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

Формирование руралистической междисциплинарной познавательной парадигмы не ограничивается ее теоретическим арсеналом как системы научных знаний, адекватно отражающей исследовательское поле руралистики.

Не менее важным является процесс анализа получения знания. Данная задача является прерогативой методологии — «системы принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учения об этой системе» [417, с. 365], «учения о методе научного познания и преобразования мира» [416, с. 153].

Исходя из приведенных определений теории и методологии, можно констатировать, что между ними существует отношение цели и средства.

Учитывая, что в данном исследовании речь идет о руралистике как о междисциплинарной отрасли научных знаний, находящейся в стадии своего становления, а также разнородность функций методологии, следует более детально остановиться на роли методологических предпосылок междисциплинарных исследований и определиться с уровнем соответствующей методологии, которую невозможно однозначно отнести ни к философской, ни к общенаучной, ни к конкретно-научной, ни к методологии уровня методики и техники исследования [22, с. 68–69].

Прежде всего определимся с тем, насколько «механическое сложение» смежных научных дисциплин способствует действительной генерации полученных результатов в новое знание и углублению познания изучаемого социального феномена. Как показывает практика, произвольное смещение методологических предпосылок и исследовательских практик не только малопродуктивно, но и ведет к теоретическому редукционизму. Это происходит тогда, когда одна из дисциплин, «поставляющая» образец методологии, предстает как ведущая, а другие — как ведомые [113, с. 62]. Такой способ междисциплинарного стыка экономики с другими науками в виде ее «интервенции» или экспансии в исследование других сфер общественной жизни получил название «экономического империализма». Его антиподом явилась «экономическая вассальность», когда в разные исторические периоды экономические исследования осуществлялись под методологическим и теоретическим приоритетом истории, философии, социологии, психологии.

Сегодня появилась возможность наладить реальное междисциплинарное сотрудничество на базе единой отрасли знаний — социальных и поведенческих дисциплин, не ограничивающееся ее рамками.

Для этого необходимо культивирование представления о методологии, как точно заметил М. Блауг [23], не просто как о ярком названии для «методов исследования», а как об учении о связи между теоретическими концепциями и обоснованными выводами о реальном мире. В приведенном определении методология предстает как философская основа науки, играющая важную роль в теоретическом познании действительности. Неслучайно единство общенаучного и философского уровней лежит в основе методологии научного познания, которая трактуется как философское учение о системе апробированных принципов, норм и методов научно-познавательной деятельности, о формах, структуре и функциях научного знания [190, с. 226]. В этом смысле методология междисциплинарных исследований вобрала в себя элементы методологического анализа всех четырех ранее представленных уровней методологии. Во-первых, без методики и техники исследования нет методологии как таковой. Во-вторых, та или иная междисциплинарная новация требует наличия принципов, методов конкретно-научной деятельности, с помощью которых эта новация описывается и обосновывается. Только при таком условии, как отмечает А. Оскольский [225], возможен продуктивный синтез теорий, методологий и этических принципов разных развитых дис-

циplin. В-третьих, общенаучная методология присутствует в виде формы знания, соответствующего их объектно-предметной области в дисциплинарных науках, которые участвуют в процессе междисциплинарного синтеза. В-четвертых, философская методология есть воплощение в практике научного познания идеи, позиционирующей методологию в качестве составляющей наукознания и философии науки, что является основанием идентификации ее как учения о формах, структуре и функциях научного знания. А это требует изменений на уровне как объектного, так и субъектного измерений междисциплинарности. И здесь недостаточно признания единого объекта исследования при расширении его предметного поля. Важно, перефразируя Н. Данилевского [73, с. 73], что исторический прогресс заключается не в том, чтобы все народы шли в одном направлении, а в том, чтобы все поле исторической деятельности человечества пройти в разных направлениях, исследовать объект со всех сторон, во множестве его проявлений — существенных и второстепенных. Для достижения указанной цели недостаточно совпадения междисциплинарной схемы с соответствующими схемами участвующих в междисциплинарном стыке научных дисциплин. Безусловно, нельзя недооценить роль в этом процессе научной рефлексии на субъектном уровне как способа применения достаточно широкого набора познавательного инструментария и овладения множеством теорий, идей и концепций, представленных различными научными дисциплинами. Однако главное затруднение на пути создания реального междисциплинарного синтеза при исследовании сложных социальных феноменов заключается в преодолении разрыва и автономности между теоретическими построениями и методологическими схемами на пути получения результатов исследования.

Исходя из этого, далее мы попытаемся навести «мосты» между рассмотренными ранее теоретическими представлениями о руральной действительности и методологическими подходами «примеривания» этой самой действительности. От степени совпадения теоретических представлений и методологических подходов в процессе изучения объекта исследования зависит полнота и достоверность знания.

Традиционно в литературе различаются два основных значения понятия «знание» [190, с. 232]. Первое — «знание как состояние сознания» субъекта, то есть совокупность образов, содержащихся в индивидуальном сознании, которые имеют отношение к определенным объектам и процессам и воспринимаются как знание. Второе —

знание как «объективное содержание мышления» (К. Поппер), что представлено в объективированных «внесубъектных» формах понятия, идеи, гипотезы, проблемы, теории. Методология науки преимущественно имеет дело со вторым пониманием знания.

Однако такой подход разделения знания не является продуктивным для научного познания. Он проводит границу между знанием как индивидуальным сознанием (область философской рефлексии) и знанием как результатом познания, объективным содержанием мышления (методология науки). На самом деле процесс создания знания является более сложным и включает систему отношений не только между объектом и субъектами познания, а также отношения между субъектом-творцом знания и его адресатом (научное сообщество, широкий круг потребителей знания, не относящихся к нему) и внутрисубъектные отношения.

Таким образом мы вышли на постмодерный риторический подход к руралистическим исследованиям, сложившийся в методологии экономической науки в 1980-е годы, согласно которому научное знание эмпирически существует в виде совокупности определенных научных текстов, или дискурса. Дискурс — это не просто набор текстов, а их значения. Поэтому задача состоит не только в выяснении способов передачи и восприятия научных текстов, но и в познании авторской мотивации. Таким образом, на первый план выходит сознание ученого, мир его мыслей. Итак адресатом философской рефлексии экономических явлений и процессов выступает научное сообщество экономистов, а его адресатами являются не обязательно философы, но и сами экономисты. В любом случае на первый план выходит адекватность постижения и осмысления объекта научного познания, в котором активную роль играют определенные идеалы и нормы, являющиеся продуктом индивидуального и коллективного сознания, мировоззрения исследователя. При этом важно, чтобы в этом процессе «не растворился» объект познания — экономические явления и процессы, в которых больше разбираются экономисты, чем философы. Дело в том, что философы анализируют не эмпирические данные, а непосредственно концептуально-теоретическую составляющую экономической науки.

Отходу от традиционно понимаемого знания способствует концепция трех миров К. Поппера [491, с. 40], который различал такие сферы жизни:

– физический мир (мир физических объектов или состояний);

– мир сознания (мир человеческой субъективности, духовный мир человека, мир ментальности и эмоций);

– мир объективного содержания мышления (мир идей, теорий, аргументов, смыслов, логических отношений).

Третий мир (мир идей) не сводится ни к первому миру, поскольку в нем речь идет не о физических объектах, а о смыслах, ни ко второму миру, поскольку эти смыслы существуют вне чего-либо сознания. Третий мир — это мир коллективного знания, в котором сближаются и взаимно общаются субъективные (индивидуальные) миры. Этот мир является относительно автономным, развивается по своей внутренней логике, является творением философов, экономистов, представителей других научных дисциплин оказывает обратное влияние на его создателей.

Методологи-экономисты существуют в мире идей, являются его творением и самодостаточной частью. Они имеют для собственного саморазвития три источника информации [27]:

– собственно научные результаты (теоретические концепции, подлежащие анализу, оценке и сопоставляющиеся с другими направлениями исследований);

– методологическую рефлекссию самих экономистов (способность к самооценке, дискуссиям о состоянии и перспективах собственной науки);

– эмпирические исследования (контент-анализ научных публикаций, социологические опросы, интервью и т. д.).

Мир идей и теорий по своему объективному содержанию не всегда совпадают с их пониманием субъектами процесса познания. Как отмечал И. Шумпетер, экономистов отличают не только аналитические инструменты, но и начальный взгляд на проблему. Перед тем, как поставить перед собой какую-либо проблему, надо иметь определенный набор связанных явлений, представляющих собой объект для исследования. Иными словами, по И. Шумпетеру, аналитической работе должен предшествовать переданалитический акт, поставляющий материал для анализа. Этот акт он называл «видением» [441, т. 1, с. 49]. Начальная интуиция впитывается в слова и понятия, затем собираются факты, а уже потом создаются научные модели [441, т. 3, с. 1176–1177].

В методологии экономики при определении начального образа экономики значительное внимание уделяется онтологическим критериям. Если раньше в его качестве рассматривался эмпирический

критерий (проверка теории эмпирическими данными практики хозяйствования), то сейчас немалое внимание уделяется различным социальным концепциям выбора, связанным с социальным конструированием, риторикой, «беседой» [483].

Идея самоценности знаков, совокупность которых составляет литературный текст без их привязки к определенному материальному воплощению, получила концептуальное отражение во взглядах Д. Макклоски, для которого экономическая наука — прежде всего риторика, т. е. искусство убеждать. Даже тогда, когда экономисты используют математические модели, статистические тексты и «рыночную» аргументацию, — считает Д. Макклоски, — все равно они не являются непонятными. Их можно рассматривать как тропы — метафору, аналогию и обращение к авторитету. Для науки нужны более широкие языковые ресурсы, — заключает Д. Макклоски [173, с. 1, 26].

Однако значительная часть ученых, среди которых и сторонник философского плюрализма — В. Колдуэлл, критически отнеслась к толкованию экономики как риторики, поскольку она не имеет содержательного характера и не отражает концептуальность экономических явлений [467]. В таком же ключе мыслит и Д. Хаусман [420, с. 109, 110], который считает, что принципы теории образуют не истинные предложения, а правдоподобные принципы. Назначение теории — давать объяснения причин происходящих явлений, уделять должное внимание результатам экспериментов.

Несмотря на определенную ограниченность постмодернистского риторического подхода в экономическом познании, он значительно усилил позиции теоретического релятивизма в методологии науки в целом и экономической в частности. Свое выражение это нашло, как показывает О. Ананьин [7], в совершенствовании парадигмальной концепции Т. Куна. Осуществив реконструкцию его исследовательской «линзы», постмодернисты предложили систему «фильтров», корректирующих и конструирующих образ изучаемого объекта (рис. 2.2).

Языковой фильтр состоит из трех частей:

- собственно языкового фильтра (общекультурный язык);
- терминологии экономической науки как инструмента описания экономических явлений и процессов, которой соответствует онтологический фильтр;
- литературного стиля оформления экономических текстов (собственно риторический фильтр).

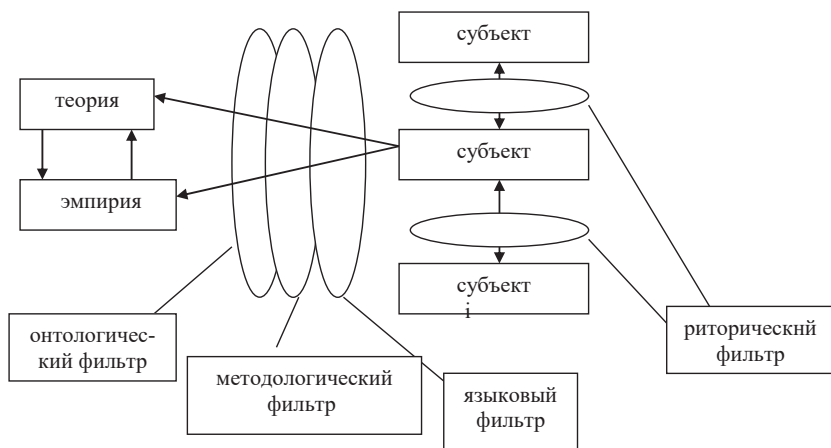

Рис. 2.2. Эпистемологические фильтры в экономическом познании

Онтологический фильтр включает профессиональную терминологию в форме выражения научных онтологий (педагогические, эвристические, конститутивные метафоры).

Риторический фильтр выступает как способ фиксации мыслей исследователя, подлежащих дешифровке. В таком контексте научное знание эмпирически существует как совокупность текстов (дискурс). Соответственно смещается акцент от постпозитивистского (субъектно-объектные отношения) к постмодернистскому (производитель знания и его пользователь) подходу. Именно этим различием обусловлено разграничение онтологического и риторического фильтров.

Методологический фильтр отражает метод экономической науки (методологический стандарт). Через методологию как некий канал распространяются научные тенденции.

Таким образом, знание, как продукт познания, играет важную роль в формировании междисциплинарной парадигмы руралистики.

Термин «парадигма» (в переводе с греческого языка означает пример, образец), введенный в научный оборот в 1962 году американцем Т. Куном, был определен им как «понятийная сеть, через которую ученые рассматривают мир» [481, с. 14]. В обобщенном виде содержание этого термина можно определить как модель или научное описание объекта, которая основывается на единых теоретико-методологических началах. В этом смысле методологическая исследовательская парадигма отражает уровень познания объекта.

Поскольку в данном случае речь идет об объекте междисциплинарного исследования, целесообразно рассмотреть комплекс (систему) исследовательских парадигм, адекватных соответствующим идеям, концепциям, воззрениям, теориям, раскрывающих сущность общественных процессов, происходящих в руральном пространстве.

Уровень философской методологической парадигмы представлен, с одной стороны, собственно философской парадигмой и парадигмой философии наук — с другой.

Первая из них связана с мировоззрением — миро- и самовосприятием человека, в котором аккумулируются современные научные знания и духовные ценности, целостное отношение к жизни, социальный опыт предшествующих поколений. Значение мировоззренческих начал руралистики на современном этапе определяется необходимостью выработки новой идеологии (рурализм), способной изменить отношение государства и общества к сельскому хозяйству, селу, крестьянству, сельскому образу жизни, отношение крестьян к самим себе, улучшить психологический климат на селе, преодолеть неуверенность сельского населения в своем будущем, вернуть ему доверие к власти. Мировоззрение как психологический феномен отражает измерения, которые происходят в общественном сознании. Эти изменения в наше время характеризуются общественными ожиданиями и надеждами на возрождение сельского бытия. Поэтому, прежде всего, революционные изменения должны произойти в человеческом сознании. Первым шагом на этом пути является переоценка ценностей, которая предусматривает критическую оценку современного состояния сельских территорий. Итак, мировоззренческий компонент выступает как фермент, с помощью которого начинается настоящая сознательная работа лиц, причастных к руральной жизнедеятельности.

Парадигма философии науки как философское направление, ориентированное на анализ когнитивных (эпистемологических) измерений науки, в отличие от традиционного философско-методологического анализа науки, получила свое развитие вследствие взаимного влияния философии, социальных и науковедческих дисциплин. В силу этого она приобрела междисциплинарный характер.

Парадигма философии науки позволяет избежать ловушек на пути познания при соблюдении набора принципов, составляющих кредо современной философии науки [109].

1. Принцип единства науки и философии науки. Несоблюдение этого принципа как правило связано с отрицанием философии нау-

ки, характерным для неопозитивизма как этимологического и социокультурного феномена. Альтернатива данного подхода проявляется в подмене философии наук метафизикой и общими рассуждениями, к которым прибегают постмодернисты, феноменологи, представители других философских течений.

2. Принцип теоретической относительности знания. В свете указанного принципа любое знание предстает как концептуальное, что исключает субъективизм и предполагает строгий научный анализ знаний.

3. Принцип необходимости оценки знаний в контексте научно-теоретического строя. Данный принцип указывает на историчность научного знания и его широкий научный контекст.

4. Принцип актуальности наиболее развитого научного знания. Этот принцип является парафразой принципа научно-теоретического строя и свидетельствует о необходимости руководствоваться в процессе познания наиболее совершенной теорией.

5. Принцип концептуальности. В свете указанного принципа любая теория начинается с концептов — различного рода понятий, выступающих элементарной теоретической формой. Собственно, из понятий как органического единства общего и единичного «соткана» любая теория. Переход от одной теории (старой) к другой (новой) сопровождается обновлением понятийного арсенала науки.

6. Принцип плюрализма наук. Существует не только множество теорий, но и множество наук, отличающихся между собой не только по предмету, а и по инструментарию познания. Первый водораздел между науками проходит по линии семиотики — науки о знаках, различающей синтетические, семантические и прагматические науки. К последним относятся социальные и поведенческие науки, составляющие арсенал руралистики.

7. Принцип своеобразия прагматических наук. Из данного принципа следует необходимость доказательства подлинности научного статуса социальных и поведенческих наук. А это в свою очередь нацеливает на обоснование их своеобразия и отличия от других наук, не относящихся к прагматическим.

8. Принцип истинности. Вопреки натуралистическому взгляду, признающему семантический вариант истины, соответствующий исключительно природным наукам или тому, что есть, по А. Тарскому, регулятив истины, является одним из важных в организации и прагматических (социальных) наук.

Перечисленные принципы приобрели со второй половины XX ст. для социальных и поведенческих наук значение познавательных фильтров проверки различных теорий, описывающих руральную действительность. Вместе с тем полнота руралистических знаний, их истинность обеспечивается также посредством использования методологических исследовательских парадигм отдельных научных дисциплин.

Генерированию межпредметных связей способствовала постановка мировой научной общественностью проблемы устойчивого развития, результатом чего стало толкование устойчивости социо-эколого-экономического развития сельских территорий как согласованности, сбалансированности, гармоничности между их составляющими (рис. 2.3).

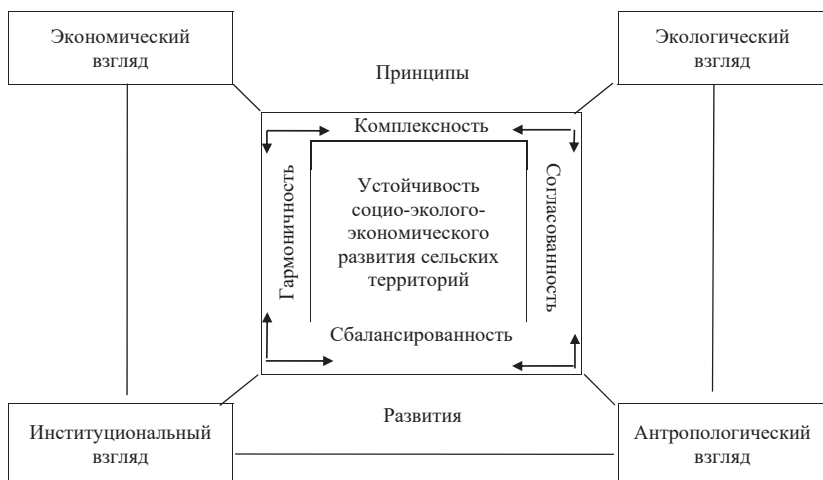

Рис. 2.3. Системное представление устойчивого развития сельских территорий

Экономический взгляд основан на представлении о необходимости постоянного роста темпов объемов производства продукции, оказания услуг, получения максимальной прибыли (минимизации издержек) и повышения доходности. Стабилизирующими факторами развития при этом является качественное улучшение производственного процесса за счет совершенствования средств производства, использования инновационных технологий и оптимизации общественного потребления.

Экологический взгляд предпоагает защиту природной среды путем уменьшения на нее техногенной нагрузки, утилизации отходов.

Антропогенный взгляд связан с рассмотрением человека как цели и средства общественного производства, сознательным выбором им такой модели поведения, которая базировалась бы на формировании физиологически ограниченного потребления продуктов материального (физического) происхождения.

Институциональный взгляд ориентирован на разработку и внедрение новой системы ценностей, морали, права, совершенствование институтов публичной власти и гражданского общества, назначением которых является формирование и реализация модели устойчивого развития сельских территорий.

Таким образом, устойчивое (сбалансированное) развитие возможно на основе комплексного подхода, учитывающего тесную взаимосвязь между экономической, экологической и социальной составляющими сельских территорий.

В рамках указанных взглядов происходит интенсивный поиск руралистического предметного поля, находящегося на междисциплинарном стыке. Так в приведенном ранее определении устойчивого развития сельских территорий нашел свое отражение физиоэкономический подход.

Центральное место в физиоэкономическом учении, начиная с Ф. Кенэ и заканчивая его последователями (С. Подолинский, В. Вернадский, М. Руденко), занимает идея об исключительной роли в истории развития человечества земледелия (агропроизводства) как единственного вида деятельности, где происходит увеличение богатства и прирост материи. Эта идея имеет первостепенное значение для осмысления планетарного понимания смысла жизни и будущего сельского развития и сельского образа жизни в частности.

Безусловно, научные представления о содержании сельского развития эволюционируют по мере углубления общественных трансформаций. Переход наиболее развитых, в технико-технологическом и социально-экономическом отношении, стран к информационному обществу не является свидетельством преходящего характера сельского развития. Наоборот, с обострением глобальных проблем роль земледелия только возрастает при решении задачи продовольственного обеспечения нашей страны и мирового сообщества в целом.

Пониманию механизма перехода от одного этапа цивилизационного развития человечества к другому способствует представление об

институциональном архетипе глобальной цивилизационной матрицы, связывающей в единое целое биосферу, социосферу, техносферу и ноосферу.

Каждому типу цивилизационного развития соответствует определенный архетип общественно-хозяйственных институтов. Физическая экономия акцентирует внимание на архетипах, которые формируют каркас цивилизации, основанной на энергетике зерновых культур: зерновой ниве и животноводческой ферме, мастерской (столярная, кузница, слесарная), ветряной мельнице, тартаке, водяной мельнице, кочегарке, паровой машине, сельской управе, церкви, школе. Эти архетипы, как свидетельствует их историко-экономический анализ, существуют на протяжении тысячелетий, модифицируя свою форму, но не меняя своей сути [434, с. 43]. Задача человечества заключается в том, чтобы на каждом новом витке своего развития использовать биоэнергетический потенциал этих архетипов, всякий раз модифицируя их без разрушительных последствий для окружающей природной среды и с пользой для общества.

Важную роль в этом процессе играет труд, и прежде всего труд земледельца, имеющий прямое отношение к накоплению и распределению энергии. Не случайно основатель отечественной школы физической экономии С. Подолинский избрал в качестве предмета своего исследования «Труд человека и его отношение к распределению энергии» (1880 г.) растительный мир, аккумулирующий энергию, и животный мир, который ее потребляет.

В условиях, когда в энергетическом бюджете земной поверхности все меньшую роль играет внутренняя тепловая энергия Земли и постепенно уменьшается количество солнечной энергии, необходимо, как отмечал С. Подолинский, с помощью труда обеспечить процесс сохранения энергии или преобразование тепла в высшую форму, способную превратиться в механическое движение. Именно в земледелии солнечная энергия не только сохраняется и накапливается, а и передается при ее потреблении в форме еды, одежды, жилища, удовлетворения психических потребностей, тем самым возвращая ту ее часть, которая была потреблена на их производство [279, с. 231, 248]. Тем самым посредством труда в процессе фотосинтеза происходит сохранение энергии от рассеивания и ее накопление как дополнительного продукта.

Таким образом, по С. Подолинскому, земледельческий труд человека направлен на противодействие стихийным силам приро-

ды, которые, согласно второму закону термодинамики, усиливают хаос. По сути им был предвосхищен антиэнтропийный закон, имеющий силу противодействия второму началу термодинамики, который через столетие вошел в историю науки как теорема И. Пригожина для неравновесных процессов. Поэтому вполне справедлив вывод современных исследователей [134, с. 60] о том, что научная парадигма С. Подолинского, базирующаяся на энергетической теории, единстве экономического, социального, биологического и космического, может рассматриваться как методология, соединившая экономическую теорию с физической, использование которой способствует преодолению современного кризиса в экономической науке.

Физиократические идеи С. Подолинского получили свое развитие и парадигмальную завершенность в учении В. Вернадского о биосфере и ноосфере, что послужило основанием для историков науки отнести этого мыслителя к основателям физической экономики.

В монографии «Биосфера» (1926 г.) В. Вернадский охарактеризовал ее как активную оболочку Земли, населенную живыми организмами, в том числе людьми, совместная деятельность которых проявляется как геохимический фактор планетарного масштаба. Заслуга В. Вернадского заключается в обосновании того, что экологическая структура биосферы формируется под влиянием живого вещества, которое является источником не только энергии для геохимических процессов, а и свободной энергии, поддерживающей их [133, с. 65].

Как утверждал В. Вернадский, благодаря живому веществу, биосфера является самой активной, с химической точки зрения, оболочкой Земли, владеющей значительной космической и прежде всего солнечной энергией. Благодаря живому веществу поддерживается неэнтропийное состояние биосферы, которая способна накапливать солнечную энергию, компенсируя тем самым ее потери на тепловое излучение.

Огромную роль в накоплении и движении энергии, ее преобразовании В. Вернадский отводил агросфере как главному компоненту антропогеоценозов. Речь идет о социальном движении живого вещества, происходящем под воздействием человека на биосферу. Он считал, что «учитывая энергию, полученную от Солнца, земледелие дает возможность прокормить на 1 км² по 150 человек, т. е. больше в 22–24 раза, чем их живет сейчас» [44, с. 439].

Вместе с тем в своем стремлении взять от природы как можно больше для обеспечения возрастающих потребностей общества человек не должен забывать о том, что действуя в биосфере как ее составная часть, он не может выйти из нее. Так, открыв для себя земледелие, указывал В. Вернадский [43, с. 106, 348–349], человек изменил течение всех геохимических реакций. Лик планеты стал новым и пришел в состояние непрерывных потрясений. Но человеку до сих пор не удалось достигнуть в этой среде необходимой обеспеченности своей жизни. Поэтому меняя девственный облик природы, освобождая некоторые места поверхности суши от зеленой растительности, человек должен всюду давлению жизни противопоставлять усилие, тратить энергию, ему равную, нести труд.

Состояние биосферы, в котором в полной мере появляются целенаправленная деятельность человека в гармонии с его разумом как новой геологической силой, В. Вернадский определил как ноосферу.

Разрабатывая учение о ноосфере как сфере разума, В. Вернадский исходил из того, что история человечества есть продолжение биологической истории живого вещества, а человек является в этой истории существом не противоположным природе, а продуктам ее биологической эволюции. Такой исследовательский прием предполагает логику «выведения» ноосферы из биосферы.

Отправные научные идеи С. Подолинского и В. Вернадского, заложившие основу современного физико-экономического учения, получили концептуальную завершенность во взглядах М. Руденко, который творчески использовал в своем учении об энергии прогресса категориальный аппарат политической и физической экономии, научные положения своих предшественников о роли живого и неживого в продолжении жизни на земле, земледельческого труда и разума в сохранении и преобразовании энергии.

М. Руденко удалось, преодолевая К. Маркса, прийти к Ф. Кенэ, наполнить экономическую науку новым содержанием, выходящим за ее академические рамки, превратив ее из «науки, от которой зависит жизнь на земле» [353, с. 394] в науку, благодаря которой жизнь на земле продолжается.

Ключевую роль в понимании сущности энергии прогресса играет подход М. Руденко к классификации богатства на абсолютное и относительное. Следуя воззрениям физиократов, он к абсолютному богатству отнес прирост органического вещества в земледелии. Все остальные виды богатства — богатство относительное — и овещест-

вленный труд, и добытая из земных недр солнечная энергия предыдущих эпох.

Источником происхождения абсолютного богатства (абсолютной прибавочной стоимости) является энергия живого, получаемая от Солнца через фотосинтез. Энергией прогресса, таким образом, является абсолютная прибавочная стоимость. Относительное богатство (относительная прибавочная стоимость), основанное на рассеивании солнечной энергии, создается в результате смены формы неживого. Между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью существует взаимосвязь. Вторая из них возникает за счет первой. Человеческий труд, овеществленный в относительных благах, выступает в качестве фактора возрастания абсолютной прибавочной стоимости, а, следовательно, — умножения абсолютного богатства. От равновесия между абсолютным и относительным богатствами зависит состояние биосферы, земледелия, экономики в целом, социального положения широких слоев населения.

Уподобляя богатство капиталу, М. Руденко, прибегнув к аналогии, проводит параллель между абсолютным и относительным капиталом, что позволило ему осмыслить суть равновесного развития земледелия. С этой целью он предложил собственную формализованную модель капитала (формулу энергии прогресса):

$$K = E - F,$$

где K — капитал, E — энергия прогресса, F — количество энергии.

Из приведенной формулы следует, что капитал — это абсолютная прибавочная стоимость за вычетом из нее относительной стоимости и государственных расходов.

Энергия прогресса делится на пять равновеликих единиц, а условная единица объема продукции распределяется по таким направлениям: две пятых (в виде соломы и травы) — для кормления животных (одна пятая) и удобрения земли органикой (одна пятая); три пятых (в виде зерна) — для потребления производителями этой продукции (одна пятая), работниками промышленности (одна пятая) и удовлетворения потребностей государства (одна пятая).

Следовательно, основу прогресса составляют три пятых продукции земледелия (две пятых в виде соломы и травы и одна пятая в виде зерна, потребляемого крестьянами), остальные две пятых — это относительное богатство. Таким образом, капитал как абсолютная прибавочная стоимость E измеряется тремя продуктивно-энергетическими

единицами. Если капитал, выводимый из космической субстанции, владеет меньшим количеством равновеликих единиц вследствие нарушения физико-экономического равновесия, начинает доминировать энтропия. В понимании М. Руденко регуляторами равновесия абсолютного и относительного богатств выступают верхний слой земного шара (гумус), являющийся аккумулятором солнечной энергии, и человеческий труд (генератор энергии) [353, с. 372].

Из формулы энергии прогресса М. Руденко вытекает, что государство, промышленность и городские жители являются энтропийными феноменами, поскольку они потребляют две пятых земледельческой продукции в виде зерна. Исходя из этого, их участие в разрешении проблем сельского бытия должно быть более деятельным. Следует перейти от потребительского отношения к селу к созидательному, осуществив в соответствии с логикой рынка энергетическое перераспределение между селом и городом в виде финансовых дотаций селу.

Непреходящее значение для будущего имеет вывод М. Руденко о том, что абсолютный капитал основывается на той части нового урожая, которая остается в элеваторах и является экономической базой самого существования нации. Если сделать 100 млн тонн товарного зерна реальностью, считал он, тогда проблемы газа и нефти отпадут сами собой. Для этого следует строить зернохранилища, зерновозы, зерновые порты и продавать зерно тогда, когда мировая цена на него станет выгодной. В этом суть экономической стратегии Украины. Пшеница как универсальный товар, товар всех товаров должна стать эталоном стоимости в виде ее тонны или центнера [353, с. 388, 392].

Кроме пшеницы, М. Руденко к абсолютному капиталу относил землю, солому, животных и навоз как энергетические безальтернативные ресурсы [353, с. 98].

Подчеркивая взаимосвязь абсолютного и относительного богатств, М. Руденко [353, с. 295] указывал, что относительная прибавочная стоимость производит абсолютную прибавочную стоимость, когда капитал проходит обогащающий цикл в земледелии. Здесь он дополняется энергией Солнца, чтобы начать новую спираль, которая ведет ширь и вверх. Это и есть прогресс.

Среди пяти общественно-хозяйственных архетипов, формирующих каркас зерновой цивилизации, к производящим абсолютное богатство, относятся зерновая нива и животноводческая ферма. В производстве относительного богатства принимают участие мастерские, ветряная и водяная мельницы, тартак, кочегарка, паровая машина.

Первые из них вследствие постоянного усовершенствования способны стать антиэнтропийными фотосинтетическими эколого-экономическими системами, вторым надлежит трансформироваться в энтропийные технико-экономические, антиэнтропийные нефотосинтетические энергетические и энтропийные энергетические системы.

Креативный характер познавательного потенциала отечественной школы физической экономии заключается в установлении аналогии между процессами, которые происходят в абиотической среде, биосфере, техносфере и ноосфере, являющихся предметом изучения различных наук. Это, в свою очередь, побуждает ученых к использованию методов исследования, применяемых не только в экономической науке, а и в природоведческих и общественных науках.

Таким образом, физическая экономия ориентирует человечество на наполнение хозяйственной жизни антиэнтропийным содержанием, что обеспечивается сознательной деятельностью через ее влияние на энергетические потоки. Сила этого влияния зависит от внутренней энергетики человека.

Другим межотраслевым подходом, базирующимся на экономической почве, является социэкономика, зародившаяся в конце 1980-х годов в США благодаря трудам и усилиям организационного характера А. Этциони. С тех пор социэкономика получила свое распространение более чем в пятидесяти странах мира, в том числе и в Украине. В то же время ее развитие является также творческим достижением основателя Римского клуба (1968) А. Печчеи, который обратил внимание на то, что человек способен идти в ногу с изменениями, внесенными им в этот мир. Эксплуатируя богатства Земли, человек определил границы своего безопасного существования. Тем самым А. Печчеи подчеркивал, что необходимо гармонизировать отношения в системе «природа — человек — социум — техника». Бесспорно, не последнее место в этой цепи взаимозависимостей занимают сельские территории.

Несмотря на существование различных географических корней и версий социэкономии, отражающих национальные особенности тех или иных стран, индивидуальные предпочтения исследований, общим для этой отрасли знаний является то, что она изучает взаимосвязь между разными сферами общественной жизни сквозь призму социальности и интеграции экономических, социальных, духовных и политических процессов.

Примечательно, что первые публикации социоэкономической направленности в Украине были связаны с проблемами развития агропродовольственной сферы [54; 265; 284; 450]. Первоочередное обращение экономистов к научному арсеналу социоэкономики в целях разрешения проблем сельско-территориального развития В. Юрчишина [450, с. 464] объясняет тем угрожающим состоянием сельских территорий, которое сложилось на протяжении двух последних десятилетий, что обусловило необходимость поиска, практического воплощения и эффективного освоения нетрадиционных научных подходов и практических шагов по преодолению негативных последствий современных аграрных преобразований, проявившихся в огромных социальных, социально-психологических, производственных и экономических потерях.

Фундаментальность и социально-экономическая значимость научных положений социоэкономики основаны на ее методологических принципах:

- справедливости социального устройства, в соответствии с которым общественные трансформации должны осуществляться эволюционно, без социального насилия, с обеспечением равного доступа ко всем видам ресурсов с целью воспроизводства и развития человека;

- общественной значимости экономического развития, которое не является самоцелью, а призвано способствовать улучшению жизни человека;

- гуманизма, направленного на реализацию потребностей человека разумного, экономического и социологического, что требует смещения акцентов с производства для обмена на производство самого человека;

- взаимосвязи экономики и социума, что означает подчинение целей экономического развития общественно значимым интересам и потребностям;

- социального характера экономических действий, что определяется ценностными ориентациями людей.

Социоэкономика ставит в центр своего внимания вопрос не только о получении человеком пользы и удовольствия от потребления товаров и услуг, а одновременно обращает внимание на моральную сторону самого процесса производства благ через оценку средств, которые используются для достижения этой целевой установки. В первую очередь, это касается товаропроизводителя, целью деятельности которого является получение прибыли в процессе удовлетворения

общественных потребностей. Общественный характер предназначения деятельности субъекта хозяйствования не должен отодвигать на второй план социальный аспект этой деятельности и механизм формирования прибыли.

В свете выдвинутого социоэкономического требования уместно обратиться к научному наследию академика И. Лукинова [166; 165, с. 12], который еще в 1990-е годы акцентировал внимание научной общественности, политиков и бизнесменов на необходимости социальной переориентации экономики переходного периода, формировании эволюционным путем модели высокоразвитой, социально ориентированной экономики, направленной на обеспечение достойной жизни человека и общества, нормального процесса демоводства.

2.3. МЕТОДОЛОГИЯ РУРАЛИСТИКИ

В структуре научного знания наряду с теориями и методологическими парадигмами важное место занимают также методологические подходы и исследовательские методы.

Согласно Э. Юдину, методологический подход — это «принципиальная методологическая ориентация исследования, точка зрения, с которой рассматривается объект изучения (способ определения объекта), понятие или принцип, руководящий общей стратегией исследования» [448, с. 74].

Поскольку руралистические исследования относятся к разряду междисциплинарных, они требуют использования как общенаучных, так и специальных методологических подходов.

К общенаучным подходам, используемым при исследовании руральной жизнедеятельности, протекающей в рамках сельских территорий, следует отнести системный, синергетический, исторический, терминологический, структурно-функциональный, информационный, аксиологический и антропологический.

Системный подход основывается на представлении о сельских территориях как системе. Система — это упорядоченное множество взаимосвязанных элементов, составляющих целостное единство, которому присущи такие свойства как целостность, упорядоченность, иерархичность, целесообразность, самоупорядоченность, развитие, взаимодействие с окружающей средой. Основу системно-

го подхода составляет общая теория систем, в разработку которой существенный вклад внесли А. Богданов [25] и Л. фон Берталанфи [425, с. 40]. Первый из них вошел в историю науки как основоположник тектологии (наука об организации), определив систему как организованное целое. Формально основателем общей теории систем считается Л. фон Берталанфи, который после А. Богданова применил методологию холизма, в соответствии с которой организованное целое не поддается научному описанию как простая совокупность его элементов. Более того, сами эти элементы находят свое объяснение только через систему как целое, в которую они входят. Итак, система как целостность приобретает новые свойства и качественные характеристики, которые не присущи каждому из ее элементов в отдельности.

Согласно системному представлению об объекте сельские территории одновременно являются системой и не являются таковой. Так, с точки зрения релятивизма (от лат. *relativus* — относительный), характеризующего объект в отношениях с другими объектами, сельские территории не являются собственно системой, а входят в состав единой территориальной организации общества как ее подсистема. С позиции атрибутивности при характеристике сельских территорий на первый план выходят отношения их составных частей между собой. Такое позиционирование сельских территорий зависит от выбора содержательного поля данного объекта, устанавливаемого путем определения его концепта, структуры и субстрата. Концепт (от лат. *conceptus* — понятие) — это определенное свойство или определенные отношения, то есть определенность, с которой собственно и начинается конструирование системного представления об объекте исследования. Структура (от лат. *structura* — строение, порядок), с одной стороны, — это совокупные свойства элементов системы и системообразующие отношения, формирующиеся вследствие взаимодействия этих элементов — с другой. Субстрат (от лат. *substratum* — основа) системы — это вещь или, иначе говоря, элементы, через которую реализуется структура. Поэтому не случайно в философской литературе системное представление об объекте трактуется как процедура преобразования всякого объекта в субстрат для определенной структуры, отвечающей наперед фиксированному концепту [425, с. 57].

Другим исследовательским подходом, который приобрел за последние годы значение общенаучной познавательной парадигмы, яв-

ляется синергетический подход. Его основатель Х. Хакен определил синергетику как науку, которая выделяет системные компоненты, отличающиеся сложным взаимодействием между собой. Развитие таких сложных систем, к которым относятся сельские территории, как поликомпонентное природное и социально-пространственное образование, отличается нелинейностью и неуравновешенностью вследствие наличия внутренних противоречий и влияния внешней среды. В таких условиях объект постепенно утрачивает равновесие и устойчивость, ослабляется самоорганизация системы, нарушаются устоявшиеся связи между ее элементами, усиливается непредсказуемость, хаотичность развития. Поскольку внутренние механизмы саморегулирования системы, сработавшие в условиях упорядоченного развития, уже не в состоянии адекватно реагировать на происходящие изменения, система переходит в состояние флуктуации (балансирования на грани распада внутренних связей). Критической фазой развития системы в фазе ее флуктуации является бифуркационный взрыв, после чего направление развития объекта начинает приобретать вероятностный характер. Философы [78, с. 111] оценивают состояние бифуркации как точку развития системы, свидетельствующую об альтернативности развития объекта. Актуальность синергетического подхода трудно переоценить для систем, находящихся в состоянии общественной трансформации. Именно это состояние перманентного реформирования свойственно современному украинскому обществу в целом и его сельской территориальной подсистеме в частности.

Исторический подход предусматривает исследование исторических условий, определение этапов становления и развития объекта. Это существенно повышает достоверность научных знаний. Учет данного замечания важен не только по отношению к объекту изучения, а для анализа научных концепций, приемов, методов, которые используются в процессе познания объекта. Применительно к сельским территориям актуальным является анализ как их исторической эволюции, так и изменение во времени научных представлений о них.

Терминологический подход предполагает изучение происхождения терминов и обозначаемых ими понятий, разработку или уточнение содержания и объема понятий, установление связей между ними, их места в понятийном аппарате теории, на основе которых осуществляется исследование. Определение объема и содержания понятия осуществляется через родовый признак и ближайшее видовое отли-

чие. Как правило, вначале определяется родовое понятие, затем указывается признак понятия, который отличает его от всех ему подобных. В свете изложенного процедура определения сущности сельских территорий предполагает уточнение их понятийно-категориального аппарата в контексте родственных понятий.

Основоположную роль в идентификации сложных систем играет структурно-функциональный подход. Его сущность состоит в выявлении структурных элементов исследуемого объекта и определении их роли (функций). Именно элементы и связи между ними составляют структуру объекта. При этом каждый элемент выполняет свойственную только ему функцию. Если структура характеризует объект в статике, то функции — в динамике. Между структурой и функциями существует определенная зависимость: определение функций предполагает предварительное выделение с последующим описанием составных частей объекта — элементов, подсистем, их свойств и взаимосвязей. Чем сложнее структурное строение, тем большее число функций он выполняет. Учитывая сложный состав термина «сельские территории», можно предположить, что эти природные и социально-пространственные образования имеют сложную структуру и соответственно выполняют несколько функций. Прежде всего речь идет об их определяющей роли в жизнеобеспечении (производство продовольствия), жизнедеятельности (обеспечение условий и достаточного качества жизни сельского населения), природоустройстве (освоение, защита окружающей природной среды).

В свете информационного подхода сельские территории предстают как сложная многоуровневая информационная система, которую образуют три взаимосвязанные подсистемы: «природа», «человек», «производство». Центральное место в ней занимает информационная подсистема «человек», посредством которой осуществляется взаимодействие с другими информационными подсистемами. Это обусловлено не только биосоциальной природой человека, а и его преобразующей ролью в общественных изменениях как существа разумного.

Аксиологический подход основывается на ценностных качествах и свойствах предметов, явлений, процессов, их способности формировать соответствующие нормы, идеалы и удовлетворять общественные потребности. Общественная польза, ценность и значимость территорий не ограничиваются их экономическим эффектом и далеко не всегда поддаются стоимостной оценке. Их роль в сохранении села и крестьянства как носителей духовности, национальной идентич-

ности, государственности, преобразовании культурного ландшафта, охране природно-заповедного фонда, предотвращении негативных явлений техногенного характера еще не получили надлежащего общественного признания. Вместе с тем с утверждением в общественном сознании ноосферой парадигмы В. Вернадского [267, с. 68] все более возрастает значение виталистических ценностей, следовательно, возникает объективная потребность в формировании соответствующего мировоззрения, преодолевающего экономический детерминизм и технократизм при оценке смысла жизни.

Антропологический подход акцентирует внимание на человеке как на производителе материальных и духовных благ, существе разумном. При этом человек выступает как цель и средство общественного развития. Одновременно человек остается частью биосферы, являясь существом не противоположным природе, а продуктом ее биосферной эволюции. Данное замечание имеет первостепенное значение для человека сельского. Как точно подметил В. Вернадский [43, с. 348–349], открыв для себя земледелие, человек изменил течение всех геохимических реакций. Однако, приведя в состояние непрерывных потрясений лик планеты, человек при этом не достиг необходимой обеспеченности своей жизни. Достигнув черты истощаемости природных ресурсов, человек не добился баланса в распределении богатств, дающего основной массе человечества условия жизни, отвечающие нравственным и религиозным идеалам.

Достичь этой цели в разрезе сельских территорий возможно благодаря внедрению в общественное сознание крестьяноцентризма — мировоззренческого принципа, который предполагает подчинение задач устойчивого развития этих территорий интересам сельского населения.

Прежде чем перейти к характеристике специальных научных подходов, раскрывающих сущность сельских территорий, отдельно рассмотрим дихотомную парадигму «город — село», доминирующую в исследовательской практике вплоть до введения в научный оборот понятия «сельские территории».

Название данной дихотомии свидетельствует о ее территориальном (поселенческом) контексте. Хотя в действительности более значимым представляется не столько само противопоставление города селу, сколько объяснение самой природы противоположности между городом и деревней. В классической политической экономии эта противоположность выводилась из исторического разделения тру-

да и необходимости развития рыночного обмена промышленной и сельскохозяйственной продукции. Таким образом, была положена традиция идентификации дихотомии «город — село» с дихотомией «промышленность — сельское хозяйство», что значительно сужало природу и проблематику сельско-городских отношений. Перевод основателями марксистско-ленинского учения проблемы, связанной с противоположностью между городом и деревней, в политическую плоскость трансформировался в классовую трактовку указанной противоположности как экономической эксплуатации деревни городом. В условиях социализма эта проблема наряду с различиями между рабочим классом и крестьянством, людьми умственного и физического труда стала классифицироваться как существенные социальные различия. Со временем проблема преодоления существенных различий между городом и селом стала рассматриваться под углом зрения приближения уровня социально-экономического развития села к городскому уровню, а проблема отставания сельского хозяйства от промышленности — в контексте сближения государственной и колхозно-кооперативной форм собственности, а их обоюдное разрешение как шаг на пути становления социальной однородности общества. Достижение этой цели обосновывалось, с одной стороны, необходимостью оказания шефской помощи городом селу и направлению бюджетных средств на экономическое укрепление колхозов и совхозов, призванных решать на селе весь комплекс проблем экономического, политического, социального и культурного характера — с другой. По сути предполагалось решить задачу преодоления существенных различий между городом и селом за счет «подтягивания» села до уровня города посредством ускоренного развития сельского хозяйства и агропромышленной интеграции. Иначе говоря, была сделана ставка на решение проблем территориального развития за счет модернизации аграрной отрасли. Такой подход был присущ и европейским странам, который осуществлялся в рамках концепции сближения [176], которая связывала сельское развитие исключительно с сокращением различий между наиболее отсталыми сельскими районами и остальными территориями.

Раскрытие сущности сельских территорий с позиции дихотомии «город — село» не только привело к смешению территориально-поселенческой и отраслевой проблематики, но и способствовало доминированию отраслевого подхода в сельско-территориальной исследовательской практике.

К специальным научным подходам относятся такие, которые непосредственно связаны с названием и природой объекта исследования — сельскими территориями. С их помощью углубляются и детализируются знания о существенных характеристиках объекта. Полнота и достоверность научных представлений об объекте достигается за счет комплексного использования общенаучных и специальных исследовательских подходов. Соблюдение принципа совмещения и согласованности научных подходов в первую очередь актуально для специальных исследовательских подходов, за счет чего достигается их количественная оптимизация и содержательная универсализация.

Принимая во внимание высказанное замечание, которое имеет важное методологическое значение, представляется целесообразным свести всю совокупность научных подходов к двум — отраслевому (секторному) и территориальному, адекватным названию объекта исследования. При этом первый из них не ограничивается сельскохозяйственной отраслью, а второй не сводится к сугубо пространственному аспекту. В отечественной и европейской исследовательской практике первоначально доминировал отраслевой подход, основанный на модернистской парадигме, акцентирующей основное внимание на трансформации сельского хозяйства и агропромышленного комплекса. Он господствовал в Европе до первой половины 1980-х годов. Среди аргументов, оправдывающих приоритетность отраслевого подхода, приводятся следующие: на долю сельского хозяйства приходится 80 % территории ЕС; отрасль выполняет не только производственную функцию; необходимость структурной адаптации отрасли к новым вызовам времени [176]. В постсоветских республиках общественные ожидания от сельского хозяйства связывались с обеспечением населения продовольствием, а перерабатывающей промышленности сырьем.

Длительное время в научных исследованиях уость сельскохозяйственных экономических взаимосвязей на сельских территориях компенсировалась доводами в пользу эффекта мультипликации, оказываемого сельским хозяйством на темпы развития пищевой промышленности, сельскохозяйственного машиностроения, сервиса [409, с. 34; 32, с. 75]. Фактором, сопутствующим этому процессу, выступало создание вертикально интегрированных агроформирований, в том числе холдингового типа.

Постепенно на смену установке, рассматривающей сельское хозяйство как базовую отрасль сельских территорий, в основе которой

находился агроцентризм, в начале 1990-х годов пришла концепция полифункционального развития села. Тем самым были выдвинуты аргументы, подтверждающие тенденцию дифференциации экономической деятельности на селе, воплотившиеся во введении в научный оборот понятия «сельский сектор» [368, с. 11, 12, 14]. Данная научная категория «расширяла» аграрный сектор за счет отнесения к сельской экономике наряду с сельским хозяйством и перерабатывающей промышленности, также не аграрных видов хозяйственной деятельности.

Примечательно, что идея полифункционального развития села была учтена при разработке Концепции Национальной программы возрождения села на 1995–2005 годы [319]. Ее основные положения сводились к формированию многоотраслевой производственной сферы; трансформации основной функции села — производства сельскохозяйственного сырья — в функцию обеспечения общества продовольствием, что предусматривало постепенное перемещение в сельскую местность преобладающей части перерабатывающей, пищевой промышленности; необходимости полного использования природно-ресурсного, производственного, социального потенциала сельского сектора для увеличения занятости сельского населения; коренного изменения жизненной среды жителей села. Несмотря на то, что программа содержала целый ряд положений, выходящих за рамки сугубо отраслевого подхода к сельско-территориальному развитию, тем не менее, по своей сути, она представляла собой факторы территориальной организации сельской экономики.

С утверждением социоэкономической парадигмы развития сельскохозяйственное производство стало увязываться с социальной инфраструктурой, сферой бытового обслуживания, несельскохозяйственными отраслями производства.

И все же доминирование отраслевого подхода исключало саму постановку вопроса о территориальном подходе как способе идентификации сельского пространственного сегмента. Даже в современной научной литературе, в условиях активного использования термина «сельские территории», практикуется прием их определения как территорий, находящихся за пределами городов, к которым относятся как сельские населенные пункты, так и преимущество зоны сельскохозяйственного производства и сельской застройки [410, с. 25].

Сдерживающим фактором, негативно отразившимся на активном использовании в научном обиходе термина «сельские территории», является инерция мышления. Сформировавшиеся в советские годы

идеологические штампы и запреты на инакомыслие накладывали табу на «увлечение» запретными темами, к разряду каковых относились территориальная и региональная проблематика. Сегментирование, локализация единого пространства даже на умозрительном уровне расценивались как проявление центробежной тенденции и, в известном смысле, как угроза государственной целостности. В новых исторических условиях формирования постсоциалистических суверенных государств возрос общественный спрос на пространственно-территориальные исследования, который остается еще до конца не восполненным.

Несмотря на ограниченность отраслевого (секторного) подхода к определению сущности сельских территорий, проявившегося в попытке ее определения исключительно через аграрную деятельность, его не следует противопоставлять территориальному подходу.

В свете территориального подхода сельские территории предстают в самом широком их понимании: как соответствующая территориальная подсистема общества с ее экономической, социальной, экологической составляющими. Это понятие, по мнению белорусского исследователя Н. Шингеля [437], целиком разделяемому нами, обозначает не просто пространство, а комплексное природно-антропогенное образование, в которое входят естественные природные компоненты этого пространства, а также социально-экономическая инфраструктура, включая различного типа населенные пункты, территории за пределами поселений, то есть все объекты социального, экономического и экологического назначения. Такая трактовка сельских территорий совпадает с их оценкой как собственно территориально-пространственных, территориально-административных, природно-сферных, социальных, производственно-хозяйственных, природоохранных образований, содержащейся в материалах Седьмого собрания Всеукраинского конгресса ученых экономистов-аграрников (2005 г.).

Подобное понимание сельских территорий освобождает от необходимости использовать наряду с территориальным подходом, идентифицирующим объект исследования, таких его разновидностей как пространственный [370, с. 10], экономический, природно-географический, аграрный, административно-управленческий [93, с. 195].

Пространство, занимаемое сельскими территориями, является неоднородным. Это определяется их интегральным потенциалом (природные, трудовые, производственные, финансовые, научные,

интеллектуальные, информационные ресурсы, сама территория как поле взаимодействия общественных и природных компонентов, включая ее местоположение), а также территориальной структурой хозяйства и расселения населения [193, с. 33, 35].

В отличие от структуры сельских территорий, которая является примерно одинаковой для всех территорий, их интегральный потенциал определяет специфику и уровень развития каждой из них. В первую очередь это относится к такой составной части интегрального потенциала территорий как природные ресурсы, которые играют решающую роль в определении функций этих природных и социально-пространственных образований. Такой универсальный ресурс как земля благодаря ее плодородию является средством производства в сельском и лесном хозяйстве. Земельные ресурсы используются также как пространственный базис для размещения хозяйственных и социально-культурных объектов, инфраструктуры, расселения населения. Эффективность освоения и использования территории во многом зависит от трудовых ресурсов, их профессиональной подготовки, культурно-образовательного уровня, навыков и умений.

Своеобразным маркером территориальности выступает местоположение сельских территорий.

Место, занимаемое той или иной территорией в географическом пространстве, указывает на ее размещение относительно мегаполисов, транспортных магистралей, сырьевых источников. В зависимости от местоположения сельские территории приобретают статус центральных, полупериферийных или периферийных [252, с. 16].

Социо-эколого-экономический каркас территорий формирует территориальная структура хозяйства и расселения населения, без которых ресурсный потенциал не получает должного применения.

Использование территориального подхода в определении сущности сельских территорий дает возможность преодолеть упрощенное узкоотраслевое восприятие их как исключительно ресурсной базы функционирования и развития сельского хозяйства, позволяет сформировать системное представление об этих природных и социально-пространственных образованиях.

Комплексное использование отраслевого и территориального подходов оправдано тем, что хотя сельское хозяйство и сельские территории имеют разные источники общественного воспроизводства и функционируют по своему алгоритму, они соотносятся между собой как часть и целое.

Важной составляющей методологии являются методы исследования. Метод научного познания можно определить как способ познания объективной действительности в виде определенной последовательности исследовательских примеров, операций, действий. В науке принято классифицировать методы на философские, общенаучные и специальные, комплексное использование которых обеспечивает получение полных и достоверных знаний об объекте исследования. Данное положение актуально в первую очередь для отрасли знаний, относящейся к междисциплинарной, каковой является руралистика.

Место и роль философских методов в руралистических исследованиях определяются статусом философии в структуре научного знания как системы взглядов на мировоззрение, мировоззренческие основы и наиболее общие законы природы и общества, а также мышления (совместно с логикой). Выделим среди прочих философских методов диалектический, феноменологический, трансцендентальный и герменевтический.

Наиболее универсальным философским методом является метод диалектики. Пониманию сущности данного метода способствует определение Ф. Энгельсом диалектики как науки о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления, а также как науки о всеобщей связи [446, с. 145]. Выделенные здесь принцип развития и принцип связи отражают различные аспекты диалектики. Первый из них указывает на то, что источник движения и развития находится в самом объекте, а второй представляет завершенное и внешнее отношение.

А. Уемов выделил следующие существенные черты в диалектической трактовке связи [405, с. 10–17]:

- объективность связи, определяемая объективностью отношений и объективностью вещей;
- существенность связей для самих вещей;
- признание многообразия связей между вещами и процессами;
- понимание связи как взаимосвязи;
- признание универсального характера взаимосвязи между явлениями;
- признание рефлексивной связи (связь предмета с самим собой) как внутреннего характера взаимодействия, например, взаимодействия между содержанием и формой;
- признание относительного характера взаимосвязи вещей.

В отличие от диалектического метода метафизический метод в трактовке связи исходит из: игнорирования объективности отношений между вещами, настаивая на субъективности этих отношений; непризнания обязательности связи между явлениями; непридания значения качественного различия между разного рода явлениями; непонимания связей как взаимных; признания лишь ограниченного характера взаимосвязи между явлениями; допущения связи лишь между отдельными, отличными друг от друга объектами.

Феноменологический метод применяется при изучении процесса формирования понятий и представлений, которыми оперирует философия. Это происходит путем интуитивного охвата общего через одиночное. Данный метод наиболее плодотворен в условиях, когда невозможно логически вывести общие понятия одно из другого и существует четкая зависимость от конкретных фактов.

Сущность трансцендентального метода состоит в определении сущего через раскрытие субъективных условий (основ) его конституирования (формообразования). Универсальность этого метода обусловлена принадлежностью человека как своеобразного сотворца сущего к осуществлению какого-либо сущего. Одновременно в самой универсальности трансцендентального метода заложена и его субъективность, поскольку за рамками исследования остается связь между сущим и несущим, а также логика развития сущего.

Герменевтический метод предполагает проникновение в сущность феноменов на основе трактовки, интерпретации и понимания тех или иных текстов с опорой исключительно на сам текст.

Общенаучные методы делятся на общелогические, теоретические и эмпирические.

К общелогическим методам относятся анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия.

Термин «анализ» в переводе с греческого языка означает раскладывание, расчленение. Понятие «анализ» трактуется как деление (реальное или мысленное) целостного объекта на его составляющие. Целью данной операции является получение нового знания относительно структуры исследуемого объекта через выявление черт и свойств его отдельных частей, а также взаимосвязей между ними. Таким образом, с помощью метода анализа осуществляется мыслительная операция через исследование определенных понятий и законов формальной логики.

Противоположным анализу является синтез — метод научного исследования, состоящий в соединении разнообразных явлений, вещей, качеств, противоположностей или противоречивого множества в единство, в котором противоречия и противоположность сглаживаются или снимаются.

Индукция (от лат. *inductio* — наведение) — метод движения знаний от единичного, частного, отдельного к общему, обеспечивающий посредством умозаключений, формирующих общие положения и выводы о происходящих явлениях и процессах.

Противоположность индукции — дедукция (от лат. *deductio* — выведение) — метод, путь мышления, ведущий от общего к частному, единичному, особенному.

Термин «аналогия» в переводе с греческого языка означает сходство. Метод аналогии — способ познания, основанный на сравнении, установлении подобия в отношениях между нетождественными объектами. На основании выявленного подобия делается вывод — умозаключение по аналогии. Таким образом, данный метод основывается на переносе характерных свойств с известного явления на неизвестное.

К теоретическим методам уровня исследования относятся аксиоматический, гипотетический, формализации, абстрагирования, обобщения.

Аксиоматический метод основан на использовании значимых положений, являющихся очевидными, не нуждающихся в доказательстве. В силу этого аксиоматические положения являются исходными в процессе познания. Из аксиом выходят все другие утверждения чисто логическим путём, с помощью доказательства.

Гипотетический метод основан на гипотезе (в переводе с греческого языка — основание) как осмысленном предположении, выраженном в форме понятий, и нуждающемся в доказательстве в процессе научного исследования. Данный метод используется при отсутствии достаточной эмпирической базы с целью установления причинно-следственных связей между отдельными явлениями и процессами.

Метод формализации используется для отображения знания в виде формул и знаков или формализованного языка. При этом акцент делается на форме, а не содержании знания, что отличает формализацию от содержательного или интуитивного мышления. Для построения формализованного языка используется аксиоматический метод, позволяющий получить точные понятия или утверждения с помощью правил логического вывода следствий или теорем из ак-

сиом. Таким способом достигается строгость выводов, а сам процесс проверки доказательства носит чисто механический характер, свидетельствующий об однозначности понимания исследуемого явления.

Метод абстрагирования (от лат. *abstractio* — отвлечение) представляет собой процесс мысленного выделения отдельных признаков, свойств, отношений конкретного предмета или явления при одновременном неучете других признаков, являющихся в данном контексте не столь существенными. Исходной формой абстрагирования является понятие, в котором отображаются общие и существенные признаки определенного класса предметов.

Метод обобщения (от лат. *generalisatio* — мысленный перевод) проявляется в виде индуктивного (переход от отдельных фактов, событий к их отождествлению) или логического (переход от единичной мысли к более общей) по схеме: единичные понятия — обобщенное понятие — суждение — закон — теория. Данная схема свидетельствует о последовательности проникновения в сущность изучаемых явлений, процессов.

Среди методов эмпирического уровня исследования выделим такие как наблюдение, эксперимент, сравнение, измерение, описание.

Метод наблюдения, как преднамеренное и целенаправленное восприятие явлений действительности с целью обнаружения в них смысла, можно условно разделить на самонаблюдение, простое наблюдение (регистрация событий со стороны) и соучаствующее наблюдение (анализ событий «изнутри»). Результативность этого метода напрямую связана с квалификацией и опытом наблюдателя. В любом случае наблюдение всегда характеризуется субъективностью, проявляющейся в присутствии в его результатах ожиданий наблюдателя. С особой силой субъективность проявляется в социальных и поведенческих науках.

Эксперимент (от лат. *experimentum* — проба, опыт) представляет собой сложное, поликомпонентное целевое наблюдение, осуществляемое для подтверждения гипотезы исследования и подтверждения положений теории. В этом смысле экспериментальный метод выполняет практическую функцию критерия истинности научного познания.

Метод сравнения — это познавательная операция сопоставления различных явлений с целью определения сходства или различия между ними с последующей их классификацией. С помощью этого метода устанавливается общее и особенное в сравниваемых явлениях и процессах, определяется характер отношений между ними.

Метод измерения в его наиболее общем значении можно определить как совокупность определённых действий, направленных на нахождение числового значения измеряемой величины к другой, принятой за постоянную. В результате такой операции исследователь получает численное значение измеряемой величины. По целевому назначению измерения разделяются на номинальные (группировочные или классификационные); порядковые, указывающие на порядок размещения исследуемых объектов на шкале измерения; интервальные, фиксирующие не только порядок размещения объектов, но и расстояние между ними. По сути метод измерения вместе с методами наблюдения и эксперимента составляют эмпирическую основу научного познания.

Метод описания (дескриптивный метод) занимает промежуточное положение между типичными эмпирическими методами (наблюдение, эксперимент) и теоретическим обоснованием изучаемого объекта. Вместе с тем он не выходит за рамки эмпиризма, поскольку его задачей является фиксация результатов наблюдения и эксперимента с помощью принятых в науке систем обозначений, составляющих ее язык (символы, графики, таблицы, матрицы).

Наиболее мысленной категорией являются специальные методы, отражающие специфику конкретной науки или области научного познания. Вместе с тем специфика междисциплинарных исследований предполагает отбор тех или иных методов, отражающих исследовательское поле определенной научной отрасли и научных направлений как ее составляющих.

Для руралистических исследований ключевое значение имеют базовые методы географической, исторической, экономической, социологической и психологической наук. Практически методы специальных наук используются в виде парных колебаний.

В этом отношении показательными являются методы географической науки, которая демонстрирует междисциплинарный стык с исторической, социологической, психологической науками. Так, методы историко-географических исследований основываются на изучении и анализе разновременной статистической, картографической, справочной и фондовой информации. Использование данной группы методов дало возможность учесть исторически сформированные общественные отношения на селе и современные трансформационные преобразования, спрогнозировать их последствия для сельской экономики, природной среды и социума.

Социолого-географический метод позволяет получить информацию относительно территориальной идентичности сельского населения с помощью использования данных анкетирования, опроса, интервью и других приемов [148, с. 118–123]. Однако данный метод достаточно затратный и используется в точечных, локальных исследованиях. Более эффективным является исследование по методу ключей (кейсов), используемое для изучения тех или иных типичных сельских территорий [371, с. 123].

Наиболее традиционным для географии является картографический метод. Как правило при исследовании территориальной идентичности используют три группы карт [224, с. 38]:

- составление карт ментальных показателей (объективные картографические изображения пространственного распределения показателей восприятия населением объективной географической действительности);

- составление ментальных карт географического пространства (отражение географических образов и ментальной структуризации пространства, существующие в восприятии отдельных индивидов и локализованных сообществ);

- составление образно-географических карт и ментальных карт-наморфоидов (схематические изображения представлений населения о территории, характеризующиеся базовыми свойствами картоида).

Экономические методы руралистических исследований используются для оценки динамики и тенденций развития экономических процессов, происходящих в руральном пространстве.

Учитывая междисциплинарную связь экономики с математикой, использование языка последней, при анализе экономических процессов большое значение придается формализации знания в виде построения математических моделей. Особую роль здесь играет метод экономико-математического моделирования, позволяющий в формализованном виде определить причинно-следственные связи между экономическими явлениями и спрогнозировать экономические процессы. Для того, чтобы не допустить подмены содержания процедуры исследования реальных постоянно эволюционирующих экономических процессов их формализацией, оторванностью от реальной практики хозяйствования, крайне важно соблюсти соответствие степени абстрактности модели, адаптированности математического аппарата предпосылкам экономической модели. Данный метод дает возможность также выявить разные уровни, виды и типы сельских территорий.

Для определения функций сельских территорий как объекта рурального развития, их взаимозависимости используется метод функционального анализа, указывающий на зависимость функциональности сельских территорий от их интегрального ресурсного потенциала.

Выявлению экономических показателей как информационных носителей количественных и качественных характеристик экономических явлений и процессов способствует использование экономико-статистического, расчетно-конструктивного и монографического методов. Балансовый и нормативный методы используются для определения пропорций социально-экономического развития, рациональности затрат ресурсов в процессе планирования и прогнозирования производства.

Предназначением социологических методов является получение достоверной информации, среза системных знаний о характере взаимосвязей и взаимоотношений внутри сельского социума и в его отношениях с урбанным социумом. Для этого используются как количественные (опрос, анкетирование), так и качественные (интервью, метод «фокус-групп») методы. Условно первую группу методов можно определить как методы информации, вторую — как методы ее анализа. Особое место среди них занимает контент-анализ (от англ. *contens* — содержание), относящийся как к количественным, так и к качественным методам. Наибольшего эффекта этот метод достигает в тех случаях, когда для целей исследования важен сам текст источника информации, а категории, важные для процедуры анализа, характеризуются определенной частотой упоминания в документах. При этом текст должен отвечать принципом формализации и статистической значимости. В зависимости от задач исследования контент-анализ разделяется на несколько видов: направленный, ненаправленный, количественный, качественный, «рейдовый», «фронтальный». Общим для них является определение частоты упоминания в тексте смысловых единиц, а не степени их значимости. Метод контент-анализа позволяет выявить соответствие того или иного сообщения намерениям коммуникатора, связь между характером информации и ожиданиями адресата.

Среди качественных методов социологических исследований отдельного внимания заслуживает метод «фокус-групп» (углубленного группового интервью). Благодаря способности проникать во внутренний мир личности, за счет чего достигается получение информации о ценностных установках поведения людей, данный метод ценен при разработке и проверке эффективности социальных технологий, в

основе которых лежат те или иные социально-психологические процессы. Поэтому использование метода «фокус-групп» требует высокой квалификации исследователя, владеющего задатками социального психолога.

Среди множества методов психологической науки следует выделить те из них, которые объясняют поведение сельского населения, выражающееся в отношении к руральному способу жизни, и которые лежат в основе психологии принятия тех или иных решений, определяющих будущее руральности. В этом смысле задачу психологических исследований следует понимать не столько как описание психологических явлений, сколько как выявление связей между экономическим, социологическим, правовым, политическим уровнями ментальности. Речь идет о поведенческой психологии, которую интересуют не сами внутренние психологические процессы, а конкретные проявления человеческой поведенческой линии. Поэтому бихевиористический метод акцентирует внимание на изучении поведения человека в конкретной среде и ситуации, на основании чего делается вывод о поведении определенных социальных групп, в данном случае — жителей села.

Речевую деятельность, взаимосвязь мышления и языка исследуют с помощью психолингвистических методов. В частности метод когнитивного картирования нацелен на выявление причинной структуры текстов, отображаемых с помощью когнитивных карт (схем). С помощью этих карт можно смоделировать процесс мышления и идентифицировать определенные решения и действия.

Другим методом на стыке психологии, философии, лингвистики и политологии является интен-анализ, раскрывающий намерения и цели человека, участвующего в той или иной речевой коммуникации. Интенция — это собственно движение от психического состояния до определенных речевых действий, а направленность сознания субъекта коммуникации на объект — это интенциональность (проявление социальной функции языка). Таким образом, в процессе анализа речевого дискурса осуществляется реконструкция интенции коммуникатора.

С помощью психологических методов удастся обнаружить настоящее и мнимое отношение различных представителей сельского социума к руральной действительности, их сопереживание процессам, происходящим в руральном пространстве, на основе которых можно спрогнозировать будущее самого социума.

Представленные научные подходы и методы составляют методологическую основу руралистических исследований.

**3.1. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РУРАЛИСТИКИ:
ЗАДАЧИ ФОРМИРОВАНИЯ И ОПЫТ УКРАИНЫ**

Появление институционализма как экономической онтологии, являющейся важной предпосылкой становления руралистики, связано с переоценкой канонов классической политической экономии.

Классическая политэкономия как теория богатства занималась исследованием экономического процесса на «выходе» (фаза III — продуктовая, рис. 3.1).

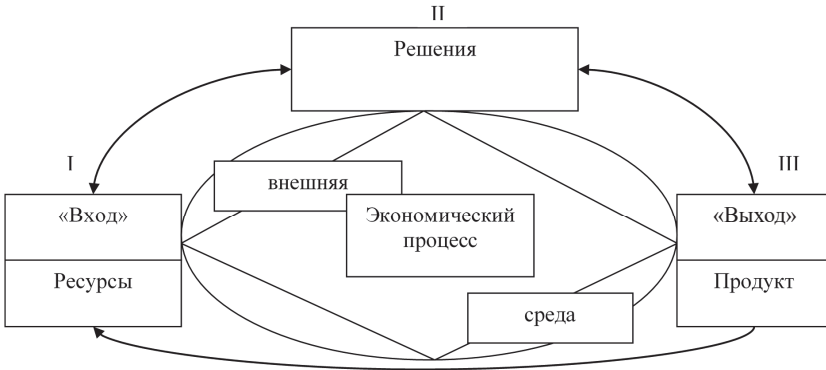

Рис. 3.1. Последовательность экономической деятельности

С целью анализа производства, кругооборота и распределения продукта был создан соответствующий категориальный аппарат, состоящий из факторов производства (земля, труд, капитал) и соответствующих видов экономических агентов (землевладельцы, рабочие, капиталисты) и типов доходов (земельная рента, зарплата, прибыль). При таких условиях, когда экономический процесс позиционировался как объективный, не было необходимости уделять внимание поведению его участников. Тем более, что классики относили экономику к моральным наукам, она действительно имела дело с поведением людей, зависела от условий общества. К тому же конкурентная ры-

ночная среда придавала значение усредненным агрегированным показателям спроса и предложения. Тем самым создавались равновесные условия для создания продукта, который был для классической политической экономии предметом исследования, а сама экономическая онтология получила название продуктовой.

При таких условиях, когда экономика представляла свой предмет как объективную и материальную реальность, позитивное и нормативное знания сосуществовали, развиваясь параллельными курсами. Собственно, знание о богатстве как созданном продукте имело признаки позитивного, нормативное же знание ассоциировалось с определенными стандартными задачами, производившимися экономической политикой или представлением о будущих экономических явлениях. Итак, нормативное знание не получило развития в классической теории.

Так случилось, что распространение маржиналистских идей (К. Менгер, У. Джевонс, Л. Вальрас) вызвало к жизни нормативное знание, которое находилось на экономической обочине во времена доминирования классической политической экономии. Дело в том, что маржиналисты подошли к экономической деятельности с другой стороны, чем классики, а именно со стороны процедуры принятия решений по продукту, который должен создаваться (фаза II, рис. 3.1). Фаза принятия решения предусматривала инверсию к первой фазе («вход»: ресурсы), учет кругооборота общественного продукта, анализ рыночной конкуренции, поведение поставщиков, конкурентов, потребителей и прочее. При этом главное внимание уделялось принятию экономических решений по перераспределению и использованию ресурсов.

Маржиналистская революция не только способствовала продвижению поведенческой экономической онтологии, но и привела к пониманию того, что поведение экономических агентов должно основываться на знании законов общественного развития и является зависимым от определенных норм, правил, традиций, сложившихся в обществе исторически. Тем самым была вызвана к жизни еще одна экономическая онтология — институциональная, появление которой совпало по времени с маржиналистской революцией (XIX—XX ст.).

Институциональная онтология является логическим продолжением и дополнением поведенческой онтологии. С позиций прагматической философии, как идейной основы институционализма,

институты рассматриваются как некий образ мыслей, который совпадает у разных представителей человеческого сообщества. В этом смысле человеческое поведение имеет признаки индивидуального и коллективного одновременно.

Сначала институциональная онтология развивалась по ситуационно-корпоративистскому направлению и имела целью осуществление сравнительного исследования плановых и рыночных экономик. Большее значение приобрело историко-эволюционное направление институциональной онтологии, которое непосредственно связано с Т. Вебленом. Он рассматривал эволюционный подход как противовес науке, которая видела свой предмет и задачу в изучении равновесных состояний, выровненных трендов развития. Т. Веблен пытался создать теорию процесса, который «кумулятивно разворачивается». Однако она оказалась теорией не самого процесса изменений, а правил, направляющих процесс этих изменений. По его мнению, именно институты обеспечивают преемственность в экономических процессах, а через эволюцию институциональной среды происходит приспособление экономики к изменениям ее материальной базы. Реально приблизиться к реализации задачи сочетания эволюционной методологии с институциональным анализом экономического развития стало возможным только через век, когда был усовершенствован понятийно-категориальный аппарат институционализма, а механизм конкурентного рынка продемонстрировал свою ограниченность и несовершенство.

Таким образом, институционализация, как процесс упорядочения, формализации, стандартизации общественных отношений на основе политических, социальных, юридических правил, которые определяют ограничения для экономических субъектов, на протяжении более чем столетнего периода своего существования прошла сложный путь внутренней эволюции. На смену «старому» (традиционному) институционализму Т. Веблена пришел неоинституционализм Д. Норта, Л. Девиса, О. Уильямсона. Более того, в рамках каждого из них сложились те или иные версии институционализма. Так, Т. Веблен олицетворял его социально-психологическую версию, согласно которой институты, в отличие от правил, навязанных извне, являются результатом «усвоения» этих правил индивидами. Ученик Т. Веблена — У. Митчелл был представителем институционно-статистической версии и одновременно творцом эмпирического направления, а Дж. Коммонс — социально-правовой версии традиционно-

го институционализма. Представители нового институционализма концентрировали внимание не на стереотипах сознания и поведения субъектов хозяйствования, а на исследовании прежде всего формальных и неформальных норм («правил игры»), определяющих экономическое поведение индивида и организации в условиях рыночного хозяйствования.

Тем не менее, несмотря на размежевание представлений о сущности и предназначении институтов сторонниками «старого» и нового институционализма, в современной экономической литературе отсутствует четкость в определении категориального аппарата данного научного направления. Например, известный польский исследователь Г. Колодко, подчеркивая определяющую роль институциональных основ в общественных изменениях, отмечает, что они обусловлены ценностями (нормы, обычаи, мировоззрение), политикой (способ выработки управленческих решений) и институтами (субъекты управления) [121, с. 380]. В указанном определении нормы и обычаи отделены от институтов, что противоречит основоположным идеям институционализма.

В публикациях украинских исследователей наряду с понятием «институт» используется понятие «институция» [440].

Трудности в восприятии сущности понятия «институт» связаны с тем, что понятие «институция» часто употребляется как синонимическое или как оппозиционное понятию «институт». Заметим, что первоначально термина «институция» означал название элементарных учебников римских юристов второй половины II ст.

Во избежание терминологической путаницы в понимании значения основных категорий институционализма будем руководствоваться подходом Д. Норта, разделявшего понятие «институт» и «организация». Институт, по Д. Нарту, — совокупность правил, связанных с ними механизмов реализации и норм поведения, которые структурируют и облегчают взаимодействие между людьми [216, с. 71]. Организации, считает Д. Норт, также структурируют взаимоотношения между людьми, но это не «правила» игры, а сами игроки. Понятие «организация» объединяет политические учреждения, экономические структуры, общественные организации, учебные заведения. Характер организаций, их целесообразность создания определяются «институциональными рамками». Д. Норт классифицировал институты на формальные правила и неформальные ограничения. По его мнению, «...хотя формальные правила можно изменить за одну ночь

путем принятия политических или юридических решений, неформальные ограничения, воплощение в обычаях, традициях и кодексах поведения являются намного менее благоприятными к осознанному человеческим усилиям. Эти культурные ограничения не только связывают прошлое с современностью и будущим, а и дают нам ключ к пониманию пути исторического развития» [217, с. 9].

Именно последнее замечание Д. Норта имеет важное значение для оценки общественных преобразований в Украине в целом и тех из них, в частности, которые связаны с руральной жизнедеятельностью.

Общественные преобразования в Украине, которые имеют формационный характер, были начаты «революцией сверху» в 1991 году, эпицентр которой находился за ее пределами — в г. Москве. По объективным обстоятельствам независимость Украины стала следствием распада еще недавно могущественного государства, что наложило отпечаток на характер процесса общественного реформирования. То есть украинское общество не было подготовлено ни политически, ни экономически, ни психологически к радикальным трансформационным преобразованиям. Отсюда — непоследовательность и несистемность реформ, начатых новой властью в начале 1990-х годов, и их незавершенность.

Современное состояние трансформации украинского общества связано с реформированием политической системы, проведением административной, аграрной реформ, внедрением Концепции государственной региональной политики, подготовкой к изменениям в территориальном устройстве страны. Все эти общественные преобразования непосредственно влияют на сельское развитие.

В значительной степени перспективы сельского развития зависят от результативности аграрной реформы, которая состоит из следующих направлений:

- земельная реформа — разгосударствление и приватизация земель сельскохозяйственных предприятий и организаций;
- хозяйственная реформа — создание на базе колхозов и совхозов новой хозяйственной структуры рыночного типа;
- формирование вместо планово-распределительной системы сбыта продукции аграрного рынка;
- финансовая реформа — финансовая стабилизация и оздоровление сельскохозяйственной отрасли;
- реформирование социальной сферы села.

Эти общественные преобразования по своему характеру и масштабу оцениваются в экономической литературе как настоящая судьбоносная мирная революция [4, с. 16] или аграрная революция [449, с. 54–56].

Заложила основы и дала толчок аграрным преобразованиям новой эпохи Украины земельная реформа. С переходом к рынку возникла объективная необходимость в признании в аграрном производственном капитале стоимости земли, определении реального земельного собственника и превращении ее в товар. Товарность земли определяется не столько через механизм купли-продажи, сколько признанием стоимости и цены этого природного ресурса, включением его в экономический оборот.

Основными задачами земельной реформы были определены приватизация земли путем ее передачи в собственность тем, кто на ней работает, формирование арендных отношений, создание рынка земли. На ее ход негативно влияют политическая ситуация в стране, ментальность крестьян, консерватизм руководителей предприятий и специалистов сельского хозяйства, а также отсутствие соответствующей законодательной базы. Именно поэтому сегодня можно говорить, с некоторыми оговорками, о выполнении двух первых из трех перечисленных задач земельной реформы. В частности, в соответствии с Указами Президента Украины [321; 327] завершено разгосударствление земель с определением таких их категорий, которые остаются в государственной собственности (земли запаса, резервный фонд земель, земли, не подлежащие разгосударствлению); проведена приватизация земель путем передачи их в коллективную собственность негосударственным сельскохозяйственным предприятиям, а также в частную собственность гражданам; осуществлена денежная оценка сельскохозяйственных угодий; состоялось паевание земель, переданных в коллективную собственность сельскохозяйственным предприятиям; выданы сертификаты на право на земельную долю (пай) гражданам — членам КСП и организаций, государственных актов на право частной собственности на землю, по их желанию; в случае выхода из предприятия граждане получили возможность реализовать свои права на земельную долю (пай) по действующему законодательству. В рыночный оборот включены несельскохозяйственные земли (купля-продажа земельных участков). И все же главный вывод, который следует из промежуточных результатов земельной реформы, не оптимистичен: несмотря на то, что произошла привати-

зация земель, ее реальный владелец пока еще отсутствует из-за медленного развития земельного рынка.

По сути была ликвидирована коллективная форма собственности на землю. В 2000 г. был осуществлен, по выражению Б. И. Пасхавера, «черный передел»: 26 млн га сельскохозяйственных угодий путем паевания перешли от коллективной к частной форме земельной собственности [273, с. 74].

С экономической точки зрения не менее важным, чем определение земельного собственника, является вопрос о том, насколько эффективно используется земля. В этом смысле прав И. Кириленко, утверждая, что «хозяин производства не обязательно должен быть владельцем всех используемых ресурсов. Существенные его признаки — экономическая самостоятельность в производственной и коммерческой деятельности, собственность на созданный продукт» [114, с. 81].

Паевание земель привело к парцелляции и созданию небольших и малоэффективных хозяйств. Негативные последствия этого процесса заключаются в следующем:

- концентрация производства сельскохозяйственной продукции в ОСГ, которые не обладают мощным производственным потенциалом и финансами, а при отсутствии кооперации они продемонстрировали неспособность формировать товарные партии продукции и получать большую прибыль;

- снижение продуктивности сельскохозяйственных земель из-за отсутствия воспроизводства почв;

- невозможность введения ипотечного кредитования под залог земельных участков из-за их незначительных размеров;

- отсутствие реальной возможности и желания большинства крестьян использовать земельные паи по назначению, тем более что значительная часть их принадлежит наследникам, которые проживают в городах.

Большинство обладателей земельных паев предпочитает их сдачу в аренду. Только треть земель сельскохозяйственного назначения используется владельцами земельных участков для предпринимательской деятельности.

В последнее время усилилась конкуренция на рынке аренды земель сельскохозяйственного назначения. Государство с августа 2008 регламентирует нижний предел арендной платы на уровне 3 % денежной оценки пашни.

Несмотря на действие моратория на продажу земель сельскохозяйственного назначения, на практике осуществляются полулегальные операции по отчуждению этих земель. Иногда, вследствие неконтролируемости этого процесса, земельные участки оказываются в руках лиц, которые не имеют никакого отношения к сельскому хозяйству, включая и гигантских латифундистов.

С целью предотвращения совершения операций спекулятивного характера с землей целесообразно усилить роль государства по ограничению правомочия землевладельцев и землепользователей в распоряжении земельными участками. Например, можно воспользоваться опытом Польши и России, где органы государственной власти осуществляют выкуп у сельских хозяйств сельхозугодий с последующей их продажей или сдачей в аренду. То есть речь идет о социализации земельной ренты, когда последняя становится преимущественно доходом производителя и государства.

Среди других средств усиления государственного регулирования земельного оборота является разработка механизма залога права аренды земельного участка, что требует усовершенствования законодательной базы и создания специальных институтов для осуществления залоговых операций с землей.

Изменение отношений собственности на землю потребовало осуществления хозяйственной реформы, назначение которой — образование новых организационно-правовых форм хозяйствования (хозяйственных структур) на базе разноукладности, определяющих экономический уклад сельских территорий. Суть этой реформы заключается в формировании вместе с коллективными, семейными, государственными хозяйствами частных сельскохозяйственных предприятий. Этот процесс приобрел устойчивые формы после 2000 года, когда в соответствии с Указом Президента Украины «О неотложных мерах по ускорению реформирования аграрного сектора экономики» от 3 декабря 1999 на основе коллективных сельскохозяйственных предприятий (КСП) начали создаваться частные (частно-арендные) предприятия, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные общества, сельскохозяйственные кооперативы, другие субъекты хозяйствования, основанные на частной собственности. Этим указом также предусмотрено сохранение целостности хозяйственного использования частными формированиями земли и имущества бывших КСП на основе аренды земельных долей (паев) с установлением размера платы за их аренду на уровне не менее 1 % определенной соглас-

но законодательству стоимости арендованной земельной доли (пая) [322].

При проведении хозяйственной реформы основное внимание было сосредоточено на реформировании имущественных отношений, приватизации имущества совхозов, аренде имущества. Значительная часть имущества бывших колхозов и совхозов была использовано при создании фермерских и личных крестьянских хозяйств.

Итак, в результате осуществления хозяйственной реформы на базе частной собственности на землю и имущество возникли предприятия рыночного типа различных организационно-правовых форм: от личных крестьянских хозяйств до крупных аграрных компаний, которые существенно различаются между собой не только по своим размерам, но и по цели деятельности. Если первые имеют полунатуральный характер, осуществляя свою деятельность преимущественно для удовлетворения собственных потребностей, то вторые вкладывают капитал в агропроизводство прежде всего с целью получения прибыли. Кроме того, в ОСГ чаще не используется наемный труд, хотя, по определению, они являются частными. В хозяйствах этого типа и в производственных кооперативах в лице его хозяина (в кооперативе — кооператора) сочетается владелец-хозяин и работник.

Свою специфику имеют хозяйственные объединения, которые создавались нетрадиционным для этого типа хозяйств путем. Они возникли не в результате объединения капиталов нескольких владельцев, а в результате юридического закрепления коллективной собственности за так называемыми учредителями, а все остальные работники предприятия автоматически становились наемными членами общества, хотя по формальному признаку (трудовым контрактам) последние являются совладельцами средств производства.

В отличие от сельскохозяйственных предприятий, созданных на базе реструктурированных КСП, экономические отношения типично предпринимательских структур по своему характеру являются классически капиталистическими, поскольку их собственность не принадлежит крестьянам, которые используются здесь как наемная рабочая сила. Критерием эффективности во-первых, выступает валовой доход в соотношении к затраченному труду, во-вторых, — норма прибыли на инвестированный капитал, включая иностранный.

В ходе аграрной реформы сложились неравные условия для приобретения гражданами права собственности на землю. Те, кто вы-

ходили из хозяйств со своей земельной долей (паем), получали земельный участок, то есть становились собственниками земли, а те, кто оставался работать в новых хозяйственных структурах, получали сертификат на земельную долю (пай), который не был полноценным документом на право частной собственности. Таким образом, сложилась тенденция, по которой для создания новой хозяйственной структуры на частной основе с коллективными формами организации производства необходимо было обязательно выходить из предприятия с земельной долей (паем), выделить ее в натуре, а потом снова объединяться. Это, во-первых, требовало много времени и средств для оформления необходимых документов и, во-вторых, сдерживало процесс перехода на новые формы хозяйствования.

В результате осуществления аграрной реформы на селе образовались предприятия с различными организационно-правовыми формами хозяйствования.

Что касается формирования аграрного рынка, то здесь преобразования были связаны преимущественно с разрушением старой планово-распределительной системы сбыта продукции. Функционирующая сегодня сеть сбыта не является системной из-за отсутствия связей между производителем, продавцом и потребителем. В значительной степени формирование аграрного рынка сдерживается слабостью земельного рынка, отсутствием рыночной инфраструктуры.

Таким образом, концентрация земельных участков объективно ведет к капитализации аграрной экономики, но этот процесс сдерживается отсутствием полноценного рынка земли. Его введение несет в себе риск для владельцев земельных участков, которые будут вынуждены их продать по заниженной цене.

Не менее важным является направление аграрной реформы, связанное с финансовым оздоровлением отрасли, снижением долгового и налогового бремени, улучшением инвестирования и кредитования аграрного сектора экономики, ликвидацией межотраслевого ценового диспаритета. Революционные изменения претерпела система налогообложения аграрного рынка: вместо 12 налогов и сборов введен один фиксированный сельскохозяйственный налог (ФСН); реализована стимулирующая функция ФСН (вместо налогообложения результатов хозяйственной деятельности введен налог на землю); снижена втрое налоговая нагрузка на отрасль; реорганизована система налогообложения добавленной стоимости в направлении стимулирования агропромышленной интеграции производства и инвестиро-

вания развития материально-технической базы сельского хозяйства [3, с. 18–19]. Главным мероприятием государства в системе кредитования стала замена прямого бюджетного кредитования отрасли удешевлением стоимости коммерческих кредитов за счет средств бюджета. Значительное увеличение объемов кредитования можно достичь введением ипотечного кредитования.

Для этого Кабинетом Министров Украины 26 февраля 2009 был утвержден Порядок использования в 2009–2013 годах бюджетных средств, направляемых на поддержку предприятий агропромышленного комплекса через механизм удешевления кредитов, которым определен перечень предприятий, виды кредитов и условия их получения. Были предусмотрены санкции к субъектам хозяйствования в случае установления контролирующими органами факта незаконного получения и / или нецелевого использования полученных бюджетных средств [315, с. 27, 29].

Этот подход нашел свое продолжение в Государственной целевой программе развития украинского села на период до 2015 года. По своему определению она является программой, которая стимулирует развитие села. На эти цели выделено более 120 млрд грн, большую часть которых составляют бюджетные средства [306]. Однако эти средства не были использованы в полном объеме (рис. 3.2).

Значительное сокращение, а с 2013 года — прекращение финансирования Программы связано, с одной стороны, со сменой правительства и с ориентацией на финансирование отраслевых программ — с другой.

В наибольшей мере это негативно отразилось на процессе реформирования социальной сферы, положение которой было усугублено ложным и преждевременным решением передачи объектов социальной инфраструктуры села из государственной в коммунальную собственность. Во всех странах мира социальная сфера содержится за счет государственных средств. Передача социально-культурных объектов на баланс сельских советов в условиях перехода к рынку, который сопровождался существенным разукрупнением субъектов хозяйствования на селе, привела к упадку социальной инфраструктуры и ухудшению условий проживания в сельской местности.

Во все времена инструментом реформирования, фактором социально-экономического подъема выступала бюджетная система. Ее главный недостаток сегодня — в необоснованности прогнозных по-

казателей развития страны в целом и сельских территорий в частности, что проявляется в бюджетном необеспечении государственных целевых программ, прежде всего по причине отсутствия экономического обоснования бюджета развития. Непрозрачно происходит распределение бюджетных инвестиций, не имеющих конкретного адресата в одном случае, или является результатом лоббирования — в другом. Недостаточно эффективным выглядит и контроль за использованием бюджетных средств. Важное значение для аграрного сектора экономики имеет ориентированность реформирования налоговой системы в направлении уменьшения налога на добавленную стоимость и расширение базы налогообложения.

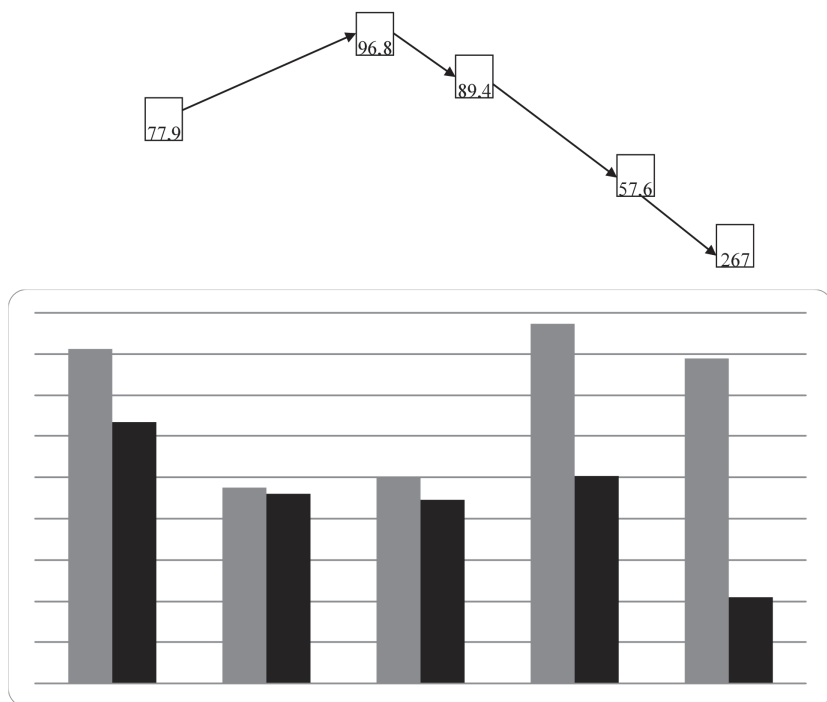

Рис. 3.2. Финансирование Государственной целевой программы развития украинского села на период до 2015 года [129]

- процент фактического финансирования
- запланировано на год, млрд грн
- фактически профинансировано, млрд грн

Подводя итоги реформирования аграрного сектора экономики и социальной сферы села, можно констатировать, что одной из причин его низкой эффективности стало игнорирование такого фактора успешного осуществления реформ как формирование институциональной среды, соответствующей вызовам времени. Вследствие игнорирования принципов преемственности исторического развития и эволюционности общественного развития произошла деинституционализация рурального пространства. Из-за слома старой системы общественных отношений и поспешности в формировании рыночных отношений, их идеализации сформировался своего рода институциональный вакуум. Во всяком случае поспешно созданные институты в виде нормативно-правовых актов, новых управленческих структур и механизмов оказались недейственными. Здесь к месту привести высказывания Я. Корнаи о том, что реформы «подорвали устойчивость самой системы. Вместо того, чтобы усовершенствовать систему, они ослабили ее основы, привели к эрозии, а не к стабилизации» [131, с. 21].

Украинские реформаторы считали, что либерализация экономической жизни сама по себе гарантирует успех. Однако бездумное использование чужого опыта в виде заимствования европейской модели рыночной экономики и ее насаждение на неподготовленную институциональную почву обернулось ускоренной и мнимой капитализацией. По этому поводу Дж. Стиглиц заметил, что реформаторы новых государств пытались сократить путь к капитализму, создавая рыночную экономику без фундаментальных институтов, а институты — без фундаментальной инфраструктуры [385, с. 12–14].

Отсюда — принятие нереалистичных программ развития, постановка научно не обоснованных, оторванных от жизни задач. Так, в Программе экономических реформ 2010–2014 года «Зажиточное общество, конкурентоспособная экономика, эффективное государство» четвертого Президента Украины В. Януковича указывалось, что ее выполнение является первым шагом к вхождению Украины в 2020 году в двадцатку наиболее развитых стран мира. А цель Стратегии устойчивого развития «Украина 2020», одобренной Указом П. Порошенко от 12 января 2015 года, является внедрением в Украине европейских стандартов и выходом ее на ведущие позиции в мире. Для ее реализации предусмотрено до 2020 года осуществить 62 реформы и программы развития, т. е. в среднем по десять в год [334].

Примечательно, что указанные документы имеют прямое отношение к главам государства, исповедующим разные ценности — просоветские, евразийские (В. Янукович), с одной стороны, и проевропейские (П. Порошенко) — с другой. Принятые не так давно, с интервалом в пять лет, они абсолютно не учитывают опыт предшествующих реформ, погрузивших Украину в мрак и застой. Целевые установки, содержащиеся в Программе В. Януковича и в Стратегии П. Порошенко, своим утопизмом напоминают планы «кремлевских мечтателей» начала 1960-х годов о наступлении в СССР через два десятилетия лет светлого коммунистического будущего.

Признание факта существования «старых» и «новых» «правил игры» требует повышения усиления роли государства и улучшения его ответственности в создании институциональной среды как важного условия успешности общественных преобразований. Пример функционирования модели эффективного государства демонстрируют страны экономического «дирижизма» (Швеция, Австрия, Германия, Франция), государственный сектор которых составляет от 10 % до 30 % национального хозяйства, а государственные затраты колеблются на уровне 45–50 % ВВП. В этих странах государство выявляет и интегрирует интересы разных отраслей экономики и всех слоев общества, опираясь на устойчивые институты, выступающие составляющими институциональной среды.

В данном случае мы имеем пример функционирования модели эффективного государства. Если для перечисленных государств такой подход воспринимается как желаемый, то для нестабильных политических систем и стагнирующих экономик он является жизненно необходимым, поскольку выход общественных процессов за сферу государственного влияния несет угрозу существованию государства.

Вместе с тем, чтобы предотвратить тотальное огосударствление социально-экономического развития, общество должно способствовать формированию соответствующей институциональной среды, в которой определенное место займут и неформальные институты. Именно благодаря достижению баланса между формальными и неформальными институтами можно решить ряд проблем развития сельских территорий.

Следование указанным требованиям предполагает совершенствование законодательства, регулирующего процессы, происходящие в руральном пространстве.

3.2. НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА РУРАЛИСТИКИ

Призванием нормативно-правовой базы руралистики является формирование институциональной среды как упорядоченной системы основополагающих политических, юридических, экономических и социальных правил, определяющих содержание, характер и направленность развития руральной жизнедеятельности как важной составляющей общественных отношений. Соблюдение и выполнение данного требования ориентирует на необходимость соответствия принимаемых нормативно-правовых актов стратегии развития институционального процесса, направленного на:

- организацию совместной деятельности сельского и городского населения с целью удовлетворения общественных потребностей, продуцируемых в рамках рурального пространства;

- формирование устойчивых общественных связей и отношений между представителями сельского и городского социума, государственными учреждениями, органами местного самоуправления, бизнес-структурами и общественными организациями, регулируемых принятыми в обществе ценностями, нормами, правилами и традициями;

- реорганизацию, создание новых общественных учреждений, выполняющих политико-управленческие функции по отношению к сельским территориям как системному объекту руральности и рурального развития.

В представленном контексте институциональная среда соответствует нортвской категории «институциональная матрица», как своеобразной «паутины взаимосвязанных институтов и обусловленных ими политических и экономических организаций, которые характеризуются массивно нарастающей отдачей» [487, с. 84–85]. Структурно данная «матрица» представлена формальной составляющей (нормы и правила, закреплённые в нормативно-правовых актах), неформальными правилами, информацией, системой соглашений, общественных связей и отношений, экономическими агентами и пр.

В данном случае объектом нашего внимания и анализа является действующая в Украине система нормативно-правовых актов, являющаяся базой руралистики. При исследовании данной системы основное внимание будет сосредоточено на выявлении степени адекватности нормативно-правовых актов проблематике, составляющей исследовательское поле зарождающейся междисциплинар-

ной отрасли знаний. В первую очередь речь идет о закреплении в нормативно-правовых актах категориального аппарата руральности, отражении функций сельских территорий, их общественного предназначения, формулировании приоритетов политики рурального развития.

В отечественной нормотворческой практике первое упоминание термина «сельские территории» датируется 29 апреля 1998 года и связано оно с подписанием Указа Президента Украины «Об Основных направлениях развития агропромышленного комплекса Украины» [325]. В этом подзаконном акте содержится Раздел XI «Осуществление социальных преобразований на селе», в котором речь идет о направленности государственной социальной политики на формирование полноценной жизненной среды, обеспечение экономических и социальных интересов сельского населения, комплексное развитие сельских территорий, повышение престижности труда в сельском хозяйстве. Использование в данном документе термина «сельские территории» было скорее декларативным, чем несло какую-либо смысловую нагрузку. Более того, этим Указом был подтвержден курс государства на разрушение сложившейся в советские годы системы финансирования социальной сферы села за счет средств хозяйств. В частности в нем поставлена задача способствования первоочередной передаче объектов социальной инфраструктуры птицефабрик, специализированных предприятий по производству животноводческой продукции, других предприятий агропромышленного комплекса в коммунальную собственность, создания в селах хозрасчетных подразделений по содержанию объектов непродовольственной сферы и оказанию жилищно-коммунальных услуг населению.

В этой связи следует обратиться к Закону УССР «О приоритетности социального развития села и агропромышленного комплекса в народном хозяйстве» [328], принятому в 1990 году. В нем впервые была обоснована общественная потребность в возрождении крестьянства как хозяина земли, носителя морали, национальной культуры и поддержке трудонедостоящих и приходящих в упадок сельских населенных пунктов. В связи с этим государство взяло на себя обязательство защиты сельской поселенческой сети независимо от категории, величины и места расположения сельских населенных пунктов. Поэтому все преобразования сельских поселений, связанные с их объединением, разъединением, переименованием, изменением статуса могли осуществляться только по воле жителей этих поселений.

Этот подход получил свое развитие в Концепции Национальной программы возрождения села на 1995—2005 годы [319], содержащей в качестве одного из своих приоритетов — формирование полноценной жизненной сферы в сельской местности за счет реализации соответствующих отраслевых и региональных программ, направленных на сбалансированное социально-экономическое развитие села и города, первоочередное разрешение социальных, демографических проблем села, повышение занятости его населения. К новациям данного нормативно-правового акта также следует отнести оперирование его разработчиками такими категориями как «хозяйственная территория», «сельские районы», «сельские регионы», используемыми в их привязке к сельской поселенческой сети, жизненной среде и производственной сфере сельской местности — соответственно. При этом указанные термины подаются в данном документе без их содержательного наполнения. Однако очевидно, что использование двух последних терминов является не совсем корректным, поскольку речь должна идти в первом случае об административных районах, а сельских регионов не существует вообще.

Первое упоминание о таком типе сельских территорий как депрессивных встречается в Указе Президента Украины 2000 года «Об основных началах развития социальной сферы села» [324]. В нем преодоление депрессивности этих территорий связывается с регулированием трудовой миграции сельского населения путем его переселения на эти территории из трудоизбыточных регионов. Предполагалось, что таким образом можно остановить упадок села, достичь его социального возрождения и повышения эффективности аграрного производства, полноценного воспроизводства украинской нации.

В Концепции Общегосударственной программы социального развития села на период до 2011 года [337] содержится положение о необходимости введения государственных социальных нормативов с учетом характера расселения и региональной специфики проживания людей в сельской местности, что является важной предпосылкой не только дифференциации уровня развития сельских территорий, но и их классификации.

Нормотворческая практика классификации территорий получила развитие в Генеральной схеме планирования территории Украины [299]. Так, по видам и режимам их преимущественного использования отдельно выделены территории, характеризующиеся агропромышленным производством и сельской застройкой (зона сельского

хозяйства). Несовершенство такого деления заключается в подмене поселенческо-межотраслевого признака сугубо отраслевым. Здесь было бы уместнее использовать термин «сельские территории», а не «зона сельского хозяйства». Кроме этого, в Генеральной схеме отдельно определены задачи перспективного развития населенных пунктов для сел, расположенных вблизи центров системы расселения, для сел, имеющих значительный природный и историко-культурный потенциал, а также для таких, которые связаны преимущественно с сельскохозяйственным производством.

Терминологической направленностью отличается Закон Украины «О регулировании градостроительной деятельности» [329], в котором дано определение территории как части земной поверхности с воздушным пространством и размещенными под ней недрами в указанных пределах (границах), которая имеет определенное географическое положение, природные и созданные в результате деятельности людей условия и ресурсы. Из этого следует, что сельский территориальный сегмент пространства отличается специфическими природными ресурсами и условиями, видом хозяйственной деятельности и производными от них типом поселений и образом жизни населения. В Законе также содержится следующее определение пригородной зоны как территории, которая обеспечивает пространственное и социально-экономическое развитие города.

Отдельного внимания заслуживают нормативно-правовые акты, формирующие институциональную среду функционирования сельских территорий. В первую очередь это касается Закона Украины «Об основных началах государственной аграрной политики на период до 2015 года» [323], принятого в октябре 2005 года. В нем декларируется направленность аграрной политики на обеспечение устойчивого развития аграрного сектора национальной экономики, что в полной мере соответствует общественному предназначению этой политики. Возражение вызывает позиционирование в качестве одной из целей и составляющих государственной аграрной политики комплекса правовых, организационных и экономических мероприятий, направленных на обеспечение комплексного и устойчивого развития сельских территорий. К одному из многочисленных приоритетов аграрной политики отнесена разработка и реализация государственных и региональных программ комплексного развития сельских территорий, а один из путей реализации указанной политики заключается в реализации программ стимулирования развития

депрессивных территорий. Вместе с тем программа комплексного развития сельских территорий не содержит мероприятий экологического содержания, что свидетельствует о декларативности первой статьи Закона, в которой говорится об устойчивом развитии сельских территорий. А акцентирование внимания на консолидирующей роли аграрной политики в осуществлении общегосударственной и региональной политики в аграрном секторе только подтверждает намерение законодателя приравнять аграрный сектор экономики к сельской территориальной подсистеме общества. Из этого можно заключить, что проблемы развития сельских территорий предполагается решать средствами отраслевой аграрной политики, между тем как сельские территории являются природными и социально-пространственными образованиями, требующими использования методов территориальной политики.

В контексте положений ранее анализируемого Закона уместно обратить внимание на Положение о Министерстве аграрной политики и продовольствия Украины, которое определяет это ведомство как главное в системе центральных органов исполнительной власти, которое «...обеспечивает формирование и реализует государственную аграрную политику, политику в сфере сельского хозяйства и по вопросам продовольственной безопасности государства; государственную политику в отраслях рыбного хозяйства...» [311].

Целевое назначение указанного отраслевого Министерства несколько расходится с функциями структурных подразделений агропромышленного развития местных государственных администраций. Согласно Приказу Министерства аграрной политики и продовольствия Украины [310], на эти подразделения в числе других возложена задача участия в формировании и реализации социальной политики на селе, устойчивого развития регионального агропромышленного рынка и сельских территорий региона, а также участия в пределах своей компетенции в комплексном развитии сельских территорий, осуществлении мероприятий по улучшению демографической ситуации в регионе, координации деятельности соответствующих служб по вопросам реализации социальной политики на селе, содействию реализации государственной политики в сфере занятости сельского населения. Таким образом, в данном регламентирующем документе хотя и используется термин «сельские территории», однако забота об их развитии перекладывается на отраслевые структурные подразделения областных и районных государственных администраций.

В соответствии с законодательством Украины выполнение функции осуществления политики развития сельских территорий возлагается также на Министерство регионального развития, строительства и жилищно-коммунального хозяйства Украины, хотя в соответствующем Положении о данном министерстве термин «сельские территории» даже не упоминается [313]. В целом в нормативно-правовых актах, регулирующих региональную политику, отсутствует упоминание о существовании внутрирегиональных диспропорций, обусловленных отсталостью села, не говоря уже о проблемах развития сельских территорий.

Уже в Концепции Комплексной программы поддержки развития украинского села на 2006–2010 годы [338] намечается отход от отраслевого принципа осуществления государственной политики развития села. В частности в ней отмечалось, что упадок села связан с игнорированием проблем развития сельских территорий в процессе аграрных трансформаций. Исходя из этого одна из целей программы заключалась в создании благоприятных условий для комплексного развития сельских территорий, а к основным направлениям ее выполнения были отнесены: многофункциональное развитие сельских территорий; разработка и выполнение региональных программ, обеспечивающих это развитие; предотвращение упадка депрессивных сельских территорий.

Анализ нормативно-правовых актов Украины свидетельствует о том, что сельские территории требуют не только поддержки государства, а и новых подходов, актуальность которых приобрела реальное очертание после принятия в 2004 году Закона Украины «О государственных целевых программах» [300]. Применительно к сельским территориям речь идет о государственной целевой программе как комплексе взаимосвязанных заданий и мероприятий, направленных на разрешение важнейших проблем их развития. Эта программа, получившая название «Государственная целевая программа развития украинского села на период до 2015 года» [306], была утверждена Кабинетом Министров Украины 19 сентября 2007 года. В программе прослеживается дифференциация села, касающаяся, с одной стороны, аграрного сектора экономики и развития социальной сферы села, а также сельских территорий — с другой. В ней, наряду с установкой на комплексное развитие сельских территорий, содержатся и новые положения: о проведении паспортизации сельских населенных пунктов и разработке на ее основе региональных программ

развития сельских территорий; о создании при Кабинете Министров Украины координационного совета по вопросам развития сельских территорий. Что касается первого положения, то оно заслуживает критического отношения, поскольку сужает содержание программы развития сельской территориальной подсистемы общества до уровня сельской поселенческой сети. По поводу второго положения программы заметим, что после создания в декабре 2008 года Межведомственного совета как временного консультативно-совещательного органа, основной задачей которого было обеспечение координации деятельности министерств, других центральных и местных органов исполнительной власти, научных учреждений по выполнению указанной Государственной программы [341, с. 315, 316], в апреле 2009 года в соответствии с Указом Президента Украины был создан Консультативный совет по вопросам развития сельского хозяйства и сельских территорий. На данный совет возлагалась функция разработки и реализации соответствующей государственной политики [317, с. 39].

Содержание Государственной целевой программы развития украинского села на период до 2015 года свидетельствует о ее несоответствии общественным ожиданиям относительно возрождения и расширенного воспроизводства сельских территорий. Представление о том, что имели в виду разработчики программы под комплексностью, свидетельствует ее второй раздел — «Развитие социальной сферы села и сельских территорий», содержащий основные направления совершенствования сельской социальной инфраструктуры [306]. Таким образом, комплексное развитие сельских территорий отождествлялось в Программе с развитием социальной сферы села и его жизненного пространства, что не соответствует структуре объекта программирования и тем самым сужает содержание его развития.

Важно и то, что программа в условиях разразившихся после ее принятия экономического кризиса и политического противостояния так и осталась декларацией. Поскольку она была утверждена правительством, возглавляемым В. Януковичем, то после того, как Кабинет Министров Украины возглавила Ю. Тимошенко, в феврале 2010 года была одобрена Концепция Государственной целевой программы устойчивого развития сельских территорий на период до 2020 года, проект которой был опубликован Министерством аграрной политики Украины еще в конце августа 2009 года. Это был первый нормативно-правовой акт, в котором сельские территории

предстали как самостоятельный объект правового регулирования и политико-управленческого воздействия. Однако вопреки статусу данного документа в нем, как и в предыдущих нормативно-правовых актах, не было уделено внимание определению сущности понятийно-категориального аппарата. Не отражает статуса Концепции как ведущего замысла и научного способа решения общественных проблем и ее содержание в целом. Так, комплексное развитие сельских территорий подчинялось задаче обеспечения продовольственной безопасности страны, а не воспроизводству этих природных и социально-пространственных образований и крестьянства как активного субъекта общественных преобразований на селе. Развитие же сельских территорий и решение экономических, социальных и экологических проблем на селе рассматривается как стратегическая цель государственной аграрной политики. Одновременно совершенствование системы управления развитием сельских территорий связывается с необходимостью создания национального агентства устойчивого развития сельских территорий и его региональных отделений с предоставлением им статуса государственного учреждения [336]. Немало противоречий и ошибочных положений содержит и проект Государственной целевой программы устойчивого развития сельских территорий на период до 2020 года [80]. Впрочем не только этому проекту не суждено было воплотиться в реальную программу, утратила статус действующей и ее концепция, которая была упразднена правительством Н. Азарова [298].

Уже в июне 2010 года министром аграрной политики Украины Н. Присяжнюком была презентована Комплексная Государственная программа реформ и развития сельского хозяйства Украины и Отраслевая программа социально-экономического развития сельских территориальных общин (модельный проект «Новая сельская община») [304]. Цель Отраслевой программы — разработка образцовых моделей социально-экономического развития сельских территориальных общин на началах распространения конкурентоспособного и экологически безопасного сельскохозяйственного производства, повышения уровня жизни сельского населения, создания комфортных условий проживания на селе и обеспечения на этой основе устойчивого развития сельских территорий. Модельный проект «Новая сельская община» направлен на разработку и реализацию демонстрационных программ социально-экономического развития сельских территориальных общин в пяти регионах Украины, характеризующихся при-

сухими им особенностями социального устройства и ведения хозяйства: на Полесье (Житомирская область), в Карпатском регионе (Ивано-Франковская область), на Надднепрянщине (Черкасская область) и Донбассе (Донецкая область), в Крыму. Фактически в перечисленных документах ставка делается на ожидаемую доходность от деятельности сельскохозяйственных предприятий и самодостаточность сельских территориальных общин в возрождении и поступательном устойчивом развитии сельских территорий базового уровня.

Министерство аграрной политики Украины утвердило критерии оценки состояния социально-экономического развития сельских территориальных общин для участия в Отраслевой программе: административно-территориальное устройство; социально-демографическая характеристика; площадь сельскохозяйственных угодий; развитие экономики; обеспеченность объектами социальной инфраструктуры; благоустройство сел; наличие субъектов социального обслуживания территориальных громад; экологическая безопасность и загрязненность; наличие органов самоорганизации населения и объединений граждан; участие хозяйствующих субъектов в развитии сельской территориальной общины [309].

На основании сравнительного анализа указанных критериев можно сделать вывод о том, что разработанные в экспериментальном порядке проекты предстают идеальными моделями развития на началах отраслевого подхода сельских территориальных общин как генератора функционирования соответствующих территорий базового уровня. Предполагается, что в будущем их опыт будет распространен на остальные территории.

С учетом градации предложенных критериев ставка делается на активность общин с позитивной динамикой развития. При этом базовыми являются критерии, связанные с природно-ресурсной, аграрно-отраслевой и социально-демографической характеристиками, удельный вес которых составляет почти 55 % от их совокупной бальной оценки [309]. Без ответа в модельном проекте остался вопрос о путях возрождения депрессивных сельских территорий.

Нормотворческая практика последних лет свидетельствует об отходе от популяризации государственных целевых программ развития сельских территорий в пользу продвижения отраслевых аграрных программ.

Такой вывод подтверждается одобрением Кабинетом Министров Украины в октябре 2013 года Стратегии развития аграрного сектора

экономики на период до 2020 года [333]. В основу этой стратегии положен отраслевой принцип, согласно которому аграрный сектор с его базовой составляющей — сельским хозяйством формирует начала сохранения суверенности государства, а также социально-экономические основы развития сельских территорий. При этом на первый план выдвигается цель гарантирования продовольственной безопасности государства за счет стабильного обеспечения населения качественной, безопасной, доступной отечественной сельскохозяйственной продукцией и промышленности сельскохозяйственным сырьем. Против этого трудно возразить, поскольку речь идет о задаче стратегической, долговременной и не новой. Следует обратить внимание скорее на те положения, которые отсутствуют в стратегии, а это — ее аспекты, связанные с диверсификацией экономической деятельности на селе, полифункциональностью сельских территорий, путями эффективного использования их интегрального потенциала, необходимостью формирования на селе полноценной жизненной среды, без чего трудно представить функционирование аграрного сектора экономики и др.

На этом фоне более реалистичной выглядит Стратегия развития аграрного сектора «3+5» (Стратегия процветания страны), разработанная Министерством аграрной политики и продовольствия Украины в развитие рассмотренного ранее документа. Она включает наряду с организационными вопросами и отраслевыми направлениями развития (земельная реформа, реформа государственной поддержки, реформа государственных предприятий и др.) и направление, связанное с развитием сельских территорий [459].

Многообещающей в этом отношении, судя по названию документа, является Концепция развития сельских территорий, одобренная Кабинетом Министров Украины 23 сентября 2015 года [340]. С точки зрения разработчиков Концепции, рассчитанной до 2025 года, ее реализация даст возможность переместить фокус аграрной политики государства с поддержки аграрного сектора экономики на поддержку сельского развития — улучшение качества жизни и экономического благополучия сельского населения, количество которого должно увеличиться, а его смертность — снизиться. При этом открытым остался вопрос об источниках и путях решения указанных задач. И совсем не укладывается в правила логики фрагмент Концепции, в котором презентуются три взаимоисключающих варианта сельского развития, в том числе и такой, как ускорение обезлюдения села и деградация его

потенциала. В числе причин ухудшения социально-экономического и экологического состояния сельских территорий указаны неготовность территориальных общин сел и поселков к инициированию и участию в проектах местного развития, а также низкая эффективность органов местного самоуправления в решении проблемных вопросов развития сельских территорий.

Акцентирование внимания именно на указанных причинах приобретает особую актуальность в связи с реализацией политики децентрализации власти, предусмотренной Законом Украины «О добровольном объединении территориальных общин» [301].

Укрупнение территориальных общин связано с необходимостью реформирования местного самоуправления и оптимизацией территориальной организации власти Украины, которая получила свое закрепление в соответствующей Концепции. В ней, в частности, указывается, что из-за чрезмерного измельчания общин и чрезвычайно слабой их материально-финансовой базы они оказались неспособными в полной мере выполнять полномочия органов местного самоуправления. Так, из почти 12 тыс. территориальных общин более чем у 6 тыс. общин (практически все они — сельские) численность жителей составляет менее 3 тыс. человек, из них в 4809 общинах — менее 1 тыс. человек, а в 1129 общинах — менее 500 человек. Дотационность 5419 бюджетов местного самоуправления составляет свыше 70 %, 483 территориальные общины на 90 % содержатся за счет средств государственного бюджета. Совершенствования требует также система территориальной организации власти с целью повышения эффективности управления общественным развитием на территориях общин. Достичь устойчивого экономического эффекта при условии гармонизации приоритетов и этапов указанных реформ с реформой местного самоуправления и территориальной организации власти Концепцией предусмотрено за счет проведения структурных реформ [339].

Новым документом, сочетающим в себе осуществление современных реформ и формирование политики, который уже долго ожидают производители сельскохозяйственной продукции, аграрный бизнес и сельское население, является Единая комплексная стратегия развития сельского хозяйства и сельских территорий на 2015–2020 годы. Данная национальная Стратегия определяет порядок реализации реформ по десяти главным стратегическим приоритетам [335]:

– деловой климат и противодействие коррупции, создание стабильной правовой системы, которая отвечает международным и ев-

ропейским стандартам, в частности путем выполнения Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС;

- земельная реформа;
- институциональная реформа Минагрополитики, государственных предприятий, учреждений, организаций, которые относятся к его сфере управления;
- продовольственная безопасность;
- налогообложение;
- развитие агропродовольственных цепочек добавленной стоимости;
- сельское развитие — возрождение украинского села;
- доступ к международным рынкам, торговая политика и продвижение экспорта;
- аграрная наука, образование, инновации и совещательные услуги;
- защита окружающей среды и управление природными ресурсами, в частности лесным и рыбным хозяйством.

Если в целом оценивать указанную Стратегию, то можно сказать, что она — обо всем и на все случаи жизни и одновременно ни о чем. Ее отдельные фрагменты уже неоднократно фигурировали в ранее принятых документах. В ней отсутствует системоформирующее начало. Сельское развитие сводится к начальной фазе преобразований на сельских территориях — возрождению села. Стратегия содержит чрезмерно большое число приоритетов — десять, без определения центрального приоритетного направления (главного звена цепочки преобразований). Десять приоритетов — это все равно, что десять альтернатив. К тому же вся тяжесть ответственности за реализацию Стратегии возложена на одно отраслевое ведомство — Министерство аграрной политики и продовольствия Украины. Далее при анализе других документов, связанных с основами региональной политики и стратегией регионального развития, обнаруживается смещение акцентов в субъектном подходе к реализации политики и управления сельским развитием на территориально-отраслевое ведомство — Министерство регионального развития, строительства и жилищно-коммунального хозяйства.

Действительно, указанное министерство является полноправным субъектом политического влияния на сельские территории, поскольку в состав регионов входят сельские территории регионального и районного уровней. Однако сельская и городская составляющие региона

отличаются друг от друга природной, поселенческой, производственно-хозяйственной, социальной спецификой и развиваются каждая по своей внутренней логике. Поэтому с этой точки зрения очевидно, что эти особенности, как и вопросы внутрирегиональных отношений, должны получить отражение в нормативно-правовых актах, регулирующих региональное развитие в целом и его отдельные аспекты. К числу таких актов относятся Закон Украины «Об основах государственной региональной политики» [303] и правительственная Государственная Стратегия регионального развития на период до 2020 года [305].

При анализе содержания указанного Закона Украины следует иметь в виду, что речь идет о общегосударственной политике, объектом которой в разрезе сельских территорий выступает сельская территориальная подсистема общества. Исходя из этого, региональная политика должна быть направлена на преодоление социально-экономических диспропорций между сельской и городской территориальными подсистемами общества. Однако эта проблема регионального развития не нашла должного отражения в этом документе. В нем цель региональной политики определена как создание условий для динамичного, сбалансированного социально-экономического развития Украины и ее регионов, обеспечение их социального и экономического единства, соблюдение гарантированных государством социальных стандартов для каждого гражданина независимо от его места проживания. Среди восьми приоритетов государственной региональной политики лишь два имеют приближенное отношение к проблемам развития сельских территорий: уменьшение территориальной дифференциации по индексу регионального человеческого развития; определение проблемных территорий в регионах и реализация государственных мер по разрешению проблем [303]. Как видно из приведенных формулировок, проблемы развития сельских территорий в прямой постановке даже не упомянуты. В утвержденной в 2009 году Кабинетом Министров Украины Методике оценки межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации социально-экономического развития регионов вообще не предусмотрено сопоставление соответствующих показателей развития в разрезе их сельской и городской составляющих, а также районов [302]. Данная методика работает лишь в части, касающейся необходимости стимулирования развития депрессивных регионов, в границах которых показатели социально-экономического развития значительно ниже средних показателей по стране.

В Государственной Стратегии регионального развития на период до 2020 года шагом вперед по сравнению с предшествующими нормативно-правовыми актами является признание отсутствия четко определенной государственной политики в сфере регионального развития [305]. Тем не менее, такая констатация выглядит несколько запоздалой. Сознательное замалчивание и игнорирование на уровне государственной политики межрегиональных и внутрирегиональных различий, отсутствие научных подходов к их классификации из-за опасности федерализации обернулось трагедией для миллионов украинских граждан. Постфактум в Стратегии актуализировалась тема, связанная с децентрализацией власти.

Стратегия содержит ряд положений политико-управленческой направленности, а одна из ее целей предусматривает согласованность государственной региональной политики с другими видами политики, которые ориентированы на территориальное развитие. Несколько спорным является смещение акцентов на имеющуюся дифференциацию развития регионов и городов (города — это составляющая регионов. — *А. П.*), с одной стороны, сельских и шахтерских территорий — с другой. Весьма перспективным представляется интегрированный подход к формированию и реализации государственной региональной политики, предусматривающий объединение ее секторной (отраслевой), территориальной (пространственной) и управленческой составляющих. В основе такого подхода лежит целевая установка на социально-экономическую интеграцию и пространственное развитие регионов. Впервые в подобного рода документах отдельной строкой выделено развитие сельской местности. И что не менее важно, в Стратегии в качестве операционной цели, способствующей достижению эффективности государственного управления в сфере регионального развития, рассматривается его институциональное обеспечение, предусматривающее выполнение следующих задач [305]:

- определение на законодательном уровне основ государственной региональной политики;

- повышение уровня координационной деятельности центральных и местных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления;

- максимальная концентрация средств финансовой государственной поддержки регионального развития в рамках государственного фонда регионального развития;

– завершение проведения административной реформы, уменьшение количества контрольно-надзорных функций центральных органов исполнительной власти, передача местным органам исполнительной власти полномочий центральных органов исполнительной власти высшего уровня;

– государственное стимулирование сотрудничества территориальных общин;

– определение порядка функционирования агентств регионального развития;

– поддержка организаций гражданского общества.

В свете изложенного содержания ключевых положений Стратегии вполне уместным является вопрос о способе их реализации. На этот счет имеются сомнения, если исходить из самого названия Министерства: какое из направлений — региональное развитие, строительство или жилищно-коммунальное хозяйство являются приоритетным в его деятельности. Ответ на этот вопрос в определенном смысле дает анализ содержания соответствующего Положения [313], в котором Министерство определено «...главным органом в системе центральных органов исполнительной власти, которое обеспечивает формирование и реализует государственную региональную политику, государственную жилищную политику и политику в сфере строительства, архитектуры, градостроительства и жилищно-коммунального хозяйства...». Задачи Министерства прямо отражают его название и не содержат даже намека на руральный контекст.

Из проведенных оценок субъектно-институционального фактора рурального развития следует, что ни отраслевое Министерство аграрной политики и продовольствия Украины, ни территориальное Министерство регионального развития, строительства и жилищно-коммунального хозяйства Украины не обладают необходимыми ресурсами и инструментами для осуществления государственной политики, способствующей возрождению сельских территорий с последующим их расширенным воспроизводством. Для этого необходимы соответствующие организационные и концептуальные основания, иные политические институты, другой набор инструментов политического влияния, согласованных с функциями сельских территорий и их общественным предназначением.

3.3. РУРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ЗАРУБЕЖНОЙ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Отечественная нормативно-правовая база руралистики формируется по законам внутренней логики и под влиянием законодательства других стран. Учитывая евроинтеграционный курс нашего государства, в Украине предпринимаются первоочередные меры по приведению законодательного поля в соответствие правовым требованиям ЕС путем их имплементации в национальную систему законодательства. При этом недостаточно учитывается, что институциональная среда каждой страны во многом определяется ее цивилизационной идентичностью, гармонизацией формальных и неформальных институтов, ведущей ролью социокультурных ценностей и национальных традиций. Генератором данных традиций выступает элита нации, которая обеспечивает преемственность традиций, осмысление бытия, демонстрирует свое отношение к судьбоносным событиям.

Украинская идентичность, из-за отсутствия на протяжении длительного исторического времени собственной государственности, ассоциируется с крестьянской семьей как основным выразителем способа мышления, традиций и обычаев украинского народа, его этнической культуры, сознания и психологии [89]. По своему психическому составу, историческим условиям развития, моральным основам, традициям, социокультурным ценностям, языку украинцы принадлежат к славянскому культурно-историческому типу. Среди аргументов принадлежности украинского народа к европейскому культурно-историческому типу — географическое положение в центре Европы и наличие определенных европейских цивилизационных признаков, характерных для населения западной части Украины. Согласно концепции евразийцев [356, с. 141], украинский народ по своему месторазвитию является более степным, чем российский, т. е. более неевропейским, чем великороссы, что подтверждается его расовым коэффициентом. Таким образом, украинский этнос, по классификации евразийцев, скорее принадлежит к евразийскому (не европейскому, не азиатскому и не их смеси) культурно-историческому типу.

Учитывая отмеченные обстоятельства, первоочередное внимание при анализе рурального дискурса зарубежной нормотворческой практики будет уделено законодательным актам Республики Беларусь, Казахстана и Российской Федерации, относящихся, как и Украина, к славянскому и евразийскому культурно-историческим типам.

Фактором, объединяющим данные страны, являются общность их исторической судьбы и пребывание в составе СССР.

Несмотря на то, что в этих странах реализуется разные типы политики по отношению к развитию сельских территорий — европейский (Российская Федерация) и американский (Республика Беларусь и Республика Казахстан), законодательная и исполнительная ветви власти этих государств являются последовательными в формировании соответствующей институциональной среды как важнейшей предпосылки трансформационных изменений.

Приверженность Российской Федерации европейскому типу политики развития сельских территорий, сущность которой заключается в государственной поддержке существующей поселенческой сети как социальной среды обитания сельского населения, обусловлена большими размерами территории этой страны, разнообразием природных, экономических, демографических, социально-культурных условий ее регионов, особенностями колонизации разных территорий, а также необходимостью сохранения исторически сложившейся системы сельского расселения как способа государственного контроля над сельской территориальной подсистемой общества [276, с. 127].

Учитывая значительный разрыв в уровне и качестве жизни сельского и городского населения, разработчики нормативно-правовых актов, социальных программ основную ставку делают на программно-целевой метод, что проявляется в активном использовании в нормотворческой практике термина «сельские территории» с его соответствующим содержательным наполнением.

В первом десятилетии 2000-х годов в нормотворческой практике, связанной с сельско-территориальной проблематикой, основное внимание законодателей концентрировалось на отдельных отраслях и сферах общественной жизнедеятельности. Поэтому в законодательных актах, федеральных целевых программах, национальных проектах используются такие термины как «сельское хозяйство», «агропромышленный комплекс», «социальная сфера», «село», «сельская местность». Термин «сельские территории» фигурирует в контексте их устойчивого развития [234; 275].

В Федеральном законе «О развитии сельского хозяйства» (2006 г.) [239] устойчивое развитие сельских территорий понимается как их стабильное социально-экономическое развитие, увеличение объема производства сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения, повышение уровня его жизни, рациональное

использование земель. При этом достижение устойчивости сельских территорий не предусматривает прямого предоставления бюджетных средств. Хотя данное определение не вызывает принципиальных возражений, поскольку содержит экономическую, социальную и экологическую составляющие устойчивого развития, тем не менее отметим, что в нем основные акценты смещены в сторону производственно-хозяйственной деятельности. Поэтому, в свете указанного отраслевого подхода, вполне логичной выглядит трансформация с 2008 года национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. Программой [231] предусмотрено два уровня приоритетов. Один из них ориентирует на устойчивое развитие сельских территорий, ассоциируемых с социальной сферой.

Контекстный дискурс устойчивого развития сельских территорий содержится и в других документах: как основная цель государственной аграрной политики и как одно из приоритетных направлений развития аграрного и рыбохозяйственного комплексов (Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года) [234]; как составляющая продовольственной безопасности (Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации) [241].

Начиная с 2010 года, устойчивое развитие сельских территорий рассматривается как целевой объект нормотворческой деятельности. Так, в Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года [235] указывается, что создание условий для устойчивого развития сельских территорий является одной из важнейших стратегических целей государственной политики, достижение которой позволит обеспечить продовольственную безопасность, повысить конкурентоспособность российской экономики и благосостояние граждан. В Концепции сельские территории определяются как территории сельских поселений и соответствующие межселенные территории. В свою очередь под сельским поселением понимаются один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (поселков, сел, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населенных пунктов), в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы

местного самоуправления. При этом речь идет о населенных пунктах, отнесенных к данной категории административно-территориальным делением, установленным в субъектах Российской Федерации. Межселенные территории определяются как территории, находящиеся вне границ поселений. Такой утилитарный, территориально-поселенческий подход к определению сельских территорий подчинен основной задаче — раскрытию сущности устойчивости развития этих природных и социально-пространственных образований. Расширительная трактовка понятия «сельские территории» реализуется посредством характеристики их важнейших общенациональных функций: производственной, демографической, трудовых ресурсов, жилищной, пространственно-коммуникационной, социального контроля над территорией.

Уточняющая характеристика сельских территорий содержится в Федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» (2013 г.) [245]. В ней сельские территории (сельская местность) определяются как сельские поселения или сельские поселения и межселенные территории, объединенные общей территорией в границах муниципального района, а также сельские населенные пункты и рабочие поселки, входящие в состав городских округов (за исключением городских органов, на территории которых находятся административные центры субъектов Российской Федерации) и городских поселений, на территории которых преобладает деятельность, связанная с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции. Данное определение вызывает ряд возражений. Во-первых, некорректно рассматривать понятия «сельские территории» и «сельская местность» как идентичные. Во-вторых, критерий отнесения территорий к сельским, связанный с переработкой сельскохозяйственной продукции, предполагает отнесение к ним и городов, в которых преимущественно размещаются предприятия пищевой промышленности. В-третьих, целесообразно ли относить к сельским территории с неблагоприятными для ведения сельского хозяйства условиями, о которых говорится в пояснительной записке к соответствующему проекту Постановления Правительства Российской Федерации [242].

В отличие от Российской Федерации, в Республике Беларусь и в Республике Казахстан при разработке политики развития сельских территорий предпочтение отдается ее американскому типу,

ориентированному на оказание государственной поддержки тем из них, которые отличаются экономической активностью и прибыльностью [71].

В нормативно-правовых актах Республики Беларусь, регулирующих социальные отношения на селе, наибольшее распространение получили такие термины, как «село», «социальная сфера села», «сельский населенный пункт», «сельская местность». Однако законодательное определение получил лишь последний из указанных терминов. В широком смысле под сельской местностью понимаются территории сельских советов, поселков городского типа, городов районного подчинения, являющихся административно-территориальными единицами, а также иных населенных пунктов, не являющихся административно-территориальными единицами, входящих вместе с другими территориями в пространственные пределы сельских советов. В узком смысле сельская местность — это территория, входящая в пространственные пределы сельских советов за исключением территорий поселков городского типа и городов районного подчинения [236–238]. Будущее белорусского села в Государственной программе возрождения и развития села на 2005–2010 годы связывается с агрогородками и благоустроенными населенными пунктами, в которых предполагается создать производственную и социальную инфраструктуру, обеспечивающую социальные стандарты проживающему в них населению и жителям прилегающих территорий. В этом же документе термин «сельские территории» лишь упоминается в контексте устойчивого развития этих природных и социально-пространственных образований без их нормативно-правового определения. Без какого-либо содержательного наполнения используется и термин «сельские регионы» [229].

В Государственной программе устойчивого развития села на 2011–2015 годы [232], как и в ранее понятых документах, первостепенное значение придается развитию агрогородков и зон их влияния, а одна из целей программы сформулирована как сближение уровня социальных стандартов в городах и на селе. Достижение этой целевой установки связывается с повышением экономической эффективности АПК, развитием предпринимательской инициативы на селе, о чем свидетельствует отраслевая направленность финансирования программы. Что касается термина «сельские территории», то он используется здесь всего один раз и без раскрытия его содержания.

Для нормативно-правовых актов, регулирующих развитие сельских территорий Республики Беларусь, типичны: среднесрочный

характер их действия; поселенческая и отраслевая направленность; эпизодичность использования термина «сельские территории». Большинство из них введено в действие указами Президента Республики Беларусь.

Государственная политика развития села в Казахстане направлена на селективную поддержку сельских территорий, перспективных с точки зрения их значения для обеспечения жизнедеятельности человека и функционирования рынка, развития АПК [71]. Такой подход, который характерен для всех нормативно-правовых актов, учитывает исторически сложившуюся пространственную рассредоточенность сельских территорий республики и неравномерность распределения на них населения.

С 2003 года сельские территории были выделены в самостоятельный объект правового регулирования и государственной политики. Так, 2003–2005 годы были объявлены Президентом Республики Казахстан Н. Назарбаевым [226] периодом подъема села, а возрождение и развитие сельского хозяйства и сельских территорий составило главное содержание социально-экономической политики Правительства на указанный период. Тогда же была утверждена Государственная программа развития сельских территорий Республики Казахстан на 2004–2010 годы [230], главная цель которой — создание нормальных условий жизнеобеспечения села (аула) на основе оптимизации сельского расселения. В программе, как аналог термина «сельские территории», используется термин «сельские населенные пункты».

Законодательное определение понятия «сельские территории» содержится в Законе Республики Казахстан «О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий» [233], принятом в 2005 году. В нем сельские территории предстают как совокупность сельских населенных пунктов и прилегающих к ним земель. При этом приоритетность развития предоставляется тем из них, которые имеют потенциал экономического роста. Таким образом, в этом определении сохранилась приверженность устоявшейся традиции ассоциации сельских территорий с соответствующими населенными пунктами, что было вызвано необходимостью оптимизации сельского расселения.

Важность указанной задачи получила свое правовое закрепление в Стратегии территориального развития Республики Казахстан до 2015 года (2006) [240]. Этим документом гарантировался рост потенциала сельских территорий в экономически развитых регионах через инте-

грирование программ городского и сельского развития в конкурентные стратегии регионов. Катализаторами этого процесса выступают опорные города национального и регионального уровней, включающие тяготеющие к ним малые города и сельские территории. Наряду с перспективными территориями в Стратегии определены и неблагополучные территории, к которым отнесены депрессивные сельские населенные пункты.

В целях эффективного использования социально-экономического потенциала регионов была утверждена Прогнозная схема территориально-пространственного развития страны до 2020 года (2011) [243]. Прогнозная схема содержит классификацию регионов по социально-экономическому потенциалу, а также основные направления территориально-пространственного развития, в том числе и в разрезе сельских территорий.

Параллельно с Прогнозной схемой была разработана программа «Развитие регионов на 2012–2020 годы» [244], в которую в 2013 году были включены разделы, связанные с развитием сельских территорий. В них были отражены результаты инвентаризации производственной, социальной и инженерной инфраструктуры сельских населенных пунктов, а также комплексные планы развития тех из них, которые были отнесены к опорным.

Анализ нормативно-правовых актов Республики Казахстан на предмет содержания в них сельско-территориальной проблематики в целом и дефиниции «сельские территории» в частности дает основание для вывода о том, что сельские территории рассматриваются в этих документах как среда обитания сельского населения, размещения сельских населенных пунктов, их инженерного и социального обустройства. Аграрный компонент в них присутствует эпизодически, без привязки к сельскому развитию. В целом можно сказать, что в нормотворческой практике этой страны преобладает территориальный подход в определении сущностных характеристик сельских территорий.

При анализе рурального дискурса европейской нормотворческой практики следует учитывать неоднозначность определения руральности в странах — членах ЕС, о чем свидетельствуют данные, приведенные ранее в таблице 1.1.

Многозначность европейского рурального дискурса связана не только с национальными особенностями отдельных стран, а и отражает, по мнению Х. Притулы, эволюцию подходов к идентификации сельских территорий табл. 3.1 [292, с. 32].

Таблица 3.1

Эволюция подходов к идентификации сельских территорий стран — членов ЕС

Подход	Территории, которые не являются «городскими» (отличные от городских)	Территориально-пространственное образование	Уровень интеграции территории с национальной экономикой	Уровень урбанизации	Многокритериальный подход
Критерии	Привязка к особенному использованию земли, уровню экономического благосостояния	Демографический критерий: — Плотность населения (NUTS 5) — доля населения региона, которое проживает в сельских общинах (NUTS 3)	Структура занятости населения Уровень диверсификации экономики Уровень развития инфраструктуры и т. п.	Плотность населения Количество населения	Приближенность к центрам деловой активности Состояние окружающей среды Уровень диверсификации экономики Величина миграционных потоков из сельских районов в города
Типы территорий	Все сельские районы	Преимущественно сельские регионы Относительно сельские регионы Преимущественно городские регионы	Экономически интегрированные районы Промежуточные районы Отдаленные сельские районы	Густонаселенные территории Промежуточные территории Слабозаселенные территории	Территории с сильным антропогенным и экономическим давлением Территории с деградацией сельских районов Маргинальные, труднодоступные (периферийные) территории
Разработчик	Совет Европы	ОЕСР	ОЕСР	Европейская комиссия (Евростат)	Европейская комиссия

Изучение европейской нормотворческой практики, в отношении руральной проблематики, имеет для Украины важное практическое значение. Соглашением об ассоциации с ЕС (раздел 5, глава 17 «Сельское хозяйство и сельское развитие») предусмотрено приведение политики сельского развития в соответствии с европейской идеологией.

В странах ЕС политика сельского развития постепенно сформировалась как самостоятельное направление в рамках Единой аграрной политики (ЕАП), которая осуществляется с 1962 года.

В 1975 году был создан Европейский фонд регионального развития для реализации программ помощи территориям, находящимся в неблагоприятных условиях. Начиная с 1979 года такая поддержка стала оказываться и сельским территориям. Толчком к формированию политики сельского развития, как составляющей региональной политики, стало принятие в 1987 году Закона о единой Европе. В документе Европейской комиссии «Будущее сельского общества» (1988 г.) подчеркивалась необходимость в процессе осуществления единой политики сельского развития перехода от секторального к территориальному подходу [140].

С расширением ЕС значительно возросла потребность в согласованности ЕАП и политики регионального развития, объектом которой являются разного уровня региональные неравенства.

Начиная с 2000 года в ЕС каждые шесть лет в рамках отдельных программ определяются задачи, размер, источники финансирования и пути реализации политики сельского развития. В целевой программе «Повестка 2000», рассчитанной на 2000–2005 годы и представлявшей план дальнейшего реформирования аграрной политики на указанный период, сельское развитие было признано вторым принципиальным направлением (первое — поддержка аграрных рынков).

В январе 2003 года министры сельского хозяйства стран ЕС одобрили реформу ЕАП на 2007–2013 годы. В данный программный период было упрощено финансирование, осуществляемое ранее из структурных фондов ЕС. Постановлением Европейской комиссии от 20 сентября 2005 года [469] был создан единый фонд для финансирования политики сельского развития в странах ЕС — Европейский сельскохозяйственный фонд для сельского развития (EAFRD). Для стран-кандидатов был сформирован отдельный фонд в рамках Инструмента поддержки вступления в ЕС (IPARD). Общее финансирование сельского развития на 2007–2013 годы было запланировано в размере 77,6 млрд евро или более 20 % от бюджета ЕАП Евросоюза.

Правила, изложенные в Регламенте Совета ЕС, сосредоточивались на следующих «тематических осях» политики сельского развития: повышение конкурентоспособности аграрного и лесного секторов; улучшение состояния окружающей среды и управления земельными ресурсами; обеспечение качества жизни в сельской местности и диверсификация сельской экономики [469, с. 277].

В декабре 2013 года законодательными актами была одобрена ЕАП на 2014–2020 годы, которой были определены такие цели политики сельского развития ЕС, как содействие конкурентоспособности сельского хозяйства, обеспечение устойчивого управления природными ресурсами, достижение сбалансированного территориального развития [495]. Среди основных отличительных характеристик ЕАП данного периода следует отметить следующие [496]:

- переход от поддержки производства отдельных видов продукции к прямой поддержке сельскохозяйственных товаропроизводителей;
- расширение программ поддержки сельского развития, диверсификация доходов в сельской местности;
- переход к политике «горизонтальной модуляции», предусматривающей увеличение бюджета на сельское развитие и расширение экологически безопасной деятельности за счет перераспределения части прямых платежей;
- выделение целевых субсидий на развитие депрессивных зон;
- поддержка специальных мероприятий агроэкологической направленности в процессе производства сельскохозяйственной продукции (органическое сельское хозяйство, экстенсивное хозяйствование);
- сохранение сельских ландшафтов, зеленых насаждений, лесопосадок, флоры и фауны.

Соответственно не только расширилась структура программных мероприятий и локальных программ развития сельских территорий в странах ЕС, число которых составило 118, но и увеличилось финансирование сельского развития из EAFRD до 95,6 млрд евро. В частности для такой развитой страны ЕС как Германия выделен годовой бюджет в размере 1,4 млрд евро [227; 496].

Директивами о Европейском фонде развития сельских территорий предусмотрено принятие мер в рамках национальных законодательств стран-членов ЕС, направленных на учет особенностей сельского развития каждой из европейских стран. Так, в марте 2008 года Федеральное правительство Германии создало объединенную рабо-

чую группу «Развитие сельских территорий» в составе сотрудников девяти отраслевых министерств, поручив ей разработать до конца года Концепцию Федерального правительства Германии по развитию сельских территорий (была утверждена в 2009 году). Первоочередное внимание в Концепции было уделено развитию периферийных регионов со слабо развитой инфраструктурой, стоящих перед угрозой экономического упадка из-за сложной демографической ситуации. Цель Концепции — обеспечить реализацию конституционного требования о создании равных жизненных условий во всех федеральных землях и на всех территориях. Для ее достижения предусмотрено принятие мер по [343, с. 122–125]:

- стабилизации экономической конъюнктуры и улучшению инфраструктуры в регионах;
- улучшению региональной экономической структуры в сельской местности, где она слабо развита;
- более четкому исполнению специфических отраслевых программ, нацеленных на развитие поселений со слабо развитой структурой, особенно сельских;
- постоянному улучшению аграрной структуры и дальнейшему развитию инфраструктуры сельских регионов;
- расширению доступа к широкополосной сети Интернет;
- созданию социальной инфраструктуры, обеспечивающей достойные жизненные условия;
- улучшению рыночных условий повышения образовательного уровня на протяжении всей жизни;
- достойной заботе о детях в соответствии с потребностями подрастающего поколения и предоставлении молодежи возможностей для самореализации в родном регионе;
- усилению мобильности всех групп населения;
- обеспечению медицинского обслуживания в непосредственной близости от места жительства;
- сбережению природных ресурсов и их долгосрочному использованию;
- усилению партнерских отношений между городами и муниципальными образованиями.

Ознакомление с опытом нормотворческой практики, регламентирующей европейскую руральную жизнедеятельность, свидетельствует о необходимости его творческого использования в Украине. Подтверждением данного положения является разработка соответ-

ствующего Проекта Регионального бюро ФАО для Европы и Центральной Азии (REV), датированного 2012 годом. Цель данного Проекта — оценка развития сельского хозяйства и сельских территорий в странах Восточного Партнерства (Грузия, Армения, Азербайджан, Беларусь, Молдова и Украина), осуществленного в соответствии с Европейской программой добрососедства в сельском хозяйстве и развитии сельских регионов (ENPARD) по инициативе ЕС в период с сентября по декабрь 2012 года. В этот же период, в ноябре 2012 года ЕС организовал форум — новую Группу по вопросам сельского хозяйства и сельского развития (Panel on Agriculture and Rural Development) для содействия обмена информацией и накопленным опытом между ЕС и странами Восточного Партнерства. На Региональном техническом семинаре (ноябрь 2012 года, Брюссель) при обсуждении условий создания и осуществления деятельности Группы по вопросам сельского хозяйства и сельского развития был сформулирован главный вопрос повестки дня — «Определение сельского развития», что отражает важность разработки единого и синхронизированного подхода в политике сельского развития стран Восточного Партнерства [228]. С нашей точки зрения, более важным является вопрос об учете различий в уровне социально-экономического развития стран ЕС и стран Восточного Партнерства, различной длительности исторического процесса преодоления существенных различий между руральными и урбанными территориями, а также об учете национальных и региональных особенностей сельского развития на уровне стран ЕС и стран Восточного Партнерства, между странами Восточного Партнерства и на уровне регионов каждой из стран. Следует также соблюдать корректность при использовании европейской научной терминологии в отечественной исследовательской практике. Речь идет, в частности, о нецелесообразности введения в научный оборот термина «сельские регионы», поскольку он не соответствует реалиям Украины, где каждый из регионов одновременно является и не является сельским, включая в себя сельскую и городскую составляющие.

При выработке консолидированной государственной политики развития сельских территорий Украины следует учитывать опыт других стран. Так, в западных странах, имеющих определенный опыт в этом отношении, исторически сложилось два типа сельской политики: американский и европейский. В первом из них предпочтение отдается поддержке только определенных центров экономической активности и прибыльности. Этот тип широко распространен и в

некоторых постсоветских республиках. Так, в Республике Беларусь указом президента утверждена Программа возрождения и развития села на 2005—2010 годы, в которой предпочтение отдается развитию так называемых базовых населенных пунктах (центральных усадеб сельскохозяйственных предприятий и центров сельских советов) — агрогородков, в которых динамично осуществляется жилищное, коммунальное и культурно-бытовое строительство, что дает возможность удовлетворять потребности и жителей небольших сел, прилегающих к ним, на уровне социальных стандартов, установленных государством [71, с. 53]. Тем же путем формируют государственную политику развития села и в Республике Казахстан. Здесь в основу Государственной программы развития сельских территорий на 2004—2011 годы положена идея селективной поддержки сельских территориальных образований, перспективных с точки зрения их значения для обеспечения жизнедеятельности человека и функционирования рынка. Учитывая, что 40 % населения страны проживает в сельской местности, а сельская экономика недостаточно диверсифицирована и представлена в основном АПК, в республике параллельно реализуется Государственная агропродовольственная программа [192, с. 143, 145]. Внедрение указанного подхода к развитию сельских территорий оправдано в Беларуси незначительными размерами страны, а в Казахстане — низкой плотностью населения.

В Российской Федерации предпочтение отдается европейскому типу политики развития сельских территорий, сущность которой заключается в поддержке и развитии всех сельских населенных пунктов как поселенческих центров и социальной среды сельских территорий, что обусловлено большим размером территории этой страны и многообразием природных, экономических, демографических, социально-культурных условий ее регионов, особенностями колонизации различных территорий, а также необходимостью сохранения сельского расселения как средства государственного контроля за этой подсистемой общества. В России сельскими территориями считаются населенные территории, находящиеся за пределами города, а это две трети площади страны, 39 млн человек (27 % от общего количества населения), 155,3 тыс. населенных пунктов [276, с. 127].

Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2002 утверждена федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2010 года», реализация которой требует 117,8 млрд рублей. Но только 10,5 % финансовых средств выделено из федераль-

ного бюджета, 43 % расходов отнесены на счет бюджетов субъектов Федерации, 46,5 % — на поступления от внебюджетных источников [90, с. 5]. Целью политики развития сельских территорий является снижение бедности населения, повышение уровня и улучшение условий его жизни. Достичь этого планируется за счет: развития в сельской местности сферы приложения труда, не связанной с сельскохозяйственным производством; создания льготных условий и упрощения процедуры открытия предприятий малого предпринимательства в сельской местности; освобождения сельскохозяйственных предприятий, других субъектов хозяйствования на селе от бремени расходов на социальную и инженерную инфраструктуру; возмещения расходов на содержание социальных объектов, переданных в муниципальную собственность, за счет региональных бюджетов и средств, предусмотренных на эти цели в федеральном бюджете; обеспечения социального развития сельских поселений [395, с. 20–21].

Приоритетные направления политики сельского развития России сведены к следующим: признание стратегической роли и многофункциональности сельского хозяйства; рост конкурентоспособности и эффективности сельского хозяйства; расширение альтернативной занятости на селе, прежде всего за счет стимулирования малого и среднего бизнеса; совершенствование управления сельской местностью; улучшение доступа сельского населения к рынкам продукции и ресурсов; развитие институтов гражданского общества на селе [275, с. 16–17].

Для Украины наиболее приемлемым является европейский тип политики сельского развития, что подтверждается весомыми аргументами. Так, в странах ЕС существуют два уровня аграрных территорий: локальный (сельский населенный пункт) — поселение с плотностью населения менее 100 человек на 1 км кв.; региональный (сельская территория) — сельский регион. Среди них различаются «четко выраженные сельские регионы» (с долей сельского населения в его общей численности более 50 %) и «сельские регионы» (с долей сельского населения 15–50 % численности всех жителей) [377, с. 35]. В подавляющем большинстве административных районов Украины доля сельского населения превышает 50 %. В 39 районах из 490 указанная доля укладывается в пределы 15–50 % («сельские регионы») и только в одном — Перевальском районе Луганской области — она меньше 15 %. В состав этого района входят 2 города, 10 поселков городского типа и 26 сел [368, с. 50].

Практика развития сельских территорий Европейского Союза получила свое институциональное оформление. Здесь с 1988 года действует Европейская рабочая группа по вопросам развития сельских территорий и восстановления села (ARGE), которая координирует сотрудничество государства, общественных институтов и бизнеса. С 2002 года Общая аграрная политика (САП) ЕС переориентировалась с поддержки сельского хозяйства на поддержку развития сельских территорий, а после Лиссабонского саммита ЕС (2005) в состав САП ЕС включена политика развития сельских территорий при сохранении ведущей роли аграрной политики.

В то же время на развитие сельских территорий все больше ориентируется политика регионального развития ЕС. Поддержка развития сельских территорий осуществляется также в рамках структурной политики и специфических программ. Например, целью программы LEADER является стимулирование развития сельских территорий за счет использования собственного потенциала. В странах Центральной и Восточной Европы успешно реализуется программа SAPARD, направленная на поддержание на должном уровне сельской жизненной среды.

Общее количество программ, направленных на развитие сельских территорий в ЕС, превышает 230, а их совокупное финансирование из общего бюджета превышает 52 млрд евро [69, с. 70].

На 2007–2013 годы в основу политики развития сельских территорий ЕС положены принципы многофункционального села и многофункционального сельского хозяйства.

Для Украины представляется полезным опыт Болгарии, где большое внимание уделяется децентрализации управления развитием сельских территорий, центральным звеном которых выступает административный район [502]. В Словакии большое внимание уделяется стимулированию развития маргинальных регионов за счет разнообразия их функций [475].

3.4. СУБЪЕКТЫ РУРАЛЬНОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА

Движущей силой, преобразующей институциональную среду руральной жизнедеятельности, выступают ее субъекты (организации в терминологии Д. Норта) — заинтересованные участники рурально-

го процесса, наполняющие (по определению) животворной силой. Речь идет о движущих силах, приводящих в действие институциональные нормы и правила, определяемые в научной литературе как институциональные факторы [269, с. 14], факторы «второй природы» [480, с. 39]. К ним относятся органы государственной власти, органы местного самоуправления, сельское население, представленное территориальными общинами и органами самореализации населения, субъекты хозяйствования, общественные организации. Среди перечисленных субъектов руральной жизнедеятельности, определяемых в теории управления как субъекты публичного управления, первые два наделены законодательно установленными полномочиями принятия решений, имеющих властный характер и формирующих институциональную среду.

Органы государственной власти осуществляют творчески-организующую, контролирующую и легитимно-принудительную деятельность. Управленческо-регулирующее влияние органов государственной власти на руральные процессы проявляется прежде всего в разработке и реализации соответствующей политики, стратегий, программ и планов развития, в непосредственном выполнении распорядительно-административных функций, связанных с обеспечением поставок на внутренний и внешний рынки сельскохозяйственного сырья и продовольственных товаров. Эта узко утилитарная роль органов государственной власти как субъектов руральной жизнедеятельности не соответствует их назначению как регулятора общественных интересов и активного участника социальных преобразований, осуществляемых с целью возрождения этих природных и социально-пространственных образований. Указанное несоответствие является следствием упрощенного представления о сельских территориях как исключительно о пространственном базисе размещения сельскохозяйственного производства и поставщике продовольственных ресурсов. Такой ресурсно-отраслевой подход к сельским территориям закрепился в соответствующих стереотипах поведения и политике государства, получивших свое отражение в неконцентрированном характере аграрных преобразований.

Необходимо учитывать, что полифункциональность этих природных и социально-пространственных образований имеет не только экономический эффект, а и обеспечивает воспроизводство общественно значимых функций, которые не всегда поддаются стоимостной оценке. В этом смысле сельские территории не только

гарантируют продовольственную безопасность, сохранение и поддержку жизнедеятельности села, а также способствуют сохранению агроландшафта, природно-заповедного фонда Украины и предупреждают проявления негативных тенденций техногенного характера. Речь идет об общественных благах, не оцениваемых по рыночным критериям эффективности, общественное значение которых пока не получило надлежащего признания.

Самоуправление как разновидность управления характеризует способность сельских общин, органов самореализации населения, общественных организаций, отдельных людей превращать жизнедеятельность в предмет собственного сознания и воли. У представителей общественных организаций предпочтения относительно идентификационных признаков сельских территорий прямо пропорциональны. Сопроводительные службы, сельские агентства, функционирующие за счет зарубежных фондов, органы самоорганизации населения, сеть которых является пока еще недостаточно широкой и слабо финансируемой, первоочередное внимание уделяют обустройству социальной среды. К тому же они не получают достаточной поддержки со стороны территориальных общин.

Субъекты хозяйствования в осуществлении управленческого влияния используют средства экономического влияния. Однако возможности такого влияния дифференцированы и зависят от экономического статуса данных субъектов. Хозяйства населения идентифицируют их с земельными участками и домохозяйствами, обеспечивающими удовлетворение личных потребностей на уровне простого воспроизводства.

Небольшие сельскохозяйственные предприятия и фермерские хозяйства позиционируют сельские территории как пространство, испытывающее дефицит финансовых ресурсов, сельскохозяйственной техники, кооперативных организаций, производственной инфраструктуры.

У представителей крупного бизнеса сельские территории ассоциируются с огромными массивами земельных участков плодородных сельскохозяйственных угодий, другими природными ресурсами, низкой арендной платой за землю. Такое одностороннее восприятие сельских территорий подтверждается целевыми деятельностью установками и поведенческой линией крупных агрохолдинговых компаний. Для крупных агропромышленных корпораций на первый план выходит экономический интерес, а значит величина

прибыли, социальная же, как и природная среда при этом отходят на второй план и расцениваются не более, чем фактор производства. Поэтому крупному товаропроизводителю не выгодно, с экономической точки зрения, развивать и поддерживать социальную инфраструктуру села.

Представители городского социума формально не связаны с какими-либо обязательствами по отношению к селу, поэтому они не рассматриваются нами в качестве субъектов руральной жизнедеятельности. Фактически у большинства из них по жизни сложилось потребительское отношение к руральным благам. Пожалуй, только горожанам в первом и втором поколениях присуще сострадательное отношение к сельской местности, проявляющееся в чувстве ностальгии по своей малой родине.

Субъектная составляющая рурального развития сдерживается управленческой практикой, сложившейся в Украине, которая связана с направленностью распределения функций, полномочий и компетенции субъектов управления сельскими территориями, исходящей не от народа как источника власти, а от властных институтов. По идее она должна осуществляться по такой схеме: гражданин (суверенный, самоуправляемый субъект) → территориальная община → органы местного самоуправления → районные органы государственной власти → региональные органы государственной власти → центральные и высшие органы государственной власти. Однако, учитывая дуализм публичной власти, на практике сложились два канала распределения властных функций. Первый — государственный, который действует на горизонтальном уровне в виде трех ветвей власти — законодательной, исполнительной и судебной. Исполнительная ветвь власти представлена в вертикальном срезе тремя иерархическими уровнями: районным, региональным и общегосударственным. Местное самоуправление также состоит из трех уровней — базового, районного и регионального. Их соотношение выглядит так: базовый уровень самоуправления (территориальные общины) → (органы государственной власти на этом уровне не представлены); районный уровень местного самоуправления (районные советы) ↔ районные государственные администрации; региональный уровень местного самоуправления (областные советы) ↔ областные государственные администрации; (органы местного самоуправления на данном уровне не представлены) ← Кабинет Министров Украины; центральные органы исполнительной власти общей и специальной компетенции.

По формальному признаку (место проживания) реальной преобразовательной силой руральной действительности должно быть сельское население, объединенное в территориальные громады. Именно суверенные граждане, проживающие на конкретной сельской территории, образуют общину, природным правом которой является управление делами данной территории. Совокупность таких громад формирует институт самоуправления, составляющий фундамент властной пирамиды и являющийся важным элементом гражданского общества. Сущность института самоуправления заключается в праве территориальной общины самостоятельно принимать управленческие решения и самой их выполнять, т. е. носитель самоуправленческих функций синтезирует объектно-субъектные отношения, выступая одновременно объектом и субъектом управления. Институт самоуправления, олицетворяемый территориальной громадой, интегрирует три субъектные функции: власти, гражданского общества, хозяйствования (рис. 3.3).

Рис. 3.3. Общественные отношения, осуществляемые через институт самоуправления

Именно на учете триединства важных общественных функций института самоуправления и построена современная отечественная самоуправляемая территориально-общинная модель децентрализации государственной власти. Исходя из этого, акцентируем внимание на наиболее актуальных проблемах процесса совершенствования общественных отношений в разрезе каждой функции института самоуправления.

В сфере производственно-хозяйственных отношений на территориальную общину возложена миссия формирования сельского экономического уклада в составе субъектов хозяйствования, функционирующих на ее территории. Призванием субъектов хозяйственной деятельности является расширение сферы занятости сельского населения за счет создания дополнительных рабочих мест. Систему производственно-хозяйственных отношений следует выстраивать на принципах самоорганизации и партнерства общин и субъектов хозяйствования. В налаживании этой системы отношений инициативу должны взять на себя представители бизнеса как исторические преемники провинциального дворянства, оставившего по себе добрую память в виде местных инициатив уездных земств XIX ст. В современной экономической литературе местные (локальные) инициативы рассматриваются как инструмент сельского развития, действующего «снизу». Превращение этого инструмента в генератор сельского развития предполагает организацию постоянного информирования и обучения различных категорий сельского населения. Этому способствует организация деятельности общественно-активных школ как формы партнерства между общеобразовательной школой, общиной и местными инструментами [68, с. 72, 73]. Передача предприятий социальной сферы в собственность органов местного самоуправления и прекращение их финансирования из государственного бюджета при дефиците местных бюджетов послужила толчком для создания на селе, с учетом бизнеса, социальных предприятий, приоритетом деятельности которых является развитие социально-культурной среды. Так, социальное предприятие «ЭМада» села Красный Луч Снежиревского района Николаевской области наряду с выращиванием овощей и фруктов осуществляет обеспечение продуктами питания по сниженным ценам местной школы и детского дошкольного заведения, обучает садоводству детей и взрослых, оказывает отдельным категориям населения бесплатные услуги [99, с. 45, 46]. Широким достоянием общественности стала разносторонняя инициативная деятельность сельского лидера из Тарутинского района Одесской области А. Палариева, возродившего в начале 1990-х годов в своем районе овцеводство, наладившего переработку продукции и выпуск мясной продукции, меховых изделий, а со временем разбившего виноградники, создавшего местный ботанический сад, парк с памятниками предыдущей эпохи, построившего отель с современным конференц-залом [363].

Совершенствование производственно-хозяйственных отношений, дифференциация видов экономической деятельности на селе, с усилением роли в этом процессе территориальных общин, способствуют структуризации социального состава населения как по демографическому, профессиональному, образовательному признакам, так и по уровню доходов, что позитивно сказывается на его общественно-политической активности. Одновременно усиливается направленность этой активности на осуществление территориальными общинами властных и политических функций. Однако эти функции на практике еще слабо реализуются, скорее носят номинальный характер и не являются адекватными природе общин в силу ограниченного характера общественной активности сельского населения. В этом смысле община выступает выразителем территориальных интересов и никого конкретно, что также связано с неразвитостью и слабо выраженной структуризацией сельского политикума. В регулировании общественных отношений на селе доминирующую роль играют не органы самоорганизации населения и даже не сельские советы, а органы государственной власти и органы местного самоуправления. При этом в общественно-политической жизни территориальных общин практически не используются такие формы участия сельского населения во властвовании, как местные референдумы, разработка нормативно-правовых актов, предусмотренных действующим законодательством и уставами общин.

Повышению роли субъектов руральной жизнедеятельности в формировании, адекватной современным требованиям институциональной среды, способствует налаживание действенного партнерства между властными государственными структурами, бизнесом и общественностью. В этом отношении особого внимания и поддержки заслуживает комплекс мер по развитию сельского хозяйства и возобновлению сельских территорий, предложенный В. Яровым, который включает в себя следующие направления [457]:

- поддержка малого предпринимательства через Украинский фонд поддержки предпринимательства, региональные программы развития малого предпринимательства;

- создание сети семейных ферм в сельской местности, превращение части хозяйств населения в современные товарные фермы, что способствовало бы повышению занятости и доходов сельского населения;

- развитие совещательной деятельности, создание обслуживающих кооператоров, кредитных союзов в сельской местности;
- распространение информации относительно прав, возможностей и рисков владельцев земельных участков в ходе формирования земельного рынка и ипотечного кредитования, развития в сельской местности системы досудового (третейского) разрешения споров, что будет способствовать защите имущественных прав крестьян;
- защита и сохранение окружающей среды, развитие «зеленого туризма, содействие сохранению и развитию культуры села;
- широкое приобщение общественных организаций к выполнению национальных социально-экономических программ и более активное участие сельских общин в разрешении проблем сельской местности.

Воплотить в жизнь подобные меры под силу только самоорганизованным сельским территориальным общинам, таким, например, как Фурсовская община Белоцерковского района Киевской области. Бесспорно, община имеет свои преимущества перед другими общинами по месту своего расположения в пригороде. У таких сел существуют свои риски, связанные с угрозой их «поглощения» городом. Отказавшись от объединения с городом, территориальная община села Фурсы пошла по пути интеграции с близлежащими селами, тем самым продемонстрировав свою самодостаточность. Сегодня на территории Фурсовского сельского совета функционируют более десяти общественных организаций, которые отстаивают интересы сельчан, получив расширенные полномочия, в частности право распоряжаться землями, находящимися за пределами населенных пунктов. Экономическую мощь общины демонстрирует бюджет сельсовета, доходы которого за 2005–2014 годы выросли в 8 раз и составили 4,7 млн грн. Его основу составляют поступления от налогов на доходы физических лиц. Предприниматели заняты не только созданием дополнительных рабочих мест в селах, а и занимаются обустройством объектов социальной сферы, являющихся местами общественного пользования — культурно-образовательного развития и отдыха [287].

Показательно, что председатель Фурсовского сельского совета Н. Фурсенко возглавляет Всеукраинскую ассоциацию сельских и поселковых советов (ВАСПС). ВАСПС как добровольное объединение местных органов самоуправления в Украине официально зарегистрирована в Министерстве юстиции Украины 5 сентября 2009 года

и объединяет более 8,5 тыс. соответствующих советов, имеет 25 своих региональных отделений, 7 исполнительных дирекций в областях. Четыре профильных комиссии ВАСПС участвуют в обсуждении законодательных инициатив, воплощают в жизнь обращения членов Ассоциации, тесно сотрудничают с профильными государственными учреждениями. В активе Ассоциации — участие в разработке законопроектов «Об объединении территориальных громад», «О рынке земли», создание общественного движения «Земля — народная собственность!», проведение Всеукраинского форума сельских и поселковых советов «Развитие сельских территорий — основа аграрной стратегии Украины» (2011 г.), конкурса «Лучшие практики развития сельских территорий» (2012 г.), разработка стратегии «Родное село» (2012 г.), основание научно-популярного издания «Вестник Всеукраинской ассоциации сельских и поселковых советов» (2013 г.). В 2010 году ВАСПС выступила вместе с Ассоциацией городов Украины и Украинской ассоциацией районных и областных советов соучредителем Национального конгресса местного самоуправления, целью которого является согласование совместных позиций по ключевым вопросам местного самоуправления, совершенствованию территориальной организации власти, местного и регионального развития. Ассоциация поддерживает деловые контакты с международными организациями, в частности участвует в программах Совета Европы «Усиление институциональной способности органов местного самоуправления в Украине», «Усиление местной демократии и поддержка реформ местного самоуправления в Украине» [320].

Для оказания помощи сельским территориальным общинам и органам местного самоуправления в налаживании устойчивой жизнедеятельности создаются различные организации с отраслевой направленностью деятельности. Среди них — Институт развития территориальных общин (ICDV), зарегистрированный в 2004 году и являющийся правопреемником Программы местных экологических действий (МЭП). Данная благотворительная организация с 2008 года является участницей проектов ЕС и немецкого банка KPW, направленных на адаптацию сельских территорий к изменениям климата, возобновление деградированных земель и внедрение практик устойчивого землепользования с учетом местных потребностей. Институт не только разрабатывает проекты, реализуемые в сферах сельского, лесного, охотничьего хозяйств и на природоохранных территориях, а и оказывает техническую поддержку органам местного самоуправ-

ления по разработке целевых политик, улучшению инвестиционного климата в общинах [105].

Обеспечению устойчивого развития аграрного сектора способствует деятельность общественного союза «Всеукраинский аграрный совет» (ВАС) — добровольного негосударственного объединения. Целью ВАС является представление и защита интересов членов союза, повышение уровня ведения сельского хозяйства до уровня ведущих европейских стран. Для реализации указанной цели осуществляются юридическая и информационная поддержка сельских товаропроизводителей, оказывается помощь в налаживании кооперативных связей в зерновом и молочном производстве [39].

Одной из наиболее опытных и авторитетных организаций, действующих в сельской местности, является Ассоциация фермеров и частных землевладельцев (АФЗУ), утвердившая Устав своей деятельности на III съезде фермеров Украины в 1992 году, претерпевший с той поры несколько редакционных изменений. На своем XXVII — чрезвычайном съезде, состоявшемся 28 февраля 2017 года, АФЗУ приняла Манифест, содержащий ряд требований по вопросам государственной аграрной политики, обращенных к Президенту Украины, Верховной Раде Украины и Кабинету Министров Украины. В Манифесте была выражена обеспокоенность членов Ассоциации по поводу осложнения условий деятельности фермерских хозяйств и личных крестьянских хозяйств, ведущих к их сокращению. Были указаны причины этого процесса: тенизация земельных отношений, рейдерство, коррупция, отсутствие государственной поддержки, усиление налогового давления. Была также выражена обеспокоенность в связи с захватом сельскохозяйственных земель крупным капиталом (агрохолдинги), безразличием власти к человеческому капиталу на селе, девальвацией духовных ценностей, нарастанием диспаритета между сельской местностью и городами [175].

Свою нишу среди общественных организаций, поддерживающих сельское движение в Украине, занимает Союз сельского «зеленого» туризма Украины, осуществляющий свою деятельность на протяжении двадцати лет. Союз объединяет 350 владельцев сельских усадеб, экспертов по вопросам «зеленого» туризма, волонтеров. За время своего существования Союзом разработано ряд нормативно-правовых актов, программ для владельцев усадеб, собственные продукты — «Украинская гостиная усадьба», «Зеленая усадьба», основан журнал «Туризм сельский зеленый», проведены всеукраинская ярмарка-вы-

ставка «Украинское село приглашает», конференции, тренинги и семинары, сформирована всеукраинская сеть усадеб сельского туризма. Становлению Союза способствовало участие в проекте ПРООН «Укрепление бизнес-объединений малых и средних предприятий, первые шаги по институциональному развитию организации» [367].

Специфическим субъектом руральной жизнедеятельности являются сельскохозяйственные совещательные службы, о чем свидетельствует процесс их становления и эволюции в Украине. Специфика эта заключается в том, что их нельзя однозначно отнести к государственным или общественным структурам. Их появление было вызвано изменением условий хозяйствования на селе в начале 1990-х годов, проведением реформ и, прежде всего, земельной в последующие годы. Поэтому не случайно совещательные службы первоначально стали появляться спонтанно как реакция на изменения в аграрном законодательстве и практике хозяйствования. Еще в начале 1990 годов в поселке Залищики Тернопольской области И. Децовским был создан один из первых центров информационного обеспечения фермеров. В 2000 году с участием проекта технической помощи программы TESIS Европейского Союза аграрная совещательная служба появилась во Львовской области, с центральным офисом во Львове и пятью районными офисами. В конце 1990-х годов при технической помощи Правительства Великобритании начали работать государственная сельскохозяйственная совещательная служба в Донецкой области, частное предприятие «Консалтагро» в Одесской области. В 1996 году идею создания совещательной службы в Винницкой области поддержал Университет штата Луизиана (США), отделения службы как сельскохозяйственные консультативные пункты функционируют сегодня во всех районах. Данные инициативы были поддержаны правительственными органами и в 1999 году в структуре Министерства аграрной политики Украины было создано управление сельскохозяйственных служб, на которое были возложены функции координации становления и развития этих служб, их законодательного и нормативно-правового обеспечения [384]. Так было закреплено огосударствление деятельности института сельскохозяйственного совещательства. Поэтому не удивительно, что в Концепции становления и развития сети сельскохозяйственных совещательных служб в Украине данный вид деятельности рассматривается как один из инструментов государственной аграрной политики, призванный способствовать развитию рыночной экономики в сельской местности, повышению уровня доходов и улучшению благосо-

стояния сельского населения [331]. А в практическом комментарии Закона Украины «О сельскохозяйственной совещательной деятельности» совещательные службы определены более нейтрально — как механизм возрождения села [92].

В соответствии со ст. 1 Закона Украины «О сельскохозяйственной совещательной деятельности» данный вид деятельности определен как совокупность действий и мероприятий, направленных на удовлетворение потребностей личных крестьянских и фермерских хозяйств, хозяйственных товариществ, других сельскохозяйственных предприятий всех форм собственности и хозяйствования, а также сельского населения по повышению уровня знаний и совершенствованию практических навыков прибыльного ведения хозяйства [330].

На повышение возможностей сельскохозяйственных совещательных служб в удовлетворении возрастающих потребностей отечественных товаропроизводителей и сельского населения в данного рода услугах направлена Концепция Государственной целевой программы сельскохозяйственной совещательной деятельности на 2006–2009 годы, в которой указывалось, что сельскохозяйственное совещательство является основным источником непрерывного пополнения сельскохозяйственных знаний и проведения научно-прикладных исследований. В Концепции цель Программы определялась как реализация государственной политики, направленной на удовлетворение потребностей сельскохозяйственных предприятий, личных крестьянских и фермерских хозяйств, а также сельского населения в углублении профессиональных знаний и совершенствовании практических навыков и повышении эффективности конкурентоспособного хозяйствования. К основным заданиям Программы были отнесены [318]:

- формирование сети сельскохозяйственных совещательных служб и системы распространения информации по вопросам аграрной экономики, технологий, управления, маркетинга, учета, налогообложения, права, экологии и пр.;

- обеспечение стимулирования прикладных научных разработок, содействие созданию информационных ресурсов, необходимых для эффективного ведения сельского хозяйства;

- организация развития современной инфраструктуры для обеспечения стабильного функционирования аграрного рынка;

- внедрение инновационно-инвестиционных методов хозяйствования;

– организация оказания услуг органам исполнительной власти и органам местного самоуправления по вопросам подготовки и выполнения планов социально-экономического развития сельской местности.

Учитывая, что за счет бюджетных средств предоставляются только социально направленные совещательные услуги, институт сельскохозяйственного совещательства следует развивать преимущественно на общественных началах и с территориальным акцентом, что будет способствовать повышению уровня и качества жизни сельского населения, а не только его профессионально-образовательного уровня.

Усилению общественных начал в руральной жизнедеятельности способствует создание самостоятельных организаций не отраслевой, а пространственной направленности. Одной из таких организаций является Институт сельского развития, созданный в 2003 году по инициативе экспертов проекта «Институт сельского развития» Программы повышения уровня жизни сельского населения в Украине. Эта независимая аналитическая структура, объединяющая экономистов, юристов, социологов, специалистов по государственному управлению, концентрирует свое внимание на комплексном развитии сельской местности. Целью Института является объединение, удовлетворение и защита общих интересов его членов ради содействия повышения уровня жизни сельского населения в Украине, развития сельского хозяйства, сельской местности и построения гражданского общества [290]. В соответствии с целью были сформулированы адекватные ей задачи и направления деятельности Института, характер которых свидетельствует о преимущественно просветительской функции данной общественной организации, пропаганде научных идей ее членов среди широких слоев сельской общественности. Среди форм работы Института преобладают организация и проведение общественных экспертиз и слушаний, рабочих семинаров, круглых столов, конгрессов, симпозиумов, конференций с участием членов организации, ученых, общественных деятелей, публикация научных работ, в которых затрагиваются актуальные проблемы сельского развития в Украине. Другое дело, насколько результативны эти мероприятия. По меньшей мере, как минимум, достигнута самореализация членов Института, идеи и предложения по вопросам сельского развития доведены до представителей властных структур, что соответствует целевой установке данной организации. Сельские же территориальные общины остались в большинстве случаев один на один с острыми повседневными проблемами сельской жизни. Для разрушения рутины равнодушия, сложившегося

на протяжении долгих десятилетий вокруг села, по-видимому, необходимы более мощные импульсы общественного движения, а главное — ресурсы как финансовые, так и людские, исходящие изнутри — от села.

В качестве новой организационной структуры, соответствующей перечисленным требованиям, может рассматриваться общественный союз «Украинская сеть сельского развития» (УССР), основателями которой выступили Всеукраинские общественные организации: «Ассоциация фермеров и частных земледельцев Украины», «Национальная ассоциация сельскохозяйственных совещательных служб Украины», «Союз содействия развитию сельского зеленого туризма в Украине», «Союз сельскохозяйственных обслуживающих кооперативов Украины»; Всеукраинская ассоциация органов местного самоуправления «Всеукраинская ассоциация сельских и поселковых советов»; Общественная организация «Платформа знаний — аграрное развитие и сельские инициативы». Всего в УССР входят 20 аграрных ассоциаций и еще столько же подали заявки на членство в ней. В отличие от предшественников новая сетевая организация объединяет усилия представителей сельского гражданского общества и академической общественности. Возглавляет организацию академик НАН Украины В. Геец — директор ГУ «Институт экономики и прогнозирования НАН Украины», а председателем ее Координационного совета является член-корреспондент НАН Украины Е. Бородина — известный в Украине исследователь руральной проблематики. Целью деятельности УССР является содействие становлению и осуществлению в Украине действенной политики сельского развития, формирование эффективных программ и проектов развития в сельской местности для сельских жителей. К основным задачам организации ее учредителями отнесены [444; 111]:

- создание новой идеологической платформы развития отечественного сельского хозяйства и села как государственной политики и национального приоритета не на словах, а в реальных действиях;

- предложение конкретных действий мероприятий и демонстрация практических примеров достижения поставленной цели, используя позитивный опыт, накопленный на местах: в селах, фермерских хозяйствах и общинах, а также в различных странах мира;

- создание возможности для наиболее полного отслеживания устремлений и интересов сельских жителей, обобщения их и представления на верхних этапах власти в виде конструктивных предложений;

- содействие реализации этих интересов при разработке и осуществлении социально-экономической политики государства.

В определенной мере формой институциональной поддержки руральной жизнедеятельности являются агентства регионального развития. В 2001 году в Украине была создана Ассоциация агентств регионального развития Украины (ААРПУ), которая объединила 17 агентств. ААРПУ была создана для системной реализации государственной региональной политики, динамичного сбалансированного развития территорий, гармоничного взаимосогласования государственных и местных интересов путем налаживания и поддержания эффективного взаимодействия центра и регионов, координации деятельности своих членов [12].

В начале 2000-х годов сформировалась и сеть агентств сельского развития. Как правило, местом их дислокации были центры административных районов, поэтому по определению они не могли претендовать на статус агентств регионального развития, хотя с организационной точки зрения они являлись составляющими этих агентств [186; 136].

С другой стороны, такое произвольное обращение с терминами в процессе создания общественных организаций, действующих на региональном уровне либо изучающих региональные процессы, является результатом отсутствия в течение длительного периода документов, регулирующих деятельность агентств регионального развития. Отсюда — существование агентств в разных организационно-правовых формах: благотворительных, общественных, исследовательских, коммунальных организаций, учреждений, предприятий. Достаточно также широк диапазон их деятельности, а ее результаты не являются впечатляющими, прежде всего из-за отсутствия достаточных инвестиций [98, с. 59].

Учитывая низкую эффективность деятельности агентств регионального развития, некоторые европейские страны (Великобритания, Чехия, Венгрия) отказываются от их услуг. Их функции выполняют обладающие значительным экономическим потенциалом «города-регионы» [2].

В условиях Украины агентства регионального развития, за исключением агентств, функционирующих в ряде административных районов Львовской области, непосредственно не занимаются решением проблем сельского развития. В круг их интересов не входит и задача преодоления внутрирегиональных диспропорций (между сельской и городской составляющими региона).

С принятием Стратегии регионального развития Украины на период до 2020 года (2014 г.) и Основных начал региональной политики

(2015 г.) правительство в 2016 году утвердило для эффективной реализации государственной региональной политики Типовое положение об агентстве регионального развития. В нем введены определенные ограничения, связанные с тем, что общественным организациям отведена лишь роль соучредителей агентств, возложив право их учреждения на органы государственной власти [316].

Эксперты предполагают, что наиболее стабильным источником финансирования агентств будут местные бюджеты, поскольку этим структурам предстоит заниматься разрешением проблем регионального развития. По сути на вновь создаваемые агентства регионального развития возлагается задача реализации Стратегии развития области через развитие Операционного плана области. На практике это будет означать не что иное как подмену ими функций областных государственных администраций и областных советов. В таком случае агентство регионального развития предстает как государственная структура (в Типовом положении относительно статуса агентства указано лишь то, что оно является не бюджетным учреждением). Более того, по замыслу одного из разработчиков Типового положения А. Гинкула, на агентства возлагается миссия сбалансирования интересов всех социальных групп и всех секторов регионов в единое развитое русло, мобилизуя усилия органов государственной власти, органов местного самоуправления, бизнеса и общественности [58]. Однако, на наш взгляд, для этого пока отсутствуют такие две важных предпосылки как взаимное доверие и источники финансирования, которые могут возникнуть только после реформатирования власти и реального экономического развития. А эти проблемы не разрешаются очередным росчерком пера. Необходима политическая воля и реальные дела мотивированных граждан. А пока что в регионах отсутствуют как Стратегии развития области, так и Операционные планы развития области. Иной вопрос — это порядок и пропорции распределения средств из Фонда регионального развития на сельское развитие. До сих пор, несмотря на наличие множества государственных программ, сельское развитие не стало приоритетным ни для государственных чиновников, ни для представителей бизнеса. Не дает таких гарантий и Типовое положение об агентстве регионального развития.

В сложившихся условиях остается обратиться к европейской практике субъектно-институциональной поддержки сельского развития со стороны не государственных структур.

Следуя логике изложения материала, обратимся к анализу деятельности Европейской сети сельского развития (ENRD), созданной Европейской комиссией в 2008 году с целью оказания помощи новым государствам-членам ЕС в реализации национальных программ развития сельских территорий. Соответственно членами ENRD являются соответствующие государственные сети сельского развития, государственные органы, организации сельского развития ЕС [471]. Структурным подразделением ENRD является Европейская сеть оценки сельского развития ENRD, созданная для оценки эффективности политики сельского развития. Состав учредителей и цели указанных организаций свидетельствуют о важности для стран-членов ЕС сельского развития, которое, в отличие от Украины, не является столь проблематичным.

Еще раньше, чем ENRD, была основана (1989 г.) Европейская ассоциация по вопросам сельского развития и обновления села (ARGE), являющаяся неформальным объединением представителей правительств, других неправительственных организаций, ученых и экспертов, специализирующихся на сельском развитии [503]. Сеть ассоциаций охватывает представителей 23 европейских стран, объединенных целью улучшения качества жизни сельских жителей, организации отдыха в сельской местности на основе расширения финансово-экономических возможностей территориальных громад.

Реализация политики развития сельского хозяйства и сельских территорий возложена на Генеральный директорат Европейской комиссии по вопросам развития сельского хозяйства и сельских территорий (DGAGRI). Структура Директората состоит из 13 директоров, занимающихся реализацией отраслевой и территориальной политики, и насчитывает 1 тыс. сотрудников [470].

Вопросами финансирования мероприятий, связанных с сельским развитием, занимается Европейский аграрный фонд сельского развития (EARDF), функционирующий как самостоятельная структура ЕС с 1997 года. Фонд выступает дополнительным каналом финансирования национальных, региональных и локальных инициатив, соответствующих приоритетам развития ЕС и отвечающих национальным стратегическим планам [472].

В ЕС созданы структуры, отвечающие за развитие тех или иных разновидностей сельских территорий. Так, Европейская ассоциация развития горных территорий (EVROMONTANA), насчитывающая 70 организаций из 14 стран, основана в 1996 году. Целью ее деятельно-

сти является содействие сохранению гор, их комплексному развитию и повышению качества жизни населения, проживающего в данном пространственном сегменте. В состав Ассоциации входят различные профессиональные организации, функционирующие на горных территориях, представители местных органов государственной власти, научно-исследовательские институты. EVROMONTANA тесно сотрудничает с FAO, принимает активное участие в разработке международных проектов развития горных территорий, национальных политик, имеющих отношение к горной местности, в проведении тематических конференций, семинаров, совещаний, других мероприятий, способствующих развитию горных территорий [473].

Укреплению гражданского общества и содействию межнациональному информационному обмену по вопросам сельского развития способствует деятельность Сети поддержки (партнерство ради сельской Европы) (PREPARE), созданной в 1999 году. Данная программа была ориентирована на развитие сотрудничества между субъектами сельского развития разных уровней в преддверии расширения ЕС за счет 10 стран Центральной и Восточной Европы [492].

Подобной основательностью характеризуется и подход к организации деятельности Европейской федерации совещательных служб (EFAC), являющейся независимой сетью отраслевых профессиональных организаций, основанной в 1997 году. Федерация объединила существующие в европейских странах независимые сельскохозяйственные совещательные организации. Деятельность EFAC сконцентрирована на решении таких задач [504]:

- достижение высоких профессиональных стандартов;
- развитие сотрудничества между совещательными службами стран-членов ЕС;
- установление постоянных связей между совещательными службами ЕС и мирового сообщества;
- обмен опытом и знаниями между членами Федерации, а также между ее сотрудниками и клиентами;
- поддержание контактов с другими учреждениями ЕС.

Для повышения роли и значения регионов Европы в 1985 году была создана Ассамблея европейских регионов (AER), объединяющая 270 регионов из 34 стран и 16 межрегиональных организаций. Ассамблея принимает участие в реализации региональных реформ, способствует сохранению и развитию разнообразия регионов, соблюдению принципов subsidiarity и демократизма в управлении

регионами. Главным направлением деятельности АЕР является сближение регионов по уровню их экономического развития, реализация политики сельского развития, охрана природной среды, региональное сотрудничество. Осуществлением мероприятий по сельскому развитию в составе АЕР занимается специально созданная рабочая группа [460].

Содействием инновационного сельского развития на локальном уровне по принципу: «снизу — вверх» способствует инициативе LEADER, на функционирование которой выделено 7 % средств бюджета ОАП [391, с. 306].

Сопоставление отечественной и европейской практик функционирования субъектов руральной жизнедеятельности свидетельствует об их несовместимости в разрезе деятельности как государственных структур, так и общественных организаций.

Прежде всего речь идет о несоразмерности уровня социально-экономического и культурно-бытового развития сельской местности ЕС и Украины. В этом отношении Украины отстает от ЕС на целую историческую эпоху.

Если в ЕС существуют страны-лидеры и доноры, готовые вкладывать средства в комплексное развитие села «новой Европы», то в Украине отсутствуют как «точки роста» рурального пространства, так и государственные инвестиции, необходимые для возрождения села. Отсюда — «ставка» на объединенные территориальные громады, большая часть из которых не имеет собственных ресурсов в условиях засилья на селе крупных аграрных холдингов и отсутствия интеллектуального капитала как источника их саморазвития.

В ЕС вопросами сельского развития занимаются организационно и финансово мощные межгосударственные, национальные, региональные и локальные структуры, составной частью которых являются и общественные организации, строго подотчетные и подконтрольные межправительственным органам и гражданскому обществу, деятельность которых осуществляется в рамках долгосрочных программ. В Украине фактически отсутствуют негосударственные общественные структуры, занятые решением проблем сельского развития. В иных случаях имеет место их финансирование зарубежными организациями.

Отсюда вывод один: для того, чтобы руральная жизнедеятельность окончательно не угасла, нужны государственные люди, государственные подходы и государственные средства.

Раздел 4

ЭВОЛЮЦИЯ РУРАЛЬНОСТИ

4.1. ЗАРОЖДЕНИЕ РУРАЛЬНОСТИ В АГРАРНУЮ ЭПОХУ

В данной части исследования руральность как состояние бытия рассматривается не столько в атрибутивном, сколько в релятивном контексте. То есть при анализе временной эволюции руральности основное внимание будет обращено на «отношенческий» аспект руральности.

Наиболее общее представление о руральности в контексте ее эволюции дает таблица 4.1.

Для аграрного общества характерна связь с природной основой эволюции человечества, которая все более утрачивается по мере развития научно-технического прогресса. Человечество постепенно погружается в мир «искусственной» культуры (техника и современные технологии), которая нивелирует социокультурные особенности, присущие традиционному обществу.

Вместе с тем, по данным некоторых исследователей [51], уровень душевого валового внутреннего продукта в Риме начала новой эры, в Ханьском Китае, в Индии при Чандрагупте принципиально не отличался от среднемировых показателей конца XVIII века. На протяжении указанного периода большинство жителей планеты (85–90 % занятых) работало в сельском хозяйстве. Сегодня же в развитых странах мира не более 10 % занятых в агропроизводстве обеспечивают общественные потребности в продуктах питания. Очевидно, что объяснение этому лежит в плоскости развития технологий, иных новшеств, внедряемых в сельскохозяйственное производство. Необходимо признать, что в отличие от формационной версии развития человечества, где переход от одной формации к другой происходит как правило в результате социальных движений и революций, цивилизационный подход основан на идее эволюционного развития социума. Безусловно, время аграрных цивилизаций не было эпохой технологического застоя: были изобретены тяжелый железный плуг, водяная и ветряная мельницы, удобрения, трехпольная система земледелия и прочее. В этом плане заслуживает внимания точка зрения Ш. Ито [478, с. 6,

Таблица 4.1

Ступени эволюции общественного развития и их характеристика

Критерии	Аграрное общество	Индустриальное общество	Постиндустриальный период
Основной производственный ресурс	Сырье	Энергия	Информация и знания
Тип средств производства	Ручные орудия труда	Машины	Информатика
Характер производственной деятельности	Добывание	Изготовление	Обработка
Технология	Трудоемкая	Капиталоемкая	Научоемкая
Ведущий сектор экономики	Земледелие	Индустрия	Наука
Доминирующее благо	Материальное благо	Товар	Информационный продукт
Тип детерминации человеческого поведения	Патриархальные традиции и внеэкономическое принуждение к труду	Материальные, денежные стимулы	Потребность творческого развития человека
Тип «общественного» человека	Традиционный (патриархальный) человек	«Экономический» человек	Творческий (социальный) человек
Доминирующий фактор экономической власти	Титул, который наследуется и поддерживается земельной собственностью, экономическими привилегиями	Предпринимательские способности	Творческие способности
Система власти (основная политическая сила)	Аристократия	Демократия	Меритократия (merit — заслуга, достоинство, качество, похвала)

8–9], который считает, что человечество как единое целое в своем развитии прошло через пять великих революций в следующей последовательности: антропная (1,5–5 млн лет назад); аграрная (5–11 тыс. лет назад); городская (в пределах IV–II тыс. до н. э.); «осевого времени» (между VIII и II ст. до н. э.) и научная (с XVII ст.). На наш

взгляд, в наше время можно отдельно выделить шестую революцию — информационную, которая начала набирать ход во второй половине XX ст. в наиболее модернизированных странах мира.

Для понимания сущности руральности, ее аграрного периода развития первостепенное значение имеет научное представление о природе и содержании аграрной (неолитической) революции, связанной со становлением земледелия, появлением стабильных земледельческих сообществ и формированием земледельческой государственности. Аграрная революция произошла вследствие одновременного совпадения нескольких факторов: перенаселенность территории, проявившаяся в увеличении плотности населения; наличие растений и животных, пригодных для доместикации; появление каменных серпов; переход к оседлому земледелию; складывание земледельческих общин и усложнение их социально-политической организации.

Применительно к аграрному обществу, сформировавшемуся в результате аграрной революции, для его родовой характеристики уместно использовать (в узком значении) термин «уклад», трактуемый как общественное хозяйство, по В. Ленину [152, с. 58] — патриархальное хозяйство, члены которого работают только на себя либо находятся в кочевом или полукочевом состоянии.

По мере эволюции человечества раннее аграрное общество приобретает признаки аграрной цивилизации, главными из которых были связь с землей, натуральный тип хозяйства, преобладание ручного труда, низкая мобильность рабочей силы, первобытнообщинный, рабовладельческий и феодальный общественный строй (в категориях формационного подхода). Использование цивилизационного подхода при оценке руральности позволяет выйти за отраслевые (аграрные) рамки ее сущности как общественного феномена. По О. Бессоновой [17, с. 13], институциональный архетип глобальной цивилизационной матрицы связывает в единое органическое целое биосферу, этносферу, техносферу и ноосферу. Осознать это единство в полной мере представляется возможным в пространственном измерении руральности. С точки же зрения временных параметров аграрная цивилизация длилась дольше других — от неолитической революции (IV—III тыс. до н. э.) до продуцирующего хозяйства, связанного преимущественно с полеводством, огородничеством, садоводством и животноводством (середина XVII ст.). В период аграрной цивилизации главным ее критерием и одновременно характеристикой руральности была связанность хозяйственной деятельности и жизнедеятельности

в целом с землей как одним из основных природных ресурсов. По мере непрерывной структурной трансформации общественной жизни, как точно подметил С. Ныммик [220, с. 7], происходит уменьшение связанных с естественно-исторической основой руральных и увеличение роли объемистых в овеществленном человеческом труде неруральных форм деятельности людей.

Эта связанность с земельной (природной) территорией и местом деятельности ослабевает в дедуктивной последовательности — от руральной к полуруральной и к неруральной.

Таким образом, во временном измерении руральность, как доминирующий образ жизнедеятельности, приходится на древнюю и средневековую эпохи, представленные первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной формациями, аграрным обществом, древними и традиционными цивилизациями. Однако, учитывая асинхронный характер смены «волн» (Э. Тоффлер), некоторые современные общества до сих пор пребывают на стадии аграрной цивилизации.

В представленной периодизации цивилизационного развития человечества не учтен так называемый «нулевой» период, определяемый как этап антропосоциогенеза, поскольку на этом этапе социокультурные детерминанты еще не вышли на уровень доминирования над биологическими, а среда обитания — не приобрела признаков руральности.

Вместе с тем становление господства человека над природой несет в себе угрозу для существования человечества, на что обратили внимание не только О. Шпенглер и В. Вернадский, а и современные авторы [213; 214; 91]. Такая угроза впервые возникла именно в аграрную эпоху в силу непосредственной связи хозяйственной деятельности с природной средой, на что обратил внимание в своем исследовании И. С. Ныммик [220].

Исторически меняющийся характер взаимоотношений социума и природы позволяет периодизировать и типологизировать цивилизационное развитие человечества по определенным экологическим критериям. В диссертационном исследовании Е. Новожиловой [214, с. 14] к таким критериям отнесены: зависимость от природной окружающей среды; тип экологического равновесия; степень преобразования естественных экосистем; ценностное отношение к природе; характер глобальных экологических проблем; энергетическая база общества; степень обладания веществом; информация и адаптационные возможности общества, которые, в совокупности с такими показателями как основная форма богатства, базовые технологии и

основные формы деятельности, составили аналитический аппарат описания исторических типов социально-экологических систем — экосистемные общества, биосферные общества и ноосферные общества (табл. 4.2)[214, с. 48].

Таблица 4.2

Сравнительная таблица исторических типов социально-экологических систем

Аналитические категории	Исторический тип социально-экологической системы		
	Экосистемные общества	Биосферные общества	Неосферные общества
Основные формы богатства	Земля	Материальные ресурсы, средства производства и предметы потребления	Информация во всех ее видах и формах
Базовые технологии	Аграрные	Индустриальные	Информационные и биотехнологии
Основные формы деятельности	Сельскохозяйственный труд и ремесло	Промышленное производство и коммерция	Приобретение нового знания и его технологическое применение и воплощение в новых орудиях и способах производства
Зависимость от природной окружающей среды	Очень высокая. Природа — независимая сила, которую люди не могут контролировать	Невысокая. Природа, перестав быть независимой силой, интегрирована в общество	Низкая. Среда рассматривается как подконтрольный человеку пул информации
Тип экологического равновесия	Между ресурсами и численностью населения при неизменной организации. Главная переменная — размеры ресурсной базы, численность населения — зависимая переменная	Между численностью и организацией. Размеры ресурсной базы стремятся к константе. Главная переменная — численность населения, организация — зависимая переменная	Между организацией и ресурсами. Численность населения стремится к константе. Главная переменная — организация, размеры ресурсной базы — зависимая переменная

Аналитические категории	Исторический тип социально-экологической системы		
	Экосистемные общества	Биосферные общества	Неосферные общества
Степень преобразования естественных экосистем	Начало антропогенизации экосистем. Создание квазиприродной среды. Изменения носят обратимый характер. Инструменты трансформации — domestикаты	Человек становится геологической силой. Радикальная перестройка естественных экосистем в глобальных масштабах. Создание артеприродной среды. Необратимые изменения. Инструменты трансформации — машины и механизмы	Человек становится планетарной биологической силой, осуществляющей направленную эволюцию. Создание рукотворной биосферы. Необратимые изменения. Инструмент трансформации — рекомбинантная ДНК
Ценностное отношение к природе	Я — Ты. Природа — Дом. Человек не может влиять на природные события; испытывает по отношению к природе страх и благоговение. Жизнь в расширенной семье биологических видов	Я — оно. Природа — источник сырья, дискретно извлекаемых ресурсов. Превосходство рукотворного неживого над естественным живым	Я — оно. Природа — пул информации, произвольно комбинируя которую, человек создает новые биологические формы, наиболее полно отвечающие его потребностям. (При более благоприятном сценарии социоприродного развития возможно Я — Ты)
Глобальные экологические проблемы	Заложены основы проблемы сокращения биоразнообразия планеты	Истощение ресурсов и загрязнение глобальных сред обитания	Вытеснение эволюционной биосферы рукотворной
Энергетическая база общества	Узкая энергетическая база. В основном используют энергию	Узкая энергетическая база. Используют энергию фотосинтеза	Широкая энергетическая база. Разнообразные источники

Аналитические категории	Исторический тип социально-экологической системы		
	Экосистемные общества	Биосферные общества	Неосферные общества
	текущего фотосинтеза. Увеличивается ее количество. Источники энергии немногочисленные, рассеянные, возобновляемые. Перманентный дефицит высококачественной энергии. Энергетические конвертеры — с/х растения и животные	прошлых геологических эпох в виде ископаемого топлива. Качественно новые виды энергии. Источники энергии концентрированные, невозобновляемые. Изобилие высококачественной энергии. Энергетические конвертеры — двигатели	энергии. Солнце, геотермальная энергия, водородное топливо, биотопливо и др. Многочисленные, возобновляемые. Энергетическая система общества гибкая. Постоянно обеспечивается необходимое количество высококачественной энергии
Степень овладения веществом	Изменяется форма предметов. Изменений химического состава нет или же они незначительны	Создание рукотворной неживой материи	Создание искусственной жизни
Информация	Объем информации невелик, прирастает медленно. Значительная ее часть представлена биологической формой. Передается через биологическое производство, в человеческих культурах — изустно. Хранится на внутренних носителях	Объем информации большой, постоянно возрастающий. Письменные культуры. Информация передается через обучение. Хранится в основном на внешних носителях	Объем информации огромен, растет в геометрической прогрессии. Виртуальная культура. Способы передачи информации различны, преимущественно — по компьютерным сетям в режиме онлайн. Хранится на разнообразных внешних носителях,

Аналитические категории	Исторический тип социально-экологической системы		
	Экосистемные общества	Биосферные общества	Неосферные общества
			быстро сменяющихся друг друга
Адаптационные возможности	Низкие	Высокие	Очень высокие

Ядро каждого из указанных типов социально-экологических систем составляет базовая технология, опосредующая характер и степень воздействия общества на природу, а также их взаимоотношения. В свою очередь типы этих систем взаимодействуют между собой, претерпевая определенные трансформационные изменения. Разработчик данной типологии не прибегает к аналогиям и сравнению типов систем с общепринятым делением истории цивилизационного развития общества на аграрную, индустриальную и постиндустриальную эпохи, а ограничился только указанием на то, что они представляют собой идеальные теоретические конструкции реальности, изменяющиеся по волновому принципу. А это означает, что одновременно на планете сосуществуют все перечисленные типы обществ [214, с. 17].

С нашей точки зрения, в предложенном подходе, несмотря на спорность и некорректность использования отдельных терминов, креативным представляется авторское описание экосистемного типа социально-экологической системы, соответствующего периоду аграрного общества. Учитывая недостаточную научную разработанность проблемы, связанной с объяснением причин зарождения аграрной цивилизации, в исследовании Е. Новожиловой заслуживает внимания ее версия формирования экосистемных обществ. Другое дело — это то, что оценкой аграрного общества как экосистемного не исчерпывается его системная характеристика. То же самое можно сказать и о формах распространения новых типов социально-экологических систем (завоевание, колонизация, миграция), которые не могут заменить собой эволюционный, самодовлеющий, автохтонный характер развития указанных систем.

Формирование аграрного общества Е. Новожилова связывает с переходом от присвоения даров природы к производству продуктов питания, который был вызван экологическим (аридизация климата

в Евразии и Северной Африке) и демографическим (рост народонаселения, превышающий возможности добывающего хозяйства). Гарантией экономической безопасности человека аграрного общества была его привязанность к земле, служившей местом проживания, занятости и источником получения средств существования. Такого рода привязанность порождала низкую миграционную активность и мобильность населения, социальную автономию и оторванность от внешнего мира. Внутренним стимулом развития аграрных сообществ были высокая рождаемость, превышающая смертность. Динамика роста населения регулировалась эпидемиями, сопровождавшими всю историю аграрного общества. В случае переизбытка населения аграрных деревень его избыточная часть мигрировала в города.

Заслуживают внимания и другие отличительные характеристики аграрного общества в редакции Е. Новожиловой, сведенные к совокупности аналитических категорий, приведенных в таблице 4.2.

В период аграрной эпохи руральность проявлялась в первую очередь как аграрность, поскольку основным способом производства материальных благ выступало земледелие. Земледельческие технологии являлись господствующими и формирующими специфическую техногенную среду, основу которой составлял синтез природы, человеческих сил и орудий труда, используемых человеком. По мере развития земледельческих технологий изменялся и характер взаимодействия техногенной и природной среды, участки земной поверхности все более приобретали производственный характер. Постепенно воздействие человека на природу приводило к преобразованию экосистем вследствие выведения окультуренных видов растений и животных, создания ирригационной системы, распашки земель, выруб-ки лесов, истощения поверхностного почвенного слоя. Со временем появились и неземледельческие технологии, позволяющие создавать изделия из металла и стекла. Человечество изобрело железный плуг, водяные и ветряные мельницы, трехпольную систему земледелия, удобрения.

Поэтому не случайно в научных справочных изданиях при характеристике руральных черт аграрного общества акцентируется внимание на системообразующей роли в данном обществе сельского хозяйства, преобладании в нем сельскохозяйственного производства, незначительном развитии либо отсутствии промышленности, слабой социальной дифференциации и преобладании сельского населения [378, с. 212].

Географы отмечают, что структурно-территориальные формы сельского общества и тенденции его развития — это результат сложного взаимодействия социально-экономических и природных факторов в разнообразных природных и общественных условиях. Исторически территориальная организация сельского общества более устойчива по сравнению с городской, но и она находится в процессе постоянных изменений [55, с. 348].

Безусловно эти изменения были менее динамичными в аграрную эпоху, чем в последующие эпохи, однако следует учитывать ее разнокачественность и разноизменчивость на протяжении десятилетиячелетней истории аграрного общества. Анализируя данный период развития человеческой цивилизации, Ю. Яковец отдельно выделяет в нем неопатическую цивилизацию, указывая на ее насыщенность радикальными преобразованиями. Во-первых, переход к воспроизводству искусственных средств существования, «второй природы», созданной в результате целенаправленной деятельности человека на базе трансформации взятых в первичном виде у природы естественного сырья и энергии, мог быть осуществлен лишь на основе качественного скачка в самом человеке. Человек окончательно разорвал пуповину, соединявшую его с матерью-природой. Это означало формирование первого этажа пирамиды общества, круг потребностей, способностей, знаний, навыков, интересов, человека как части общества. Во-вторых, в этот период сформировалась технологическая база общества, основанная не на естественном (половозрелом), а на общественном разделении труда. Можно говорить о существовании подразделений общественного воспроизводства (производства средств производства и предметов потребления), о выделении земледелия, скотоводства, ремесла и строительства. В-третьих, стала заполняться «квартира» этажа, представляющего экономический способ производства: реальностью стали общинная собственность на земли и стада, личная собственность на многие орудия труда; возникли начала обмена (сперва натурального), локальных рынков, на которых этот обмен осуществлялся. В-четвертых, развивалась социальная дифференциация по экономическому признаку, сформировались общины и семьи, занимавшиеся преимущественно земледелием и скотоводством; выделились искусные изготовители тканей, кожаных и гончарных изделий, неолитических орудий труда, строители. Однако государство и право еще не возникли. В-пятых, наполнился реальным содержанием пятый этаж пирамиды цивилизации, пред-

ставляющий духовный мир человека и общества. Без накопленных знаний и передаваемых из поколения в поколение трудовых навыков невозможно было осуществлять длительные, связанные с годовыми или многолетними циклами процессы воспроизводства в земледелии и животноводстве. Можно говорить о развитии древнем искусстве, о системе норм нравственности, регулирующих довольно сложные внутрисемейные, внутриобщинные и межобщинные отношения. Аграрную эпоху, в версии Ю. Яковца, дополняют раннеклассовая, античная, средневековая и преиндустриальная цивилизации [455].

Обоснованность предложенной Ю. Яковцом периодизации аграрной эпохи на указанные цивилизации подтверждаются научными разработками К. Ясперса — автора концепции «осевого времени». Ось мировой истории немецкий философ относит к периоду между VIII и II столетиями до н. э., когда в пяти отдельных, не связанных между собой самобытных культурах — греческой, иудейской, иранской, индийской и китайской состоялся духовных прорыв, связанный с обновлением духа, появлением современного типа человека. Это стало следствием деятельности пророков, философов и трагиков. В середине I тыс. до н. э. в Китае при активном участии Конфуция и Лао-цзы возникла целая философская школа. В индийской философии, как и в китайской, сформировались скептицизм, материализм, софистика и нигилизм. В Иране Заратустра разработал учение о борьбе добра со злом, в Палестине заявили о себе пророки Илия, Исая, Иеремия и Второисая, в Греции жили и творили поэт Гомер, философы Парменид, Гераклит, Платон, историк Фукидид, изобретатель Архимед [458, с. 32–33]. Тот творческий взрыв, который произошел в указанных культурах, привел к переоценке ценностей жизни, выходу человека за границы своего индивидуального существования, осознанию им своего назначения как самоценной личности, возникло рациональное мышление. Тем самым народы этих великих культур не просто произвели определенный прорыв, а заложили основы духовной сущности человечества, открыли качественно новый этап развития истории. Состоялось открытие того, что позже получило название разума и личности. Очевидно, что такой прорыв изменил не всех людей, а только их незначительную часть. Однако интеллектуальное и духовное общественное напряжение постепенно нарастало, превращаясь в стремительное движение, охватившее со временем все большее количество людей. При этом важно помнить, что все эти качественно новые преобразования про-

изошли в аграрную эпоху. А это означает, что руральность — это не только аграрный способ производства материальных благ, сельский образ жизни, а и духовно-нравственные основы жизнедеятельности человека аграрной эпохи, давшей толчок дальнейшему поступательному развитию человечества.

Сельское хозяйство как системообразующий признак аграрного общества было господствующей формой экономики европейских стран вплоть до XV ст. Его эволюция была тесно связана с феодальными отношениями. Поэтому целесообразно для полноты картины руральной жизнедеятельности аграрной эпохи прибегнуть к формационному подходу. В исторической, философской и социальной науках принято выделение хронологических рамок феодализма в Западной Европе, ограниченных V — первой половиной XVII ст. Отдельные авторы [445, с. 158] определяют его верхнюю черту XV ст., обосновывая это зарождением мануфактурного производства, давшего толчок развитию капиталистической формации. На ранней стадии феодализма (V—X ст.) господствовало натуральное хозяйство, удовлетворялись собственные потребности производителей и потребности феодала. Экономическая деятельность ограничивалась сельским хозяйством и ремеслом. На зрелой стадии феодализма (XI—XV ст.) происходило дальнейшее развитие сельского хозяйства, связанное с усовершенствованием орудий труда и системы земледелия, хозяйственных навыков крестьян, освоением новых земель, ростом народонаселения. С интенсивным развитием ремесел в XII—XIII ст. сформировался цеховой строй в городах, произошла внутренняя колонизация, развитие товарного производства, торговли и городов. В период распада феодального строя (конец XV — середина XVII ст.) с появлением мануфактур возникают первые зародыши рыночного хозяйства и индустриального общества.

Одним из признаков становления аграрного общества являются оседлый образ жизни, который традиционно связывается с сельскими поселениями. Однако города с доминирующими аграрными признаками существовали уже на ранних стадиях человеческой цивилизации. Наличие городов в аграрную эпоху не мешало историкам экономики считать ранний феодализм «цивилизацией сельского общества [445, с. 179]. Эту точку зрения отстаивали еще экономисты конца XIX ст. В частности М. Туган-Барановский подчеркивал, что докапиталистическая Англия представляла собой «чисто земледельческую страну, совсем не ведущую самостоятельной внешней тор-

говли. В ней около сотни городов, но большинство городов мы бы назвали крупными деревнями. Одним из главных занятий является земледелие... Деревня безусловно господствует в экономической жизни страны» [401, с. 19]. Более того, тенденция к натурализации хозяйства ослабляла роль городов как экономических центров, что проявилось в превращении Европы из Европы городов в регион, основанный, по определению М. Вебера [40, с. 25], преимущественно на «аграрном строе». Тем не менее, как указывает М. Кирчанов [115, с. 79], преобладание аграрной экономики не доказывает того, что она была статичной. Существование аграрных регионов и городов содействовало значительным трансформациям как первой, так и вторых. Средневековая история подтверждает наличие различных форм взаимного влияния города и деревни, что способствовало значительным трансформациям сельских территорий, связанных с их периферизацией, проявившейся в ослаблении роли сельского хозяйства и ростом экономического значения городов.

Определяющим фактором выделения города из сельской местности аграрного общества, ослабившим процесс его рурализации, является разделение труда. Как отмечал Ф. Бродель, «не существовало города без неперемного разделения труда и не бывало сколько-нибудь продвинувшегося разделения труда без вмешательства города» [36, с. 509–510]. В результате разделения труда, согласно Л. Рейснеру [346, с. 9], город формируется не только как преимущественно торговое и ремесленное расселение, а и как центр сосредоточения власти и управления, культуры и идеологии, налогообложения и защиты «своей» территории.

Иным фактором, способствующим отделению города от окружающей его территории, насыщенной аграрными видами деятельности, являлся рынок, меновые отношения.

Для этого в городе, как отмечает О. Большаков, «существовало свыше 100 торгово-ремесленных специальностей и десятки специализированных базаров... чем больше был город, тем уже специализация» [28, с. 188–189].

Также значимым фактором выделения городов из сельской местности была концентрация в них населения. Так, в доиндустриальный период в европейских городах проживало от 100 до 275 тыс. человек, что составило от 5 до 10 % от общего количества населения. В городах доколониального Востока эти цифры составляли от 500 до 1500 тыс. жителей (15–20 %) [346, с. 12].

Роль городов в дерурализации территории, занимаемой современной Украиной, имеет отличительные особенности, связанные с тем, что эта тенденция, в отличие от средневековых Европы и Востока, была слабовыраженной. Л. Нагорная по этому поводу отмечает, что в дореволюционный (до 1917 года) период на юге и востоке Украины был заложен фундамент для формирования многонациональной (а по сути безнациональной) промышленной среды, в которой города становились ячейками российских влияний и российской в своей основе культуры, поскольку рабочая сила в промышленности формировалась преимущественно за счет «пришлых» работников-неукраинцев. Украинцам же были присущи привязанность к земле и отвращение к жизни в урбанизированной среде, поэтому украинские семьи охотнее переезжали на необжитые земли, чем пополняли ряды работников создававшихся рядом с их жилищами заводов [195, с. 117]. Такое поведение украинского крестьянства Я. Бойко объясняет тем, что оно в своей деятельности долгое время отдавало предпочтение земледелию, животноводству и сопутствующим промыслам [26]. Необходимо отметить, что тенденция «отстаивания» уровня урбанизованности вплоть до начала XX ст. была характерна не только для украинского этноса, а и для всех жителей империи, частью которых была значительная часть украинских земель. Рассматривая, в частности, причины этого явления, характерные для украинцев, П. Герлихи указывает на два сопутствующих этому фактора: руральную ментальность данного этноса; стремление российского имперского правительства заселять формирующиеся украинские города русскими [477, с. 135]. По подсчетам А. Каппелера [110, с. 304], в 1897 году в целом по Российской империи по уровню урбанизации (5,61 %) украинцев опережали евреи (49,42 %), таджики (29,5 %), немцы (23,38 %), армяне (23,25 %), сарты (21,06 %), поляки (18,35 %), греки (17,99 %), латыши (16,05 %), русские (15,85 %), эстонцы (13,92 %), узбеки (12,63 %), татары и азербайджанцы (11,29 %), грузины (9,41 %), болгары (8,32 %), румыны (5,72 %).

Анализируя причины исследуемого явления, нельзя не согласиться с точкой зрения историков [365, с. 12], его комплексом факторов. Кроме сельской ментальности украинцев, их природной тяге к труду на земле, характера политики Российского имперского правительства, они отличают сложившуюся экономическую конъюнктуру, конкуренцию со стороны мигрантов-неукраинцев, уровень подготовленности украинского населения к выполнению квалифицированного труда на промышленных предприятиях и др.

Обращение к истории развития городов в аграрную эпоху, их взаимосвязи с руральной средой в географическом и этнографическом измерениях свидетельствует об их неоднозначной роли в процессе дерурализации не только в силу их различной функциональности на тех или иных отрезках времени, а и вследствие дискретного характера эволюции данного типа поселений. Кроме этого, следует учитывать и роль внешнего фактора в трансформации аграрного общества (вначале — варварские завоевания, миграция, а позже — колонизация).

В исторической литературе [66; 29; 76; 366] процесс феодализации Европы связывается с завоеванием Римской империи варварской периферией, сопровождаемым увеличением числа сельского населения, упадком античных городов, общей аграризацией экономики, распадом рабовладельческой модели римской экономики. Несмотря на сходство экономик империи и варварских племен, в которых доминировала их аграрная составляющая, варвары были не урбанизированными. Экономика варваров развивалась как преимущественно архаичная и характеризовалась доминированием таких традиционных институтов как родовая общность, племенное войско и деревня. Важным институтом, регулирующим экономические (преимущественно земельные) отношения, была община, поскольку экономика функционировала как натуральная, а большинство населения составляло крестьянство. Крестьянство находилось в экономической зависимости от феодалов, испытывая пресс внешнеэкономического принуждения. Повышению роли в экономической жизни аграрной периферии способствовало и ослабление по сравнению с позднеантичным временем в период раннего средневековья экономической составляющей в функционировании города, сохранившего за собой религиозные, политические и военные функции. На территории аграрной периферии работало правило, отмеченное Ж. Ле Гоффом: «города, чтобы зародиться, нуждались в благоприятном сельском окружении» [151, с. 76]. Однако подобному благоприятствованию мало способствовали постоянные вспышки эпидемий, инфекционных заболеваний и крестьянские восстания, ставшие спутниками средневековья. Свой вклад в аграризацию хозяйственной жизни внесла церковь, не поддерживающая свободную торговлю между городами и играющая ключевую роль в феодализации поземельных отношений.

Если в западной части Европейского континента в результате нашествия варваров экономические институты (государство, города)

были подвержены эрозии, то в ее восточной части (Византия) экономика до XIII ст. развивалась с активным участием городов, хотя впоследствии они пришли в упадок и культурно трансформировались в османские [112]. Восстановление западноевропейскими городами статуса экономических центров к XV—XVI векам было связано главным образом с действием внешнего фактора — географического и торговой конъюнктуры. Анализируя последствия влияния города на процесс дерурализации средневековой Европы, М. Кирчанов [115, с. 83—84] указывает на его первичную и вторичную урбанизацию. Первая из них протекала преимущественно в германских и славянских регионах, не узнавших в своей истории романизации, неотъемлемым социальным и экономическим атрибутом которой был город. Вторая прошла в романских регионах, где города достаточно быстро трансформировались из «аграрных» в финансово-экономические центры. Аккумулировав в себе зачатки проторыночных отношений, связанные с развитием наемного труда, аренды, ростовщичества, города превратились в центры экономической жизни, тем самым способствовав в дальнейшем эволюции аграрного общества с его руральной доминантой.

Таким образом генезис руральности в исследуемый период характеризуется определенными различиями как во временном, так и в пространственном измерениях, происходящих в рамках одного континента. Не одинаковую роль в этом процессе играли и города, значение которых в экономической жизни аграрного общества было распределено неравномерно и имело региональные отличия. В целом же Европа до середины XVII ст. развивалась в значительной степени как рурализованный континент, большую часть производителей которого составляли крестьяне, экономика носила преимущественно аграрный характер, а в поселенческой структуре преобладали сельские населенные пункты. Не случайно в зарубежной, в частности французской историографии (школа «Анналов») средневековая история предстала как преимущественно «аграрная» (М. Блок) [24]. А современные российские историки период аграрной истории России датируют началом XX ст., определяя ее окончание в целом как крестьянскую цивилизацию [14]. При этом генезис и последующая эволюция данного типа аграрного общества отражали общую периодизацию истории российского общества, включающую четыре больших периода: древнерусский (IX — 40-е годы XIII ст.); политической зависимости от Золотой Орды (40-е годы XIII ст. — 1480 год); Мо-

сковского государства (1480 год — XVII ст.); имперский (XVII — начало XX ст.).

Территории современной Украины, являющиеся на протяжении длительного периода времени аграрными провинциями Российской, Австрийской, Австро-Венгерской империй, Польского государства, иных государственных образований, оставались вплоть до начала XX ст. руральными по способу производства материальных благ и образу жизнедеятельности. То есть хронологические рамки аграрного общества для украинских земель, находящихся в разном государственном подчинении, «растянулись» во времени на два с половиной столетия по сравнению с государствами, относящимися к западноевропейской цивилизации.

4.2. ТРАНСФОРМАЦИЯ РУРАЛЬНОСТИ В ИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

Использование термина «трансформация» по отношению к руральности как к определенному состоянию общества имеет целью не только раскрыть ее изменчивость во времени в результате естественного и объективного характера развития общественного процесса, а и продемонстрировать заинтересованное участие в разноплановых преобразованиях аграрного общества новых социальных групп и сопротивление общественным изменениям основных классов доиндустриального общества. Для этого следует использовать аналитические категории, заимствованные из арсенала формационного подхода: «феодализм», «капитализм», «буржуа», «дворяне».

О сложности становления и длительности процесса утверждения в рамках аграрного общества свидетельствует череда революций — английской промышленной (1640-е годы), идеологической (Великая Французская 1780–1790-х годов) и политических революций в Европе (середина XIX ст.), утвердивших новый общественный строй (капитализм). Таким образом, из трехсот лет, вмещающих индустриальную эпоху, двести приходится на процесс борьбы «старого» с «новым», т. е. феодализма и капитализма. Поэтому было бы неоправданным объяснять изменения в различных сферах европейского общества второй половины XVII — первой половины XX ст., и прежде всего в способе производства материальных благ и образе жизнедеятельности только эволюцией эко-

номических отношений, изменениями в уровне развития техники и технологий.

Поскольку объектом исследования является руральность как способ жизнедеятельности, который непосредственно связан с природной средой, целесообразно в первую очередь проанализировать процесс биосферизации аграрного общества, сопровождаемый вытеснением аграрной деятельности промышленным производством, коммерцией и утверждением биосферного общества [214, с. 28]. В результате этого процесса коренной перестройке подверглась природа, окончательно интегрированная в сферу общественных отношений. Земля, некогда служившая человеку домом, как отмечает К. Поланьи [280, с. 199–200], в результате рыночной мобилизации отделились от человека и превратилась в товар.

В новом обществе, пришедшем на смену экосистемному обществу, отделение земли от человека привело к сокращению удельного веса аграрного труда, который все более вытеснялся трудом индустриальным и занятиями торговлей. Поскольку новые виды хозяйственной деятельности концентрировались в городах, это способствовало усилению не только деаграризации занятий, но и дерурализации жизнедеятельности. На смену власти природы пришла экономическая власть, которая олицетворялась с экономическим типом человека, материально мотивированного и наделенного предпринимательскими способностями. В производственной деятельности человека используются качественно новые виды энергии, приводящие в движение механизированные средства производства, тем самым человеческий труд превратился из трудоемкого в капиталоемкий.

Промышленная революция превратила ископаемое топливо в основной источник энергии, используемой преимущественно не в аграрных видах деятельности. Но все же поначалу большая часть энергии зависела от биомассы и производилась в сельском хозяйстве.

Переход от экосистемного общества к биосферному обществу (в терминах Е. Новожиловой) породил внутренний конфликт личности (между ее природными и искусственными устремлениями), проявившийся в отношении «раздвоенного» человека («экосистемно-экономического») к происходящим изменениям в сфере хозяйствования. Нарастающее ослабление человеческого чувства сопричастности к изменяющейся природе породило состояние безответственности человека за процесс биосферизации общества. В результате иллюзорного представления о независимости человека от его естественного

окружения появились первые экологические проблемы, связанные с отставанием восстановительных ритмов природы от возрастающих экономических потребностей общества [482, с. 224; 493, с. 43]. Отдалению человека от его естественного (природного) окружения способствовало все возрастающее использование технологий, под воздействием которых человек вышел за пределы ранее привычных ему экосистем, начав рассматривать последние как резервуар для достижения экономических целей.

Возрастала не только власть человека над природой, но и власть капитала (материальные ценности, денежные средства) над человеком. Крестьянин уже не ограничивался функцией самообеспечения, а вынужден был подчиниться законам рынка, превращая свою продукцию в товар. Тем самым экологическая безопасность сменилась вещественной безопасностью (материальной и денежной).

Разрушение общинного землепользования при нарастающем индивидуальном владении землей, происходящем на фоне роста городов как следствия развития промышленности и торговли, в условиях демографического подъема способствовали обезземеливанию крестьян, аграрному перенаселению и оттоку сельского населения в города, которые испытывали спрос на рабочую силу. Такое состояние общества в науке определяется как демографический переход — переход от «расточительного» воспроизводства к «сберегающему», от количества к качеству. За демографическим переходом стояли глубокие социально-экономические трансформации. По сути он совпал с переходом от замкнутых самодостаточных обществ-общин, основанных на аграрной деятельности и натуральном обмене, к открытым не самодостаточным обществам-национальным государствам, в которых первенство перешло к индустрии и коммерции. Радикальные изменения претерпела семья. Она перестала быть основной хозяйственной единицей и передала производственные функции надсемейным структурам. При этом кардинально изменился тип семьи: из расширенной и многодетной она превратилась в компактную и малодетную [214, с. 217].

Демографический переход и связанный с ним естественный прирост растянулся в странах, вставших на этот путь ранее других, на два столетия. В результате этого в городах было достигнуто воспроизводство населения без участия сельских мигрантов. Образовавшиеся таким образом изменения сельского населения оказались не востребованными не только в городах, а и в сельской местности.

Перенаселенность уже в XVIII ст. обострила проблему территориального размещения населения, поскольку его рост сопровождался отсутствием свободных земель для внутренней колонизации. В этих условиях прибегли к завоеваниям, создав империю, охватившую значительную часть Европы. Британия использовала миграцию и индустриализацию. Экспортируя людей — вооруженных и безоружных и товары, она создала поддерживаемую рынком систему власти более жизнеспособную, чем наполеоновская империя [484, с. 186–208].

Подобную перенасыщенность столетием позже испытала и Россия. В отличие от европейских стран Россия располагала обширными пространствами для колонизации. Если из европейских стран эмигрировало 30–50 % населения, составлявшего естественный прирост, то в России эмиграция и перенаселение внутри империи поглощали не более 15 % [354, с. 134].

Подобные процессы стали ответом на перенаселенность и оказались возможными из-за оторванности значительной части населения от земли и разрушения общинного способа жизнедеятельности, что явилось свидетельством деаграризации и ослабления рурального способа жизнедеятельности.

В результате индустриализации в европейские межконтинентальные миграционные потоки за период 1850–1914 годов было вовлечено около 50 млн человек [421, с. 345]. Наименьшую миграционную активность проявляли беднейшие страны и беднейшие слои населения, большинство которого составляли крестьяне. Это способствовало не столько консервации аграрного производства, сколько его нежизнестойкости.

Формирование материальных основ индустриального общества — фундамента всемирного капиталистического хозяйства в последней четверти XIX ст., как небезосновательно считает Н. Нарыкова [196], фактически не совпадало по времени (до 1880-х годов) с процессом подключения к нему капиталистической модернизации сельского хозяйства, продолжающего основываться на ручном труде. Эта ситуация в какой-то мере связана с консерватизмом крестьянской психологии. Крестьянин, хозяйствующий на земле или имеющий земельную собственность, оказавшись в атмосфере новой эпохи, вынужден был формировать соответствующую «философию выживания». Процесс же капитализации в форме первоначального накопления капитала требовал активного проявления личной инициативы. Вместе с тем эта инициатива сдерживалась отставанием и медленными темпа-

ми технического и технологического прогресса в сельскохозяйственном производстве.

В то же время нельзя не отметить, что темпы индустриализации находились в прямой зависимости от уровня развития сельского хозяйства. Ведь в реальности экономическое развитие индустриального общества происходило постепенно по мере накопления доходов в сельском хозяйстве. Как ни парадоксально, но доля сельского хозяйства в экономике индустриального общества, число занятых в ней были обратно пропорциональны темпам аграрного производства: чем более развитой в аграрном отношении была та или иная страна, тем быстрее осуществлялась ее индустриализация, следовательно тем более зависимой от промышленности становилась аграрная экономика.

Вместе с тем индустриальное производство усиливало линию разрыва с аграрным производством по масштабу ресурсопотребления, а следовательно — уровню отрицательного типа природопользования. Индустриальное развитие существенно преобразует структуру географического пространства, усиливая его разделение по всем видам использования. Как отмечает С. Сонько, вследствие развития промышленных технологий произошло усложнение организации территории за счет дополнения ее руральных структурных элементов урбальными, образующими механизм экстенсивного использования ресурсов. В структуре географического пространства четко проявилась его дифференциация на поселения, сельскохозяйственные земли, инфраструктуру. Традиционному аграрному обществу с его минимальным ресурсным потреблением противостояло индустриальное общество с экстенсивным типом освоения ресурсов [374].

Если аграрное общество представляло собой «сырьевой» сценарий развития цивилизации, то индустриальное — преимущественно промышленный. Тем самым было положено начало сосуществованию аграрного и индустриального способов производства материальных благ, рурального и урбанного образов жизнедеятельности.

Однако для полноты анализа руральности в индустриальную эпоху недостаточно простой констатации сосуществования аграрности и индустриальности, руральности и урбанности. Следует указать на доминирование в указанных парных тендемах вторых их составляющих — индустриальности и урбанности. Не отрицая самодостаточности аграрности и руральности, все же заметим, что их динамичность определялась научно-техническим и социальным прогрессом, источник которых находился в индустриальной сфере и в городах. Тех-

нические новшества сыграли позитивную роль в аграрном развитии, прежде всего в замене ручного труда на машинный. Кроме механизации сельскохозяйственного производства косвенное влияние на товарный характер аграрного производства, его коммерциализацию имела техническая революция в средствах коммуникации, удешевившая и ускорившая транспортировку продукции железнодорожным и водным путями. Это наглядно продемонстрировал немецкий аграрный экономист Г. Руланд. По его наблюдениям, расходы по перевозке хлеба после постройки европейских железных дорог, по сравнению с началом 1860-х годов, уменьшились с 75 пфеннигов (пф.) за тонно-километр до 4–5 пф. При таком тарифе тонна хлеба стоимостью в 80 марок выдерживает перевозку на расстоянии свыше 5 тыс. км, тогда как по «дорогам старого времени» тот же груз при тех же издержках мог быть перевезен на расстояние немного больше 100 км. Если в 1820 году доставка хлеба морским путем из Одессы в Англию занимала 240 дней, то к началу XIX ст. грузовой пароход совершал рейс из Черного моря в английские порты примерно за 20 дней. В период 1860–1870 годов вместимость океанских парусных судов не превышала 1 тыс. тонн груза [196].

Новые возможности транспортных перевозок способствовали интенсификации переселенческих потоков и интернационализации колонизационных процессов с вектором направленности из Европы на американский континент. За XIX ст. из Европы эмигрировало более 28 млн человек [196].

Индустриализация и коммерциализация преобразовали сферу производства и торговли, где накопление капитала происходило более ускоренными темпами, чем в сельском хозяйстве. Существенные изменения произошли и в системе расселения. Наиболее быстрыми темпами развивались промышленные центры и портовые города, имеющие выход на внешние рынки. Одновременно значительным трансформациям была подвергнута сельская местность, характеризующаяся нарушением традиционной системы расселения и разрушением патриархального уклада жизни. Здесь не только не получили широкого применения достижения технического прогресса, крайне медленно формировался социальный слой предприимчивых людей, низкими темпами осуществлялся товарный обмен, но и происходило вымывание трудовых ресурсов, их перемещение в города. Указанные явления способствовали уменьшению человеческого и социального капитала в сельской местности. Большая часть предприимчивых лю-

дей оставляла ее, устремляясь в города. Исчерпывался основной актив сельской местности — природный капитал, поскольку индустриализация усилила не только экономическую амортизацию сельской местности путем передачи добавленной стоимости, создаваемой здесь, а и хищнически использовала ее земельные и лесные ресурсы. Развивающиеся города требовали вложения огромных средств и их перераспределения для осуществления жилищного строительства, объектов инфраструктуры, создания рабочих мест на промышленных предприятиях. Несмотря на расширение спроса на товары сельскохозяйственного производства, связанного с ростом городов и увеличением количества городского населения, доля сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте неуклонно сокращалась, что в свете теории трех секторов экономики (А. Фишер, К. Кларк, Дж. Фурастье) было связано с меняющейся ролью отдельных секторов в исторически рассматриваемом процессе развития экономики, в частности уменьшением важности сельскохозяйственного сектора на фоне увеличения промышленного сектора.

Главной социальной проблемой, порожденной индустриализацией и урбанизацией, является формирование двух поляризованных парных дихотомий «сельское хозяйство — промышленность» и «село — город», каждая из составляющих которых развиваются по собственной траектории, все более отдаляясь одна от другой. Задача же общественной практики заключается в преодолении существующего межсекторального и межпоселенческого разрыва. Развитие мыслительной парадигмы в указанном направлении позволяло человеческому сообществу выйти на системный уровень позиционирования руральной жизнедеятельности как его неотъемлемой составляющей, сопутствующей гармонии человека, природы и техносферы.

Первым шагом на пути формирования не дихотомной мыслительной парадигмы является сравнительный анализ экономического сознания человека «рурального» и человека «индустриального» сквозь призму «антикапиталистической» («феодальной») и «капиталистической» ментальности.

Экономическое сознание определяется в научной литературе как относительно самостоятельная форма общественного сознания, представляющая собой совокупность знаний, идей, чувств, настроений, других компонентов, которые отражают экономические процессы и формируют отношение к ним. Непосредственное отражение

экономическое сознание находит в экономической практике как целеполагающей общественно-материальной преобразующей деятельности, обусловлено исторически определенными экономическими отношениями [48]. Таким образом, определенному типу экономической практики отвечает соответствующий тип экономического сознания. Так, основу экономической практики аграрного общества составлял принцип потребления как доминирующий в системе хозяйствования, а индустриального общества — принцип прибыльности, т. е. роль прибыли в первом случае играла подчиненную роль в мотивации хозяйствования и главенствующую — во втором. В аграрном обществе инструментами, регламентирующими хозяйственную деятельность, выступали семья, община, феодал, а в индустриальном обществе — свободное предпринимательство, рынок и государство. Ослабление контроля за сознанием человека в индустриальную эпоху способствовало снижению роли коллективного сознания и культивированию индивидуалистического сознания. Соответственно ослабевает роль статуса и происхождения человека, на первый план выступают имущество, собственность, доходы как производные предпринимательской деятельности. В то же время социальный статус человека преуспевающего не является стабильным.

Вместе с тем связь экономического сознания с экономической практикой не сводится к простой редукции. Так, В. Зомбарт связывал утверждение капитализма с соответствующим «духом», родовым признаком которого было стремление к «абсолютной рационализации» во всех сферах жизнедеятельности [101, с. 138–139]. Отмечая заслугу в этом явлении именно капитализма, Й. Шумпетер указывал, что «капиталистическая практика превращает деньги в инструмент рациональной калькуляции прибыли и издержек... Изначально представляя собою продукт эволюции экономической рациональности, расчет прибылей и издержек, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на эту рациональность... он мощно продвигает вперед логику предпринимательства... она начинает распространяться дальше, подчиняя себе, т. е. рационализируя орудия труда человека и его представления, приемы врачевания, картину мироздания, взгляды на жизнь — рационализируя все...» [442, с. 173–176]. Подчеркивая исторически обусловленную рационализацию человеческой деятельности, М. Вебер включал в этот процесс «...рациональный образ мыслей, рационализирование образа жизни, рациональную хозяйственную этику» [41, с. 176–177].

Утверждение рациональности как родового признака капитализма и соответствующего типа экономического сознания проходило в сложном противоборстве с феодальным типом экономического сознания. Исследуя «капиталистическую революцию» XVIII–XIX ст. в Европе, К. Поланьи назвал ее «революцией богатых против бедных», в ходе которой атаке подверглись природа человека и окружающая среда. Объясняя причины включения в процесс купли-продажи не только готовых товаров, а и таких факторов производства как земля, деньги и человеческий труд, К. Поланьи указывает, что «...распоряжаясь «рабочей силой» человека, рыночная система в то же самое время распоряжается неотделимым от этого ярлыка существом, которое обладает телом, душой и нравственным сознанием... Включение в рыночный оборот земли, превращение ресурсов земли и рабочей силы человека в товар, распространение на них принципа свободно отчуждаемой частной собственности несло смертельную угрозу всему обществу... противодействие мобилизации земли являлось социальной подоплекой той борьбы между либерализмом и реакцией, которая составила главное содержание политической истории континентальной Европы в XIX веке, в которой на стороне дворянства выступили военные и высшее духовенство» [280, с. 46, 86–88, 204–207].

В борьбе с носителями капиталистического экономического сознания на стороне реакции (феодальной аристократии) выступали представители «феодального социализма». В «Манифесте коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса появление «феодального социализма» связывается с озлоблением аристократов и других ниспровергнутых буржуазией классов, условия жизни которых ухудшились и отмерли. Этот социализм, подчеркивали авторы Манифеста, «неопровержимо доказал разрушительное действие машинного производства и разделения труда, концентрацию капиталов и землевладения, перепроизводство, кризис, неизбежную гибель мелких буржуа и крестьян, нищету пролетариата, анархию производства, вопиющее неравенство в разделении богатства, истребительную промышленную войну наций между собой, разложение старых нравов, старых семейных отношений и старых национальностей». Однако этот социализм К. Маркс и Ф. Энгельс определили как реакционный и утопичный, поскольку он стремился восстановить старые отношения собственности и старое общество [178, с. 48–51].

Оценка капитализма, как более прогрессивного общественного строя, чем феодализм, содержится в трудах В. Ленина. Рассматривая

связь буржуазного хозяйственного строя с духовностью, он указывал, что «все... изменения старого хозяйственного строя капитализмом неизбежно ведут также и к изменению духовного облика населения»; «прогрессивное значение капитализма состоит именно в том, что он разрушил прежние узкие условия жизни человека, порождавшие умственную тупость и не дававшие возможности производителям взять в руки свою судьбу» [158, с. 600; 160, с. 433].

«Феодальный социализм», подвергнутый критике в «Манифесте коммунистической партии», трактуется в Философском энциклопедическом словаре как воззрения социальных слоев, выбитых из привычной колеи наступлением промышленного капитализма [414, с. 691].

Для определения сущности «феодального социализма» Л. фон Мизес использует термин «антикапиталистическая ментальность». Выявляя причины ненависти к капитализму уходящего класса и определенных социальных групп современного ему американского общества, Л. фон Мизес объясняет эту ненависть озлобленностью аутсайдеров, не получивших в процессе свободного рыночного обмена того, что им, по их самонадеянному убеждению, причитается согласно их заслугам. Такие рассуждения автор «Антикапиталистической ментальности» считал мифологическими, поскольку они «молчаливо признают, что при старом порядке аристократы обладали достоинствами и были обязаны высоким положением и достатком своему моральному и культурному превосходству» [189, с. 5–8, 28–31]. В этом Л. фон Мизес видел проявление антикапиталистической ментальности», т. е. подсознательное нежелание считаться с объективными законами рыночной экономики. По логике вещей, если «капиталистическая ментальность» ассоциируется с рациональностью, то в основе «антикапиталистической ментальности» лежат иррациональные мотивы — не подвергшиеся рефлексии бессознательные установки и желания.

Л. фон Мизес оставляет за рамками своего исследования вопрос о причастности к «антикапиталистической ментальности» крестьянства, ограничившись настроениями и поведенческой линией ниспровергнутых буржуазией правящих классов феодального общества. Само собой разумеется, что к ним не относилось крестьянское большинство старого общества. Однако при этом нельзя отказать крестьянству в наличии собственной ментальности, которая, как свидетельствует исторический опыт, не вписывается в рамки ни

«капиталистической ментальности», ни «антикапиталистической ментальности» в силу их угнетенного положения в феодальном обществе и неопределенности статуса в новом обществе, связанного с их оторванностью от земли и общины и вялой адаптацией к рыночным условиям. В этом, на наш взгляд, заключается основная причина «растворения» руральности в новой системе общественных ценностей, продиктованных потребностями рынка, на котором преимущество имели неаграрные отрасли, продукция которых пользовалась большим спросом и приносила буржуазии большую добавленную стоимость, чем сельское хозяйство. По этой же причине, а не из-за невосприимчивости аграрной сферы к инновациям, промышленность и сопутствующие ей отрасли заняли ключевые позиции в экономике индустриального общества. Следует также учитывать большую подверженность производственно-экологическим и иным рискам сельскохозяйственного производства и отсутствие у большей массы крестьянства склонности к рискам и просто к предпринимательству. Поэтому можно вести речь об особенностях крестьянской ментальности, проявляющихся в недоверии к новизне в привязанности к патриархальному образу жизни и ограниченности экономической деятельности потребностями домохозяйства. Как в индустриальную эпоху, так и в последующий исторический период, единственной социально-экономической и политической опорой рурального способа производства материальных благ и рурального образа жизнедеятельности выступают крестьянство, претерпевающее эволюцию от основного производителя материальных благ и общественного богатства к маргинальному классу. Зарождающийся класс буржуазии использовал крестьянство в своих узкокорыстных интересах как источник первоначального накопления капитала. Для города крестьянство выступало тягловой силой, а для государства поставщиком продовольствия и материалом для социальных экспериментов.

Совершенно иной состав ментальности демонстрирует крестьянство Северной Европы, в частности финское. Как свидетельствует исследование А. Никулина, И. Троцук и И. Копотевой [211, с. 23–24], для финского национального самосознания сельская местность — не просто исконная и традиционная форма жизнедеятельности, но и основа специфической финской ментальности в обозримой исторической перспективе — как в прошлом, так и в будущем. В частности деревня до сих пор воспринимается не только как место для жизни и

ведения бизнеса, но и как особое социокультурное и личностно значимое пространство. На формирование финской ментальности при доминирующей роли в ней руральной составляющей наложили отпечаток географические особенности страны. С этой точки зрения Финляндия представляет собой довольно обширные и столь же пустынные территории, местами усеянные мелкими городами и сельскими общинами, со значительными региональными различиями. В 1870 году 92 % населения было сельским, 8 % жило в небольших городках. Специфика Финляндии также обусловлена суровым и влажным климатом, замедленной урбанизацией и запоздавшей индустриализацией [476]. Наконец пример Финляндии демонстрирует тот случай, когда руральность не обязательно связана с развитием сельского хозяйства: финансовый оборот несельскохозяйственных отраслей сельской местности здесь постоянно превышал финансовый оборот сельскохозяйственной отрасли, что объясняется значительным удельным весом в экономике страны лесного хозяйства. Поэтому для финского ландшафта привычной является картина, когда на окраинах лесов и болот можно часто встречать одиночные дома фермеров, связанные с городскими центрами развитой сетью автомобильных дорог. Однако природно-географические и хозяйственные особенности Финляндии не замещают собой, а только укрепляют привязанность сельского населения к руральной жизнедеятельности, отраженной в национальном характере и ментальности сельских жителей.

Если в странах Западной Европы в середине XIX ст. окончательно утвердился капиталистический общественный строй, то в евразийском пространстве, занимаемом Российской империей, в составе которого пребывала значительная часть украинских земель, входящих в состав современного суверенного Украинского государства, данный процесс находился в начальной стадии своего развития. Это утверждение в определенной мере является оправданным и по отношению к Восточной Галичине, Северной Буковине и Закарпатья, входящих в рассматриваемый период в состав Австрийской (Австро-Венгерской) империи.

Трансформация руральности в индустриальную эпоху на подросийских украинских землях (Левобережная Украина, Правобережная Украина и ее южные территории) связана с двойной общественной трансформацией — переходом от феодальных общественных отношений к капиталистическим отношениям и с этапом социалистического строительства после установления власти большевиков

в 1917 году. Еще более сложной и противоречивой эта эволюция была для западноукраинских земель. В свете развертывания исторического процесса, охватывающего индустриальную эпоху в украинском измерении с середины XIX ст. до начала 90-х годов XX ст., термин «трансформация руральности» требует уточнения, поскольку речь идет о революционном характере общественных преобразований, во многом изменивших как руральный способ производства материальных благ, так и соответствующий образ жизнедеятельности. Однако эти изменения по своим последствиям не являются столь радикальными по сравнению с изменениями политической надстройки общества и индустриальной сферы. Отправной точкой на этом этапе исторической трансформации руральности были события, связанные с реформой 1861 года (отмена крепостного права в Российской империи) и мартовской революцией 1848 года в Австрийской империи, принесшие политическую свободу крестьянству и создавшие предпосылки для поступательного рурального развития.

На законно украинских землях были ликвидированы феодальные повинности, помещики потеряли верховную власть над крестьянами, ставшими собственниками земли. Бывшие помещичьи земли переходили в собственность не только крестьян, но и купцов, других социальных слоев. Большую часть земли скупил еврейская буржуазия и сельские колонисты. Крестьяне получили право свободно распоряжаться земельными наделами, арендовать, делить их среди наследников. Возросло количество актов купли-продажи земельных участков. Наряду с малоземельем и дроблением земельных наделов, запущенных в рыночный оборот, увеличилась прослойка бедных крестьян. В условиях неразвитости промышленности это вызвало в конце XIX ст. волну трудовой эмиграции западноукраинских крестьян, которая, однако, окончательно не решила проблему занятости сельского населения. Резерв свободных рабочих рук превышал потребности сельскохозяйственного производства в 2–3 раза, 170 тыс. крестьянских семей не имели земли. Вследствие этого расширилось использование наемных работников, количество которых в сельском хозяйстве в начале XX ст. составило 600 тыс. человек [406, с. 276].

Переход собственников хозяйств как крестьян, так и помещиков на интенсивный и рыночный путь сельскохозяйственного развития сдерживался не только малоземельем и аграрным перенаселением, а и отсутствием достаточных средств, технических средств в силу не-

достаточного развития промышленности, знаний и навыков ведения собственного хозяйства.

Реформа 1861 года по своему социально-экономическому значению в советской исторической науке сравнивалась с западноевропейскими буржуазными революциями. Эта традиция шла от В. Ленина, определившего данную реформу как революцию «сверху», осуществленную не народом, а правительством [157, с. 140]. Однако следует иметь в виду, что освобождение от крепостного права устранило лишь личную зависимость крепостного от помещиков, но не ликвидировало крепостничество как социальное явление. К тому же не учитывалось, что ликвидация такой зависимости крестьян состоялась в странах Западной Европы на протяжении XII—XV ст., а поземельной — в XVI—XVIII ст. С экономической точки зрения крестьяне перешли в зависимость от государства, выполняя перед ним обязательства по выкупу бывших помещичьих земель.

Развитие крестьянских хозяйств сдерживалось общинным землевладением, охватившем в начале XX ст. около 40 % всех дворов. В Левобережной Украине оно составляло 33 %, в Правобережной Украине — 14 %, а в южных губерниях — 80 % [406, с. 274]. Община несла перед государством ответственность за оплату душевого, выкупного и других платежей, осуществляла равномерное распределение результатов совместного труда. Тем не менее, это не решало проблемы аграрного перенаселения. Несмотря на то, что за 1881—1901 годы в европейской части России из общины вышли 12 млн человек, прирост сельского населения составил 20 млн человек [350, с. 15]. В таких условиях община только сдерживала развитие производительных сил в сельском хозяйстве и препятствовала совершению производственных отношений. Консервации старых порядков способствовало также открытие в 1885 году Дворянского банка, целью которого было поддержание конкурентоспособности помещичьих хозяйств путем покрытия задолженности дворянского землевладения за счет крестьянства. Кроме этого, крестьяне уплатили помещикам за аренду земли приблизительно 3 млрд руб., которые не вкладывались в производство, а использовались для личного потребления помещиков, привыкших жить в достатке [451, с. 62].

Таким образом, начало XX ст. продемонстрировало кризис традиционного общества, что проявилось в исчерпании резервов развития в рамках общинного землевладения и натурального хозяйства. Освободившись по реформе 1861 года от личной зависимости по от-

ношению к помещику и получив право распоряжаться результатами своего труда, крестьянин оставался прикрепленным к земле, месту проживания. Ликвидировалась власть одного физического лица над другим, а крепостничество как система регулирования общественных связей оставалась, адаптируясь к новым условиям. Так, в качестве рецидива крепостничества можно рассматривать институт земских начальников.

Целью реформ на украинских землях, входящих в состав Австрийской (Австро-Венгерской) и Российской империй, было сохранение помещичьего землевладения как социально-экономической опоры правящих кругов. По своей сущности осуществленные реформы были не столько аграрными, сколько сельскими, т. е. они имели, прежде всего, социально-политический, а не экономический эффект. Развитие сельского хозяйства не способствовало его капитализации, формированию рыночных отношений, поскольку сдерживалось пережитками крепостнической системы (помещичье землевладение, отсутствие у крестьян права свободно распоряжаться землей, натурализация производства, выкупные платежи, полуфеодалные формы эксплуатации крестьян, общинное землевладение).

Следует также обратить внимание на психологическую составляющую крестьянской реформы. Общественная мысль начала XX ст. объясняла причины аграрного кризиса аграрным перенаселением, которое на практике субъективно воспринималось как малоземелье. Именно поэтому в общественном сознании возник определенный комплекс: ситуацию можно улучшить не за счет оптимизации способов использования земли, а посредством увеличения ее количества. Тем самым консервировалось натуральное хозяйство, в рамках которого каждый крестьянин должен прежде всего обеспечить продуктами себя. При этом не учитывалось, что темпы роста населения были непропорционально высокими относительно размера земельных участков. Как следствие, в начале XX ст. в Российской империи под пашней было занято до 80 % всей земли [358, с. 39].

Другой психологический комплекс, ставший помехой на пути осуществления столыпинской аграрной реформы, был комплексом общинности. П. Столыпин пытался донести до крестьянского сознания, что путь к личной свободе пролегает через обретение экономической независимости и состоятельности. Выступая в III Государственной Думе 16 ноября 1907 года, он привел слова Ф. Достоевского о том, что «деньги — печатная свобода». Поэтому

свою задачу он видел в том, чтобы разбудить в крестьянине чувство личной собственности, которое является таким же природным, как чувство голода, как тяга к продолжению рода [404, с. 50]. Как показало время, эта задача для реформатора оказалась наисложнейшей и неразрешенной. Вероятно, ее выполнение возможно лишь при условии наличия у крестьянства чувства собственного достоинства, которое на протяжении веков сознательно подавлялось властью имущими. Впрочем, вопрос о том, является ли данная черта ментальности, прирожденной или приобретенной — это вопрос спорный и открытый, по меньшей мере, по отношению к украинскому этносу, пережившего, по выражению президента Украины П. Порошенко, революцию достоинства, но продолжающего влачить жалкое существование (это — по жизни).

Вторая отправная точка трансформации руральности в индустриальную эпоху связана с событием, последовавшим после победы большевистской революции (октябрь 1917 года), оказавшей судьбоносное влияние и на Украинскую Народную Республику.

Учитывая доктринальный характер революционных событий 1917 года и последующих преобразований советской власти в сфере сельского хозяйства и социального переустройства села, обратимся к анализу теоретического наследия партии большевиков, взятого на вооружение в процессе социалистического строительства в СССР.

Речь идет, в первую очередь, о взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса на цели социалистического преобразования сельского хозяйства и деревенского образа жизни, которые эволюционировали по мере изменения исторических условий. В «Немецкой идеологии» основоположники марксизма отмечали, что для крестьян первым условием коммунистического объединения является утверждение коллективного хозяйства, поскольку сами отношения собственности в мелком крестьянском хозяйстве вызывают в конечном счете потребность такого объединения [179]. В работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» Ф. Энгельс, анализируя различные теоретические подходы к обобществлению сельскохозяйственного производства, указывает на такой его путь как кооперирование мелкого крестьянства [447, с. 518].

Проявляя в последние годы своей жизни интерес к русской общине, К. Маркс пришел к выводу, что имеющаяся возможность соединения существующей в рамках сельской общины общественной собственности на землю с преимуществами капиталистического про-

изводства — машинами, оборудованием, удобрениями, агрономическими знаниями, может быть реализована при свершении русской революции. Однако К. Маркс не предполагал, что община столь быстро утратит свое системоформирующее значение в недрах зарождающегося в России капитализма, и проигнорировал недостаточную зрелость капиталистических отношений для свершения последующих социальных преобразований. Не придали значение данному факту и его российские последователи в лице лидеров большевистской партии, сконцентрировавшиеся исключительно на революционной борьбе и проигнорировавшие логику исторического развития и экономические предпосылки как важное условие любых общественных преобразований. Вместе с тем социальная практика постоянно вносила коррективы в доктринальные установки теоретиков большевизма.

В этом отношении характерным является пример с воззрениями В. Ленина на природу социализма и способы социалистического переустройства сельского хозяйства России. В первые годы советской власти он вынашивал идею о государстве-коммуне, основанном на началах народного самоуправления и прямом продуктообмене, в которой было заложено противоречие: государство-коммуна как ассоциация всех трудящихся было несовместимо с государством диктатуры пролетариата. Тем не менее В. Ленину такое государство-коммуна представлялось в 1919 году в виде всенародного кооператива, где все работают «...по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку» [154, с. 310–311]. Но уже в 1921 году он приходит к выводу о необходимости уточнения представлений о социализме: «мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению» [155, с. 157]. Тем самым признавалась неудачной попытка «штурмом» решить задачу кооперирования крестьянских хозяйств, но в принципиальном плане перспективы сельского хозяйства по-прежнему связывались с переходом мелких крестьянских хозяйств к крупному общественному производству [153, с. 148]. И только в 1923 году В. Ленин отмечает: «мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» [156, с. 376]. Констатация и признание социалистической природы кооперации логически вела к неизбежности существования кооперативной формы собственности в условиях победившего социализма наряду с государственной собственностью. Таким образом, кооперация одновременно выступала как способ социалистической «пере-

делки» крестьянства и как наиболее приемлемый путь социалистического строительства в России.

На практике же все выглядело иначе. В начальной фазе социалистического строительства (период «восточного коммунизма» 1917—1920 годов) государство в сфере земельных отношений в первую очередь занялось ликвидацией помещичьего землевладения: земля была передана в пользование крестьянам, состоялось ее дробление. В результате этого в Украине в 1920 году свыше 81 % крестьянских хозяйств владели земельными наделами от 1 до 4 десятин [355, с. 48], тогда как минимальную прибыль давало хозяйство в 10—12 десятин земли. Дробление крестьянских хозяйств была связана с тем, что в июне 1919 года под совхозы и колхозы была передана почти половина конфискованных помещичьих земель. Поэтому не случайно, что количество крестьянских восстаний в Украине выросло с 93 в апреле 1919 года до 207 — в июне этого же года [106, с. 40].

В аграрной политике был взят курс на установление государственной монополии на производство, обмен и потребление товаров, что сыграло решающую роль во взаимоотношениях государства и кооперации. Сельскохозяйственная и сбытовая кооперация была лишена самостоятельности, произошло ее огосударствление. В условиях формирования государственно-монополистического социализма говорить о какой-либо перспективности аграрного развития не приходилось. В крестьянской стране основной класс общества был лишен мотивации к производительному труду и подвергся жесточайшей эксплуатации в интересах промышленного развития. Реакции на подобную политику со стороны крестьянских масс долго ждать не пришлось. В марте 1921 года поднялась волна крестьянских восстаний, пиком которых стал Кронштадский мятеж.

Советская власть незамедлительно дала ответ на массовые волнения в виде «крестьянского Бреста» (выражение Н. Бухарина), иначе говоря новой экономической политики. Ее первоочередной мерой была замена продовольственной разверстки налогом, который устанавливался на год в объеме 19 млн т зерна вместо 26,1 млн т, взимаемых по разверстке. Существенное снижение крестьянских обязательств перед государством произошло и по другим видам продовольствия. При этом определенное количество продовольственного налога оставалось в распоряжении местных органов власти для оказания помощи крестьянской бедноте. В 1923 году был введен единый сельскохозяйственный налог, который частично состоял из натуры и частично

из денег. От налога освобождались бедные крестьяне, а коллективные хозяйства получали определенные льготы. С целью восстановления хозяйств, расширения площади посевов разрешались аренда земли и наемный труд [355, с. 50].

Вместе с тем кооперация не получила реальной возможности для самостоятельного развития. Законодательно вводился явочный порядок создания кооперативов и право на их объединение в союзы только до губернского уровня включительно. Ограничивалось право вступления граждан в кооперативы наличием у них избирательных прав в советы — лишённые такого права не могли стать и членами кооператива [412, с. 40]. Следует заметить, что исходя из природы кооператива, его членами не могли быть зажиточные крестьяне (кулаки) как антагонисты кооперации, поскольку кооперация брала на себя их основные функции, также беднейшие крестьяне — из-за отсутствия предмета для участия в кооперации. Таковым было реальное состояние дел относительно участия крестьянства в кооперации, которое значительно расходилось с тезисом В. Ленина об участии в кооперации поголовно всего населения [156, с. 372]. Данное замечание важно с точки зрения как понимания логики социалистического строительства, так и преобразования руральной сферы, поскольку кооперация в конструкции нового общества играла роль своеобразного мостика между планом и рынком, между государством и крестьянством, между сельским хозяйством и промышленностью, между городом и деревней.

Указанные организационные ограничения кооперации дополнялись экономическими, социальными и психологическими. Большая часть крестьянства была отчуждена от средств производства, имущества в целом; составляла преобладающее число пауперизированного социального слоя; генетически тяготела к коммуне, так как ничего от этого не теряла.

Не в пользу кооперативного движения была и статистика, демонстрирующая низкие темпы колхозного строительства. В Украине в июле 1923 года количество колхозов хотя и возросло по сравнению с октябрём 1921 года с 1077 до 5105, однако не превышало 2–3 % сельского землепользования. Более 70 % колхозников были незажиточными, поэтому государство вынуждено было предоставить льготы колхозам [144, с. 7]. Именно в экономической зависимости колхозов от государства и заключались причины их огосударствления.

По указанной причине перевод вопроса о соотношении кооперативного движения и коллективизации в практическую плоскость

был вопросом времени. Выбор пал на 1925 год. Именно в этот год в большевистской партии развернулась дискуссия о темпах и источниках индустриализации. Публичные разногласия позиций руководителей государства на путь развития крестьянских хозяйств проявились в апреле 1925 года во время обсуждения на XIV Всесоюзной партийной конференции доклада председателя Совнаркома СССР А. Рыкова «О кооперации». Главная идея доклада — о кооперативной организации как главной форме массового объединения сельских товаропроизводителей — не получила соответствующего отражения в резолюции партийной конференции. В ней был закреплён тезис И. Сталина о необходимости уделять больше внимания, чем это делалось до этого, коллективизации сельского хозяйства. В этот же год из официального лексикона исчезли мысли В. Ленина о временных рамках новой экономической политики («всерьёз и надолго») как пути к социализму, но не самого социализма» (Г. Зиновьев), «надолго, но не навсегда» (Л. Троцкий). В докладе лидера ленинградских большевиков Г. Зиновьева на XIV съезде РКП(б) (декабрь 1925 года) впервые было сделано заявление об ограниченном характере новой экономической политики как этапа восстановления народного хозяйства после гражданской войны. В 1926 году на XV партийной конференции был выдвинут лозунг «догнать и перегнать капиталистические страны», означавший переоценку возможностей индивидуальных крестьянских хозяйств на предмет их соответствия выдвинутой задаче. Хотя официальная статистика не давала повода для подобной переоценки. В 1927 году удельный вес совхозов и колхозов в производстве сельскохозяйственной продукции составлял 7 %, 20 % товарного хлеба производили зажиточные крестьяне, 50 % кредитов крестьянских хозяйств были кредитами частного сектора [205, с. 103; 355, с. 68].

Поэтому не случайно с 1928 года хозяйства зажиточных крестьян начали облагаться налогами не по нормам, а в индивидуальном («экспертном») порядке, что являлось первым признаком унификации системы хозяйствования и предтечей сплошной коллективизации. Богатый крестьянин представлял угрозу для государства диктатуры (бедного государства), впоследствии реализовавшего концепцию равенства бедности. Такой подход свидетельствовал об усилении неэкономических методов хозяйствования.

Причины огосударствления кооперации и сворачивания новой экономической политики, переход к сплошной коллективизации

своими корнями уходили в глубину процессов, происходящих в руральной экономике, связанных с динамикой индивидуальных крестьянских хозяйств, свидетельствовавшей не только о тенденции их обогащения, а и о дифференциации и поляризации. С другой стороны, эти причины лежали в плоскости психологии широких масс населения, их ожиданий скорой победы нового общественного строя, в свете которых коллективизация в общественном сознании, включая и поведенческие установки коммунистического большинства, ассоциировалась с реализацией безальтернативного ленинского кооперативного плана.

То, что на самом деле все обстояло не совсем так, убедительно продемонстрировали историки Г. Бордюгов и В. Козлов. Они считали, что советское общество в период перехода от незрелого капитализма к социализму по-советски (выражение наше. — А. П.) в своем развитии прошло моменты, классифицируемые как «критические точки», которые характеризовались наибольшей концентрацией управленческих решений. Именно в эти моменты всякий раз необходимо было делать выбор, переходить к новому типу социальных отношений. Так, в середине 1920-х годов ошибочность выбора состояла в изъятии средств на индустриализацию из индивидуальных крестьянских хозяйств, что породило своего рода парадокс: «локомотив» индустриального развития страны был поставлен на «рельсы» без «колес». Речь идет о том, что вопрос о кооперировании сельского хозяйства был рассмотрен в 1929 году, а курс на индустриализацию был провозглашен двумя годами ранее. Реализация новой экономической политики в сельском хозяйстве объективно не была рассчитана на ускоренную и масштабную индустриализацию, т. е. налаживание взаимосвязи сельского хозяйства и промышленности по условиям новой («всерьез и надолго») экономической политики требовало десятилетий, а не нескольких лет. Однако на практике эту фазу развития если не «пропустили», то «проскочили», о чем свидетельствовал переход к реализации правительством СССР чрезвычайных мер, которые не имели под собой экономической основы [30, с. 250, 251, 265, 266]. Одновременно были свернуты сельскохозяйственные, потребительские и кредитные кооперативы. В силу сложившихся условий колхозный строй выглядел противоестественной социально-экономической конструкцией, насаждаемой «сверху», без учета тенденций общественного развития. Отсюда — разного рода эксперименты, пере-

кручивания и злоупотребления, повлекшие за собой в конечном итоге трагизм советской истории и плачевные результаты. Более подробный анализ преобразований в сфере сельского хозяйства, происходящих во второй половине XIX — первой половине XX ст., содержится в нашей монографии [262].

Осуществленный анализ развития руральности в индустриальную эпоху досоветского и начального этапа советского периода убеждает в том, что она имела свою логику — логику революционных преобразований, начатых реформами-революциями 1861 года (1848 года на западноукраинских землях), продолженных столыпинской аграрной реформой, большевистской революцией 1917 года и революцией 1929—1933 годов (сплошная коллективизация как новая редакция крепостного права).

Особое место среди них занимают две последние революции, осуществленные не только без учета исторических предпосылок, а и с насилием над историей. В этих преобразованиях взяла верх не логика здравого смысла, а логика революционной борьбы «нового» со «старым». Дело в том, что как революция 1917 года, так сплошная коллективизация осуществлялись вопреки законам эволюционного развития экономики и социума. В отличие от западноевропейских стран, «выстрадавших» капитализм с его первоначальным накоплением капитала, механизацией сельского хозяйства, урбанизацией рурального образа жизни и революционизацией общества в виде поэтапного осуществления трех «поколений» буржуазной революции, продолжавшихся в течение трех столетий, в Российской империи «капитализм» долго не задержался, а промежуток, по формальному признаку, между февральской буржуазно-демократической революцией 1917 года и большевистской социалистической революцией занял всего 8 месяцев. Поэтому весь последующий период развития общества был наполнен мифологемами и утопическими коммунистическими химерами, замешанными на принципах революционной целесообразности, идеологического целомудрия и социалистической справедливости, проявившегося равенства бедности.

Среди указанных искусственных схем и антинаучных проектов первоочередным был ленинский миф о возможности победы социализма в результате революционного прорыва капитализма в его наиболее слабом звене — в России. Как известно, здесь капитализм и не «валялся», а капитализированные немцы с их К. Каутским решились повременить с социалистической революцией, равно как и

с социализмом. Если капитализм в России не получил даже своего «зачаточного» развития, не говоря о его зрелых формах, тогда о каком переходном периоде от капитализма к социализму в Советской России (СССР) можно говорить. Однако вопреки этому в советской историографии упорно протаскивалась идея, обраставшая досужими вымыслами по мере развития социализма, о полной (к концу 1930-х годов) и окончательной (во второй половине 1950-х годов) победе социализма в СССР. А далее еще больше — в 1961 году на XXII съезде КПСС провозглашается 20-летняя программа коммунистического строительства в СССР. В 1967 году в тезисах ЦК КПСС к 50-летию октябрьской революции обосновывается вывод о построении в СССР развитого социалистического общества, как этапного события на пути к светлому коммунистическому будущему. После этого страницы официальных и научных изданий запестрели теоретическими выкладками адептов системы о критериях идентификации промежуточной, как оказалось не по К. Марксу и Ф. Энгельсу, ступеньки между первой (социалистической) и второй (коммунистической) фазами новой общественно-экономической формации. В числе проповедников развитого социализма был и бывший профессор Одесского политехнического института, к тому времени перебравшийся в Москву, научный коммунист П. Лопата [163; 164]. Тем не менее просветления и разочарования от «развитого социализма» долго ждать не пришлось, поскольку он так и не «перешел» в коммунизм, о чем свидетельствовало появление в обществе протестного электората, заждавшегося коммунизма. Однако партийная верхушка с ответом не задержалась: в 1983 году в журнале «Коммунист» [9] появилась статья генсека ЦК КПСС Ю. Андропова, в которой бывший глава ведомства государственной безопасности дал адекватный ответ на вызов общественного сознания, продемонстрировав утонченность ума и человеческую мудрость, заявив, что СССР в начале 1980-х годов вступил в этап совершенствования развитого социализма. Ведь никто не будет спорить с тем, что у процесса совершенствования нет пределов. Однако это означало и то, что не только эпоха гуманизма (Маркс в «Капитале» определил ее как цель человечества), а даже коммунистическое будущее советским людям «не светит».

Без экскурса в историческое прошлое было бы трудно осмыслить все то, что произошло с руральностью в рассматриваемый период, когда были нарушены ее устои в виде таких системообразующих составляющих как крестьянство, сельское хозяйство и село.

При этом большевистская власть изначально считала, что занимаясь «переделкой» крестьянства, она выводит его из «микрокосмоса общинности в национальный, социалистический, советский макрокосмос» [428, с. 230]. Эта власть представлялась В. Ленину как власть немедленного действия в экстремальных условиях, создающая нового человека «из того материала, который оставил капитализм со вчера на сегодня, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены» [159, с. 54].

По отношению к крестьянству в качестве удобного способа создания нового человека была избрана социализация земли и труда, по поводу которой отец российской социал-демократии, основатель группы «Освобождение труда» Г. Плеханов еще в 1907 году в полемике с В. Лениным по поводу аграрной программы РСДРП доказал, что данная мера станет в крестьянской стране новым изданием крепостного права, возвращением к барщине, где помещиком будет социалистическое государство. Эту точку зрения подтвердили крестьяне конца 1920 — начала 1930-х годов, которые расшифровали аббревиатуру ВКП(б) как Второе Крепостное Право (большевиком) [428, с. 237].

Новый лидер страны И. Сталин конкретизировал в новых условиях задачу власти по отношению крестьянству — «переделать» его психологию, его производство в духе коллективизма и подготовить таким образом условия уничтожения классов» [382, с. 162] (читай — уничтожения крестьянства. — *А. П.*). Данную задачу с успехом решила коллективизация путем превращения крестьян в государственных работников на земле. Социалистическая деревня превратилась в источник не только дешевой рабочей силы и продуктов, а и модернизации страны в виде осуществления ее индустриализации на базе не легкой, как в Европе, а тяжелой промышленности.

Превращение индивидуальных крестьянских хозяйств в колхозах означало развитие процесса «раскрестьянивания» страны, наступившего в результате ее модернизации, что придало руральности индустриально-урбанный облик.

Коллективизация выступала одновременно как средство борьбы с мелкобуржуазными собственниками и как способ перераспределения имеющихся у власти ресурсов в пользу развития тяжелой промышленности и строительства новых городов. Крестьянские хозяйства в экономическом отношении были маломощными, поэтому служили нестабильным источником пополнения бюджетных

средств. По данным В. Данилова, среднее крестьянское хозяйство конца 1920-х годов состояло из 5–6 человек, 4–5 га посева, одной рабочей лошади, одной-двух коров, а его продуктивность была значительно ниже среднемирового уровня, поэтому в основном обеспечивало удовлетворение собственных потребностей. Только 3–4 % крестьянских хозяйств имели преимущественно товарный характер, реализуя на рынке почти 40 % своей продукции, и в перспективе имели возможность превратиться в фермерские [74, с. 5, 6]. Однако этот тип профермерских семейных хозяйств, по расчетам Н. Кондратьева и Н. Огановского, примерно в 4 раза уступал по мощности и имуществу и в 5 раз по доходу в расчете на душу сельскохозяйственного населения американскому фермерскому хозяйству [126, с. 10]. Наличие зажиточных крестьянских хозяйств гипотетически сохраняло шанс на альтернативный американский фермерский путь развития сельского хозяйства в СССР. Однако с уничтожением на корню данной социальной группы крестьянства, генетически ориентированного на расширенный способ воспроизводства, отсекало страну раз и навсегда от подобной альтернативы.

На практике и в теории социалистического строительства возобладал подход, ориентировавший общественное сознание на путь развития в пользу промышленности, города и в ущерб крестьянству и селу. Еще до начала сплошной коллективизации, в 1926–1927 хозяйственном году, когда капиталовложения в промышленную отрасль были удвоены по сравнению с предшествующим годом, в сельском хозяйстве они сократились с 5,2 % до 3,8 % [372, с. 110]. Заметим, что в 1925–1926 хозяйственном году (начало индустриализации) в развитие индустрии было реинвестировано 30,9 % произведенной в ней добавленной стоимости. Даже спустя два года капиталовложения составляли 632 млн руб., в то время как доходы государства от продажи водки равнялись 700 млн руб., а расходы бюджета на содержание управленческого аппарата составили 520 млн руб. [72, с. 93, 95].

Таким образом, коллективизация служила надежным каналом перекачивания ресурсов, и прежде всего финансовых и людских, а также продовольственных из села в город, из сельского хозяйства в промышленность.

Тотальный характер коллективизации свидетельствовал о ее идеологических и политических целях, связанных с выкорчевыванием капитализма в сельском хозяйстве. Колхозы как форма организации сельскохозяйственного производства, сельский уклад и со-

циальное устройство жизнедеятельности на селе никоим образом не представляли собой форму кооперативного союза. Колхозный крестьянин был отчужден от способов производства и произведенной продукции, а право распоряжения ими делегировалось администрации коллективных хозяйств. Государственные учреждения переняли на себя функции не только директивного планирования, административного диктата, а и определили структуру производства, его объем, сроки проведения сельскохозяйственной кампании. В таких условиях колхозник, формально являясь держателем пая как части собственности колхоза, фактически превращался в наемного работника.

Уничтожение при осуществлении коллективизации наиболее развитого сектора сельской экономики — середняков и зажиточных крестьянских хозяйств — имело разрушительные для нее последствия. За 1929—1933 годы поголовье коней, крупного рогатого скота и свиней сократилось вдвое, а овец и коз — втрое [208, с. 199]. Если в 1925—1929 годы среднегодовой сбор зерновых составил 733,3 млн центнеров, то в 1936 году — 750,2 млн центнеров [206, с. 56].

Особенно трагичным господство колхозного строя было для Украины, обеспечивающей 27 % сельскохозяйственного урожая, в т. ч. по зерновым — 38 %. Увеличение центральной властью в 1932 году плана хлебозаготовок на 44 % [355, с. 113] привело к смерти от голода значительной части населения. Данные переписи населения СССР (январь 1937 года) свидетельствовали о сокращении численности его населения на 15 млн человек. По разным источникам число погибших от недостатка пищи колеблется от 7 до 9 млн человек в целом по стране [130, с. 394].

В западных областях Украины коллективизация, осуществленная насильственным путем в 1947—1955 годы, имела своим результатом создание 7 тыс. колхозов, объединивших почти 1,5 млн крестьянских хозяйств, и массовое сопротивление, носившее признаки вооруженной борьбы местного населения против советской власти [406, с. 351].

Подчеркивая ключевую роль политико-идеологической составляющей в процессе трансформации сельско-крестьянского хозяйственного уклада, отметим наряду с этим незрелость экономических предпосылок эволюции крестьянского хозяйства в фермерское, находящегося на стадии перехода от потребительского патриархального уклада к товарному хозяйству. Современные историки, указывая на

стадиальность товаризации сельского хозяйства, связывают сталинский великий перелом конца 1920-х — начала 1930-х годов с третьей стадией указанного процесса, во время которой происходила замена природных производительных сил индустриальными с максимально возможной специализацией производства рыночного продукта. В это время крестьянство только вступила на путь развития рыночных отношений, социально-экономической дифференциации села. При этом сохранялась натурально-потребительская сущность крестьянского хозяйства, в нем по-прежнему использовались такие докапиталистические формы эксплуатации труда как отработки за долги, издольщина, ростовщичество [209, с. 292, 293, 294]. Поэтому в общественном сознании сложился не образ фермера-предпринимателя, а «кулака», «мироода», несовместимый с природой социалистического общества, а поэтому заслуживающий «изживания» как политически, так и экономически. Удобной и выгодной формой последнего и была коллективизация.

«Верхушечный» характер социально-экономических преобразований на селе 1920—1930-х годов потребовал в послевоенный период поиска новых, дополнительных механизмов продолжения начатых ранее реформационных поворотов в рамках сложившейся политической системы. Они отмечены событиями, датированными 1956 и 1964 годами. Первое из них ведет отсчет от XX съезда КПСС, осудившего культ личности И. Сталина, однако не вскрывшего его причины, второе — с критикой на октябрьском (1964 года) Пленуме ЦК КПСС субъективизма и волюнтаризма, допущенных Н. Хрущевым во время пребывания у власти, наложивших свой отпечаток и на развитие сельского хозяйства и села.

Первое послевоенное десятилетие прошло под знаком диктата промышленности над сельским хозяйством: за 1946—1953 годы в аграрном секторе экономики было произведено продукции на 298 млрд руб., а использовано для потребностей отрасли — всего 193 млрд руб. [181, с. 43], поэтому не случайно, что за 1949—1952 годы объем сельскохозяйственной продукции увеличился на 10 %, а промышленности — на 230 % [270, с. 253].

Усиливающиеся диспропорции в развитии сельского хозяйства и промышленности стали предметом обсуждения в руководящих кругах, по ним были приняты соответствующие решения. Однако аграрные преобразования 1950-х годов не отличались системностью, были противоречивыми и непоследовательными. Так, в сентябре 1953 года

на пленуме ЦК КПСС было принято решение о повышении материальной заинтересованности работников сельского хозяйства, повышении его прибыльности как одном из коренных принципов социалистического хозяйствования, который имел под собой веские основания. По материалам бюджетного обследования колхозников в 1950 году поступления их денежных доходов из колхозов составляли лишь 19,5 %, в то время как от продажи продукции личного подсобного хозяйства — 46,1 % [208, с. 298]. Принятые в этом направлении меры способствовали тому, что за 1954–1958 годы прирост сельскохозяйственного производства по сравнению с предыдущим пятилетием составил 34 %. Денежные доходы колхозов в 1957 году по сравнению с 1952 годом возросли в расчете на колхозный двор в 2,3 раза, а выдача денег на трудодень — в 3 раза [403, с. 44].

Одновременно усиливался процесс окончательного огосударствления и укрупнения колхозов. Если в 1955 году статус совхозов получили 257 бывших колхозов, то в 1956–1960-е годы — 14,7 тыс. [403, с. 145]. В результате укрупнения колхозов и их превращения в совхозы количество колхозов на Украине уменьшилось в 1960 году до 9634 против 19295 — в 1950 году [145, с. 125].

Данный процесс сопровождался разработкой схем районного и внутрихозяйственного производства, а также жилищного и культурно-бытового строительства.

Проявлением гигантомании явилось особенно ярко выступление Н. Хрущева на октябрьском (1959 года) Пленуме ЦК КПСС, акцентировавшем внимание партийного актива на том, что можно построить на селе один высотный жилой дом и разместить в нем всех колхозников, чтобы они жили не хуже, чем жители столицы [423, с. 102]. Такой подход свидетельствовал об игнорировании специфики сельского образа жизни, которое вскоре дало о себе знать в процессе реализации перспективных и неперспективных сел. Уже в 1960 году на всесоюзном совещании по градостроительству были предложены критерии такого деления, а именно: положение населенного пункта в системе сельскохозяйственного производства; численность населения; наличие дорожной сети; водо- и энергопоставки; возможности перспективного развития. Минимальный размер перспективных сел был определен численностью населения не менее чем 1–1,5 тыс. человек [170, с. 27].

Конъюнктурный характер социально-экономических преобразований на селе проявился в политике ограничения личных подсобных

хозяйств сельского населения. В Украине их количество с середины 1950-х — до начала 1960-х годов сократилось вдвое. Количество коров в дворах колхозников за 1954—1964 годы уменьшилось на 9 %, свиней — на 20 %, овец и коз — на 53 % [145, с. 128]. Частично это связано с принятием решения о запрете не членам колхоза держать домашний скот [383]. Наряду с завершением паспортизации сельского населения эта мера способствовала его массовой миграции в города. Противоречивость и непосредственность аграрных преобразований в СССР середины 1950-х — середины 1960-х годов получила свое продолжение в метаморфозах политического курса, характерных для последующего периода (1965—1991 годы).

Начало этого периода приходится на начало «качественно нового этапа аграрной политики КПСС» (характеристика, содержащаяся в решениях Пленума ЦК КПСС, состоявшегося в марте 1965 года). Действительно, с этого периода аграрная политика советского государства приобрела комплексный характер, одновременно осуществлялись финансово-экономические, организационно-управленческие и социальные меры по оздоровлению сельского хозяйства, культурно-бытовому преобразованию села. Значительно возросли объемы инвестиций в аграрный сектор экономики, усилились специализация и концентрация производства и агропромышленная интеграция, внедрялись экономические механизмы хозяйствования, был создан единый орган управления агропромышленным комплексом — Госагропром СССР и его структурные подразделения на местах, принята Продовольственная программа СССР. Определенным образом эти новые подходы к развитию АПК были связаны с новым руководителем ЦК КПСС — Л. Брежневым. В то же самое время с его личностью ассоциируется формирование механизма отставания в социально-экономическом развитии страны. Этот период, прошедшийся на «расцвет» «развитого социализма», вошел в советскую историю как период «застоя» (1965—1982 годы).

«Застой» проявился на селе в неразвитости экономических отношений, существовании убыточного механизма хозяйствования (монополизм государственной формы собственности, ограниченность форм хозяйствования, внешнеэкономическое принуждение к труду на земле, продажа продукции по директивным ценам, безоплатное финансирование, уравниловка в распределении, неэквивалентный обмен между городом и деревней. Сложился затратный механизм хозяйствования. Так на мартовском (1989 года) Пленуме

ЦК КПСС отмечалось, что только в Украине за последние 20 лет основные производственные фонды сельского хозяйства возросли в 4,2 раза, поставки удобрений — в 3 раза, оплата труда — в 2,7 раза, а прирост производства сельскохозяйственной продукции составил только 39 % [181, с. 49]. В стране дважды (1966 и 1984 годы) принимались долгосрочные программы мелиорации земель. Последней из них предусматривалось увеличить площадь орошаемых земель в Украине почти вдвое. Хорошо, что этим планам не суждено было сбыться. Однако и без этого ситуация в республике была угрожающей, особенно на юге, где в неудовлетворительном мелиоративном состоянии пребывало до 30 % земель, грунтовыми водами было подтоплено около 1 млн га сельскохозяйственных угодий, площадь эрозии составляла почти 12,8 млн га, ежегодно смывалось 400 млн тонн чернозема [191, с. 49].

В 1960–1970-е годы в документах КПСС большое внимание уделялось проблеме преодоления культурно-бытовых различий между городом и деревней. С целью преодоления автономного характера развития города и села, при котором вопросы социального развития села решались преимущественно на внутриотраслевой основе и за счет средств колхозов, в соответствии с решениями майского (1982 года) Пленума ЦК КПСС на строительство жилья и объектов культурно-бытового назначения в экономически отсталых хозяйствах направлялось до 10 % капиталовложений, выделяемых правительствами союзных республик для строительства объектов непроизводственного назначения в городах. При разработке пятилетних и годовых планов капитального строительства рекомендовалось использовать в среднем 15 % мощностей городских домостроительных комбинатов для строительства жилых домов, школ и дошкольных учреждений в колхозах и совхозах [293, с. 101].

Вместе с тем на развитии социальной сферы села негативно сказались волонтаристские решения партийного руководства, проявившиеся в насаждении урбанистских концепций развития сельской поселенческой сети, социальной инфраструктуры села. В сентябре 1968 года ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «Об упорядочении строительства на селе», которое ориентировало на чрезмерную концентрацию сельской поселенческой сети путем ее «исправления» за счет массовой ликвидации небольших населенных пунктов, отнесенных к категории «неперспективных».

В «перспективных» селах (преимущественно центральные усадьбы хозяйств) в качестве образцов будущего социального облика села выступало экспериментально-показательное строительство. В Украине, в частности, осуществлялось строительство 41 «экспериментально-показательного села» [139, с. 97]. Застройка этих сел имела целью отработку в сельском строительстве индустриальных технологий; внедрение секционного двух-трехэтажного жилищного строительства; комплексную застройку сел объектами социального назначения; применение городских схем планирования, современных типовых проектов; проверку архитектурно-планировочных проектов на их соответствие запросам сельского населения. В этом смысле «экспериментально-показательные села» были не более чем своеобразным полигоном отработки пилотных проектов, которые так и не прижились на селе. Как показало время, этих мер оказалось недостаточно, чтобы сделать сельские населенные пункты привлекательными для жизни и закрепить на селе молодежь. Тем более, что в начале 1980-х годов было комплексно застроено только 19 «экспериментально-показательных сел» из 41. К позитивной стороне экспериментального строительства следует отнести преимущества этой категории сел, в которых обеспеченность жильем была в 1,3 раза, дошкольными учреждениями — в 1,7 раза, столовыми — в 1,5 раза, больницами — в 5 раз выше, чем в других сельских населенных пунктах, что способствовало улучшению демографических показателей «экспериментально-показательных сел» [50, с. 186].

В целом по Украине до 1990 года комплексно было застроено только 2 % сел их общей численности [386, с. 372]. С другой стороны, эксперимент по комплексной застройке сел не остановил процесс социального упадка значительного числа сельских населенных пунктов, а самое главное — не произвел революции в сознании и преодолении стереотипа в делении сел на «перспективные» и «неперспективные». Так, Центральный научно-исследовательский институт проектирования градостроительства в середине 1980-х годов предложил новую классификацию сельских населенных пунктов на села, которые не развиваются; села, которые сохраняются на расчетный период, и села, которые заселяются в первую очередь [344, с. 138]. В ее основу была положена концепция реконструкции сельского расселения посредством первоочередного развития ограниченного количества опорных центров, в которых планировалась концентрация основных объемов нового строительства. Такой под-

ход, во-первых, не учитывал инерционный характер расселения, во-вторых, игнорировал существующую исторически сложившуюся систему расселения.

Метаморфозы политического курса советского руководства проявились и в период провозглашения, с приходом к власти М. Горбачева, коренной «перестройки» социальной системы, которая никак не «вписывалась» в концепцию совершенствования «развитого социализма», провозглашенную двумя годами ранее Ю. Андроповым.

«Перестройка» сельского хозяйства и руральных основ жизнедеятельности на селе получила свое выражение в решении мартовского (1989 года) Пленума ЦК КПСС, акцентировавшего внимание на необходимости учета исторических успехов, один из которых заключается в недопустимости замены отношений с крестьянством, основанных на товарообмене и взаимной выгоде, отношениями диктата. Другой урок — это неучет природы колхозного строя, его огромных потенциальных возможностей, раскрыть которые так и не удалось по причине развала СССР и ликвидации колхозов уже в условиях суверенной Украины.

Трансформация руральности в рассматриваемый период выявила прежде всего проблему соотношения реформы и революции. Капиталистическая трансформация аграрных отношений одновременно подорвала две опоры феодализма — сельскую общину и помещичье землевладение. Реформирование земельных отношений, введение определенных демократических свобод было дополнено сменой управленческой парадигмы в ходе реализации земельной реформы. Октябрьская революция 1917 года по формальному признаку привела к разрыву исторической традиции, логики предыдущего периода аграрного развития, осуществив конфискацию и национализацию земли. Однако в годы новой экономической политики состоялось возвращение к капиталистическим методам хозяйствования, использованию рыночных механизмов. Коллективизация номинально привела к построению нового, социалистического общества. Но по своей сущности она означала не преодоление капитализма, а фактически возобновила в форме колхозов на новом историческом этапе систему общинных отношений в их наихудшем варианте. На этом основании 1929 год можно считать великой смутой. В этом смысле революционные события 1991 года выступают своеобразным преодолением 1917 и 1929 годов, в первом случае в широком, во втором в узком понимании.

Альтернативность возможна в рамках заданной парадигмы развития, в условиях эволюционного пути разрешения социальных проблем, в том числе и аграрных. Буржуазные реформы второй половины XIX — начала XX ст. были оборваны октябрьской революцией 1917 года, которая открыла новую линию общественного развития. Возможность выбора сохранялась до осуществления сплошной коллективизации. До этого времени продолжали существовать как сельская община, так и индивидуальные крестьянские хозяйства. Интегральной составляющей по укреплению крестьянских хозяйств выступала новая экономическая политика, с помощью которой осуществлялась связь хозяйств с кооперацией. Однако верх взяла другая тенденция, связанная с курсом на обобществление сельскохозяйственного производства и использование властью насильственных методов по отношению к крестьянству с целью его приобщения к колхозам. Крестьянские хозяйства, хотя и были втянуты в капиталистические отношения, по инерции продолжали ориентироваться, в первую очередь, на удовлетворение внутренних потребителей, т. е. для их окончательной капитализации требовалось время. Логика же революционных преобразований, по которой осуществлялась ускоренная индустриализация, требовала адекватных ей крупных форм аграрного производства.

Все попытки осуществления аграрных преобразований в послевоенный период имели паллиативный характер и существенно не влияли на развитие аграрного сектора экономики и села. В условиях тоталитарной политической системы по отношению к сельскому хозяйству использовались командно-административные методы и внешнеэкономические механизмы, которые явились главными причинами исторического поражения социализма как общественного строя.

4.3. СОСТОЯНИЕ РУРАЛЬНОСТИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

В данной части работы исследуется состояние руральности во временном отрезке в полстолетия, охватывающем период, сменивший эпоху индустриального общества, который получил название постиндустриального. Определение периода, закрепившееся в фундаментальном труде Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования», с одной стороны, явля-

ется наиболее нейтральным и характеризующим его историческое место в череде социальных изменений, и наиболее корректным по отношению к их тенденциозности — с другой стороны. Неопределенность и неясность контуров будущего зарождающегося общества Д. Белл передает с помощью приставки «пост» (после) и термина «грядущее». По сути же речь идет о социальном общественном организме, формирующемся в недрах развитого индустриального общества, еще не обретшего устойчивых характеристик как нового общества, т. е. грядущего общества. Поэтому вполне правомерно определить данное общество как переходное. Такое состояние неопределенности рассматриваемого периода общественного развития побудило научное сообщество к поиску дефиниции, наиболее полно передающей природу и содержание феномена постиндустриального общества. Вследствие указанного поиска вскоре появился термин «информационное общество».

На наш взгляд, это определение не является в полной мере адекватным по отношению к общественным процессам, происходящим в различных сферах и отраслях грядущего общества. Информация существовала и использовалась и в предшествующие периоды общественного развития. Вероятно, авторы концепции информационного общества хотели подчеркнуть новизну зарождающегося общества, связанную с новыми технологиями передачи и хранения информации, но это требует использования иной терминологии. Информация же сама по себе не может выступать даже фактором производства, она не субъективирована в отличие от знания, которое будучи индивидуализированным, является формой осмысленного использования информации. Следовательно, информация — это исходный материал для формирования нового знания, являющегося персонифицированным и используемым его субъектом осознанно. Творец знания является не только его носителем, а и собственником, выступающим основным производительным классом грядущего общества.

Заметим, что классик концепции постиндустриального западного общества второй половины XX ст. Д. Белл подчеркивал ключевую роль теоретического знания, ставшего главным источником технологических нововведений. При этом он отмечал, что «постиндустриальное общество... является «идеальным типом», построением, составленным социальным аналитиком на основе различных изменений в обществе, которые, сведенные воедино, становятся более

или менее связанными между собой и могут быть противопоставлены другим «концепциям» [13, с. 18, 655]. При этом Д. Белл не прибегает к тотальному противопоставлению понятия «постиндустриальное» понятиям «доиндустриальное» и «индустриальное», используя для такого противопоставления исключительно технологический аспект. В этом смысле он не уподобился В. Ленину, выведившему в своей теории империализма как высшую стадию капитализма, социализм из этой самой высшей фазы. Д. Белл указывал, что постиндустриальное общество не приходит на смену капитализму, поскольку в данном случае используются различные концептуальные схемы: постиндустриальная схема соответствует технологическому аспекту общественного развития, капитализм — социально-экономический аспект [13, с. CXLVI]. Более того, он использует данный исследовательский прием для определения природы конвергенции. С целью выявления общих черт разных по своему социально-экономическому статусу, Д. Белл «развел» по разным плоскостям отношения собственности и производительные силы. Отталкиваясь от этого, он доказал, что между странами, представляющими разные социально-экономические системы — социализм и капитализм, наряду с отличиями, существует и ряд общих черт и характеристик (рис. 4.1) [13, с. CXLVIII].

Рис. 4.1. Модель конвергенционного развития

Так, по технологическому признаку США и СССР принадлежали к одному типу стран — индустриальных обществ. Однако по отношению собственности в качестве схожих между собой выступали СССР и Китай, а США и Индонезия составляли другую пару. Тем самым Д. Белл хотел указать на то, что применение термина «постиндустриальное общество» свидетельствует о формировании новой технологической и хозяйственной системы, приходящей на смену индустриальному типу хозяйства.

Подчеркивая связь технологической и хозяйственной системы с социальной организацией общества, В. Иноземцев отмечает, что из трех типов общества — «доиндустриального», «индустриального» и «постиндустриального» только индустриальный хозяйственный базис предполагает вполне определенные социальные формы, и ему соответствует, в общем и целом, лишь один тип общества — капиталистический. Напротив, доиндустриальный хозяйственный базис может служить основой для разнообразных форм социальной организации, и поэтому понятие «доиндустриального» общества оказывается абстрактным, не пригодным для сколь-нибудь конкретного анализа. Таким образом, понятие «постиндустриальное» может быть применено только для описания технологического и хозяйственного базиса современных нам обществ, но при этом оно не определяет их социальной и политической организации. «Постиндустриальное общество» является такой же абстрактной конструкцией, как и «доиндустриальное». Иначе говоря, на базе постиндустриальной экономики может возникнуть (и возникает) целый ряд обществ, охарактеризованных не столько с точки зрения технологической организации, сколько исходя из наиболее важных социально-политических отношений, складывающихся внутри этого общества [103, с. 142–143]. Отсюда следует вывод, что на основе современных технологий могут функционировать руральные социальные системы.

В свете указанного положения применительно к европейскому континенту речь идет о трех моделях постиндустриализма — западноевропейской, центрально-восточноевропейской и постсоветской. Применительно к первой модели речь идет о сложившемся капиталистическом обществе с достаточно развитой технологической и хозяйственной системой, составляющей ядро постиндустриального пространства. Две остальные модели в современной экономической литературе [497] отнесены к «переходным» системам, состоящим из 27 стран, определенных как периферийные. С нашей точки зрения,

«переходные» страны следует дифференцировать на полупериферийные (центрально-восточноевропейские постсоциалистические страны) и периферийные (постсоветские республики). Основанием такого разделения служит прежде всего разное капиталистическое «наследие» указанных стран. Центрально-восточные страны на рубеже 1980—1990-х годов совершили инверсию (возврат) капитализма, которая состоялась спустя сорок с лишним лет пребывания в составе «мировой системы социализма». Во-первых, формирование новых, рыночных отношений в этих странах имело свои отличительные черты. Речь идет прежде всего о более радикальном и динамичном способе осуществления перехода к новым общественным отношениям. И что не менее важно, старая номенклатура не могла и не желала извлечь выгоду для себя в процессе осуществления трансформации старой экономической системы в виде ренты, а тем более получить контрольный пакет акций приватизированных предприятий. Кроме этого, немалая часть центрально-восточноевропейских стран, после вступления в Европейский Союз, получила от этого не только экономическую помощь, а и бесценный опыт стран, стоящих у истоков создания ЕС. Постсоветские республики, за исключением стран Балтии (Латвия, Литва, Эстония), занимают периферийное положение в постиндустриальном европейском пространстве, в первую очередь, в силу практического отсутствия капиталистического «следа» в их социально-экономическом и политическом развитии. На характер общественных преобразований наложил отпечаток характер «выхода» из старой социальной системы как следствия распада СССР. В результате этого сложился безоговорочный разрыв со старой системой ценностей как отживших и несовершенных. В таких условиях сложился разрыв со старой системой общественных отношений, а формирование новых отношений происходило на неподготовленной социальной почве. Осуществленная же ускоренными темпами приватизация не создала достаточных общественных ресурсов в виде первоначального накопления капитала. Как следствие, в постсоветских обществах сформировался класс капиталистов, существующих вне системы капитализма как таковой, при фактическом отсутствии институтов рыночной экономики и инфраструктуры рынка. В этом смысле вызывает сомнение вывод о том, что в Украине сложилось «переходное» общество как предпосылка постиндустриального общества. Украина, как и Россия, обладая огромными природными и иными ресурсами, масштабами экономик на начальной фазе перехо-

да от социализма к капитализму, так и не стали локомотивами этого процесса. Это утверждение является вполне обоснованными по отношению к преобразованиям в различных общественных сферах и отраслях производства, в том числе и в сельском хозяйстве. В частности такая внешне привлекательная и радикальная мера, как наделение крестьянства землей, не принесла ожидаемых экономических и социальных результатов.

Среди европейских стран, активно включившихся в процесс постиндустриальной трансформации, особое место занимают Скандинавские страны, которым удалось гармонизировать системы общественных отношений вокруг трех базовых ценностей: «веберовского» духа капитализма, принципа социальной справедливости и идеи процветающего земледелия.

Руральность как определенное состояние общества, характеризующееся преимущественно аграрным способом производства материальных благ, стиль и способ жизнедеятельности, развивающиеся в границах сельского пространства, имеет свою логику и траекторию развития, заданные объективными общественными процессами, национальной, региональной и местной спецификой.

Вместе с тем руральность как составная часть общественной системы несет в себе ее генетический код и обусловленность поступательного исторического развития. Учитывая данное обстоятельство, уместно произвести сравнительный анализ состояния руральности в рамках предложенных ранее западноевропейской, центрально-восточноевропейской и украинской (как одной из разновидностей постсоветской) моделей постиндустриализма. При этом следует учитывать один исторический факт, связанный с тем, что для второй и третьей моделей наступление постиндустриального периода совпало по времени с периодом «расставания» с социализмом, в то время как первая модель на пути становления постиндустриализма не претерпела формационных метаморфоз.

Однако нельзя отрицать, что в истории западноевропейских стран нового времени имели место революционные методы общественных преобразований, связанные с насильственным утверждением нового социального строя — капитализма. Однако подобная форма общественной трансформации не замещала собой логики эволюционного развития. По этой причине все проблемы, связанные с идиотизмом деревенской жизни (выражение К. Маркса), остались в далеком прошлом Западной Европы и были разрешены самой историей. Поэтому

присутствие в руральном пространстве наряду с не аграрными видами деятельности, представленными вторичным и третичным секторами, также сельскохозяйственной деятельности, не ассоциируется с архаикой, социально-экономической отсталостью и цивилизационной «неполноценностью». В аграрном производстве широко используются современные технологии, внедряются инновационные разработки. А состояние социальной среды рурального пространства, условия жизнедеятельности населения, уровень и качество его жизни вполне сопоставимы с соответствующими показателями урбанного социального пространства.

При этом европейская руральность не утратила значимых характеристик аграрности, о чем свидетельствуют приоритеты европейской Программы развития сельских территорий (рис. 4.2) [117, с. 71].

Рис. 4.2. Общие приоритеты европейской Программы развития сельских территорий в ЕС

И это при том, что в мировом рейтинге десяти стран с наиболее развитым сельским хозяйством [81] Европа представлена лишь полуевропейской Турцией с ее восьмым местом. Среди данной категории такие высокоразвитые страны как США (третье место), Япония (десятое место), находящийся на экономическом подъеме Китай (лидер рейтинга).

Лидеры развитых стран отдают себе отчет в том, что главной целью сельского хозяйства является обеспечение человечества продук-

тами питания. Данный лейтмотив был ведущим во время проведения Конгресса по сберегающему земледелию, прошедшего в декабре 2008 года в Париже, который по времени совпал с мировым финансовым кризисом. Поэтому не случайно делегации 14 стран, представляющие пять континентов, критически отнеслись к практике старой Европы, долгие годы крестьянствующей спокойно и успешно благодаря дотациям сельхозпроизводителям. По этому поводу критически высказался вице-президент Национальной ассамблеи Франции Марк де Фюр, указавший на три основные европейские ошибки в организации сельскохозяйственного производства. Первая из них состоит в том, что сельское хозяйство рассматривается только в контексте бюджета: оно требует больших затрат в обмен на возмещение низких цен, на финансовую поддержку. Выбор состоит в том, чтобы снизить цены и тем самым ограничить производство (квоты, поле, пар) или ограничить число сельхозпроизводителей. Вторая ошибка — в том, что сельское хозяйство рассматривается исключительно как «приложение» к чему-то более важному, только как вспомогательный сектор. Третья ошибка — в том, что главными для политиков были города, и были смешаны понятия ритмичности сельского хозяйства и ритмичности индустрии [88].

Это свидетельствует о том, что Европа осознала необходимость внедрения новых технологий в сельскохозяйственное производство с учетом его специфики, целесообразность в переориентации вектора развития от промышленности в сельское хозяйство как к отрасли не самодостаточной, поставляющей продукцию на продовольственный рынок, который не является саморегулируемым. Следует учитывать, что начиная с промышленной революции XVIII ст. рост промышленного производства преимущественно обеспечивался за счет сельского хозяйства. А в Советском Союзе перекачка ресурсов из села в город осуществлялась насильственным путем. Таким образом, в современных условиях сельское хозяйство — не только поставщик продовольствия, но и генератор развития промышленности.

При этом надо учитывать, что Европейский Союз ежегодно обеспечивает свыше 1/5 мирового производства зерна, более 1/3 молока и 1/6 свинины, а по производству сахарной свеклы и ячменя — не имеет себе равных. Конечно, каждая европейская страна имеет свою специфику, обусловленную ее географическим положением, природно-климатическими условиями, факторами производства, уровнем социально-экономического развития, плотностью населения и др.

В стоимости ВВП доля сельского хозяйства этих стран во многом определяется структурой экономики. Если в относительно слаборазвитых в индустриальном плане Болгарии и Румынии данный показатель составляет 4–6 %, то в Германии и Великобритании — 0,5–0,6 %; абсолютными лидерами в торговле аграрной продукцией являются Нидерланды, Франция и Дания [271, с. 139, 136].

Проведение общей политики сельского развития европейских стран позволило выработать стратегические ориентиры развития сельских территорий, соответствующие стратегии «Европа 2020» (табл. 4.3) [295, с. 153].

Таблица 4.3

Стратегическая ориентация развития сельских территорий в соответствии со стратегией «Европа 2020»

Стратегический ориентир	Тематическое направление	Направление инвестиционной деятельности на сельских территориях
Разумный рост	<ul style="list-style-type: none"> – активизация научных исследований, технологического развития и инновационной деятельности; – повышение доступности, качества и уровня использования информационных компьютерных технологий; – повышение конкурентоспособности малых и средних предприятий в аграрном секторе 	<ul style="list-style-type: none"> – поддержание конкурентоспособности малого, среднего бизнеса (поддержание бизнеса на стадии начала и специальная поддержка); – сельский туризм; – обеспечение населения водой и продуктами питания
Устойчивый рост	<ul style="list-style-type: none"> – переход к низкоуглеродистой экономике во всех секторах; – содействие адаптации к изменению климата, предотвращение и управление рисками; – сохранение и защита окружающей среды и повышение эффективности использования ресурсов; – содействие устойчивому развитию транспорта и инфраструктуры 	<ul style="list-style-type: none"> – инновации для разумной специализации; – инновации для низкоуглеродистой экономики; – инновации в развитии природного капитала, сохранение окружающей среды

Стратегический ориентир	Тематическое направление	Направление инвестиционной деятельности на сельских территориях
Инклюзивный рост	<ul style="list-style-type: none"> – содействие стабильной и качественной занятости, поддержка мобильности рабочей силы; – содействие социальной интеграции, борьба с бедностью и предотвращение любой дискриминации; – инвестиции в образование, подготовку кадров и профессиональную подготовку и развитие навыков на протяжении всей жизни; – укрепление институционального потенциала государственных органов; – эффективное государственное управление 	<ul style="list-style-type: none"> – развитие навыков рабочей силы; – рост навыков и поддержка стремления молодежи к развитию; – реализация потенциала работников низкооплачиваемых профессий; – утилизация потенциала работников старшего возраста; – поддержка молодых безработных

Выявлению особенностей групп европейских государств способствует кластерный анализ, использование которого позволило Э. Крылатых выделить шесть агрокластеров, классифицируемых по 14 показателям, объединенных в пять групп [140, с. 142]:

- уровень экономического развития (ВВП на душу населения, тыс. \$);

- обеспеченность сельскохозяйственными угодьями: численность населения, площадь сельхозугодий, сельскохозяйственные угодья (на одного человека);

- эффективность производства: урожайность зерновых (т/га) и надои молока на корову (тыс. т/голову);

- внешняя торговля сельскохозяйственной продукцией (объемы экспорта, импорта и сальдо (млрд дол.);

- потребление наиболее значимых продуктов на душу населения.

Первый кластер — крупные страны с развитым сельским хозяйством: Франция, Германия, Великобритания.

Второй кластер — наибольшие по площади и численности населения государства Европы: Бельгия, Дания, Нидерланды, Ирландия,

являющиеся весьма продвинутыми в аграрной сфере и уровне продовольственной безопасности.

Третий кластер — государства СНГ, расположенные на территории Европы: Россия, Беларусь, Украина, Молдова, производящие значительные объемы сельскохозяйственной продукции, но имеющие сложные проблемы общего развития экономики.

Четвертый кластер — государства Западной и Южной Европы с достаточно развитым сельским хозяйством, но находящиеся в сложном экономическом положении (Греция, Италия, Испания, Португалия).

Пятый кластер — государства Центральной Европы, бывшие члены СЭВ, прошедшие сложную трансформацию в направлении рыночной экономики и интеграции в ЕС (Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Чехия).

Шестой кластер — страны Прибалтики, бывшие республики СССР, интегрированные в ЕС (Латвия, Литва, Эстония).

В кластерном анализе учтена оценка влияния предшествующего развития государств и агропродовольственных сфер за последние 50 лет на их современное состояние.

Кластерный анализ выявил дифференциацию показателей ВВП на душу населения между вторым и третьим кластерами в 25-кратную величину в 2000 году, которая сократилась в 2012 году до 7-кратной величины. Внутрикластерная дифференциация по указанному показателю была наибольшей в третьем и пятом кластерах: в 7 раз и в 3 раза соответственно.

По уровню обеспеченности сельскохозяйственными землями приоритет принадлежит третьему кластеру, где на одного жителя приходится 1,34 га сельхозугодий, тогда как в первом и втором кластерах в 4 раза меньше — всего 0,3 га/чел., в четвертом и пятом — 0,41 и 0,48, в шестом — 0,7 га/чел. Максимальная дифференциация по странам: Россия — 1,5 га/чел., Нидерланды — 0,1 га/чел.

Несколько иной является эффективность использования пашни в сельском хозяйстве, измеряемая урожайностью зерновых. В среднем по государствам третьего кластера урожайность этой культуры составила в 2012 году 2,3 т/га, тогда как в первом кластере — 6,9 т/га, во втором — 7,4 т/га. Рекордсменами эффективности являются Бельгия и Нидерланды — 8,6 т/га.

Критерием продовольственной безопасности является внешняя торговля сельскохозяйственным сырьем и продовольственной продукцией (показатели объемов экспорта и импорта). По общему

объему экспорта очевидное превосходство имеют первый и второй кластеры — 183 и 155 млрд дол. против 27 млрд дол. в третьем кластере. Наиболее крупные объемы экспорта обеспечивают Нидерланды (89 млрд дол.) и Германия (80 млрд дол.). Показатель сальдо внешней торговли — отрицательный в первом (–27 млрд дол.) и третьем (–47 млрд дол.) кластерах, тогда как во втором кластере — он положительный (+46 млрд дол.). Наивысшие показатели отрицательного сальдо в России (–28 млрд дол.) и в Англии (–31 млрд дол.). Наилучшими эти показатели являются в Нидерландах (+46 млрд дол.) и во Франции (+28 млрд дол.).

Уделяя большое внимание развитию сельских территорий, европейские страны при оценке состояния руральности руководствуются территориальным подходом, концептуальные основы которого были разработаны во второй половине 1980-х годов [176, с. 14]. Однако в программном документе он был закреплен в 1996 году. Речь идет о «Коркской декларации», принятой на Европейской конференции по сельскому развитию, состоявшейся в Ирландии, которая содержит «десятиточечную программу» (10 принципов), отражающую тему конференции — «На пути к комплексной политике развития сельских районов».

В преамбуле программы подчеркивается необходимость расширения социально-экономических секторов в сельских районах на фоне снижения экономического веса сельского хозяйства и иного хозяйства в сельской местности и перехода от поддержки цен к прямой поддержке товаропроизводителей с целью повышения качества жизни населения, поддержания биологического разнообразия и культурных ландшафтов. Программа содержит десять индикаторов — ориентиров будущего сельских районов ЕС: сельское предпочтение в политике, обеспечивающее успешное развитие сельских районов; интегрированный подход к сельскому развитию; диверсификация экономической и социальной деятельности; устойчивое развитие сельских районов; следование принципу субсидиарности (партнерство и сотрудничество на местном, региональном, национальном и европейском уровнях); радикальное упрощение в законодательстве ЕС, предполагающее децентрализацию и гибкость политики; программирование развития сельских районов, основанное на последовательных и прозрачных процедурах, интегрированное в единую программу развития региона; поощрение использования местных финансовых ресурсов для содействия местным проектам развития

сельских районов; управление (использование административного потенциала и эффективность региональных и местных органов власти, а также общин); мониторинг и оценка бенефициаров. Участники конференции, отмечается в заключительной части программы, осознают свою ответственность за превращение сельских районов в значимые центры жизнедеятельности, привлекательные для различных категорий населения [505].

В ЕС разрабатываются социальные программы поддержки сельских районов с менее благоприятными условиями, к которым отнесены три группы территорий: горные территории с коротким вегетационным периодом и крутыми склонами, а также территории выше 62 параллели; территории, которые могут быть выведены из сельскохозяйственного оборота вследствие низкой продуктивности земель, и с сокращающейся численностью сельского населения, основной доход которого зависит от сельскохозяйственного производства; территории, где сельскохозяйственное производство должно быть сохранено для того, чтобы не нарушать окружающую среду, сельскую местность, туристический потенциал территории, защитить прибрежные зоны.

Во всех странах ЕС учитывается классификация территориального пространства на преимущественно сельские, преимущественно городские и промежуточные. На преимущественно сельские районы ЕС приходится 57 % территории и проживает 24 % населения. На них в 2009 году приходилось 17 % ВВП и 22 % рабочих мест. Данный тип территорий занимает более 80 % пространства Ирландии, Греции, Португалии и Финляндии. В Нидерландах эти территории занимают 2,1 % пространства, на них проживает 1 % населения страны. В Бельгии в преимущественно сельских районах проживают 9 % населения и производится 6 % от общего ВВП, что незначительно по сравнению с Ирландией (60 % от ВВП), Словакией (40 %), Данией (39 %) [496, с. 51, 55, 65].

В Европейском содружестве еще сохраняются различия в уровне жизни городского и сельского населения, который в свою очередь дифференцируется в разрезе старой Европы и новых стран-членов ЕС (ЕС–12). Так, доход на душу населения в преимущественно сельских районах на 17 % ниже, чем в преимущественно городских. При этом в странах ЕС–15 этот показатель составляет 98 % от городского населения, а в остальной части сообщества — 45 % [496, с. 66]. Однако имеют место и исключения. По данным исследования, проведенного в 2014 году в Германии, доля населения с низкой покупательной

способностью в сельской местности составляет 14 %, тогда как в городе — 22 %. Эксперты такую разницу объясняют двумя причинами: более высокими ценами в городах, которые превышают цены сельской местности на 6 %, а также более высоким удельным весом населения, отнесенного к «группам риска» в городах [104].

Подобная дифференциация имеет место и по видам экономической деятельности. Во всех преимущественно сельских районах Евросоюза преобладающим видом экономической деятельности является сфера услуг, а в сельском хозяйстве, лесном хозяйстве и рыболовстве производилось в 2009 году только 3,9 % ВВП. Однако в новых странах ЕС этот показатель составил 7,4 %, в то время как на сферу услуг приходилось 54,6 % от совокупного ВВП по сравнению с 68,8 % в ЕС—15. В преимущественно сельских районах ЕС 86,6 % населения занято несельскохозяйственной деятельностью, от которой получено 96 % добавленной стоимости. Наиболее высокой занятость в аграрном секторе остается в Румынии (39 %), Болгарии (30,7 %), Польше (25,3 %), Греции (22,8 %), Португалии (22,1 %). Вместе с тем в Бельгии, Германии, Дании, Нидерландах, Словакии и Швеции в базовых отраслях сельской экономики работает менее 5 % всего занятого населения [496, с. 67–68].

Подтверждая приверженность политике развития сельского хозяйства и сельских районов с использованием их потенциала и интеграции местных инициатив, представители европейских государств спустя двадцать лет собрались в сентябре 2016 года в Корке, проведя здесь вторую конференцию по сельскому развитию. Участники конференции приняли Декларацию, содержащую десять ориентиров политики сельского развития: продвижение сельского процветания через реализацию комплексных стратегий и многосекторальных подходов; укрепление сельских цепочек добавленной стоимости на основе горизонтальной и вертикальной интеграции, обеспечивающей справедливые и прозрачные договорные отношения для организации коллективных действий фермеров; инвестирование в проекты, обеспечивающие жизнеспособность сельских районов с использованием инновационных финансовых инструментов, направленных на укрепление связей между городом и селом; сохранение сельской среды, включая естественное и культурное наследие Европы, поощрение производства экологических общественных благ и услуг; управление природными ресурсами (вода, почва, биоразнообразие) с целью их сохранения для будущих поколений; эффективное смягче-

ние последствий техногенного воздействия на климат с применением адаптивных стратегий развития сельского хозяйства, обеспечения устойчивого возобновляемого использования энергии, а также биоматериалов; повышение знаний и инноваций посредством доступа к соответствующим технологиям, социальным инновациям, учебе, консультациям и профессиональной подготовке, способствующим экономическим, социальным и экологическим выгодам; усиление управления сельским хозяйством путем предоставления технической помощи, расширения инновационного партнерства, сотрудничества, поощрения локальных инициатив в целях мобилизации сельского потенциала с учетом потребностей и устремлений соответствующих территорий; продвижение политики доставки и упрощения, направленных на восстановление и укрепление доверия заинтересованных сторон, дальнейшую рационализацию существующей нормативной базы, уменьшение административной нагрузки на бенефициаров, национальные и региональные администрации, внедрение электронного управления; повышение производительности и подотчетности, предусматривающие эффективность расходов, осуществление достоверного мониторинга и системы оценок [468].

Проведенный анализ состояния руральности в европейских странах свидетельствует о том, что одной из главных особенностей развития сельских районов является его сложность. Исходя из этого исследование этих районов целесообразно проводить на основе различных научных точек зрения, которые помогут определить видение будущего. Решению этой познавательной и практической задачи служит Европейская сеть развития сельских районов (ERDN), созданная в 2002 году для интеграции усилий и компетенций различных европейских исследовательских институтов в их совместной работе по анализу трансформации сельских районов в условиях расширения ЕС. ERDN периодически проводит научные конференции по вопросам развития сельского хозяйства и сельских районов с последующей публикацией докладов ученых, представляющих разные страны Европы, а также издает тематический ежегодник, в котором публикуются научные статьи.

Далее будут использованы материалы указанных научных изданий, содержащие актуальные данные, свидетельствующие об усилиях ЕС по адаптации новых членов Европейского сообщества к сельскому пространству старой Европы.

Первоочередное внимание в Европейском Союзе уделяется внедрению инноваций в сельское хозяйство. Так, в период с марта 2015

по октябрь 2017 года для фермерских хозяйств, исследователей и других заинтересованных сторон центрально-восточноевропейских стран действовал проект «Горизонт 2020» Европейского Союза «АгроСпин», призванный соединить научные концепции с практикой хозяйствования в процессе внедрения инноваций в сельскохозяйственное производство. Новизна проекта заключается в его ориентации на совместное групповое обучение и создание сетей с агентами расширения, действующими в качестве посредников. В ходе реализации проекта было осуществлено несколько перекрестных визитов партнеров в составе 7–8 человек, которые на местах в течение 3–5 дней проводили тематические исследования путем опроса фермеров, консультантов по вопросу использования инноваций фермерами. Исходя из интересов, отраженных в первом перекрестном посещении, были определены четыре сферы общих интересов: инновационный процесс; субъекты и цели; окружающая среда; характеристика инноваций. В результате 13 визитов были совместно описаны и изучены 58 случаев из практики хозяйствования, которые обогатили их участников теоретическими знаниями и практическими навыками, с учетом национальных, региональных и местных особенностей, а также исторических и культурных традиций [508].

Кроме оказания финансовой помощи центрально-восточноевропейским странам-членам ЕС предоставляется и сельскохозяйственная научная поддержка, направленная на преодоление диспропорций в социально-экономическом развитии членов содружества. В частности, в указанных странах используется 51 % рабочей силы ЕС, занятой в сельском хозяйстве, 29 % всех сельскохозяйственных земель Евросоюза и производится 14 % валовой добавленной стоимости сельского хозяйства ЕС. Однако расходы государственных бюджетов этих стран, направленные на развитие сельскохозяйственной науки, составляют в среднем 0,017 % ВВП, что значительно меньше, чем в ЕС–15. Подобные структурные проблемы экономик, характеризующиеся низкой продуктивностью сельского хозяйства, следует разрешать на научной основе с использованием инновационных технологических решений, которыми владеют страны-старожилы ЕС. Этому способствовало внедрение в 2013 году проекта «Impresa», в котором описана современная эволюция сельскохозяйственных исследований и их последствия для сельского хозяйства для ряда регионов, представляющих агроэкономическое и социально-экономическое разнообразие [485].

Большую роль в продвижении рурального способа жизнедеятельности играют профильные исследовательские центры ЕС. Например, Научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства Венгрии, проанализировав развитие сельского хозяйства и сельских районов за последнее десятилетие, сформулировал Программу развития сельских районов, в которой учтено сочетание традиций и новых тенденций, связанных с модернизацией инфраструктуры и сферы услуг в сельской местности, которые способствовали уменьшению межрегиональных различий и снижению социально-культурных различий между сельским и городским стилем жизни. Однако новые явления, произошедшие в сельских районах после принятия Венгрии в ЕС, не устранили их социально-экономического отставания от городов. В сельских районах страны проживает 46,9 % населения, производится треть общей валовой добавленной стоимости, занято 40 % от общей численности населения. На уровень экономической активности сельского населения негативное влияние оказывает внутренняя миграция: за период с 2001 по 2013 год из сельских районов в города выехало более 100 тыс. человек. В сельских районах доходы на душу населения составляют 6,6 тыс. евро против 8,7 тыс. евро в среднем по стране. В формировании доходов сельского населения весомую роль играет размещенная на селе пищевая промышленность, удельный вес которой в ВВП составляет 6,6 %. Большую роль в развитии сельских районов играют субсидии, распределяемые на эти цели в рамках специальных программ и фондов ЕС. За 2000–2013 годы на эти цели для Венгрии было выделено 586,5 млн евро — сумма, превышающая валовую годовую продукцию сельского хозяйства (535 млн евро в среднем в год за 2004–2012 годы). Из этой суммы 13,5 % было предназначено для повышения качества жизни в сельских районах. Программой развития сельских районов на 2014–2020 годы предусмотрено выделение 4 млрд евро, из которых более 1 млрд евро приходится на производство экологически чистой продукции 685 млн евро — на поддержание конкурентоспособности и безопасности доходов сельского хозяйства, 767 млн евро — на обеспечение конкурентоспособности пищевой промышленности, 348 млн евро — на устойчивое развитие лесного хозяйства, 387 млн евро — развитие сельских районов. Значительный объем субсидий кроме переработки сельскохозяйственного сырья приходится на развитие виноделия, животноводства, садоводства, поддержание в надлежащем состоянии водного хозяйства и строительство

наибольших зернохранилищ, что отражает сельскохозяйственную специализацию, специфику и традиции Венгрии [465].

В Европейском Союзе большое внимание уделяется выявлению угроз развитию сельских районов, усиливающимся действием глобальных рисков. В частности чешские исследователи связывают эти угрозы с присоединением страны к ЕС, имеющим не только позитивные, а и негативные последствия, проявляющиеся прежде всего о проникновении в чешскую сельскую среду западной девиантной поведенческой модели, разрушающей сложившиеся адаптивные ориентации и устои духовной культуры сельских жителей (недооценка социальной роли брака, нивелирование гендерной дифференциации, ослабление обязанности детей по уходу за своими престарелыми родителями, отсроченная готовность к трудоустройству, уход родителей от ответственности за воспитание собственных детей, немалая часть которых рождается вне брака, пристрастие к алкоголю и наркотикам). Беспокойство общественности также связано с уменьшением населения сельских районов, вызванного внутренней миграции сельских жителей в города. По этой причине, а также вследствие трансформации экономической системы уровень занятости в первичном секторе сократился с 11,4 % в 2001 году до 6,5 % в 2011 году. Более 70 % жителей сельских общин трудоустроены за пределами своего местожительства, затрачивая на связанные с этим поездки 14 % общих расходов. Сельские жители также вынуждены обращаться в близлежащие крупные центры для получения услуг, связанных со здравоохранением, образованием, досугом. Тревогу общества вызывает резкое сокращение пахотных земель, поскольку Чехия занимает второе место в Европе (после Словакии) по удельному весу арендованных сельскохозяйственных угодий. Здесь, как и в ЕС в целом, существует неравенство в доходах сельского и городского населения. В целом образ жизни в сельских районах радикально отличается от образа жизни крупных городов, в то время как он имеет много сходных черт с образом жизни малых городов. Сельское население, проживающее в пригородных районах, характеризуется социальными различиями по сравнению с сельским населением, удаленным от городов. Сельские общины испытывают давление со стороны глобальных корпораций, которые ограничивают их в добыче угля, используемого только на четверть для отопления домов, остальная часть преобразуется в экспортируемую электрическую энергию. Учитывая сложившуюся ситуацию, в Чехии основной ак-

цент делается на развитие местных сообществ и локальной идентичности (местное развитие на уровне общин), которое закреплено в программном периоде 2014–2020 годов [497].

Существенное отличие от остальных регионов имеет развитие сельского хозяйства и сельских районов в альпийских регионах Австрии, Германии, Италии, Словении, Франции и Швейцарии, средняя высота ведения сельского хозяйства в которых колеблется между 700 и 2100 метрами, что служит основанием для выделения по климатическим условиям четырех зон, пересекающихся в районе Зальцбурга (Австрия). Для данного региона характерна общая черта, связанная со снижением с 2000 года на 22 % занятых земледелием. Существенно колеблется и количество населения (регионы Nuts 3): от 49 тыс. человек (Восточный Тироль, Австрия) до 516 тыс. человек (провинция Больцано, Италия). Варируемая плотность населения (от 24 до 145 человек на км кв.) соответствует национальным средним величинам. Удельный вес ВВП в расчете на душу населения колеблется в пределах 18–26 тыс. евро. Количество занятых в сельском хозяйстве находится в диапазоне 12–14 %, сектор услуг наиболее развит в швейцарских и французских альпийских регионах. Наибольшее число мелких ферм (менее 5 га пахотных земель) — в итальянских альпийских регионах, их общее число заметно падает в Верхних Альпах. Среди фермеров преобладают лица старше 55 лет, их доходы составляют от 30 тыс. евро в год. Субсидирование цен на сельскохозяйственную продукцию колеблется в пределах 20–50 % (кроме австрийских альпийских регионов, где оно отменено). Изменение численности населения в альпийских регионах находится на уровне или выше среднего по стране (в австрийской части Альп оно ниже среднего по стране). В абсолютном выражении налоги предприятий и пошлины являются самыми высокими в провинции Больцано (2,7 тыс. евро), как и его удельный вес по отношению к валовому доходу фермы — 7,39 % против минимального показателя 0,66 %, характерного для словенского альпийского региона. Учитывая отмеченные тенденции в развитии альпийских регионов ЕС, в программном периоде 2014–2020 годов основное внимание уделяется диверсификации экономической деятельности, за счет как развития несельскохозяйственного сектора, так и усиления животноводческой направленности сельскохозяйственного производства [507].

На основе приведенных данных не трудно сделать вывод о том, что современное состояние руральности в постиндустриальный пе-

риод в странах — членах ЕС является результатом ее исторической эволюции на протяжении предшествующего развития, а также целенаправленного регулирования институтами и организациями европейского сотрудничества с использованием различных управленческих инструментов, включая программирование и финансирование с целью расширенного воспроизводства сельских районов.

Несколько иная картина с состоянием руральности в рассматриваемый период наблюдается в Украине, для которого характерны противоречивость и неравномерность проявления. Данная тенденция проявляется в несоответствии уровня и качества жизни сельского населения стратегической роли аграрного сектора как гаранта продовольственной и национальной безопасности страны. Это противоречие дополняется и углубляется диспропорциями между аграрной и неаграрной составляющими сельской экономики, неравномерностью социо-эколого-экономического развития сельских территорий регионального и районного уровней. Все это в значительной степени предопределяет специфику руральности в Украине.

К отличительным особенностям Украины также следует отнести ведущую роль в руральном развитии ее аграрной составляющей, основу которой определяют огромный природно-ресурсный потенциал, выгодные природно-климатические условия и географическое положение.

По уровню обеспеченности сельскохозяйственными угодьями (0,914 га на человека) и пашней (0,716 га на человека) Украина занимает первое место в Европе [392].

Аграрный сектор формирует более 11 % ВВП, а учитывая перерабатывающую отрасль — 27 % ВВП. Поданными показателям Украина входит в ТОП-10 аграрных стран Европы (табл. 4.4) [407].

Однако занимаемое Украиной место в указанном рейтинге не свидетельствует о достаточно эффективном использовании ею имеющегося потенциала аграрного развития.

Хотя это не мешает отечественным товаропроизводителям занимать лидирующие позиции на мировых рынках зерна, обеспечивая поставки 9 % данной продукции. Кроме зерновых украинские агропроизводители играют одну из ведущих ролей в экспорте подсолнечника, подсолнечного масла, технических культур, вследствие чего каждый четвертый доллар поступает в Украину от экспорта аграрной продукции. В целом государство получает ежегодно от продажи продукции сельского хозяйства на внешних рынках более 11 млрд дол. США [392].

Таблица 4.4

Рейтинг Украины среди европейских стран с наибольшей долей сельского хозяйства в ВВП страны

Место в рейтинге	Страна	Доля сельского хозяйства в ВВП страны
Первое	Албания	21,83
Второе	Молдова	13,8
Третье	Украина	10,43
Четвертое	Македония	10,2
Пятое	Черногория	10,1
Шестое	Сербия	9,66
Седьмое	Беларусь	9,2
Восьмое	Босния и Герцеговина	8,45
Девятое	Болгария	6,7
Десятое	Румыния	6,4

Вместе с тем анализ структуры экспорта агроподовольственной продукции Украины свидетельствует о преобладании в его объемных показателях сырьевой товарной группы, имеющей низкую добавленную стоимость. Такая структура экспорта присуща недостаточно богатым странам и экономикам с невысоким уровнем технологического развития. Пагубно отражается на сырьевом варианте экспорта также засилье среди субъектов хозяйствования крупных аграрных компаний холдингового типа, заинтересованных главным образом в как можно большем и быстром получении прибыли. Отсюда — акцент на засеивание земельных участков преимущественно зерновыми и техническими культурами без соблюдения севооборота. И как результат этого — ухудшение экологического состояния сельскохозяйственных земель и окружающей природной среды.

Из-за несоблюдения оптимального баланса в структуре посевных площадей сельскохозяйственных культур посевы кормовых культур сократились по сравнению с 1990 годом в 5,2 раза, рапса — выросли с 2000 года в 4,7 раза, подсолнечника — в 1,7 раза. В лесостепной и степной зонах под зерновыми культурами занято 60–90 % посевных площадей. Все это негативно отражается на состоянии почвы. Кроме нарушения севооборота не поддерживается баланс между растениеводством и животноводством. По нормам ЕС на 1 га сельскохозяйственных угодий следует содержать одну условную голову скота, а в Украине этот показатель составляет 0,26. Только в 1990 году, когда уровень внесения органических удобрений составил 8,6 т на 1 га

посевной площади, а минеральных удобрений в питательном веществе — 170 кг/га, было достигнуто простое воспроизводство плодородия почв. Общие потери гумуса за последние 20 лет оцениваются в 453,4 млрд грн убытков [83, с. 271].

Особенно остро отмеченные экологические проблемы проявляются в центральных и южных регионах страны, поскольку именно здесь основными производителями растениеводческой продукции (зерновые и технические культуры) являются крупные агрохолдинги, использующие от 200 до 500 тыс. гектаров сельскохозяйственных земель. По сути значительная часть указанных регионов является территорией потенциальной экологической катастрофы.

Преобладание в структуре сельского хозяйства крупных предприятий способствует монополизации производства и усилению неконкурентоспособности хозяйств населения и фермерских хозяйств. Более половины домохозяйств пользуются земельными участками площадью до 1 гектара, 27 % — от 1 до 5 гектаров, 12 % домохозяйств — 5–10 гектаров. Для выращивания сельскохозяйственной продукции только для собственных потребностей домохозяйствами используется 16 % земель, для выращивания сельскохозяйственной продукции как для собственных потребностей, так и на продажу — 11 %, 73 % земельной площади сдается в аренду. При этом арендная плата за 1 гектар сельскохозяйственной земли колеблется от 33 до 280 дол. США, что составляет 3–20 % их нормативной оценки [379].

Из-за низкой занятости населения в общественном производстве ухудшается и демографическая ситуация на селе. Об этом свидетельствует регрессивный тип возрастной структуры населения, по которой доля прародителей (лиц в возрасте от 50 лет и старше) является несколько выше, чем удельный вес детей (в возрасте до 14 лет). При этом на протяжении последних 15 лет при практически неизменной доле родителей (лиц в возрасте 15–49 лет) в составе сельского населения происходит существенное сокращение доли детей, которая в 2016 году была более чем вдвое меньшей, чем доля родителей. Таким образом, на фоне углубления общих тенденций старения населения и соответствующего повышения уровня смертности происходит сокращение доли потенциально детородного контингента, который в будущем может обеспечивать природное воспроизводство населения. Примечательно, что для большинства регионов, в которых доля сельского населения выше, чем в среднем по Украине (30,77 %), характерной является меньшая, чем средняя по стране, интенсивность

процесса депопуляции сельских территорий. Исключением из этого правила являются Черниговская (–28,64 %) и Сумская (–23,46 %) области [291].

Украина, пожалуй, является единственной страной в Европе, где ожидаемая продолжительность жизни в сельской местности более чем на два года меньше, чем в городских районах (табл. 4.5) [392].

Таблица 4.5

Средняя продолжительность жизни в Украине, годы

Городские поселения			Сельские поселения		
оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины
72,03	67,08	76,00	69,88	64,70	72,29

Общей причиной низкой продолжительности жизни сельского населения является бедность его большей части. Каждый третий житель сельской местности относится к категории бедных людей, в малых городах этот показатель несколько меньше, а в крупных городах число бедного населения более чем в 2 раза меньше, чем в селах [168].

Вследствие сокращения финансирования социальной сферы происходит разрушение сложившейся поселенческой сети, ослабевает значение селителной руральности. Если за 1990–2000 годы в среднем в год исчезало 6 поселений, то в течение 2001–2014 годов — 18. В девяти областях средняя людность сельских населенных пунктов составляет 247–377 человек, удельный вес малых сел — 29,8–50,8 %, плотность сельского населения — 11–20 человек на 1 кв. км; более чем в трети сел (без учета обезлюдненных, но не снятых с учета) нет ни одного субъекта хозяйственной деятельности, причем к этой категории относится 1869 сельских населенных пунктов (6,5 % от их общего количества), имеющих население более 300 человек [380].

Деградация социальной инфраструктуры села проявляется в сокращении учреждений здравоохранения, культуры, образования, в отсутствии дорог с твердым покрытием, соединяющих крупные населенные пункты с небольшими селами. Более 47 % домохозяйств не получают бытовых услуг, 41,8 % — услуг скорой медицинской помощи, 28,5 % — услуг медицинских учреждений. В 2017 году только 0,6 % сельских домохозяйств были обеспечены центральным отоплением, 10,6 % — газовыми колонками, 15,7 % — горячим водоснабжением, 27,4 % — баллонным газом, 50,5 % — канализацией, 51,2 % — водопроводом [379].

Выход из создавшегося положения заключается в увеличении инвестиций, направляемых на развитие сельских территорий (рис. 4.3) [100, с. 142].

Рис. 4.3. Стратегические направления инвестирования на сельских территориях

Возрастающая роль аграрной составляющей руральности в глобальном экономическом развитии нашей страны и угрожающее состояние ее экологической и социальной составляющих требуют также незамедлительной разработки руральной модели развития Украины, что предполагает:

- усиление государственного регулирования процесса холдингизации аграрного производства;
- более широкое привлечение фермерских хозяйств и хозяйств населения к рыночной среде;
- активное развитие на селе кооперации и контрактации;
- эффективную государственную поддержку семейных домохозяйств;
- создание для индивидуального сектора благоприятного инвестиционного климата;

- расширение налоговых льгот для сельскохозяйственных товаропроизводителей;
- установление более высоких закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, поставляемую на перерабатывающие предприятия;
- введение рыночной цены на земельные и другие природные ресурсы;
- преимущественное размещение перерабатывающих предприятий на сельских территориях, то есть ближе к источникам сырья;
- переоценку украинским обществом роли руралистических основ гарантирования продовольственной и национальной безопасности;
- переработку на началах руральности и рурализма общественного сознания.

РУРАЛИСТИКА КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУЧНАЯ ОТРАСЛЬ

5.1. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ СУЩНОСТЬ РУРАЛИСТИКИ

Сущность есть не что иное, как внутреннее содержание исследуемых объекта, процесса, явления, в то время как перечисленные ее носители выступают формами проявления сущности. Чтобы постичь сущность, необходимо использовать определенный арсенал познавательных средств. В данном случае постижение междисциплинарной сущности руралистики предполагает определение отношений между различными системами знаний. Для этого необходимо обратиться к сфере наукознания (науковедения), предметом интереса которого является изучение взаимоотношений внутри науки как социального института.

В науковедении научное познание как форма бытия науки рассматривается в контексте его трех составляющих [188, с. 14]:

- как форма и способ человеческой деятельности;
- как система особого рода знаний;
- как социальный институт.

Главным содержанием науки как деятельности является научная работа, направленная на получение нового знания.

Наука как род знаний должна соответствовать критериям истинности, рациональности, объективности, воспроизводимости, проверяемости. Это система отдельных наук.

Наука как социальный институт — это все, что связано с ее организацией и функционированием.

Научное познание как процесс состоит из следующих структурных компонентов: субъект науки; объект и предмет науки; научный инструментарий; язык науки.

Науки отличаются одна от другой как раз по четырем указанным компонентам, определяющим их круг научных интересов, исследовательское поле, способы выражения и трансляции знаний.

По мере развития научного познания постиндустриальная составляющая науки начинает играть определяющую роль как способ организации научных знаний и их дифференциации. Вследствие

усиления данной тенденции в современном науковедении стали различать понятия «дисциплина» и «наука». В этом смысле вполне обоснованным является подход, в соответствии с которым «...зрелое теоретическое знание существует, как правило, в особой организационной форме дисциплинарности, обеспечивающей его аккумуляцию, трансляцию и модификацию. Теоретичность и дисциплинарность выступают как две стороны одной медали, как характеристики развитого мышления, с одной стороны, и деятельности в контексте общения, с другой... Дисциплина — необходимая форма социального бытия науки как сферы профессионального производства, распределения и потребления знания» [183, с. 17, 20].

О. Мельникова выделяет в научной дисциплине, как основной организационной единице профессиональной науки, когнитивные и социально-культурные институты. Когнитивные институты — фиксированный корпус научного знания; набор явлений и процессов, считающихся традиционными объектами изучения данной научной дисциплины; совокупность философских и теоретико-методологических представлений о природе исследуемой реальности, совокупность средств и методов ее эмпирического изучения. Социально-культурные институты научной дисциплины — определенные схемы и каналы коммуникации между коллегами; профессиональные ассоциации, журналы, издания, кафедры и научные собрания; сфера социальной подготовки и определения профессиональной квалификации специалистов; единая история успехов и неудач дисциплины, представления о перспективах ее развития [184].

Выступая демаркационным средством научного знания по мере их накопления, расширения и укрепления, дисциплина «разрастается» и «размывается». Обогащенные знания, как результат развития фундаментальной и прикладной науки, выходят за сложившиеся ранее дисциплинарные рамки. Когнитивный процесс, как отмечал К. Поппер, приобретает двустороннюю направленность, проявляющуюся в движении от менее к более содержательному и от менее к более общему знанию. Первая тенденция ведет к дифференциации знаний, их специализации, вследствие чего «...мы узнаем все больше и больше о все меньшем и меньшем» [288, с. 224].

Вторая тенденция ведет к универсализации знаний, в результате чего преодолеваются границы между отдельными дисциплинами, а ученые вынуждены, по выражению В. Вернадского, все больше специализироваться не по наукам, а по проблемам [44, с. 370].

Таким образом, эволюция научного знания в рамках научных дисциплин в конечном счете заканчивается их выходом за дисциплинарные границы и образованием сложной системы междисциплинарных отношений, которые Ж. Пиаже типологизировал на мультидисциплинарность как одностороннее дополнение одной дисциплины другой; собственно междисциплинарность как взаимодействие дисциплины; трансдисциплинарность как построение интегральных структур [490, с. 137].

Уточняя данную типологию, российские исследователи выделили три соответствующих типа когнитивных структур [183, с. 21, 22]:

– мульти- (или поли-) дисциплинарные системы знания, характеризующиеся использованием некоторой дисциплинарной онтологии и методов для работы в другой дисциплине или их группе, в рамках которых сохраняются четкость границ, предполагающая различие предметов, методов и результатов взаимодействующих дисциплин;

– междисциплинарные системы знания, отличающиеся объединением дисциплин для создания новой онтологии и методов работы с ее объектами, характеризующиеся меньшей четкостью дисциплинарных границ, в рамках которых дисциплины взаимодействуют в целях создания целостной картины реальности, которая, в свою очередь, дает семантическую интерпретацию фактов в каждой отдельной ресурсной дисциплине;

– трансдисциплинарные системы знания, претендующие на абсолютную универсальность онтологии и методов, утративших дисциплинарную определенность.

Необходимо отметить, что проблема типологизации научных систем отношений достаточно хорошо разработана в зарубежном науковедении. В частности П. Бесселер и Г. Хеамерикс отмечают, что в мультидисциплинарном исследовании предмет исследования рассматривается с разных точек зрения с использованием разных дисциплинарных перспектив. Однако ни теоретические приобретения, ни практические выводы разных дисциплин в результате не интегрируются [463].

По мнению Л. Секко, наиболее распространенной в научных исследованиях является ситуация, когда доминирующая наука использует другую как вспомогательную, применяя ее методы для лучшего понимания собственного предмета изучения. Такую одностороннюю коммуникацию между дисциплинами, определяемую в аристотилев-

ской логике подчинением, автор определяет, как полидисциплинарные исследования [498].

Указывая на сложную структуру междисциплинарных исследований, Б. Николеску выделяет в них три уровня:

– уровень применения; эпистемологический уровень и уровень генерации новых дисциплин [486].

В зарубежной литературе большое внимание уделяют трактовке такого сложного феномена научного исследования как трансдисциплинарность, ставя под сомнение саму возможность его реализации. Сторонники данного подхода подчеркивают его важность в создании холистичного видения предмета исследования, которое достигается за счет того, что в процессе трансдисциплинарного исследования достигается эффект «сквозного» одновременного прохождения границ нескольких дисциплин и выхода за их пределы. На этом основании трансдисциплинарность в узком значении понимается как интеграция разнообразных форм и методов исследования с целью разрешения научных проблем, а в широком значении — как единство знаний, находящееся за рамками отдельных дисциплин, что дает возможность для осуществления общих проектов исследования [463].

Наряду с отмеченными ранее терминами западные исследователи используют также термин «кроссдисциплинарность», используя его для фиксирования исследовательской позиции между мульти- и полидисциплинарностью, с одной стороны, и интер- и трансдисциплинарностью — с другой [479].

На основе терминологического анализа зарубежных научных исследований системы научных знаний К. Кузан предложил условную классификацию используемых терминов в виде ступенек, расположив их в следующей восходящей последовательности: монодисциплинарные, кроссдисциплинарные, мультидисциплинарные исследования [141].

Для дифференциации систем научных знаний зарубежные исследователи прибегают к использованию субъектного подхода. Так, для характеристики мультидисциплинарности они вводят термин «мультидисциплинарный исследователь», идентифицируя его как профессионала, имеющего степени по двум и более академическим дисциплинам. В таком случае один ученый может в мультидисциплинарном сообществе или проектной команде выполнять функции группы исследователей. В классическом же понимании подобные сообщества или группы состоят из множества исследователей, являющихся специалистами по разным дисциплинам, которые принимают

участие в создании и использовании нового знания. Идеальным, но практически недостижимым является научное сообщество, состоящее из трансдисциплинарных профессионалов — специалистов с научными степенями по всем дисциплинам, из которых состоит исследовательский проект [462].

Субъектный подход способствует «наведению мостов» между различными типами систем научных знаний. Речь идет о том, что в зависимости от того, в какой мере и в каком сочетании исследователи будут использовать иные дисциплины в своем дисциплинарном исследовании, трансдисциплинарность может приобретать разные значения — мультидисциплинарности, плюридисциплинарности или интердисциплинарности.

Проведенное сравнение различных типов функционирующих систем научных знаний позволяет вычлениить среди них междисциплинарность, которая является непосредственным предметом данного исследования.

Актуальность междисциплинарных исследований, как рефлексивного осмысления реальности, выходящего за рамки научной специализации, на современном этапе развития глобализации обусловлена усилением общепланетарной тенденции к целостности и универсальности. Независимо от объекта и предмета исследования междисциплинарность проявляется в постановке научных проблем и их решении, развитии теории и методологии познания, выявлении междисциплинарных связей, становлении новых направлений и отраслей знаний. Безусловно, не всякая постановка проблемы, ее решение предполагают рождение новых научных дисциплин, направлений, отраслей, однако они непременно формируют новые знания об изучаемой реальности. Как и современный процесс глобализации, междисциплинарность науки развивается противоречиво, проявляясь, с одной стороны, в интеграции знаний и в усилении их дифференциации — с другой.

Подчеркивая противоречивую и сложную природу междисциплинарности, А. Колот предлагает рассматривать ее с девяти позиций, как [123, с. 18]:

– взаимопроникновение, взаимообогащение подходов и методов разных наук (учебных дисциплин);

– возможность выявить, распознать, воспринять то, что было скрыто в недрах отдельно взятой науки, при условии использования методов и инструментария других наук;

– перенесение в исследование экономической направленности, с одной стороны, социально-экономических, управленческих методов, инструментария за рамки изучения собственно экономики, а с другой — взаимодействие экономистов с другими учеными, заимствование их методического и прикладного инструментария;

– расширение междисциплинарных связей как противодействия сужению предмета, сферы научных исследований, проблематики экономических дисциплин;

– заимствование взаимосвязанными науками методов, инструментария, результатов исследования, использование их теоретических схем, моделей, категорий, понятий;

– стремление к преодолению так называемого экономического империализма в большинстве отраслей экономической науки (неоправданного засилья в экономических науках методологических основ и теоретического инструментария неоклассики и мейнстрима, стремление обогатить экономические науки достижениями других современных экономических, социологических, философских теорий);

– интеграция наук в смысле конструирования междисциплинарных объектов, предметов, обработка которых позволяет получить новое научное знание;

– научно-педагогическая новация, что порождает способность увидеть, распознать, воспринять то, что является недоступным в рамках отдельно взятой науки с ее специфическим, узкоориентированным объектом, предметом и методами исследования;

– синергия различных наук в широком, функциональном ее понимании, что предполагает развитие интеграционных процессов, возрастающее взаимодействие методов, инструментария для получения нового научного знания.

В целом принимая предложенную А. Колотом расширенную трактовку междисциплинарности, отметим его ошибочное понимание экономического империализма. С нашей точки зрения, под этим феноменом принято понимать засилье познавательного арсенала экономической науки в научные дисциплины, исследующие процессы, которые по своему определению не подпадают под сферу влияния методологии экономики как научной дисциплины.

Следует также отметить, что перечисленные А. Колотом проявления междисциплинарности, экстраполированные на сферу экономической науки и образования, являются типичными и для других сфер научной деятельности.

Другое дело, что интеграция компонентов научного познания — объекта и предмета, субъекта, инструментария и языка науки — различна как в разрезе рассмотренных ранее позиций, так и в контексте специфики научных дисциплин, участвующих в междисциплинарном синтезе. Однако в любом случае неизбежным является когнитивный принцип, утверждающий единство и неизменность объекта исследования и дифференциацию в рамках этого объекта предметных полей познания, присущих каждой из участвующих в познавательной деятельности дисциплин.

Междисциплинарные исследования связаны как с отдельным, так и с совместным использованием научных подходов, приемов и методов, находившихся в арсенале представителей различных творческих коллективов и научных школ. В меньшей степени интеграции в процессе междисциплинарного синтеза подвержен язык научных дисциплин.

Выход исследовательской практики на междисциплинарный уровень является следствием эволюционных изменений как объекта познания, так и исследовательского инструментария, что в свою очередь способствует расширению и углублению научных исследований.

Существуют объекты исследования, природа, структура и функции которых изначально предполагают использование междисциплинарного подхода. К таким объектам прежде всего относятся сельские территории, позиционируемые как сельская территориальная подсистема общества, как природные и социально-пространственные образования, в границах которых происходит руральное развитие.

Структурные компоненты сельских территорий, включающие множество элементов, относящихся к их экономической, социальной и экологической составляющим как сложной социо-эколого-экономической системы, представленной различными уровнями, разновидностями и типами, а также обладающих региональной, исторической, социокультурной и иной спецификой, требуют использования для изучения этих природных и социально-пространственных образований теорий, методологических подходов, познавательного инструментария и научного языка, относящихся к различным сферам научного знания, а следовательно, междисциплинарного подхода, адекватных, по своей степени сложности и разнообразия природе исследуемого объекта.

При этом каждая из научных дисциплин определяет в рамках исследуемого объекта свой предмет изучения, тем самым расширяя и углубляя его тематические и сущностные рамки и характеристики.

Дисциплинарный состав исследования будет детально проанализирован при описании научных направлений руралистики как синтетической новой отрасли знаний.

Для последующего раскрытия междисциплинарной сущности руралистики охарактеризуем субъекты исследования, представленные отдельными исследователями, их группами, научными течениями, школами, социальными и научно-исследовательскими институтами.

В данном случае индивидуальный исследовательский уровень представлен автором монографии, в свое время выполнившим три квалификационных работы в виде диссертаций, публично защищенных по трем специальностям, две из которых номинированы на получение ученой степени доктора наук. Таким образом, по указанным ранее формальным личностным критериям междисциплинарности здесь все обстоит так, как это описано в научных источниках. Хотя, на наш взгляд, в этом случае важнее не формальная сторона, связанная с защищенными диссертационными работами, а опыт исследования в различных сферах научного знания, подтвержденный наличием соответствующих публикаций и индексом цитирования, свидетельствующими о признании результатов междисциплинарных исследований научным сообществом.

Научные течения и школы в основном были представлены в первом и втором разделах монографии.

К характеристике исследовательских групп обратимся несколько позже, а сейчас важно проанализировать участие в междисциплинарном синтезе социальных институтов, представленных профильными министерствами, которые согласно должностным Положениям ответственны за состояние дел на сельских территориях. И здесь вырисовывается более чем странная картина, характеризующая отсутствием единого профильного министерства как управляющего и контролирующего со стороны государства развитие и функционирование сельских территорий, хотя этой теме посвящено достаточное количество научных публикаций.

В разные периоды существования украинского суверенного государства курирующая функция попеременно возлагалась на Министерство аграрной политики и продовольствия Украины, а также Министерство регионального развития, строительства и жилищно-коммунального хозяйства Украины. В этом смысле возможности первого министерства ограничены по определению его статусом как отраслевого, а второе скорее номинально и ситуационно, а не функ-

ционально является территориальным. Для подтверждения этого обратимся к соответствующим документам. Так, согласно Положению о Министерстве аграрной политики и продовольствия Украины данный орган в системе центральных органов исполнительной власти [311]:

- формирует и реализует государственную аграрную политику в сферах сельского хозяйства и по вопросам продовольственной безопасности государства, охраны прав на сорта растений, животноводства;

- формирует и реализует государственную политику в сферах рыбного хозяйства и рыбной промышленности, охраны, использования и воспроизводства водных биоресурсов, регулирует рыболовство и безопасность мореходства судов флота рыбного хозяйства, лесного и охотничьего хозяйства, ветеринарной медицины, безопасности и отдельных показателей качества пищевых продуктов, в сферах карантина защиты растений;

- формирует государственную политику в сферах использования и охраны земель сельскохозяйственного назначения.

Как следует из приведенного текста Положения, задания данного министерства носят преимущественно отраслевой и частично межотраслевой характер. В нем даже отсутствует упоминание о руральном пространстве, а рамках которого функционируют сельское хозяйство и смежные с ним отрасли.

Вопреки названию Министерства регионального развития, строительства и жилищно-коммунального хозяйства, в котором воплощены его территориальное и отраслевое предназначение, в котором больше второго, чем первого, именно на него возложены функции главного органа в системе центральных органов исполнительной власти, призванного обеспечить «... формирование и реализацию государственной региональной политики... в частности в отношении территориальной организации власти, административно-территориального устройства, развития местного самоуправления; сохранения традиционного характера среды населенных пунктов... благоустройства населенных пунктов...» [313].

Таким образом, речь идет об отдельных аспектах рурального развития и соответствующей политики, касающихся одной из территориальных составляющих региона, а не о целостной программе развития рурального пространства на всех его уровнях, начиная от базового и заканчивая общегосударственным.

В Положении о Министерстве экономического развития и торговли Украины закреплены задачи общего характера, относящиеся к полномочиям данного отраслевого ведомства без их детализации по территориальному принципу. Надо полагать, что функция (по умолчанию), связанная с преодолением неравномерности экономического развития в пространственном измерении, априори должна быть возложена на территориальное министерство.

Прямое отношение к созданию институциональных основ рурального развития имеет Министерство экологии и природных ресурсов Украины, к основным задачам которого в этой части относятся: «обеспечение формирования государственной политики в сфере охраны окружающей среды... рациональное использование, воспроизводство и охрана природных ресурсов; охрана и рациональное использование земель; сохранение, воспроизводство и неизнурительное использование биологического и ландшафтного разнообразия... развитие водного хозяйства и мелиорации земель...» [312].

К ведомственным органам, причастным к формированию благоприятной руральной социальной среды, относится Министерство социальной политики Украины, уполномоченное в числе других задач обеспечить формирование и реализацию государственной политики «...в сфере труда и социальной политики, занятости населения и трудовой миграции, трудовых отношений, общеобязательного государственного социального и пенсионного страхования... обеспечения равных прав и возможностей женщин и мужчин, оказание гуманитарной помощи, социальных услуг лицам, отдельным социальным группам, которые пребывают в сложных жизненных обстоятельствах и не могут самостоятельно их преодолеть...» [314].

Хотя в прямой постановке эти задачи не относятся к руральному пространству и сельскому населению, тем не менее вполне очевидно, что значительная часть указанных услуг касается именно села и его жителей.

Анализ задач, стоящих перед территориальным, отраслевым и сферным министерствами и имеющими отношение к руральному развитию в прямой постановке или без их привязанности к ним, убеждает в том, что даже в своей совокупности они не отражают те тенденции, которые присущи сельским территориям в их функциональном измерении. Выход из создавшегося положения заключается не столько в том, чтобы создать специальное правительственное ведомство, наделенное властными полномочиями по управлению обществен-

ными процессами, происходящими в различных отраслях и сферах жизнедеятельности сельской территориальной подсистемы общества, сколько в создании «правил игры», адекватных современному состоянию этого сложного объекта управления.

В любом случае можно констатировать, что нынешнее состояние руральности, с одной стороны, свидетельствует о фактическом наличии своего рода междисциплинарности в подходах к реализации задач развития сельских территорий, и вывода ее состояния на качественно новый уровень — с другой.

Принцип междисциплинарности в формировании институциональной среды в руральном пространстве является менее выраженным по сравнению с проявлением междисциплинарного подхода в осуществлении научных исследований по руральной тематике, которые ведут научно-исследовательские институты, большая часть из которых пребывает в ведомственном подчинении перечисленных ранее министерств.

Руральная проблематика в первую очередь активно разрабатывается в четырех профильных научно-исследовательских институтах экономической направленности, один из которых находится в подчинении Национальной академии аграрных наук (Национальный научный центр «Институт аграрной экономики»), а три — Национальной академии наук Украины (Государственные учреждения «Институт экономики и прогнозирования», «Институт экономики природопользования и устойчивого развития», «Институт региональных исследований»).

Одним из главных достижений ННЦ «ИАЭ» более чем за 60-летнюю историю его существования является создание в 1999 году общественного творческого объединения «Всеукраинский конгресс ученых экономистов-аграрников» в составе 250 специалистов высшей квалификации, включая и его зарубежных участников. За почти 20-летнюю историю объединения проведено шестнадцать собраний конгресса, два из которых были посвящены непосредственно руральной проблематике: «Социально-экономические проблемы развития украинского села и сельских территорий» (2005 г.) и «Современные проблемы и перспективы устойчивого развития сельских территорий в Украине» (2017 г.). Обсуждение актуальных вопросов развития сельских территорий способствовало активизации научной работы экономистов, географов, социологов, демографов в данном направлении и координации исследований академической и вузовской на-

уки, представленной научными изысканиями ученых Украины. Это в свою очередь дало толчок развитию межпредметных междисциплинарных связей в среде научного сообщества.

В ГУ «Институт экономики и прогнозирования НАН Украины» на протяжении четверти века ведутся фундаментальные исследования различных аспектов сельского развития, результатом которых является периодическая публикация тематических научных докладов, монографических исследований теоретического и прикладного характера, объединивших широкий круг исследователей, представляющих различные регионы Украины. Венцом подвижнической деятельности научных сотрудников института является создание общественного союза «Украинская сеть сельского развития», который представляет собой новую платформу аграрного и сельского развития, именно этот симбиоз отраслевого и пространственного аспектов рурального развития является важным шагом на пути формирования междисциплинарных связей и отношений научного сообщества. Свидетельством возрастающего авторитета данной организации является проведение в марте 2018 года международной конференции «На пути к декларации ООН о правах крестьян и других людей, которые работают в сельской местности», в работе которой приняли участие отечественные и зарубежные эксперты, ученые, практики, представители власти и общественных организаций.

Знаковым идентификатором междисциплинарной исследовательской деятельности является Государственное учреждение «Институт экономики природопользования и устойчивого развития НАН Украины», в самом названии которого заложен смысл междисциплинарности на примере взаимосвязи экономической деятельности и природно-ресурсного потенциала, а также достижения устойчивости развития как сбалансированности и единства экономической, социальной и экологической составляющих общественных процессов. Сущность междисциплинарности научных исследований института определяется такими его видами деятельности как исследование и экспериментальные разработки в сфере общественных и гуманитарных наук; исследования и разработки в отрасли экономических наук. Междисциплинарность также отражена и в научной тематике института, связанной со стратегией устойчивого развития Украины и ее регионов; экономикой природопользования и природно-техногенной безопасностью; экономической эффективностью использования, охраны и воспроизводства природно-ресурсного потенциала;

экономическими проблемами экологической политики. Примером междисциплинарного союза является национальный доклад «Социально-экономический потенциал устойчивого развития Украины и ее регионов: векторы реального продвижения» (2017 г.), подготовленный совместно с Институтом демографии и социальных исследований имени М. В. Птухи НАН Украины. Данное издание содержит также результаты работы других академических научных учреждений — Института экономики промышленности, Института экономико-правовых исследований, Института проблем рынка и экономико-экологических исследований, Института региональных исследований имени М. И. Долишнего и Научно-исследовательского центра индустриальных проблем развития. Результаты данного комплексного исследования имеют важное значение для будущего рурального развития в Украине, поскольку его выход на траекторию устойчивого развития предполагает преодоление диспропорций между сельской и городской территориальными подсистемами общества.

Значительными междисциплинарными научными разработками обладает Государственное учреждение «Институт региональных исследований имени М. И. Долишнего НАН Украины». Вопреки своему месту расположения (г. Львов) данное научное учреждение имеет целый ряд научных разработок, выходящих за рамки Западного региона, к которым в частности относятся: пространственная организация социально-экономических систем; проблемы социально-гуманитарного развития регионов, демографических и миграционных процессов; системы управления и эколого-экономического регулирования развития регионов; устойчивого развития горных и сельских территорий. В этом научном учреждении за последние годы подготовлено наибольшее число фундаментальных исследований по проблематике социально-экономического развития сельских территорий, осуществленных на стыке экономической, социологической, географической и исторической наук.

Междисциплинарный характер научных исследований по определению присущ Институту экономико-правовых исследований НАН Украины, поскольку его предназначением является правовое обеспечение развития экономических систем. Институт за 25 лет своего существования зарекомендовал себя как разработчик научного направления, связанного с социально-экономическим развитием территориальных систем, к которым относятся и сельские территории. В этом плане к достижениям института следует отнести проведение в

сентябре 2016 года международной научно-практической конференции «Опыт объединения территориальных общин на востоке Украины: экономико-правовые аспекты», результаты которой убеждают в том, что экономико-правовая ниша рассматриваемой проблематики имеет достаточно мощное содержательное и смысловое наполнение. Это заключение подтверждается участием в конференции представителей научных учреждений и исследователей из Германии.

Сегодня трудно представить научную состоятельность и полноценность руральных исследований без привлечения результатов фундаментальных исследований Института географии НАН Украины — головного научного учреждения науки о пространстве. Наиболее востребованными научным сообществом рураллистов являются разработки института по таким направлениям как: исследование географических аспектов взаимодействия общества и природы и его последствий в региональном и локальном измерениях; разработка географических основ сбалансированного экономического, социального и экологического развития регионов Украины; исследование изменений территориально-отраслевой структуры экономики Украины и ее социальной сферы.

Поставщиком ценных материалов, служащих основой для проведения комплексных междисциплинарных исследований современного состояния руральности, является Институт демографии и социальных исследований имени М. В. Птухи. К таковым материалам следует отнести результаты разработок, связанных с методикой измерения регионального человеческого развития, мониторингом комплексной оценки бедности в Украине и регионах, демографическими прогнозами, показателями воспроизводства населения в Украине и регионах.

Среди научных достижений Института истории Украины НАН Украины, значимых для становления рурального междисциплинарного синтеза, — исследования по истории украинского села, исторической руралистике, сельской и локальной истории, административно-территориальному устройству Украины.

Междисциплинарной направленностью отличаются и научные разработки одного из самых молодых академических учреждений — Института политических и этнонациональных исследований имени И. Ф. Кураса НАН Украины (дата создания — декабрь 1991 г.). К их числу относятся изучение этнонациональных, региональных отношений и факторов общественной жизни, разработка технологий

управления в системе политических и межэтнических отношений. Среди фундаментальных трудов института — многотомная политическая история Украины, серия научных исследований этнополитических процессов в регионах Украины.

Формированию междисциплинарной исследовательской парадигмы способствует научная деятельность Института социологии НАН Украины, осуществляемая по следующим направлениям: особенности социально-статусной стратификации; тенденции и механизмы социальной дифференциации; тенденции трансформации социальной структуры общества.

Одну из ключевых ролей в теоретическом и методологическом обеспечении междисциплинарного синтеза играет Институт философии НАН Украины. Вместе с тем влияние института на данный процесс могли быть более весомыми, если бы руральная тематика не воспринималась научными сотрудниками отделов философской антропологии, философских проблем природоведения и экологии, социальной философии как вторичная в ряду других исследовательских тем.

На наш взгляд, для активизации исследовательской деятельности перечисленных научных учреждений по налаживанию междисциплинарных и межотраслевых научных связей и отношений необходимо повысить координаторскую функцию Президиума НАН Украины через утверждение «сквозной» тематики исследовательских проектов и научно-исследовательских работ экспериментального и прикладного характера.

Способ интеграции научных дисциплин в контекст научного инструментария был раскрыт при изложении методологических подходов и методов руралистических исследований (второй раздел монографии).

Язык науки, как система знаков, символов, формируемых из них понятий, используется каждой научной дисциплиной в процессе познания для получения, обработки, выражения, хранения, передачи и использования знаний. Научный язык вышел из естественного языка как средства познания, фиксирующего существенные связи и свойства окружающих человека предметов и явлений. По мере развития общества из естественного языка стали выделяться специализированные языки зарождающихся наук, характеризующиеся определенными стилистическими формами и метафоричностью, имеющие важное значение для выработки терминологического аппарата, формулирования научных проблем и получения нового знания. Форми-

рование научного языка сопряжено со становлением терминологических систем, являющихся разновидностью национального научного языка. Поэтому процедура использования научных терминов, объяснения предполагает не только соблюдение и учет связи между знаком и его значением, четкости употребления понятий, их выводимости одного из другого, определенности правил описания, но и знания литературного языка, используемого научным сообществом. Перечисленные условия и правила особенно актуальны для социальных и гуманитарных наук.

Феноменальность языка науки раскрывается через использование различных подходов. С точки зрения методологии язык науки выступает как средство социальной коммуникации, проявляющейся в фиксации, хранении и передаче научных знаний. При анализе языка с позиций гносеологии он предстает как способ объективации процесса мышления, обусловленного природой объекта познания, интересом исследователя. В контексте лингвистики язык науки рассматривается как стилевая разновидность литературного языка.

Выразителями знания об объекте познания являются термины, аккумулирующие длительность и сложность познавательного процесса. Постичь науку — означает освоить ее язык, освоить язык — значит овладеть ее терминологическим аппаратом. Это в свою очередь предполагает обращение к языковым практикам (дискурсам). Тем самым дискурс превращается в объект междисциплинарного изучения. С точки зрения этимологии термин «дискурс» означает разглагольствовать по поводу предмета. Любой дискурс — есть предмет устного или письменного общения в определенных коммуникативных условиях, которые Р. Якобсон определил как факторы коммуникативного общения [452]:

– наличие самого сообщения и его свойства; наличие адресанта и адресата сообщения, причем последний может быть как действительным, т. е. непосредственно участвующим в ситуации, так и лишь предполагаемым в качестве получателя сообщения;

– характер контакта между участниками коммуникативного акта и характер передачи сообщения (канал);

– общий для адресанта и адресата код.

Последний фактор имеет первостепенное значение для установления и поддержания междисциплинарных связей. По отношению к данному исследованию этот код аккумулируется в руральном дискурсе как коммуникативном взаимодействии адресанта и

адресанта текстового сообщения, которое концентрируется, как было определено в одной из наших публикаций [257, с. 60–61], вокруг опорного концепта (рурального развития) и дискурсивного топика (руральной темы), отображенных в соответствующих понятиях. За счет такого взаимодействия формируется определенная концептосфера, составляющими которой являются языковые и когнитивные структуры: действительность (руральность) — концепт или мысль (рурализм) и речь в форме текста (совокупность взаимосвязанных руральных понятий). Эта концептосфера пребывает в постоянном движении, меняясь в пространстве и времени, что находит соответствующее отражение в научном дискурсе. Иначе говоря, происходят постоянные изменения в проблематике руральных исследований, в их категориально-понятийном аппарате и научных подходах.

Именно концентрация внимания на опорном концепте и топике научного дискурса — руральности — дает возможность определить теоретические и методологические основы зарождающейся междисциплинарной отрасли научных знаний, обозначить ее исследовательское поле, уровни и научные направления.

Процесс формирования единой системы руральных знаний эволюционировал в направлении от внутридисциплинарной дифференциации к междисциплинарной интеграции. Для подтверждения указанной тенденции укажем на ее проявление в отдельных дисциплинах. Так, в географии во второй половине XX — начале XXI ст. выделились такие ее новые направления как география сельского хозяйства; география сельского расселения, георуралистика. В рамках экономической науки получили развитие физическая экономия, социοэкономика, экономическая психология, экономическая история. Изменения в структуре исторической науки отмечены отпочковыванием от нее исторической антропологии, исторической географии, региональной и локальной истории, истории ландшафтов. В рамках социологической науки получили развитие социальная демография, экономическая социология, социология села. В психологии автономизировалось такое ее направление как социальная психология. Этот ряд можно было бы продолжить за счет включения в рассматриваемый контекст как других конкретных дисциплин, так и науковедения, философии науки, логики науки.

Значительная часть перечисленных субдисциплин прямо или косвенно связана с руральной тематикой. Вследствие этого возникла ре-

альная науковедческая проблема преодоления узкой специализации исследовательского поля территориального объекта, каковым являются сельские территории, и объединения интеллектуальных усилий смежных и несмежных научных дисциплин, занимающихся изучением общественного процесса, происходящего в различных сферах рурального пространства, с одновременным выделением в рамках зарождающейся научной отрасли соответствующих направлений, адекватных предмету исследования. На наш взгляд, данной отрасли знаний соответствует название «руралистика» как такое, которое достаточно полно и емко отражает содержание и сущность междисциплинарной отрасли знаний.

5.2. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ РУРАЛИСТИКИ

Понятийный конструкт «исследовательское поле», используемый как консолидирующее начало руралистики, обладает преимуществами, связанными с широтой своей определенности, ограниченной смысловыми, содержательными и образными границами объекта рурального развития — сельских территорий. Вместе с тем данное понятие имеет вполне конкретное значение в таких науках как социальная психология, археология, историческая антропология, социология. Для раскрытия познавательного значения использования понятия «исследовательское поле» для нашего исследования обратимся к практике его использования в социологии. В этой науке под исследовательским полем подразумеваются полевые исследования как их начальный этап, связанный со сбором данных, осуществляемым в конкретном месте. Несмотря на пространственную локализацию исследовательского поля в социологическом понимании, полученные в ходе «полевого» этапа изучения проблемы знания приобретают завершенность в результате их конструирования исследователем, который руководствуется при этом определенной системой теоретических и мировоззренческих установок. Процесс конструирования поля осуществляется в рамках социальной реальности, представляющей интерес для исследователя и его целевых установок. Результативность и качество исследования тем самым определяются четкостью и чистотой «картографирования» (определение границ и единиц изучаемого процесса, явления), а также процедурой сбора и обработки полученных данных.

Если эту риторику перевести на язык руралистики, то под ее исследовательским полем следует понимать:

- субобъекты междисциплинарного исследования;
- уровни объекта исследования;
- разновидности объекта исследования;
- типы объекта исследования.

Прежде чем характеризовать каждую из составляющих исследовательского поля руралистики, обратимся, с целью обоснования новизны настоящего исследования, его теоретического и прикладного значения, к традиции использования категории «руралистика», характерной для науки в предшествующие периоды ее развития.

Предтечей руралистики явилась отрасль географической науки, связанная с географией сельского расселения. Первым ее исследователем в СССР был С. Ковалев, опубликовавший в начале 1960-х годов географическое исследование по сельскому расселению. Новизна подхода С. Ковалева к рассматриваемой проблеме проявилась в определении сельской местности как всей обитаемой территории страны, района, области, находящейся вне городских поселений, т. е. границ, а также все население и основные фонды, которые на этой территории находятся [119].

В 1970-е годы новосибирские социологи Т. Заславская и Р. Рывкина разработали систему критериев выделения границ сельской местности с учетом ее полифункциональности [398]:

- численность населения и степень его стабильности, характер естественного и механического движения населения;
- характер и сложность отраслевой и профессиональной структуры общественного производства, степень развития промышленности, строительства, транспорта;
- уровень организации материально-пространственной среды, степень благоустройства поселения;
- уровень развития обслуживания (сферы услуг);
- социальные функции поселения;
- образ жизни населения;
- состояние сознания (специфические для данного населения нормы, ценности и мнения), характеризующая его дифференциация потребностей;
- отношение к населенному пункту как к городу или как к деревне.

Отличительной особенностью приведенных критериев является учет социальной и экономической составляющих сельской местно-

сти и выделение в структуре производства не аграрных видов деятельности. Вместе с тем ни один из показателей сельскости не выходит за границы сельских поселений, т. е. в ее составе не учтены ландшафтная составляющая, в т. ч. сельскохозяйственные земли (агрорландшафты).

Наиболее знаковым достижением научной отечественной мысли XX ст. было введение в научный оборот в 1973 году Ю. Саушкиным понятия «георуралистика». По отношению к географии сельского расселения использование этого термина означало комплексность исследования сельской местности как среды жизнедеятельности человека [359, с. 208].

Весомый вклад в научную разработку руральной проблематики в конце XX ст. внес В. Федосеев, которому принадлежит классификация функций, факторов и индикаторов развития сельской местности. Все функции сельской местности этот автор разделил на две группы: специфические, которые характерны исключительно для села, и неспецифические — присущие как селу, так и городу. К специфическим функциям были отнесены производственная и функция обеспечения экологического равновесия. Неспецифические внутренние функции свойственны, по мнению В. Федосеева, любой территориальной общности: социальной (создание комплекса жизненных условий, формирующих общественно нормальный уровень материального и духовного потребления, совершенствование образа жизни сельского населения) и экономической (пропорциональное развитие базы, обеспечивающее эффективное выполнение внешних функций сельской общности на длительную перспективу). К неспецифическим внешним функциям относятся: социально-пространственная, рекреационно-природопользовательная, историко-культурная и демографическая. С учетом функций сельской местности, а также ее структуры как территориальной общности, были выделены такие факторы развития местности как природно-ресурсный, производственный, трудоресурсный, инфраструктурный, управленческий (организационный). Перечень индикаторов развития сельской местности включал: население, систему сельского расселения, сферу обслуживания и производственную сферу, что несколько сужало авторскую классификацию функций и факторов развития местности [413, с. 18]. Однако это не умаляет заслуг этого автора в изучении сельской территориальной общности на основе анализа взаимодействия производства, расселения и инфраструктуры.

Вхождению в исследовательское поле руралистики, как междисциплинарной отрасли знаний, способствовали научные наработки экономических географов, осуществленные в начале XXI ст. В частности Ю. Поросенков и О. Диденко пришли к выводу, что в условиях взаимопереплетаемости острейших проблем исторически сложившиеся отраслевые направления в современной географической науке не в состоянии выявить существо процессов в сельской местности, дать надежную основу для управленческих решений. Для этого, по их мнению, «...необходима интеграция всех исследований (географических и негеографических), изучающих сельскую местность, в единую систему руральных наук. Сельская местность выступает междисциплинарным объектом исследования, в процессы изучения которого и складывается система руральных наук. Ядром этой системы выступает такая формирующаяся географическая наука, как георуралистика, исследующая процессы, результаты, тенденции, закономерности территориальной организации сельской местности... Становление георуралистики является как результатом развития самой социально-экономической географии, так и общественным заказом на такие исследования» [289, с. 55].

В целом разделяя такую постановку проблемы, заметим, что несмотря на терминологическое первенство географической науки, связанное с использованием термина «георуралистика», эта отрасль социально-экономической географии мало продвинулась в направлении междисциплинарного синтеза, ограничивая свое исследовательское поле географией сельского расселения и использованием преимущественно собственного инструментария и языка. Спорны, на фоне невостребованности результатов научных исследований последнего десятилетия, осуществленных аграрными экономистами, географами, социологами в сфере руральных знаний, результаты этих исследований как со стороны властных структур, так и сельского сообщества.

Данное замечание выглядит вполне оправданным, примером чему является практическое игнорирование, в частности, результатов наших научных исследований, опубликованных в Украине и за ее пределами в 2006–2017 годах [246–267; 489].

Утвердившаяся в науке традиция определения сельской местности как территорий, находящихся вне городских поселений, является недостаточной для их качественной характеристики. Важно понимать, что сельские территории как природные и социально-простран-

ственные образования отличаются от городов эколого-ландшафтной организацией территории. Если для городов характерны урбанизированные ландшафты (земли промышленности, транспорта, связи, энергетики, жилищной и общественной застройки), то для сельских территорий — агроландшафты (земли сельскохозяйственного назначения, земли лесного фонда, земли водного фонда). В отличие от городов агроландшафты преимущественно занимают территорию, находящуюся за пределами населенных пунктов (межселенные территории), что обусловлено значительным удельным весом сельскохозяйственных угодий в структуре земельного фонда Украины. По этой же причине сложилось устойчивое представление об агроландшафтах как крупных земельных массивах, занятых под подсолнечник, рапс, зерновые и другие сельскохозяйственные культуры. Такое одностороннее восприятие агроландшафта, основу которого составляют сельскохозяйственные угодья, лесные насаждения, в частности лесополосы и другие защитные насаждения, получило соответствующее закрепление в украинском законодательстве [326]. Вместе с тем без учета других важных структурных элементов агроландшафта — участков дикой природы (рощ, заболоченных угодий, лугов), объектов обустройства (валов, каменных и земельных ограждений, террас, курганов), инженерно-технических сооружений, сетей полевых дорог, крестьянских усадеб с огородами и строениями для содержания животных и пр. — агроландшафты утрачивают свою инвариантность, присущий именно им индивидуальный и уникальный характер [286, с. 92–93]. Среди перечисленных элементов агроландшафтов — участки дикой природы следует отнести не к антропогенной, а к природной пространственной среде, компоненты которой сформировались и существуют без участия человека.

Определение агроландшафтов как сельскохозяйственного типа земель в определенной мере оправданно с учетом системообразующей роли земельных ресурсов в организации жизнедеятельности на сельских территориях. Это подтверждается высоким удельным весом сельскохозяйственных угодий в земельном фонде Украины.

В то же время структура земельных ресурсов и состояние землепользования в Украине являются менее оптимальными и совершенными, чем в Европе.

Поэтому Концепцией сбалансированного развития агроэкосистем в Украине на период до 2025 года [308] предусмотрено провести трансформацию структуры сельскохозяйственных угодий с целью

сбалансирования, обеспечения экологической безопасности и равновесия территории за счет уменьшения площади пахотных земель до 37–41 % и увеличения удельного веса сельскохозяйственных угодий экстенсивного использования (сенокосов, пастбищ), расширения площади полезационных лесных полос, других защитных насаждений и объектов природно-заповедного фонда в рамках сельскохозяйственных угодий.

Таким образом, обеспеченность сельскохозяйственными землями является одной из существенных характеристик сельских территорий как агроэкосистем и одновременно их идентификационным признаком.

Роль земельных ресурсов как системообразующего компонента агроэкосистемы определяется как их полифункциональностью в границах сельских территорий, так и удельным весом (44 %) в структуре природных ресурсов. Они являются своеобразным экологическим каркасом, вокруг которого формируются водные и атмосферные ресурсы, флора и фауна. В процессе землепользования необходимо также учитывать связь земельных ресурсов с таким важным компонентом природной среды как леса, которые являются одним из идентификационных признаков сельских территорий.

Существование сельских территорий как агроэкосистемы невозможно без водных ресурсов, выступающих источником хозяйственного и бытового водоснабжения, которое состоит из поверхностных (местный сток и транзит) и подземных вод.

Сельские территории располагают немалыми запасами минерализованных вод, используемых в лечебных целях.

Таким образом, рассмотрение сельских территорий как агроэкосистемы дает представление о них как о природных образованиях, созданных биосферой и в значительной степени измененных человеком. В агроэкосистеме переплетаются и тесно взаимодействуют природные и искусственные компоненты, определяющие существенные характеристики сельских территорий.

Идентификация сельских территорий как экономического пространства предполагает учет сложившихся представлений о данном виде пространства. В экономической теории существует множество подходов к определению понятия «экономическое пространство». В контексте рассматриваемой темы целесообразно сконцентрироваться на территориальном подходе. Один из сторонников этого подхода А. Гранберг [64, с. 25] определяет экономическое пространство

как насыщенную территорию, вмещающую множество объектов и связей между ними: населенный пункт, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т. д. Внося определенные коррективы в данное определение, укажем, что под насыщенностью здесь следует понимать процесс взаимоотношений между субъектами хозяйствования по поводу производства, распределения, обмена и потребления произведенных в рамках ограниченного пространства общественно востребованных продуктов и услуг.

Экономическое пространство сельских территорий сформировалось исторически вследствие территориального общественного разделения труда и отличается свойственными ему географическими, природными и социально-экономическими характеристиками. Для создания полноценной жизненной среды и благоприятных условий развития экономики, обеспечения эффективного использования потенциала территорий с сохранением их природной и исторической самобытности на основании результатов оценки природных и антропогенных факторов (вид и плотность застройки, экологическое состояние прочее) сельские территории по виду и режиму их использования отнесены к территориям преимущественно агропромышленного производства и сельской застройки (зона сельского хозяйства).

Отнесение сельских территорий к зоне сельского хозяйства обусловлено их местоположением и наличием на этих территориях качественных по своему состоянию высокопродуктивных земельных угодий, других природных ресурсов. Однако освоенность территории, обретение ею признаков определенного экономического пространства прежде всего оценивается по насыщенности населением, субъектами хозяйствования и продуктами их деятельности.

Экономическое пространство сельских территорий в основном заполнено сельскохозяйственным видом деятельности, для осуществления которой существуют соответствующие условия. Однако это не исключает развития здесь альтернативных видов деятельности. В научной литературе к их числу отнесены: сохранение, переработка и сбыт сельскохозяйственной продукции; зеленый туризм; народные промыслы и ремесла; заготовка и переработка дикорастущих плодов, ягод, лекарственных трав; заготовка и обработка древесины; изготовление строительных материалов, строительство; транспортировка грузов, пассажирские перевозки и пр. Перечисленные виды деятельности на большей части сельских территорий способны наполнить

новыми связями и отношениями экономическое пространство, разнообразить занятость сельского населения, улучшить финансовое состояние хозяйствующих субъектов. Но для их развития на сельских территориях необходимы инвестиции. При их недостатке основная ставка делается на зеленый туризм, который развивается исключительно за счет финансовых вложений физических лиц — предпринимателей.

На основании изложенного можно сделать вывод, что экономическое пространство сельских территорий представлено сельским хозяйством как основным видом хозяйственной деятельности. Субъектами хозяйствования выступают сельскохозяйственные предприятия и хозяйства населения, производящие товары и услуги, а также находящиеся в определенных экономических отношениях друг с другом, государством и потребителями.

Экономическое пространство отличается неоднородностью и неравномерностью развития, обусловленными региональными диспропорциями размещения населения, природных ресурсов, географическими и природными различиями. Характерно, что одни сельские территории владеют достаточными людскими ресурсами и испытывают дефицит земельных ресурсов (западные области), в центральных областях — ситуация обратна противоположная. Наибольшее количество сельскохозяйственных предприятий размещено в южных областях. Хозяйства населения являются основными производителями сельскохозяйственной продукции в западных областях. Здесь же наиболее высокие показатели по производству продукции в расчете на 100 га. Поляризация сельских территорий по душевому производству аграрной продукции не имеет четких региональных признаков. Так, если такие центральные области как Черкасская и Полтавская имеют самые высокие показатели, то Киевская область относится к аутсайдерам. Такая дифференциация экономического пространства сельских территорий требует учета всего комплекса факторов, определяющих эти различия.

Идентификация сельских территорий как социальной среды формирует ассоциативный ряд, отождествляющий эти пространственные образования с сельскими населенными пунктами. Если идентификация сельских территорий как агроэкосистемы и экономического пространства связана с представлениями о природных и социально-экономических процессах, происходящих в основном за пределами сельской поселенческой сети, то их восприятие как соци-

альной среды ассоциируется с ее компонентами, которые взаимодействуют между собой в границах населенных пунктов.

Количественным измерением социальной среды сельских территорий являются социальная инфраструктура и поселенческая сеть, а качественным — социальная коммуникация и соответствующее поведение населения. Общую характеристику социальной среды отражает состояние сельского социума. В социологической литературе [62] социум определяется как тип социальности, существующий как устойчивая общность людей, которая характеризуется единством духовных и других условий жизнедеятельности, генетической связью поколений, стабильностью социальной организации, определенной культурой. В качестве такой социальной ячейки на селе выступает сельская община, представляющая собой самоорганизацию жителей, объединенных общей целью и желанием улучшить свое жизненное пространство.

Роль центрального звена сельского социума выполняет население. Сопоставление количественного состава сельского населения регионов Украины в контексте административно-территориального деления дает возможность выявить взаимосвязи и взаимозависимости между отдельными показателями социально-демографического развития социальной сферы сельских территорий.

Во-первых, существует прямая зависимость между численностью сельского населения, приходящегося на один административный район, сельский совет, сельский населенный пункт, а также между указанными показателями и численностью сельского населения, находящегося в сфере влияния среднестатистического города. Так, Закарпатская область занимает по этим показателям первое, второе, два первых места соответственно, Ивано-Франковская — второе, шестое, два третьих места, Черновицкая — пятое, третье, второе, четвертое.

Во-вторых, сельские территории регионов с большим количеством крупных сел и высокой плотностью населения занимают последние места по количеству населенных пунктов (Черновицкая область — 25 место, Закарпатская — 24, Ивано-Франковская — 22). Тем не менее, это не помешало этим регионам занять лидирующие позиции по количеству сельского населения (Закарпатская область — 4 место, Ивано-Франковская — 5 место) или по его удельному весу (Черновицкая область — 2 место).

В-третьих, высокая насыщенность регионов административно-территориальными единицами, как правило, не гарантирует им веду-

щие позиции по их наполняемости населением. Например, Винницкая область — лидер по указанным позициям и занимает второе место по общей численности сельского населения, шестое — по количеству сельских населенных пунктов, находится на семнадцатом, тринадцатом и одиннадцатом местах по численности населения, приходящегося на один сельский совет, один административный район и один сельский населенный пункт — соответственно. Примерно такая же ситуация характерна для Житомирской и Киевской областей. Несколько лучше эти показатели в Одесской области (за счет наличия крупных сел в южных районах).

В-четвертых, мелкодисперсностью сельского расселения характеризуются Полтавская, Сумская, Черниговская и Харьковская области, которые также отличаются высокой депопуляцией сельского населения. К тому же Сумская и Черновицкая области занимают одни из последних мест по численности сельского населения, находящегося в зоне влияния среднестатистического города. А аутсайдером по этому показателю являются самые урбанизированные области — Донецкая и Луганская, что связано с самым низким удельным весом их сельского населения. В эту группу входит и Львовская область — лидер по количеству сельского населения, численности сельских населенных пунктов и сельских советов (2 место). Столь низкий показатель демографической нагрузки сельского населения этой области (22763 человека) на один город объясняется, с одной стороны, их большим количеством (44) и преобладанием среди них малых городов (только 9 городов имеют статус городов областного значения).

Высокая концентрация сельского населения при оптимальной системе его расселения в западных областях, частично в Одесской области обусловлена их выгодным географическим положением, благоприятными природно-климатическими условиями, положительной динамикой природного прироста населения, его незначительной внутренней миграцией и маятниковым характером внешней миграции.

Характеристика сельского населения как одной из идентификационных составляющих социальной среды сельских территорий неразрывно связана с поселенческой сетью, которую можно определить как совокупность населенных пунктов, обустроенных мест проживания людей в границах соответствующего географического пространства, соединенных между собой дорогами, средствами связи, другими коммуникациями.

Несмотря на общее сокращение численного состава сельских населенных пунктов в отдельных районах их количество превысило 100 единиц. Наибольшее число таких районов во Львовской области (10), 5 — в Житомирской, 4 — в Сумской, по 3 — в Днепропетровской и Черниговской, 2 — в Полтавской, по 1 — в Запорожской, Ровненской, Хмельницкой областях. Вместе с тем не менее важным является не только сохранение сельской поселенческой сети как идентификатора сельских территорий, а и улучшение ее благоустройства.

Важным компонентом социальной среды сельских территорий является социальная инфраструктура, представляющая собой комплекс условий, средств, материальных объектов, формирующих необходимые условия для жизнедеятельности населения, и ориентированная на достижение уровня жизни, гарантированного государством. Это — объекты жилищного, культурно-бытового, торгового, коммунального назначения, созданные человеком для оказания соответствующих услуг сельскому населению с целью его воспроизводства и развития творческих сил личности.

Таким образом, в позиционируемом ракурсе сельские территории предстают не только как агроэкосистема и экономическое пространство, но и как социальная среда с ее неизменными компонентами — населением, поселенческой сетью и социальной инфраструктурой, с ее количественными и качественными характеристиками, отличающими эту среду от городской.

В создании в общественном сознании сущностных характеристик сельских территорий через их восприятие социумом активную роль играет ментальность, в которой отражается реальное пространство в виде его соответствующей образной картины, которая является результатом как непосредственного эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательного рефлексивного отражения действительности в процессе мышления [285, с. 28].

В этом смысле сельское пространство выступает как система образов, которая отражает тип мышления и уровень сознания различных субъектов идентификации (таблица 5.1) [268].

В представленной таблице предложенное разделение субъектов идентификации осуществлено по их условной дифференциации. Так, некоторые из субъектов хозяйствования (фермеры, сельские хозяйства) являются одновременно и сельскими жителями, чего нельзя

сказать о представителях крупных компаний холдингового типа. Переходный тип субъектов представлен студенческой молодежью, вышедшей из села и проживающей временно в общежитиях, а также маятниковыми мигрантами пригородных сел, работающими в городах. Среди городского населения в первом и втором поколениях — лица, родившиеся в сельской местности. Отсюда и неполнота определенности типа и характера их образов.

Таблица 5.1

Ментальная карта образов сельских территорий

Субъект идентификации	Тип образа	Характеристика типа образа
Сельское население	Частично вернакулярный	Вернакулярные (англ. vernacular — родные, близкие) территории; место жизнедеятельности по факту, а не по выбору
Субъекты хозяйствования	Потребительский	Место вложения капиталов и получения прибыли
Городское население	Нейтральный	Ностальгические места малой родины; территории дач; загородные усадьбы
Органы публичной власти	Заинтересованный	Территории, в границах которых выращивается сельскохозяйственное сырье и производятся продукты питания
Общественные организации	Позитивный	Места рекреации и отдыха

Представление о том, как сельское население воспринимает и осознает собственную территорию, ее границы, дает ментальная карта географического пространства [435, с. 42]. Ментальная карта отражает территорию так, как ее представляет конкретный человек. Исходя из этого, географы Я. Олейник и А. Гнатюк [224, с. 38] определяют ментальную карту географического пространства как попытку изображения субъективной географической действительности, т. е. непосредственного отражения географических образов и ментальной структуризации пространства, существующего в восприятии индивидов и географически локализованных сообществ. Тем самым ментальное картографирование дает возможность собирать, упоря-

дочивать, хранить, воспроизводить в памяти и перерабатывать определенного рода информацию о сельских территориях как объекте идентификации. Другое дело, что ментальные карты не всегда точно отражают существенные характеристики и состояние территорий.

Важную роль в формировании образа сельских территорий играет имиджевый паспорт (образно-географическая карта территории, карта знаковых мест территории, образная формула территории), текстовый имидж; мифологическая характеристика территории; содержание стратегии разработки имиджа территории; модель презентации имиджа территории; брендинг территории в определенном сегменте [94, с. 8].

В процессе пространственной стратификации сельских территорий, иначе говоря, разделения их на определенные уровни важно использовать один и тот же принцип деления. Исходя из этого, в качестве таксономической единицы деления целого (сельских территорий как определенной целостности) на части (уровни) будут использованы территориальные единицы, которые не обязательно обладают статусом административно-территориальных единиц.

Гипотеза нашего исследования заключается в следующем: сельские территории в пространственном отношении по своему размеру, масштабу, величине делятся на различные иерархически соподчиненные уровни, которые соотносятся между собой по принципу «матрешки».

Следуя указанному принципу, выявление и описание данной иерархически организованной структуры следует начать «снизу», то есть с сельских территорий базового уровня.

Основная трудность интеллектуального плана, с которой сталкивается исследователь при характеристике территорий этого уровня, заключается в определении таксономической единицы. Здесь мнения ученых расходятся. Чаще всего в качестве таксономической единицы используется сельский совет [294, с. 52; 443]. Этот же подход был положен в основу разработки ННЦ «Институт аграрной экономики» НААН Украины Паспорта сельского населенного пункта, методики заполнения и инструментария обобщения его данных на уровне сельского совета, района, области и Украины в целом [272].

Более взвешенно к этому вопросу подошли разработчики Отраслевой программы социально-экономического развития сельских территориальных общин (модельного проекта «Новая сельская община») [304], взяв за основу, как следует из названия документа,

общину, хотя сама программа носит отраслевой характер. Оправданность рассмотрения как таксономической единицы сельских территорий базового уровня сельской общины подтверждается использованием ее и в государственной статистике.

Нельзя полностью исключать из перечня таксономических единиц сельских территорий базового уровня сельские населенные пункты или даже сельскохозяйственные предприятия, иные субъекты хозяйствования. Однако в первом случае следует учитывать, что территориальные рамки населенного пункта ограничены так называемыми красными линиями, вследствие чего в «подвешенном» состоянии оказываются сельскохозяйственные угодья, производственные участки, инфраструктура, коммуникации, находящиеся за пределами села. Во втором случае — ситуация еще сложнее. Не исключено, что на одной и той же территории функционируют несколько предприятий различной ведомственной принадлежности и отраслевой специализации, но чаще всего они отсутствуют.

Таким образом, территориально ограниченная группа сельского населения, проживающая в рамках каждого населенного пункта, независимо от его размеров, именуемая сельской территориальной общиной, рассматривается нами как таксономическая единица базового уровня сельских территорий.

Сельские территории базового уровня, кроме населения, состоят из населенного пункта (пространственноеместилище определенных объектов, место жизнедеятельности его жителей), производственного комплекса, земель сельскохозяйственного и другого назначения, социальной и производственной инфраструктуры, природной среды.

Локальные территории базового уровня агрегируются в более крупные таксономические единицы — административные районы, представляющие собой районный уровень сельских территорий. В структурном отношении этот уровень предстает как совокупность сельских территорий базового уровня, которые входят в состав административного района. Организационным ядром данного уровня сельских территорий выступает центр административного района — город районного значения, относящийся к категории малых городов, или поселок городского типа. В состав территорий районного уровня входят также другие города и поселки, находящиеся в границах административного района. Отсюда можно сделать вывод о том, что таксономической единицей сельских территорий районного уровня выступает адми-

нистративный район, следовательно, понятия «сельские территории районного уровня» и «административный район» совпадают.

Всего в настоящее время в Украине имеется 490 сельских территорий районного уровня.

Исходя из принципа «матрешки», сельские территории районного уровня входят в соответствующие пространственные образования того или иного областного (регионального) уровня. Иначе говоря, каждый из 24 областных уровней сельских территорий состоит из территорий районного уровня, представленных соответствующими таксономическими единицами, являющимися составной частью области как административно-территориальной единицы. В пространственном отношении сельские территории областного уровня представляют собой сельский сегмент региона. С другой стороны, в составе городов специального статуса и областного значения проживает значительное количество сельского населения.

По удельному весу сельского населения в составе регионов, другим демографическим показателям можно судить об уровне их урализованности (табл. 5.2) [431, с. 5,10].

Совокупность сельских территорий областного уровня составляют их общегосударственный (национальный) уровень, который выступает как сельская территориальная подсистема общества.

Отнесение тех или иных территорий к категории сельских совсем не обязательно предполагает наличие в их составе исключительно сельского населения. Достаточным считается, чтобы эти пространственные образования находились за пределами городов. Однако в административных границах городов проживает немалая часть сельского населения, не учтенного статистикой как сельское. По нашим подсчетам, эта цифра составляет более половины официально признанного статистическими органами сельского населения. То есть фактическая численность сельского населения на конец 2013 года составляла 20,2 млн человек [248, с. 176–181,183].

Полимасштабный подход предполагает не просто оперирование территориальными таксонами разных рангов, а рассмотрение взаимодействия масштабности различных иерархических уровней с учетом ее носителей — сущности, пространства и времени [61].

Каждая сельская территория имеет свой пространственный масштаб (площадь), плотность населения, густоту поселений. Пространственные характеристики сельских территорий различного уровня связаны с их местом размещения в географическом про-

странстве, а также с отношением к городам, транспортным магистралям и пр. По своему расположению в пространстве сельские территории определяются как центральные, полупериферийные или периферийные.

Таблица 5.2

Демографические показатели развития сельских территорий Украины в 1991–2017 гг.

Наименование	1991	2000	2010	2017
Количество административных районов, единиц	481	490	490	490
Сельское население, млн человек	18,6/32,46	16,1/32,55	14,4/31,41	13,1/30,77
Количество сельских поселений, единиц	28845	28739	28471	28377
Регионы, в которых сельское население составляет большинство:				
– Закарпатский	–	–	–	63,02
– Черновицкий	–	–	–	56,93
– Ивано-Франковский	–	–	–	56,15
– Тернопольский	–	–	–	55,28
– Ровенский	–	–	–	52,50
Регионы с наибольшим количеством населенных пунктов:				
– Львовский	–	–	–	1850
– Полтавский	–	–	–	1805

Одним из существенных показателей масштабности сельских территорий является показатель численности населения, который различен для каждого из их уровней. Соответственно разной является динамика численного состава населения в разрезе не только каждого иерархического уровня сельских территорий, но и внутри каждого из уровней.

Классификация территорий предполагает, с одной стороны, выделение определенных групповых признаков деления, а также выявление различных их классов, отличающихся по определенным видовым признакам, — с другой. В этом и заключается задача определения разновидностей сельских территорий.

Чтобы отделить одни виды территорий от других, необходимо прибегнуть к использованию категорий класс как вид и подклассы как разновидности. В качестве класса выступают сельские территории как некая целостность, отличающаяся по своим родовым признакам от своей противоположности — городов, наличие которых в определенных пространственных границах, в свою очередь, выступает условием идентификации их антипода.

Генерализирующим и доминирующим подклассом этих пространственных образований выступают типично сельские (аграрные) территории.

Характеристики их идентификационных признаков предварим сравнением понятий «сельские территории» и «аграрные территории». Прежде всего заметим, что первое из указанных понятий шире, чем второе, имеющее значение земельных территорий. Понятие же «сельские территории», обладая признаками земельных территорий, ассоциируется с родом занятий, видом деятельности (не обязательно аграрной), типом поселения, образом жизни, с преобладанием сельского населения.

Природная сущность типично сельских (аграрных) территорий определяется их непосредственным взаимодействием с окружающей природной средой и зависимостью от природных ресурсов и природных условий. Поэтому данная разновидность сельских территорий отличается от других разновидностей наличием агроландшафтов с их рельефом, климатом, водными ресурсами, растительным и животным миром, высокой обеспеченностью сельскохозяйственными землями, наличием трудовых ресурсов и других условий, способствующих сельскохозяйственной занятости и удаленных от центров урбанизации. Географически к этой разновидности территорий относятся центральные, центрально-восточные, северо-восточные и южные области. Разумеется, что такое распределение является условным и имеет неодинаковое идентификационное значение для различных уровней сельских территорий. По мере снижения иерархии уровней указанная географическая градация аграрных территорий ослабевает. Среди территорий базового уровня типично сельские территории имеются не только в каждом регионе, но и в каждом административном районе.

Актуальным является вопрос о количественном составе типично сельских (аграрных) территорий. Официальная статистика, однако, не дает ответа на него. Можно предположить, что удельный вес ти-

пично сельских (аграрных) территорий составляет не менее 65–70 %, без учета других разновидностей территорий, обладающих двумя, а то и тремя доминирующими идентификационными признаками.

К явно выраженным переходным, «смешанным» территориям, как разновидностям сельских территорий, относятся урбанизированные зоны и ареалы, а также «аграрные» города. Термин «ареалы» определяется географами как территория, в границах которой сосредоточено определенное явление, которое отсутствует в сопредельных территориях. Более подробное определение указанного понятийно-категориального аппарата содержится в наших публикациях [252; 264]. Здесь же будем использовать термин «урбанизированные зоны и ареалы» в значении пригородной зоны.

Переходный характер пригородной зоны определяется ее промежуточным положением в дихотомии «город — село». Таким образом, для пригорода исторически и географически полюсом притяжения, роста и развития выступает крупный город, сформировавший особый территориальный сегмент «город — пригородная зона». По этой причине пригород идентифицируется как урбанизированная зона, ареал.

Формирование и развитие пригородной зоны — это прежде всего результат действия урбанизации как процесса распространения городского образа жизни на сельскую среду. Свои коррективы в протекание этого процесса внесла глобализация, которая интенсифицировала интеграцию городской и сельской территориальных подсистем общества, особенно в контактной зоне «город — пригород». Именно здесь произошла накладка городского и сельского развития друг на друга, вследствие чего город и прилегающие к нему сельские территории превратились в своеобразные «сообщающиеся сосуды». Их слияние осуществляется вследствие не только пространственной экспансии города, а и действия противоположного процесса — рурализации, «проникновения» села в город, что в конечном итоге привело к тесной пространственной взаимосвязи пригородной зоны и города (рис. 5.1).

Преобладание тех или иных функций, видов экономической деятельности в черте пригорода во многом зависит от степени ее отдаленности от городского центра. Исследуя эту проблему на примере пригорода г. Одессы, И. Нагорная [194, с. 20–22] выделила в ней радиально-кольцевую трехэшелонированную структуру, каждая из зон которой ориентирована на определенную функцию.

Рис. 5.1. Пространственная взаимосвязь сельских территорий и города

На наш взгляд, эта система, в которую следует также включить и город, как своеобразный центр притяжения, имеет свою иерархию (рис. 5.2), которая определяется временной и транспортной доступностью её ядра.

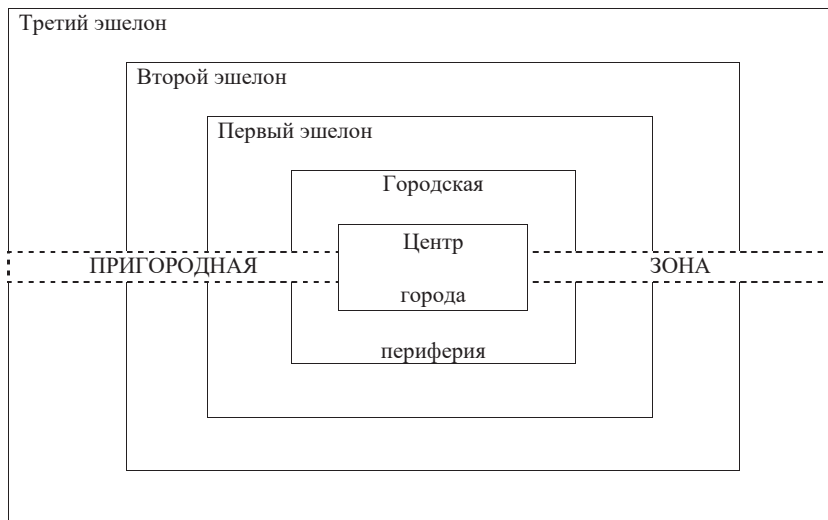

Рис. 5.2. Пространственная система «город — пригородная зона»

Удаленность третьего эшелона пригородной зоны от регионального центра колеблется в пределах 50–60 км, второго — 40–50 км, первого — 30–40 км (предложенная градация учитывает плотность сельского населения Украины и наличие среди областных центров только трети городов с населением, превышающим 500 тыс. че-

ловек). Первый эшелон используется в основном под жилищное и промышленное строительство, выполнение разгрузочной функции, размещение баз отдыха, дач, садовых участков. В границах второго и третьего эшелонов функционируют сельскохозяйственные предприятия, другие субъекты хозяйственной деятельности.

Обращение к природе пригородных зон убеждает в том, что территориальная организация общества не сводится к ее упрощенному делению на городские и сельские социально-пространственные образования. Обладая признаками переходных, «смешанных» территорий, сельские урбанизированные зоны и ареалы по своим сущностным характеристикам являются одной из разновидностей сельских территорий.

«Аграрные города» как другая разновидность переходных, «смешанных» сельских территорий по формальному признаку принадлежат к категории малых городов, численность населения которых не превышает 20 тыс. человек. Их удельный вес в общей численности малых городов, население которых, по законодательству Украины [307, с. 20], не превышает 50 тыс. человек, составляет почти 70 %.

В отличие от пригородных сел «аграрные города» сформировались под активным влиянием процесса рурализации. Утрата этой категорией городов преимущественно несельскохозяйственной производственной функции совпала по времени с ослаблением агропромышленной интеграции, что привело к замедлению их социально-экономического развития. С упадком социальной инфраструктуры «аграрных городов» по уровню социально-культурных и торгово-бытовых услуг и способу жизни они стали мало чем отличаться от крупных сел. Существенно не отличаются также система планирования и застройки этих городов и сел, уровень их инженерного и коммунально-бытового обустройства. В такой ситуации «аграрные города», будучи опорными центрами расселения, способны в лучшем случае выполнять функцию социального обслуживания окружающих сел.

Следующая разновидность сельских территорий, идентифицируемая как территории со специальным режимом функционирования, состоит из трех подвидов (оздоровительно-рекреационных, горных и приграничных территорий), отличающихся между собой по своим характеристикам, но сходных по несельскохозяйственной функциональности.

Наиболее сложными среди них являются оздоровительно-рекреационные территории, расположенные за пределами городов. Это собирательное понятие объединяет территории, определяемые как земли оздоровительного назначения.

Отличие оздоровительно-рекреационных территорий от других сельских пространственных образований состоит в их специализации на оказании оздоровительных, туристических и историко-культурных услуг (рис. 5.3).

Рис. 5.3. Классификация оздоровительно-рекреационной функции сельских территорий

Отнесение горных территорий к разновидности сельских территорий со специальным режимом функционирования обосновано, с одной стороны, тем, что они входят в состав административных районов и их статусом — с другой.

Однако требует уточнения вопрос о правомерности использования по отношению к ним понятия «горные сельские территории», поскольку в законодательстве Украины [332] статусом горных наделены населенные пункты, расположенные в горной местности. На наш взгляд, отнесение горных территорий к сельской территориальной подсистеме общества вполне уместно, поскольку горы в Украине не являются местом развития больших городов.

В Украине, по оценкам В. Коломийчука [122, с. 285], насчитывается 21 горный район. Однако на самом деле населенные пункты, наделенные статусом горных и входящие в административный район, не составляют абсолютное большинство этих районов. Например, в Старосамборском районе Львовской области только 50 % населенных пунктов подпадают под статус горных территорий, в Дрогобычском — 20 %. Такая же ситуация — во всех, за исключением двух, горных районах области [137; 197].

В научной литературе горные сельские территории определяются как пространственные образования со сложными условиями рельефа и климата, состоящие из сельских населенных пунктов и прилегающей к ним хозяйственной территории [118; 215].

В соответствии с законодательством Украины [332] к категории горных населенных пунктов относятся «...города, поселки городского типа, сельские населенные пункты, которые размещены в горной местности, имеют недостаточно развитую сферу применения труда и систему социально-бытового обслуживания, ограниченную транспортную доступность».

Практически все горные сельские территории являются проблемными по экономическим, социальным и экономическим признакам. Это связано как с нехваткой земельных ресурсов, так и со спецификой природных условий местности, которые сужают сферу занятости, ограничивая ее рекреацией, туризмом, народными промыслами. Сельскохозяйственное производство здесь, вследствие удаленности этих территорий от транспортных магистралей и рынков сбыта продукции, является неконкурентоспособным. Нерегламентированные вырубки лесов только усугубляют экологическую ситуацию. В силу указанных причин уровень жизни населения на этих территориях значительно ниже, чем на других.

Своеобразным подвидом разновидности сельских территорий со специальным режимом функционирования являются приграничные территории, образующие «сердце границы» как непосредственно примыкающие к границе [437].

Развитие любой приграничной территории происходит под непосредственным влиянием экзогенного фактора, то есть зависит как от уровня развития смежной территории соседнего государства, так и от интенсивности связей между сопредельными территориями. По своему географическому статусу эти территории предрасположены к трансграничному сотрудничеству.

Между тем Украина, как и другие государства постсоветского пространства, не имеет опыта осуществления приграничного сотрудничества на местном уровне. Изменилось и само понимание границы государства с усилением европейской интеграции. В инерции мышления и сложившихся традиций приграничные территории относятся к категории периферийных и маргинальных пространственных образований [122, с. 125] по той причине, что они удалены на большое расстояние от крупных административных центров своих государств. Но с другой стороны, они находятся ближе, чем другие территории, к европейским стандартам жизни.

Представленные три подвида разновидности сельских территорий со специальным режимом функционирования имеют не только свои отличия, но и могут одновременно обладать признаками других подвидов (рис. 5.4).

Представленные на рисунке 5.4 пять комбинаций сельских территорий свидетельствуют о том, что эти пространственные образования обладают двойным (I, II, IV, V комбинации) и даже тройным (III комбинация) статусом. Здесь несколько выпадают из одного классификационного ряда пригородные территории, относящиеся не к третьей разновидности (территории со специальным режимом функционирования), а ко второй (сельские урбанизированные зоны и ареалы, «аграрные города»). Однако можно привести массу примеров, когда пригородные территории одновременно являются и оздоровительно-рекреационными (те же пригородные села Лиманского и Овидиопольского административных районов Одесской области).

Данное наблюдение свидетельствует об актуальности типологизации сельских территорий по тем или иным основаниям с целью формирования целостного представления об этих природных и социально-пространственных образованиях.

Типология — это классификация, основанная на понятии типа как единицы расчленения изучаемого объекта, его конкретной идеальной модели. В этом смысле типологию можно представить как метод научного познания объектов и их группирования с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа.

Типология как результат типологизации дает целостные знания об объекте, раскрывает системообразующие связи между его разными аспектами, выделяет его существенные признаки и свойства из всей системы связей.

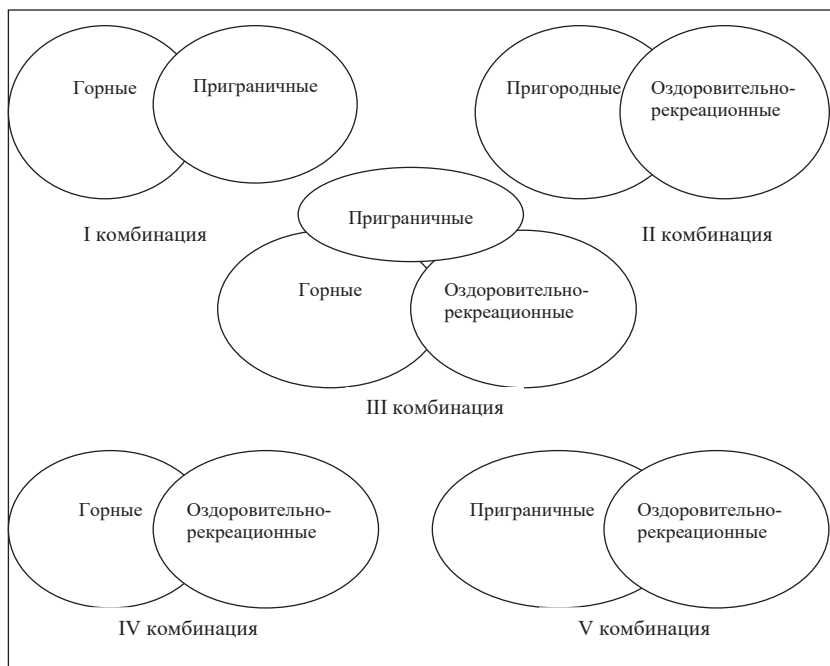

Рис. 5.4. Комбинации сельских территорий

Анализ проводимых типологий сельских территорий показал, что общими для нее направлениями являются: пространственное, отраслевое, функциональное, ресурсное, ландшафтное, проблемное, связанное с состоянием объекта типологизации.

Выделение с помощью этого метода типов как идеализированных моделей сельских территорий решает важную познавательную задачу их упорядоченного описания. Построение моделей сельских территорий осуществляется дедуктивным путем (выведение частного из общего). При таком подходе заданными выступают сельские территории как определенная целостность, в границах которой осуществляется поиск тех или иных признаков, являющихся основанием разделения объекта на типы. Процедура выделения тех или иных типов является не произвольной, а проводится по определенным направлениям (измерениям), отражающим структуру сельских территорий.

По установившейся во времена доминирования дихотомичного подхода традиции сельские территории типологизировались как

периферийные, что указывало на их окраинное положение не в географическом пространстве Украины, а по отношению к другим объектам как к центру. При определении того или иного объекта (места) как центра (ядра) пространства система мест приобретает иерархический характер с выделением не только центра и периферии, а и полупериферии. Эта система мест является относительно подвижной, поскольку географическое пространство менее подвижно в сравнении с экономическим, социальным, культурным, политическим, а тем более информационным. Вместе с тем следует иметь в виду, что сельские территории — это «заполненное» пространство. Поэтому пространственная типологизация предполагает учет не только размещения сельских территорий в географическом пространстве на оси «центр — полупериферия», а и анализ сравнительной динамики их развития.

С точки зрения местоположения сельских территорий по отношению к городам как к административным, промышленным, транспортным, научным и культурным центрам характеристиками центральности наделены пригородные территории, периферии — удаленные на большое расстояние от крупных городов территории, а полупериферии — территории, занимающие промежуточное положение. Как правило, между местоположением и уровнем социально-экономического развития сельских территорий существует прямая связь: чем ближе сельская территория расположена к городу, тем выше уровень ее развития. Однако в каждом конкретном случае могут иметь место отклонения от правила.

Следует также акцентировать внимание на таких критериях типологизации сельских территорий как: степень ресурсообеспечения (высоко, средне, недостаточно обеспеченные); направленность развития (сельскохозяйственная, промышленная, транспортная, строительная, сервисная, туристическая, оздоровительно-рекреационная, социально-культурная); функциональное развитие (моно-, би-, полифункциональные); административный статус (центры административных районов, центры сельских советов, не являющиеся центром сельских советов, расположенные в черте городов); географическая доступность (доступные, недостаточно доступные, труднодоступные); уровень хозяйственной освоенности (высоко, средне, недостаточно освоенные); инвестиционная привлекательность (достаточно, недостаточно привлекательные, не привлекательные); степень техногенного загрязнения (экологически чистые, относительно

экологически чистые, техногенно загрязненные); уровень урбанизированности (урбанизированные, урба-руральные, руральные); степень этнического разнообразия (моно-, би-, полиэтничные).

Представленная типизация сельских территорий не является исчерпывающей. В то же время среди приведенных типов следует в первую очередь отметить те из них, которые дифференцируются по ресурсообеспеченности, направленности развития, уровню хозяйственной освоенности, поскольку указанные признаки играют решающую роль в воспроизводстве сельских территорий.

Исследовательское поле руралистики, объектом изучения которой являются сельские территории как сложная поликомпонентная структура, имеет полимасштабный характер.

К глобальному уровню исследовательского поля руралистики следует отнести вопрос об основах природного, духовного, хозяйственного бытия сельского социума, месте и перспективах рурального развития в современном мире, роли сельскохозяйственного труда в решении глобальных проблем и тому подобное.

К национальному уровню принадлежит проблематика, которая касается всей совокупности взаимосвязей и взаимоотношений сельской территориальной подсистемы общества с соответствующей городской подсистемой.

Третий, собственно руральный или рустикальный (от лат. *rústicus* — сельский) уровень охватывает круг вопросов, раскрывающих специфику сельского бытия во всех его проявлениях: от руральных основ природного и социокультурного пространства сельских территорий до их ментального образа. Приоритетными среди них являются вопросы землевладения и землепользования, эффективного использования интегрального потенциала сельских территорий, развития сельской экономики, создания надлежащих условий для жизнедеятельности на селе. Однако первоочередным среди них является вопрос, на который пока наука не дала аргументированного ответа, а именно — что необходимо сделать, чтобы жизнь на сельских территориях стало в радость тем, кто там рождается и проживает.

Все перечисленные уровни исследовательского поля руралистики касаются объекта сельского развития в целом.

5.3. НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РУРАЛИСТИКИ

Традиционно научное направление рассматривается как область научного знания, предполагающая особый ракурс трактовки существующей реальности. Существующие научные направления сложились в рамках ее неоклассической модели и представляют относительно самостоятельные области знаний, которые отражают изменения, происходящие в рамках той или иной науки и связанные с расширением предметного поля знания, модификацией исследовательских практик и проблем.

В данном случае имеет место выделение отдельных научных направлений на уровне междисциплинарного синтеза, что значительно расширяет сложившееся в науке представление о понятии «научное направление». В этом смысле в качестве научного направления предстает определенная научная дисциплина, позиционируемая в статусе составляющей руралистики как междисциплинарной научной отрасли. Однако вследствие этого возникает своего рода казуистика, заключающаяся в том, что при изложении сюжета, имеющего отношение к характеристике физической экономики и социэкономике, использовался термин «межотраслевые связи» применительно, в одном случае, к экономике и сфере знаний о природе, и к экономике и к области социальных знаний — в другом случае.

Выход из сложившегося положения следует увязывать с практикой использования указанных терминов в законодательстве Украины. Так, в постановлении Кабинета Министров Украины «Об утверждении перечня отраслей знаний и специальностей, по которым осуществляется подготовка соискателей высшего образования» от 29 апреля 2015 года экономика наряду с другими специальностями (политология, психология и социология) отнесена к отрасли знаний — «социальные и поведенческие науки». Таким образом, сообразно методу аналогий, в нашем исследовании руралистика выступает как отрасль знаний (по своему значению — социальных и поведенческих), а в качестве «специальностей», отнесенных к данной отрасли знаний, будут представлены научные дисциплины, позиционируемые в руралистической парадигме как научные направления.

Ранее в силу генетической связи руралистических знаний с экономической исследовательской практикой был осуществлен всесторонний анализ содержания экономического направления руралистики как междисциплинарной научной отрасли.

Теперь пришло время уделить внимание географическому направлению, поскольку именно географическая наука, несмотря на ее достаточно широкий тематический диапазон, является пространственной наукой.

Методологическим принципом, подтверждающим статус географии как науки пространственной, является хронологический принцип, утвердившийся под влиянием немецкой географии. Концепция географического пространства получила развитие в трудах Н. Бердяева, И. Ильина, Д. Менделеева, считавших пространство материальным и духовным богатством России.

Во второй половине XX ст. в географической науке активно обсуждался вопрос о соотношении понятий «географическое пространство» и «территория» (В. Ягья, Э. Алаев, А. Топчиев). С применением геосистемного подхода хронологическая концепция сменилась концепцией территориальной организации, которая сосредоточила внимание на изучении взаимосвязей и взаимовлияния в пространстве. Появление геосистемного подхода в географической науке И. Корнев [132, с. 5] связывает с публикацией монографии представителей балтийской школы У. Мересте и С. Ныммика «Современная география: вопросы теории» (1984 г.), в которой указывается, что геопространство образует полная совокупность всех геосистем на одной и той же территории [187, с. 83]. С нашей точки зрения, здесь уместно вспомнить Б. Хорева, который тремя годами ранее, чем эстонские авторы, идентифицировал территориальную организацию общества как сочетание функционирующих структур расселения населения, производства, природопользования [422, с. 11].

Рассматривая геопространство как форму существования материи, Э. Алаев определил его как совокупность отношений между геообъектами, расположенными на конкретной территории (геотории) и развивающихся во времени [6, с. 101]. Понимание географического пространства как целостной развивающейся системы материальных и нематериальных объектов, природных, антропогенных и природных процессов позволило интегрировать в рамках концепции территориальной организации общества ранее автономно существующие такие направления географии как география сельского хозяйства, география населения и др. В свою очередь получили новое развитие и указанные отраслевые и сферные направления географии. Так, А. Носонов [218] подчеркивает важность для определения перспективных направлений развития сельского хо-

зяйства оценки эффективности использования природного потенциала, опирающейся на исследование взаимоотношений сельского хозяйства и природной среды, гармонизация которых требует обоснования рационального использования природного потенциала ландшафтов путем совершенствования территориальной организации сельского хозяйства.

Территориально организацию сельскохозяйственной деятельности, по Т. Нефедовой [202, с. 36, 40], наряду с природными условиями определяют такие два ключевых фактора как положение относительно больших городов и этнический состав населения, которые являются характеристиками не только сельского хозяйства, а и населения, всей сельской среды. Основываясь на них, автор ввела в научный оборот понятие «социально-аграрный район» как территории с определенным типом сельскохозяйственной деятельности населения, зависящей от его состава, характера расселения, соотношения коллективных и фермерских предприятий, городских и сельских хозяйств населения, их специализации, продуктивности, товарности и способов адаптации к меняющимся условиям. При этом подчеркивается, что аграрная эволюция зависит не столько от указанных отраслевых факторов, сколько от смены этапов развития всего общества.

Предположенная Т. Нефедовой идентификация социально-аграрных районов по совокупности различных критериев и их соответствующая типология отличаются от дифференциации сельской местности, принятой в Европе.

Европейская практика определения степени аграризации сельской местности является более упрощенной, поскольку во внимание принимается не соотношение сельскохозяйственного населения и сельского населения, а критерий плотности сельского населения в расчете на 1 км кв. пахотной площади или обрабатываемой площади [55, с. 335, 358]. На их основе выделены аграрные, полуграрные и диверсифицированные сельские местности (два первых типа соответствуют, по классификации С. Ныммика [220], руральным и полуруральным территориям). В свою очередь дифференцированные районы подразделяются на наиболее дифференцированные (занятые в сельском хозяйстве составляют менее 15 % экономически активного населения), умеренно диверсифицированные (менее $\frac{1}{3}$ экономически активного населения), слабо диверсифицированные (менее $\frac{1}{2}$ экономически активного населения), специализированные аграрные

районы (50–65 % экономически активного населения), моноспециализированные аграрные районы (более 65 % экономически активного населения занято в сельском хозяйстве) [488].

В 1990-е годы в результате обогащения понятия «географическое пространство» элементами культуры оно трансформируется в понятие «географическое культурное пространство». И. Корнев определяет геокультурное пространство как системное территориальное образование, возникающее в результате взаимодействия различных территориальных систем: природных, экономических, экистических, территориальных общностей людей [132, с. 7].

В рамках конкретных дисциплин вследствие использования концепта «геокультурное пространство» получили развитие и другие научные направления. Одно из них связано с качеством жизни сельского населения, исследует влияние географической среды на жизнедеятельность социума, его образ и стиль.

Существенным дополнением в сфере исследования человека является поведенческая география, в рамках которой сложились предпосылки для формирования концепции субъективного качества жизни населения. Исследование качества жизни сельского населения открывает новые возможности для разработки концепции качества жизни сельского населения и хозяйства к их территориальной организации [357, с. 6].

Поэтому не случайно, что формирование руралистики как междисциплинарной научной области в значительной мере связано с генезисом пространства как универсальной научной категории. С введением в научный оборот в 1970-х годах понятийного конструкта «пространственное развитие» актуализировались исследования секторных, сферных, функциональных, информационных связей территориальных образований, расположенных в пространстве. Это, в свою очередь, способствовало активизации научного поиска в направлении интеграции различных видов пространства — географического, экономического, природного, социального, культурного, этнического, политического, ментального. Совмещение различных видов пространства придало толчок налаживанию междисциплинарных связей, имплементации в географическую науку методов экономической, исторической, социологической и других наук и, наоборот, использованию смежными науками познавательного инструментария географии. В таких условиях не только стало подвижным пространство как физический феномен, но и состоял-

ся процесс универсализации самой научной категории «пространство». Об этом, в частности, свидетельствует научный семинар, состоявшийся 16–17 декабря 2010 года в Институте географии НАН Украины. В выступлении на семинаре директора института Л. Руденко среди проблемных вопросов была выделена такая фундаментальная для географии категория как «пространство». Была отмечена важность понимания пространства, принципов его организации, внутренних и внешних факторов влияния на него и изменения его структуры, а также отличий составляющих пространства в трактовке представителей различных наук. Л. Руденко обратил также внимание на «отход» в работах молодых исследователей от понимания территориальности в контексте ее привязки к исследованию конкретной территории, в результате чего за рамками изучения остаются острые практические проблемы, связанные с тотальной депопуляцией населения, спадом производства, социальным упадком сельских поселений [56, с. 3–5].

Российские географы, подчеркивая ключевую роль географии в исследовании пространственных систем, отмечают, что имеются все теоретические основания для междисциплинарного синтеза географических знаний: научное объяснение пространственной взаимозависимости и соразмерности природных и общественных объектов и процессов в виде территориально-хозяйственных систем; одновременно надо понять их материальную сущность и идеальный образ и разработать механизмы их функционирования, т. е. грамотно соединить теоретические положения и сведения географии, экономики, экологии и экистики (науки о системах расселения населения) [149, с. 104].

Если отмеченные начала междисциплинарного синтеза оформить в виде научно-исследовательской программы, то ее «жестким ядром», по И. Лакатосу [150], стало бы учение о хозяйстве и хозяйственном механизме, когда хозяйство рассматривается как природно-социально-экономическая система воспроизводства условий жизни людей, а хозяйственный механизм — как источники и движущие силы развития, а также как хозяйственные отношения по поводу собственности, межхозяйственного, межотраслевого и межрегионального взаимодействия; сюда же входят регламенты, структуры и стандарты управления хозяйством.

Таким образом, научный работник, изучающий хозяйство как геосистему «природа — общество», одновременно выступает в не-

скольких ролях: географа, статистика, экономиста, социолога; ему необходимы инженерные знания в области природопользования, технологии производства и транспорта, а также физического планирования. Сопряжение основных понятий различных наук ради формирования общей линии комплексного изучения того или иного объекта является своего рода ключевым моментом междисциплинарного исследования; использование специфических методов смежных наук для разработки алгоритма решения конкретной научной проблемы — его технологией. В таком исполнении исследование по своей сути становится междисциплинарным [149, с. 104].

Большим подспорьем в междисциплинарных исследованиях является использование конкретных методов географической науки. Для выяснения характера соподчиненности между собой уровней сельских территорий в работе использован метод таксонирования, сущность которого заключается в условном разделении территории на сопоставимые или иерархические соподчиненные таксоны (территориальные ячейки). Этот метод имеет прямое отношение к таксономии — учению о принципах и практике классификации и систематизации сложноорганизованных объектов, имеющих обычно иерархическое строение. Таксоном в географической науке именуют географические единицы, подчиненные друг другу, ранги или порядки любых географических явлений, отличающихся между собой разной степенью внутренней однородности, возрастающей по мере перехода от крупных таксонов к мелким. Территориальный подход к исследованию объектов предусматривает выделение таксонов как пространственных образований (единиц).

В процессе пространственной стратификации сельских территорий, иначе говоря, разделения их на определенные уровни важно использовать один и тот же принцип деления. Исходя из этого, в качестве таксономической единицы деления целого (сельских территорий как определенной целостности) на части (уровни) использованы территориальные единицы, которые не обязательно обладают статусом административно-территориальных единиц.

Некоторые исследователи, чтобы преодолеть возникающие на этом пути противоречия, прибегают к определенным терминологическим изыскам. Так, российский географ А. Скопин [369, с. 259] использует термин «локалитет», рассматриваемый им как комплексная ячейка географического пространства, которая включает в себя: местность как ресурсную основу и среду обитания; населенный

пункт как место концентрации населения и технокомплекс (предприятие и коммуникации) как способ извлечения, переработки и транспортировки природных ресурсов. Безусловно, предложенный этим автором перечень структурных элементов не является полным, и с этой точки зрения, его следует расширить. Но это не главное. На наш взгляд, «локалитет», по А. Скопину, лишен своей системообразующей сущности — социума.

Как и география, активной составляющей руралистики, ее отдельным научным направлением, является историческая наука. Обе эти научные дисциплины не отнесены отечественным законодательством к разряду социальных и поведенческих наук, но от этого их важность для междисциплинарного синтеза не перестает быть первостепенной. Как отмечал в свое время Э. Реклю, история есть география во времени, а география — история в пространстве [347].

На основополагающую роль истории указывал и Л. Вирт, подчеркивая при этом, что в каком-то смысле все данные всех социальных наук есть исторические данные. В первую очередь он отмечал непреходящее значение данных локальной истории. Ее авторы «...не просто изображают отдельные исторические последовательности, а закладывают своей работой надежный исторический фундамент для построения генерализирующих социально-научных дисциплин» [46, с. 65].

Таким образом, сельская пространственная история имеет достаточно широкий диапазон исследовательского поля, имеющий унитарный, стадийный и локальный срез. В унитарном срезе история сельского пространства выглядит как некое единое целое, отличное от истории несельского пространства. В стадиальном срезе история сельского пространства предстает как последовательная смена исторических этапов развития сельского социума. В локальном срезе эта история ограничена рамками того или иного пространственного таксона. Каждый из отмеченных срезов истории сельского пространства по-своему подчеркивает непреходящий характер руральной жизнедеятельности, изменяющийся в процессе исторической эволюции человеческого сообщества.

Историческое время является важной категорией познания общественной жизни, благодаря которой можно отслеживать определенные изменения. Оно состоит из времени жизни каждого отдельного человека и совокупного текущего времени человеческого сообщества. Конечно, историческое время отличается от абсолютного, дей-

ствительного математического времени, которое, по И. Ньютону, течет равномерно и иначе называется длительностью. Историческое время является частью длительности, которая имеет точку отсчета.

Определенный интерес в понимании исторического времени вызывают взгляды Р. Колингвуда, который отмечал, что «...история в обыденном или широком смысле слова является знанием о прошлом, и мы, чтобы понять ее особенности и ей присущие проблемы, должны поинтересоваться, что же такое прошлое... Прошлое стало настоящим, и поэтому когда мы спрашиваем, где искать прошлое в живой и конкретной актуальности, то ответ будет: в настоящем. Но прошлое, существуя актуально в виде настоящего, существует еще и идеально как прошлое — как то, чем оно было до того, как превратился в настоящее... Таким образом теперешнее состоит из двух идеальных элементов прошлого и будущего; следовательно, оно является и будущим, и прошлым в синтезе, который является актуальным, фактически существующим» [120, с. 455, 502]. С этой точки зрения корни будущего лежат в прошлом и в настоящем.

Интеграционно-контекстный подход, учитывающий пространственный и хронологический подходы к изучению истории, предложил Г. Риккерт, который отмечал, что «история... пытается, подобно генерализующим наукам, понять все в известной связи... Историческая связь всякого исторического объекта имеет, так сказать, два измерения, которые можно было бы назвать измерениями ширины и длины, то есть, во-первых, история идолжна установить отношения, связывающие объект с окружающим его средой, и, во-вторых, проследить от начала до конца в их взаимной связи различные стадии, которые объект проходит последовательно, или, иначе говоря, изучить его развитие» [349, с. 147]. Такой подход позволяет выявить генезис и эволюцию общественного процесса и влияние на него пространственных факторов развития.

Определение содержательного наполнения предметного поля истории сельского пространства требует сопоставимого рассмотрения категорий «времени» и «пространства». По временному структурированию представлений о действительности все, что происходит в пространстве, в любой из сфер общественной жизни или области деятельности, имеет признаки историчности. Однако незаполненное пространство не несет в себе никаких сущностных характеристик, кроме параметрических (площадь, протяженность, компактность, конфигурация) и пространственно-географических координат. Про-

странство представляет интерес для историка как место жизнедеятельности. По этому поводу Я. Верменич использует понятие «проживание пространства», которое означает осмысление территории проживания человека [42, с. 18]. В нашем случае речь идет о сельских территориях и их осмыслении. Большинство современных отечественных и зарубежных историков под осмыслением или переосмыслением роли пространства и пространственных факторов понимают исследование не столько территории, сколько сложившихся в ее пределах социумов как социальных организмов.

При историческом исследовании сельского пространства следует учитывать его полимасштабность, которая представляет собой множество различных по своим размерам, иерархически упорядоченных локалитетов (уровни сельских территорий). Таксономической единицей базового уровня сельских территорий является сельская территориальная община, организующая жизнедеятельность на собственной территории. Территории базового уровня агрегируются в более крупные таксономические единицы — административные районы (районный уровень сельских территорий). В результате интеграции территорий базового уровня в территории районного уровня, за счет проявления специфики локальных таксономических единиц, не только усложняется структура территорий высшего иерархического уровня, но и становится более разнообразным их содержание. Соответственно расширяется и усложняется масштаб объекта исторического исследования. Сельские территории районного уровня входят в соответствующие пространственные образования регионального уровня. В пространственном отношении эти территории представляют собой сельский сегмент (составляющую) того или иного региона. В исследовательском плане сельские территории данного уровня являются объектом изучения региональной истории. Совокупность сельских территорий регионального уровня составляет их общегосударственный уровень, который выступает как сельская территориальная подсистема общества. Сельские территории этого уровня являются объектом исследования национальной истории.

Предметом специального интереса историков становится анализ временного выразителя масштабности, который проявляется через динамику развития того или иного уровня сельских территорий за определенном отрезке времени, каждый из которых имеет разное наполнение в зависимости от масштаба таксономической единицы. Динамика протекания общественного процесса, которая является

заметной и значимой на базовом уровне сельских территорий, чаще всего не учитывается и не принимается во внимание на их высших уровнях. То есть речь идет о разной темпоральности развития в разрезе различных уровней сельских территорий, а не только в сельском и городском пространственных сегментах.

Позиционирование сельского пространства как объекта исторических исследований в виде многоуровневой системы сельских территорий дает возможность сформировать представление о полимасштабном характере объекта, структурные компоненты которого взаимодействуют между собой. Это взаимодействие имеет не только временное, пространственное, но и сущностное измерение. Именно последнее непосредственно относится к предмету исследования сельской истории.

История имеет прямую связь не только с географией, а и с социологией, являясь, по выражению Л. Вирта, потребителем продуктов исторической эрудиции — фактов, конструированных историками исходя из опытов, с которыми они сталкиваются. В свою очередь эти опыты интерпретируются в свете пресуппозиций, некоторые из которых касаются процессов, формирующих человеческую личность, и базовых факторов, формирующих институты, социальные движения и идеи, осознанно или неосознанно заимствованных из социально-научных дисциплин, одной из которых является социология. Таким образом историк и социолог, не подменяя один другого, учатся друг у друга. Например, историк может научиться у социолога оценке уникальных характеристик локальной социальной среды, в которой формируются личностные типы, включая и сельских жителей [46, с. 61, 62, 68].

Познавательный инструментарий социологической науки в междисциплинарных исследованиях оказывается незаменимым при изучении особенностей тех или иных уровней сельских территорий. В частности, речь идет о категории «локальность» как пространственной форме социальной реальности [146, с. 11]. Поэтому не случайно социологи в качестве главного структурного элемента сельского пространства рассматривают сельское локальное сообщество, обладающее признаками целостной социальной системы. Данное сообщество вырабатывает собственную адаптационную стратегию в ответ на изменения социально-экономической среды и способно не только к самосохранению, а и к конструированию новых механизмов поддержания своей самоидентичности [204].

Сельское локальное сообщество является предметом исследования сельской социологии, понимаемой В. Новиковым как комплекс социального познания рурального пространства общественного бытия [213]. Другой социолог, А. Хагуров, уточняет, что социология села — «это социология социальных взаимодействий внутри сельского социума и взаимодействия сельского социума с обществом в целом» [419, с. 41]. Именно в этом, на наш взгляд, заключается неразрывная связь сельской социологии, с одной стороны, с руральным пространством и руралистикой, и с социологической наукой как определенной объектно-предметной целостностью — с другой. Такой вывод подтверждается социальной практикой, связанной с формированием в 1960–1980-е годы новосибирской школы сельской социологии, возглавляемой Т. Заславской, состоящей из нескольких направлений макросоциологического исследования села: социальная структура сельского населения, его миграция в города, бюджет времени и образ жизни; труд в сельском хозяйстве, трудовые коллективы колхозов и совхозов, управление производством; уровень жизни сельского населения, личные подсобные хозяйства и семейная экономика [398, с. 187].

Социологическое направление руралистики имеет непосредственную связь с демографией, которую Л. Вирт определил как человеческую экологию [46, с. 37], хотя, как признает и сам автор данного определения, оно вполне применимо и по отношению к социологии.

В центре демографического направления руралистических исследований находится комплексная характеристика сельского населения, соотношение величин его рождаемости, смертности, миграционной подвижности и тенденции их изменения, имеющая отношение к системе воспроизводства, а также проблемы расселения, урбанизации, половозрастного и брачно-семейного состава населения, уровня его образования. Поэтому вполне правомерно заключить, что ключевой категорией демографии является категория «население», представляющая собой сложную систему, в которой существует множество локальных особенностей, к их числу, безусловно, принадлежит и сельский локальный социум. Это, как отмечают демографы, «...связано с территориальным положением отдельных групп, условиями естественной и социальной среды, в которых они проживают. Важным является выяснение степени населенности территории, а именно достигнутый уровень ее «вместимости», поскольку от этого показателя зависит наличие контактов между локальными группами

населения и формы этих контактов, а следовательно, наличие и интенсивность социальных конфликтов при распределении имеющихся ресурсов» [399].

В формировании системы руралистических знаний принимает участие и экологическое научное направление, первоначально существующее в качестве новой ветви биологической науки (вторая половина XIX ст.). Со временем при активном участии географов, социологов, демографов эта отпочковавшаяся ветвь естественной науки оформилась в самостоятельное течение, получившее название «инвайронментализм». В середине XX ст. Л. Вирт в системе экологических знаний выделил такую область, как «human ecology» (человеческая экология), призванную исследовать человеческих особей (социализированных животных), несущих на себе отпечаток физической агрегации и своей среды обитания [509]. Подходы, методика человеческой экологии были использованы при научном описании сельских территорий как агроэкосистемы.

Исходя из идентификации сельских территорий как природных и социально-пространственных образований и первостепенной роли в их развитии антропоного компонента, следует отметить и соответствующее место в системе руралистических знаний культурологии.

Культурологическая исследовательская парадигма была заложена еще представителями новой немецкой исторической школы. Ее яркий представитель В. Зомбарт, отрицая сходство методологических принципов социальных и природоведческих наук, отмечал: «мы не можем ни в одной науке о культуре, и менее всего в науке об обществе, удовлетворяться применением одолженных у природоведческих наук методов исследования» [102, с. 10]. Это означает, что руральную жизнедеятельность следует рассматривать как явление определенной культуры, доминирующей в руральном пространстве в целом и в его отдельных пространственных сегментах. То есть речь идет о сельской культуре в самом широком значении этого слова с ее аграрной доминантой, определяющей соответствующий способ и образ жизнедеятельности. Ее исследование предполагает обращение не столько к ее внешним проявлениям, а и к анализу исторической эволюции общественного сознания социальных групп, причастных к производству определенных социокультурных ценностей, и прежде всего, крестьянства. При этом важен учет и исторического контекста жизнедеятельности крестьянства как вечного персонажа истории, изменяющегося по мере развития человеческой цивилизации.

Культурология исключает две крайности в оценке места и роли крестьянства как продуцента и носителя руральных ценностей. С одной стороны, она не приемлет восприятия крестьянства как исторического рудимента, анахронизма, социального слоя, ассоциирующегося исключительно с доиндустриальным этапом общественного развития и якобы в силу этого консервативно настроенным ко всякого рода нововведениям. С другой стороны, малопродуктивным является и подход, идеализирующий крестьянство на том основании, что оно является первичной формой существования социума и социальности как таковой. Действительно, с крестьянством во многом связано складывание национальных славянских культур в конце XVIII — начале XIX ст. Однако было бы преувеличением приписывать только крестьянству роль носителя украинской идентичности, культуры и духовности. Несмотря на то, что именно крестьянство было длительным периодом времени доминирующим социальным слоем, нельзя недооценивать вклад в развитие духовности украинского народа национальной интеллигенции, лучших представителей правящего класса.

Нет ничего проще, чем связывать разрушение традиционного и сельского жизненного уклада, крестьянской культуры с процессом модернизации. Было бы правильным вести речь, с одной стороны, об игнорировании базовых ценностей сельского населения, обусловленных спецификой аграрного труда и культурой села, в процессе общественной модернизации и недостаточной адаптации сельских жителей к изменяющимся общественным отношениям в силу консерватизма их социокультурных ценностей — с другой. В результате взаимодействия сельского консерватизма с модернизацией произошел кризис традиционных крестьянских социокультурных ценностей, требующий переоценки ценностей в условиях трансформационных изменений, связанных с переходом от одной общественной системы к другой. Поэтому трудно представить ситуацию, когда общество изменяется от эпохи к эпохе, а сельский образ жизни остается неизменным. На самом деле крестьянин времен до отмены крепостного права — это не столыпинский крестьянин, а тем более — не советский колхозник, и тем более не постсоветский крестьянин.

Тем не менее, современные исследователи подчеркивают важность соблюдения крестьянами базовых ценностей, способствующих сохранению крестьянства как социального феномена. Так,

С. Цапок в обширной системе ценностей сельских жителей выделяет базовые ценности, конституирующие сельский образ жизни — ценности повседневного кропотливого труда, ценности традиционного типа семьи, стремление к автономии существования и децентрализации управления, уважение к традиции как средству упорядочения социальных взаимодействий. Средством же модернизации сельского образа жизни, по мнению данного автора, выступает активное «навязывание» сельским жителям (посредством средств массовой информации, рекламы, школьного воспитания, социальной пропаганды) ценности социального успеха и рыночных, предпринимательских практик — инновационной активности, готовности к деятельности в условиях риска, стремления к максимизации потребления и внедрения потребительских стандартов развитого общества [424, с. 12, 14]. Тем самым противопоставлением различных этапов общественного развития отрицается преемственность в исторической эволюции человечества. За рамками здравой логики пребывает авторское противопоставление ценности повседневного кропотливого труда и ценностей социального успеха, рыночных предпринимательских практик. Безусловно, с течением времени происходят изменения в характере крестьянского труда, который с развитием техники и технологий становится более творческим. Поэтому важно проследить, в какой степени на процесс адаптации тружеников села к новым общественным отношениям влияют изменения в социокультурной составляющей сельского труда.

Данная проблематика не является новой для социальных и поведенческих наук. В частности еще М. Вебер в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» выявил взаимосвязь между поступью капитализма и этикой поведения в виде протестантской веры и религиозной этики. Эта взаимосвязь указывает на обеспечение протестантизмом баланса рыночных и нерыночных отношений, модернизационных и традиционных ценностей. В отличие от протестантизма православие, точнее его хозяйственная этика, хотя и не противоречит богатству и бережливости, однако не обеспечивает синтеза ценностей трудового коллективистского и предпринимательского либерального поведения. Православие в этом плане выглядит более консервативным, чем протестантизм. В этом кроется одна из причин меньшей успешности славянских народов в сравнении с народами, исповедующими протестантизм и придерживающимися протестантской этики. Здесь можно привести пример исламских

арабских стран, преуспевающих на ниве нефтяного бизнеса после переоценки роли ростовщичества и спекулятивного контекста в предпринимательской деятельности.

Таким образом, культурологическое научное направление журналистики отражает ключевую роль социокультурных ценностей, духовности сельского населения через отношение к труду на земле, к своему общественному предназначению. А. Солженицын в своем известном публицистическом произведении «Как нам обустроить Россию? Посильные соображения» заметил, что земля содержит в себе не только хозяйственное значение, а и моральное [361, с. 5]. Именно утрата тяги к земле является большой угрозой для духовности крестьянина. Отсутствие интереса современного крестьянства к труду на земле отчасти можно объяснить неблагоприятными социально-политическими и экономическими условиями хозяйствования. Так, украинские крестьяне, получив в собственность земельные участки после распадения земель бывших коллективных сельскохозяйственных предприятий (КСП), так и не стали рачительными хозяевами, не приобретя одновременно прав собственности на имущество КСП (техника, инвентарь, скот, пр.). Не получив должной финансовой и правовой поддержки от государства, владельцы земельных участков оказались неконкурентоспособными по отношению к крупным сельскохозяйственным предприятиям различных форм собственности и хозяйствования. Поэтому большинству владельцев земельных участков ничего не оставалось, как сдать эти участки в аренду соответствующим субъектам хозяйствования на крайне невыгодных условиях, не обеспечивающих даже их простое воспроизводство.

С ростом миграции сельской молодежи, экономически активного населения усиливается социальный упадок, деградация села, разрушается сложившийся уклад сельского образа жизни, подрываются моральные основы здорового способа жизни. Как следствие, в сельской местности наблюдается расширение масштабов социальных девиаций (пьянство, тушеядство, воровство, преступность). В сельский быт проникают такие социальные недуги, ранее присущие исключительно городу, как наркомания, ВИЧ-инфекция / СПИД. На фоне ослабления активного компонента духовной культуры, исчезновения ее генерирующих субъектов в виде сельской интеллигенции, творческих объединений формируется психологическая установка на негативное отношение не только к аграрному труду, а и к проживанию на селе. В ее формировании активную роль играют родители. По дан-

ным Е. Якубы, только 13,2 % из них не против того, чтобы их дети унаследовали родительскую профессию [456, с. 64].

Культурологическое исследование крестьянства как культурного феномена требует его рассмотрения в контексте исторически изменяющегося способа аграрного производства и эволюции структуры руральной повседневности. Данная научная проблема в настоящее время разрешается в рамках сформировавшегося в 1960-х годах крестьяноведения, исходным постулатом которого стало рассмотрение крестьянства не только как объекта, но и как субъекта истории.

Однако в трактовке сущности субъектности крестьянства среди крестьяноведов нет единства взглядов. Например, в свете концепции «моральной экономики» Дж. Скотта [499] существование крестьянства обуславливается не стремлением к производству прибавочного продукта, а поддержанием самообеспечения. То есть, по Дж. Скотту, рынок — это чуждое крестьянскому хозяйству явление. По сути дела позиция этого автора сродни концепции трудопотребительного баланса А. Чаянова, что дало повод В. Каганскому считать, что российское крестьяноведение берет свое начало в трудах именно А. Чаянова [107]. На самом деле, как считают Т. Шанин, А. Никулин и В. Данилов, крестьяноведение, как феномен рефлексии, сложилось в России в виде глубокого погружения, активного включения исследователя в крестьянский мир, непрерывного процесса размышления и продумывания постоянно изменяющейся социальной реальности в начале 1990-х годов [348, с. 104].

В Украине крестьяноведческое направление как самостоятельное междисциплинарное исследование руральной проблематики сформировалось в начале XXI ст. Его разработчики, А. Онищенко и В. Юрчишин, в качестве идеологического и методологического фактора крестьяноведения определили крестьяноцентризм, под которым они понимали системное подчинение всей совокупности возрожденческих процессов интересам села и крестьянства [223, с. 26]. Е. Бородина и И. Прокопа ассоциируют крестьяноведение с человекоцентризмом, ориентацией на удовлетворение потребностей и обеспечение реализации интересов широких слоев сельского населения при активном участии в этом процессе крестьян [32, с. 79]. Другие ведущие отечественные аграрные экономисты ограничивают крестьяноведческие установки мерой придания аграрной политике Украины сельско-крестьянской («крестьяноцентрической») направленности [8, с. 45–46].

На наш взгляд, междисциплинарное научное направление, на статус которого претендует крестьяноведение, не может основываться на центристских позициях, акцентируя внимание исключительно на крестьянстве как социальном слое, что ограничивает познавательные возможности этого направления. Как показывает практика, остановить тенденцию снижения престижности руральной жизнедеятельности за счет количественного роста крестьяноведов вряд ли возможно.

Сердцевиной духовности крестьянства, как основного субстрата сельского социума, являются его психология, сознание и убеждения, что обуславливает выделение психологии в самостоятельное научное направление руралистики. В контексте данного направления руральное пространство ассоциируется с определенными социальными группами, заполняющими указанное пространство, их ментальностью, моделями поведения, которые оказывают существенное влияние на процесс формирования среды проживания [251]. В этом смысле ментальность выступает идентификатором руральной действительности и индикатором поведенческой линии сельского социума. Об этом, в частности, свидетельствует и определение ментальности как «целостной системы образов, представлений, ценностно-смысловых образований и своеобразных правил жизни, стимулирующих и регулирующих наиболее целесообразный в данных культурных и естественных условиях тип поведения [167, с. 48].

Ментальность рассматривается как трехкомпонентное образование, содержащее в себе эмоциональную, когнитивную и поведенческую стороны [33, с. 17].

Учитывая другие, модифицированные варианты структуры ментальности, включающие в ее состав элементы, связанные с подсознанием, волей, этническим самосознанием [52], предлагаем собственную версию внутреннего строения ментальности (рис. 5.5).

Как следует из рис. 5.5, ментальность представляет собой сложный социально-психологический феномен, первый пласт которого (основание) представлен сферой подсознания, психики и когнитивной сферой, второй (сущностный) — духовной сферой и сферой образов, третий (функциональный) — сферой деятельности.

С нашей точки зрения, ментальность не только формирует территориальную идентичность, но и активно участвует в создании пространственных образований. Во-первых, индивид или общность людей, наделенные определенным менталитетом, принимают активное

Рис. 5.5. Структура ментальности

участие в трансформации природного ландшафта, преобразуя его по своему усмотрению, руководствуясь при этом определенной системой взглядов, умонастроений, духовных и культурных традиций. Во-вторых, в человеческом сознании в процессе преобразовательной деятельности складывается и закрепляется тот или иной тип ментального пространства — мыслей, образов, чувств, ощущений, в котором отражается пространство реальное. В когнитивной лингвистике такое отражение действительности получило название концептуальной (когнитивной) картины мира, определенной как ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием человека и являющийся результатом как прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательного рефлексивного отражения действительности в процессе мышления [285, с. 28]. Таким образом, ментальность предстает как особая сфера, су-

шествующая параллельно с пространством, в котором пребывают его носители.

Устойчивости идентичности способствует этническое самосознание. Каждый человек, по З. Фрейду [60, с. 26], владеет не только частью душ масс своего круга, своего вероисповедания, гражданского состояния, но и душой своей расы. Общность с душой собственного этноса основана на инстинкте принадлежности к конкретной группе людей, объединенных общностью происхождения, места и исторической судьбы. Далее это чувство, развиваясь в процессе приобретения жизненного опыта и знаний, закрепляется определенной этнокультурой самоидентификации. Это дает основание считать этнологию одним из научных направлений руралистики.

Этносы, населяющие сельские территории, с одной стороны, несут в себе генетический код того ландшафта, в котором они сформировались, а с другой — приобретают в процессе социализации определенные черты и свойства, отличающие их друг от друга. Это позволяет обозначить их как определенные этнотерриториальные общности, которые объединены единым этническим происхождением, компактным характером расселения, общей жизнедеятельностью и способностью к саморазвитию. Большая часть сельских территорий Украины характеризуется преимущественно одно- или двуэтническим составом населения (украинцы и/или русские). Вместе с тем в сельской местности компактно расселены такие группы этнических меньшинств, как болгары, молдаване, грузины, румыны, венгры, отнесенные украинским законодательством к коренному населению. В литературе [45, с. 49] такие территории получили название этнических анклавов, являющихся компонентными сообществами этнической группы внутри территории, где доминирует другая этническая группа, и отличающиеся от доминирующей группы социокультурными, лингвистическими и другими характеристиками.

М. Днистрянский [82, с. 18], учитывая наличие определенной анклавности размещения населения, осуществил ранжирование регионов по индексу их этнической мозаичности. Наивысший индекс этнической мозаичности сельского населения имеют Одесская (0,64), Черновицкая (0,45), Донецкая (0,45), Луганская (0,44), Запорожская (0,43) области. Ниже всего этот индекс — в Волинской (0,02), Ивано-Франковской (0,02), Тернопольской (0,02), Львовской (0,03), Винницкой (0,04), Черниговской (0,04) и Черкасской (0,05) областях, при среднем значении этого показателя по Украине —

0,25. У городского населения индекс этнической мозаичности составил 0,48.

По этническому признаку следует выделить несколько типов и уровней сельских территорий (табл. 5.3).

Таблица 5.3

Структура этнического состава сельских территорий

Типы сельских этно-территорий	Виды сельских этнотерриторий по степени сложности			Уровни сельских территориальных общин				Субэтнические ареалы
	Преимущественно моноэтнические	Биэтнические	Полиэтнические	Территориально-общинный	Микрорегиональный	Субрегиональный	Мезорегиональный	
Центрально-Северный	+			+	+			
Западный (Галицкий)	+			+				+
Восточно-Южный		+		+				
Смешанный (Черновицкая, Закарпатская, Одесская области)			+	+	+	+		+

Дифференциация сельских территорий осуществлена по принципу доминирования неукраинских этнических групп. Анализ этнического состава сельского населения с учетом компактности его расселения позволяет выделить следующие уровни сельских этнотерриториальных общностей: мезорегиональный (областной), субрегиональный (несколько районов), микрорегиональный (районный), общинный, уровень субэтнических ареалов. Все они структурированы не по географическому принципу, а по этническому признаку.

К сельскому территориальному субрегиону, в котором компактно расселены этнические меньшинства составляют большинство населения, относится Украинское Придунавье (юг Одесской области).

К микрорегиональному уровню сельских неукраинских этнических пространственных образований относятся отдельные районы Черновицкой области, представленные почти на 20 % румынами и молдаванами, что составляет две трети и четверть их общей числен-

ности в Украине — соответственно. Румынское население сосредоточено в Герцаевском (90 % общей численности всего населения), Глыбоцком (60 %) и Сторожинецком (40 %) районах. Более 65 % жителей Новоселицкого района — молдаване [96, с. 61, 63].

Этнотерриториальная специфика Закарпатья заключается в том, что в нем проживают практически все венгры Украины, удельный вес которых составляет 12,1 % от общей численности населения области. Из них 60 % равномерно и компактно расселены в сельской местности [96, с. 63].

Более распространенным явлением, чем этнорегионы и этнораионы, являются сельские этнотерриториальные общины. Они существуют в каждой области, особенно в местах компактного проживания болгар, молдаван, гагаузов, румын, венгров, крымских татар и других этнических групп.

Особой спецификой отличаются субэтнические территориальные ареалы, населенные гуцулами, бойками, лемками. Этнографическая группа гуцулов компактно расселена в восточной части Украинских Карпат, на границе Ивано-Франковской, Черновицкой и Закарпатской областей, бойки — в их центральной части (Ивано-Франковская, Львовская и Закарпатская области). Большинство лемков расселены на территории Польши, Словакии и частично на Закарпатье.

Представленные этносы характеризуются бинарным самосознанием: национальным и этническим, т. е., с одной стороны, они идентифицируют себя как граждане Украины (украинский народ), а, с другой — как представители определенной этнической группы (украинцы, русские, болгары и др.).

Таким образом, представленные научные направления руралистики свидетельствуют об обоснованности ее позиционирования как новой междисциплинарной отрасли научных знаний. Предложенный междисциплинарный подход к оценке общественных процессов, происходящих в руральном пространстве, будет способствовать расширению и углублению руральной научной проблематики и более успешному практическому разрешению вопросов, связанных с руральной жизнедеятельностью.

Заключительную часть работы начнем с тривиальной вещи, имеющей непосредственное отношение к любой области научного знания, а тем более — к междисциплинарным исследованиям. Речь идет о выяснении того, о чем спорят ученые, и не обязательно философы. Ответ на поставленный вопрос — банально прост — о терминах. Тема данной монографии в этом плане является по особому показательной, поскольку своим непривычным, для притязательного ума стороннего и критично настроенного читателя, названием она создает прецедент непринятия. В этом плане мне вспоминается один разностного характера отклик эстетствующего профессора-географа на исследование своего молодого коллеги, якобы некорректно использующего термин «руральный». Сущность критики касалась того, что следовало вести речь о «руральности» (по тому, как произносится слово на английский манер), а не о «руральности» (по правописанию). Не подлежит сомнению, что в подобного рода критике — больше снобизма и схоластики, чем конструктивизма. По крайней мере оставим подобного рода полемику для лингвистов.

Итак, из четырех ключевых понятий, используемых в процессе исследования в качестве его остова, три — «руральность», «рурализация» и «рурализм» — впервые имплементированы в науку в представленном изложении.

Первый термин интерпретируется как перманентное состояние бытия в руральном пространстве, которое изменяется по своему содержанию, но не по смыслу, под воздействием факторов внутренней и внешней среды. Состояние руральности в любом обществе в тот или иной период его исторического развития — это своего рода идентификационный код и индикатор его цивилизованности. В этом смысле Украина демонстрирует пример поспешного и ничем не оправданного «перешагивания» через современный этап собственного рурального состояния, не утруждая себя заботой о его совершенствовании как о чем-то второстепенном, тем самым осознанно консервируя целый комплекс проблем, без разрешения которых невозможно двигаться дальше по пути общественного прогресса. Подобного рода легкомысленность, выступающая под прикрытием европейскости и стыдливости в глазах мировой общественности за такую своего рода

отсталость, оборачивается бумерангом прошлого в настоящее, которое на поверку оказывается далеко не радужным.

Предложенная в работе характеристика рурализации, как встречного урбанизации процесса, не только углубляет сложившееся в науке смысловое и тематическое представление о нем, но и расширяет его пространственные рамки. Если судить о формах проявлениях рурализации, ее классификационных признаках, можно сделать вывод о преобладании мнимой разновидности рурализации над фактической. Пока что рурализация скорее демонстрирует эффект инверсионного развития урбанизации, чем реального распространения рурального образа жизни в пространстве и времени.

Поскольку «рурализм» как научная категория является менее разработанным в науке, а на практике попросту игнорируется, а, следовательно, не выполняет своей созидательной роли в усилении социальных позиций руральности, в монографии осуществлено комплексное освещение этого сложного мировоззренческого феномена. С этой целью для определения сущности рурализма привлечен широкий круг источников, который не ограничивается научными публикациями. Значительно повлияли на формирование авторской концепции рурализма, как мировоззрения и идейного течения, оценки крестьянства как социального класса и субъекта истории и рурального развития, повседневности рурального бытия, содержащиеся в трудах отечественных и зарубежных публицистов и писателей. В некотором смысле введение в научный оборот этих источников заставило автора по-иному посмотреть на психологический портрет крестьянства, его поведенческую линию, детерминированную не только экономическими интересами, а и психофизиологическим и душевным строем. С точки здравого смысла, не представляется возможным что-либо изменить в течении в руральной жизни без наличия зрелого крестьянского класса и его психологической готовности к изменениям. И в этом смысле предстоит проделать огромную работу прежде всего по переосмыслению собственно крестьянством своего общественного призвания.

Научное понятие «руральное развитие» хотя и не обойдено вниманием исследователей, тем не менее ему посвящен отдельный подраздел монографии. В качестве формы проявления руральности руральное развитие является постоянным источником ее поддержания и выражения через непосредственную связь с жизненными истоками не только сельского населения, а и всего социума. Руральное разви-

тие является выражением общественных процессов, происходящих в пространственных границах сельских территорий. И в этом смысле сельские территории являются объектом рурального развития. Тем самым, отражая сложное структурное строение сельских территорий, руральное развитие охватывает все сферы жизнедеятельности сельского социума.

Поскольку в первом разделе монографии дано развернутое определение понятийно-категориальному аппарату исследования, во втором разделе основное внимание сосредоточено на раскрытии сущности непосредственно теоретического арсенала и методологического инструментария руральности, что вполне оправданно по отношению к данной научной отрасли, которая позиционируется как междисциплинарная. В монографии прежде всего содержится характеристика руральности в контексте эволюционной, модернистской, цивилизационной, евразийской и социологической теорий. Учитывая междисциплинарную природу руральности, в данном разделе раскрыты методологические предпосылки междисциплинарных научных поисков. Не мене важным в этой части работы было осуществление анализа совместимости и сопоставимости теоретических представлений о руральной действительности и методологическими парадигмами процесса изучения руральности. Речь здесь идет о философской методологической парадигме и парадигме философии науки.

Осознавая взаимосвязанность в рамках междисциплинарного исследования методологического инструментария различных наук, в монографии содержится их классификация и детальная характеристика, так как в руральности в первую очередь представлены такие ее научные направления как географическое, экономическое, историческое, социологическое и психологическое. В заключительной части раздела отдельное внимание уделено анализу методов исследования, используемых в рамках указанных направлений.

В третьем разделе уделено внимание оценке институциональных основ руральности. Институциональная среда руральности является своего рода барометром, фиксирующим реакцию социальных институтов и прежде всего органов государственной власти на тенденции формирования научных направлений и течений в данной сфере научных знаний и способов их упорядочения. В процессе анализа нормативно-правовых актов, регулирующих направленность руральности исследований, установлено их несоответствие задачам рурального развития и запаздывание в принятии

решений, адекватных изменяющимся условиям в различных сферах руральной жизнедеятельности. Главный недостаток современной законодательной базы руралистики состоит в отсутствии стабильных формальных правил, регулирующих общественные процессы, происходящие в руральном пространстве. Эта база не представляет собой единой, целостной и непротиворечивой системы законодательства. Она больше напоминает свод оторванных от жизни законодательных актов, принятых, как правило, на злобу дня и в угоду находящимся при власти политическим силам. В этом отношении гораздо большей взвешенностью и продуманностью, по сравнению с отечественным законодательством, являются законодательные акты Республики Беларусь, Казахстана и Российской Федерации. Еще большей последовательностью и системностью отличается нормотворческая практика стран ЕС, для которой характерны поэтапный и дифференцированный подходы к регулированию рурального развития в рамках единой аграрной политики и учета региональных различий.

Сравнительный анализ субъектного измерения рурального развития в Украине и в странах европейского сообщества свидетельствует о действенности европейских неформальных правил, активности общественных организаций этих стран в практическом разрешении проблем рурального развития при активной помощи со стороны различных европейских фондов. В Украине же основная ставка делается исключительно на внутренний потенциал сельского социума, который предполагается усилить в ходе добровольного объединения территориальных общин.

В виде своего рода демонстрационной площадки в монографии представлен четвертый раздел, в котором прослеживается историческая эволюция руральности. Как природно-историческое лоно руральности позиционируется аграрная эпоха. Доминирующим признаком руральности в аграрную эпоху был соответствующий ей способ производства материальных благ, которые в малоизмененном виде черпались из природной среды, тем самым нанося ей часто невосполнимые потери. Система руральных отношений аграрного общества была строго детерминированной системой господствующих феодальных отношений, сдерживающих развитие зарождающегося в недрах феодализма капиталистического общества.

Борьба старых и новых общественных отношений заняла большой отрезок времени и в индустриальную эпоху, что наложило свой отпечаток на состояние руральности. Это прежде всего проявилось

в вытеснении аграрного труда трудом индустриальным. Над человеком, возмнившим себя в предшествующую эпоху хозяином природы, возвысился капитал, диктующий правила поведения в обществе, подчиненные интересам его владельцев, которые вступали в противоречия с законами природы. В это смысле руральность стала заложницей экономической конъюнктуры, которая ориентировала субъектов хозяйствования на вложение средств в менее трудоемкие и более прибыльные отрасли деятельности и прежде всего те из них, которые являются двигателями прогресса. В создавшихся условиях, регулируемых рыночной средой, аграрный способ производства уступил свои лидирующие позиции индустриальным видам деятельности. В индустриальную эпоху в силу отставания трансформационных общественных преобразований в Украине от соответствующих процессов в Европе окончательно наметилось ее отставание от европейских стран в темпах рурального развития.

В постиндустриальный период на развитии руральности отразилось различное капиталистическое наследие, характерное для развитых стран старой Европы, полупериферийных экономик Восточной и Центральной Европы, а также для постсоветских республик. Такая экономическая неоднородность заложила основы раздельного рурального развития в обозначенных пространственных сегментах. В свою очередь своей спецификой отличается руральное развитие в странах Северной Европы, демонстрирующих пример гармоничного сосуществования с урбанным развитием. В целом же отличительной чертой европейского рурального развития является не утрата им развитых форм аграрности. Более того, сегодня в рамках программ сельского развития ЕС предпринимаются меры по выравниванию рурального развития в странах старой и новой Европы. Кроме этого, в странах ЕС разрабатываются и успешно реализуются специальные программы поддержки сельских территорий с менее благоприятными условиями развития. Одновременно предпринимаются меры по выравниванию уровня социально-экономического развития руральных и урбанных территорий.

Вопреки сложившейся ситуации в Украине здесь решение руральных проблем отнесено к ответственности территориальных общин, переживающих период реорганизации в процессе их добровольного объединения. К парадоксу руральности в Украине следует отнести растущую депопуляцию населения, деградацию системы сельского расселения и обнищание жителей села на фоне растущих доходов от

результатов сельскохозяйственной деятельности крупных агрохолдинговых компаний, направляющих значительные средства в государственный бюджет от экспорта продовольствия. Такое положение требует разработки модели рурального развития с активной государственной поддержкой селу.

Пятый раздел, который по определению является конструктивным, посвящен раскрытию междисциплинарной сущности руральности, определению ее исследовательского поля и научных направлений.

Выделение руралистики как синтетической научной отрасли осуществлено в монографии на фоне науковедческого анализа познавательной деятельности и выявления родовых черт междисциплинарности. Для демонстрации междисциплинарности как исследовательской практики осуществлен ее анализ в субъектном измерении, дана оценка вклада в разрешение руральных проблем специализированных научно-исследовательских учреждений. Отмечено недостаточное участие в этой работе профильных министерств, что во многом обусловлено неопределенностью нормативных документов, регламентирующих их деятельность в этом направлении. В результате сложилось положение, когда за состояние руральности отвечают все и никто конкретно.

Определенное место в монографии отведено рассмотрению языка руралистики как междисциплинарной отрасли знаний. Дана авторская оценка понятийного конструкта «руральный дискурс», адекватная трактовка которого закладывает теоретические и методологические основы руралистики. Отмечена огромная роль в этом процессе формирования в рамках базовых научных дисциплин руралистики их субдисциплин.

В последнем подразделе охарактеризованы предметы исследования в рамках руралистики географической, экономической, социологической, исторической, психологической и других наук, позиционируемых на этом основании в качестве научных направлений руралистики.

Руралистика как междисциплинарная отрасль переживает период своего становления и утверждения и потому нуждается в дальнейшей научной разработке по ее основополагающим и прикладным направлениям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абалкин Л. Аграрная трагедия России [Электронный ресурс] / Л. Абалкин. — Режим доступа: [http://www.rea.ru/events/Lists/Documents/219/Аграрная %трагедия %Россиииурpdf](http://www.rea.ru/events/Lists/Documents/219/Аграрная%трагедия%Россиииурpdf)
2. Агенції регіонального розвитку: сучасні «Роги та копита?» [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://dc-summit.info/temy/vnutrennjaja-politika/2017-agencii-regionalnogo-rozvitku.html/>
3. Аграрна реформа в Україні / П. І. Гайдуцький, П. Т. Саблук, Ю. О. Лупенко та ін.; за ред. П. І. Гайдуцького. — К.: ННЦ «ІАЕ», 2005. — 424 с.
4. Аграрна реформа в Україні: здобутки і прорахунки: аналіт. доп. УЦЕПД // Нац. безпека і оборона. — 2001. — № 5. — С. 2–55.
5. Агропродовольчий розвиток України в контексті забезпечення продовольчої безпеки [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://orgua/wpcontent/up/loads/2015/05>
6. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь / Э. Б. Алаев. — М.: Мысль, 1983. — 350 с.
7. Ананьин О. И. Философия и методология экономической науки [Электронный ресурс] / О. И. Ананьин. — Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/2011/01/25/1208941744/ФимЭН.doc>
8. Андрійчук В. Г. Сучасна аграрна політика: проблемні аспекти / В. Г. Андрійчук, М. В. Зубець, В. В. Юрчишин. — К.: Аграрна наука, 2005. — 140 с.
9. Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР / Ю. В. Андропов // Коммунист. — 1983. — № 3. — С. 9–23.
10. Антонов К. К селу из города. Власти Татарстана хотят остановить отток жителей из деревень [Электронный ресурс] / К. Антонов. — Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2448551>
11. Артобалевский С. С. Цикличность и стадийность как естественные компоненты в территориальном развитии / С. С. Артобалевский, Г. В. Иоффе, А. И. Трейвиш // География и проблемы территориального развития. — М.: ИГ АН СССР, 1989. — С. 42–54.
12. Асоціація агентств регіонального розвитку України [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://www.architrade.com/support.php?ld=5>
13. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ. — М.: Academia, 1999. — 956 с.
14. Бердинских В. Крестьянская цивилизация в России / В. Бердинских. — М.: Аграф, 2001. — 432 с.
15. Бердяев Н. Судьба России / Н. Бердяев; [предисл. К. Ковалева]. — М.: Сов. писатель, 1990. — 346 с.

16. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря / Н. А. Бердяев. — М.: Республика, 1995. — 384 с.
17. Бессонова О. Э. Общая теория институциональных трансформаций: парадигмальное переосмысление цивилизационного развития России / О. Э. Бессонова // Социс. — 2008. — № 1. — С. 13–23.
18. Бизянов В. Ф. Урбанизация, мегаполисы и индустрия изменяют форму земли, порождают катаклизмы и изменение климата [Электронный ресурс] / В. Ф. Бизянов. — Режим доступа: <http://velik-rusk.narod.ru/doklad.htm>
19. Билимович А. Д. Марксизм / А. Д. Билимович. — Сан-Франциско: Луч, 1954. — 84 с.
20. Билимович А. Д. Собственность и крестьянское движение / А. Д. Билимович // Русская мысль. — 1921. — № 5. — С. 6–37.
21. Билимович А. Д. Экономический строй освобожденной России / А. Д. Билимович. — М.: Наука, 2006. — 230 с.
22. Блауберг И. В. Становление и сущность системного похода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. — М.: Наука, 1973. — 270 с.
23. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют [Электронный ресурс] / М. Блауг. — Режим доступа: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/49939/ogl.shtml>
24. Блок М. Характерные черты французской аграрной истории / М. Блок; пер. с франц. И. И. Фроловой; ред. и предисл. А. Д. Люблинской. — М.: Изд-во иностранной л-ры, 1957. — 351 с.
25. Богданов А. А. Тектология (Всеобщая организационная наука): в 2 кн. / А. А. Богданов. — М.: Экономист, 1989. — Кн. 1 / [редкол. Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др.]. — Отделение экономики АН СССР. Ин-т экономики АН СССР. — 304 с.
26. Бойко Я. В. Розселення переселенців та розміщення представників східнослов'янських етносів у Північному Причорномор'ї (друга половина XIX — початок XX ст.) / Я. В. Бойко // Наук. пр. істор. ф-ту Запорізького нац. ун-ту. — 2009. — Вип. XXVII. — С. 44–49.
27. Болдырев И. А. Экономическая методология сегодня: краткий обзор основных направлений [Электронный ресурс] / И. А. Болдырев. — Режим доступа: <http://econoqus.org/geresec/journal/2011-9-47-70r.pdf>
28. Большаков О. Г. Средневековый арабский город / О. Г. Большаков // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. / под ред. О. Г. Большакова. — М.: Наука, 1982. — С. 136–214.
29. Большаков О. Г. Средневековой город Ближнего Востока (VII — середина XIII вв): социально-экономические отношения / О. Г. Большаков; отв. ред. И. М. Смилянская. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 344 с.
30. Бордюгов Г. Время трудных вопросов: история 20–30-х годов и современная общественная жизнь / Г. Бордюгов, В. Козлов // Урок дает история. — М.: Политиздат, 1989. — С. 132–267.

31. Борисенко Е. Ю. Чехословакия и русское земледельческое движение в 20-е годы: автореф. дис. ... канд. истор. наук; спец. 07.00.03 — всеобщая история / Е. Ю. Борисенко. — М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1993. — 20 с.
32. Бородин А. Сельское развитие в Украине: проблемы становления / Е. Бородин, И. Прокопа // Экономика Украины. — 2009. — № 4 (561). — С. 74–85.
33. Бородин А. С. Этническая психология / А. С. Бородин. — К.: Тандеш, 2000. — 264 с.
34. Бородин О. М. Аграрний розвиток і саморозвиток громад: модернізація через взаємну адаптацію (теоретико-методологічний аспект) / О. М. Бородин, І. В. Прокопа // Економіка України. — 2014. — № 4 (629). — С. 55–72.
35. Бородин О. М. Теоретичні основи сільського розвитку на базі громад: капіталізація активів / О. М. Бородин, С. В. Киризиук, О. В. Риковська // Економіка АПК. — 2011. — № 5 (199). — С. 153–160.
36. Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм XV–XVIII ст.: у 2 т. / Ф. Бродель; пер. з фр. Г. Філіпчук. — К.: Основа, 1995. — Т. 1: Структура повсякденності: можливе і неможливе. — 534 с.
37. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3 ч. / Ф. Бродель; пер. с фр. М. Юсима. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 4.1.: Роль среды. — 495 с.
38. Валлерстайн І. Нові бунти проти системи [Електронний ресурс] / І. Валлерстайн. — Режим доступу: <http://www.derybanu.net>
39. ВАР — Всеукраїнська аграрна рада [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://uacovncil.org/pages/1.html>
40. Вебер М. История хозяйства / М. Вебер // Вебер М. История хозяйства. Биржа и ее значение / пер. с нем.; ред. И. Гревс; отв. ред. Г. Э. Кучков, Н. Д. Саркитов; коммент. Н. Д. Саркитов; [авт. послесл. Ю. Н. Давыдов]. — М.: Гиперборея: Кучково поле, 2007. — 431 с.
41. Вебер М. История хозяйства: очерк всеобщей социальной и экономической истории / М. Вебер; пер., под ред. [и с предисл.] И. М. Гревса. — Пг.: Наука и школа, 1923. — 240 с.
42. Верменич Я. В. Просторове моделювання історії: зміна парадигм // Схід і Південь України: час, простір, соціум: у 2 т. — К.: Ін-т історії України НАН України, 2014. — Т. 1. — С. 3–27.
43. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский // Библиотека журнала «ORGANIC UA». Кн. 10, т. 1. — К.: ВК «АПС», 2013. — 416 с. — (Серия «Отечественная мысль»; кн. 4).
44. Вернадский В. И. Размышления натуралиста / В. И. Вернадский // Библиотека журнала «ORGANIC UA». Кн. 12, т. 3. — К.: ВК «АПС», 2013. — 532 с.
45. Винокуров Е. Ю. Теория анклавов / Е. Ю. Винокуров. — Калининград: Терра Балтика, 2007. — 342 с.
46. Вирт Л. Избранные работы по социологии: сборник переводов / пер. с англ. В. Б. Николаев; отв. ред. Гирко Л. В. — М.: ИНИОН, 2005. — 244 с.

47. Воронин В. В. Социально-экономическая география на рубеже тысячелетий (теоретико-методологические аспекты) / В. В. Воронин, Шарыгин М. Д. — Самара: Самарская гос. экон. акад., 1998. — 191 с.
48. Воронов В. В. Особенности преобразования экономической практики и экономического сознания в России (опыт критического анализа) [Электронный ресурс] / В. В. Воронов. — Режим доступа: <http://m-economy.ru/art.php?nArtic/=229>
49. Высавская И. Домик в деревне или какое к нам имеют отношение рурализация и дауншифтинг [Электронный ресурс] / И. Высавская. — Режим доступа: <http://pmzove.ru/?module=articles&zaction=view&zid=220>
50. Гаврилюк А. Е. Социальная политика КПСС на селе: из опыта работы партийных организаций Украины / А. Е. Гаврилюк. — К.: Вища школа, 1984. — 270 с.
51. Гайдар Е. Долгая История: истор.-экон. очерки. Статья четвертая (Время перемен) [Электронный ресурс] / Е. Гайдар. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/Vestnik/2004/12/gab.html>
52. Гаджиев А. Х. Методологические и прикладные проблемы этнической психологии / А. Х. Гаджиев. — Махачкала: Дагкнигоиздат, 1977. — 86 с.
53. Гадзало Я. М. Наукові основи розвитку аграрного підприємства та сільських територій за селозберігаючою моделлю (наук. доповідь) / Я. М. Гадзало, В. М. Жук. — К.: ННЦ ІАЕ, 2015. — 40 с.
54. Гец В. Социально-экономическая модернизация аграрного сектора Украины (концептуальные положения) / В. Гец, В. Юрчишин, Е. Бородин, И. Прокопа // Экономика Украины. — 2011. — № 12(593). — С. 4—14.
55. География, общество, окружающая среда. Том V: География социально-экономического развития / под ред. А. И. Алексеева, О. С. Мироненко. — М.: Издат. дом «Городец», 2004. — 672 с.
56. Географічна наука в нових соціально-економічних умовах розвитку України (за матеріалами наукового семінару) // Український географ. — 2011. — № 1(10). — С. 3—48.
57. Герцен А. И. Русские немцы и немецкие русские [Электронный ресурс] / А. И. Герцен. — Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text.0180.shtml
58. Гінкул А. Агенції регіонального розвитку — ключовий елемент розвитку областей в Україні [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://www.region.ua/blank-12>
59. Гловели Г. Д. Историко-стадиальные и эволюционные концепции в российской экономической мысли: вековая ретроспектива: научный доклад / Г. Д. Гловели. — М.: ИЭ РАН, 2008. — С. 42—70.
60. Головкин В. В. Ідентичність як метафора: шлях від психології до історіографії / В. В. Головкин // Укр. іст. журн. — 2002. — № 3 (444). — С. 23—34.

61. Голубченко И. В. Полимасштабная модель изучения территории: подходы к созданию [Электронный ресурс] / И. В. Голубченко. — Режим доступа: <http://www.academia.edu/5492138>
62. Горьовий В. П. Соціально-поселенська структура села [Електронний ресурс] / В. П. Горьовий. — Режим доступу: http://www.nbov.gov.ua/portal/Soc_Gum/Nzvdpu_ist/2007_12/sekcii/sekciya_%201/socialno-poselenska%20stryktyra.pdf
63. Гранберг А. Г. Идеи Августа Леша в России [Электронный ресурс] / А. Г. Гранберг. — Режим доступа: http://spatial-economics.com/images/spatial-economics/2_2006/granberg.pdf
64. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: учебн. для вузов / А. Г. Гранберг. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 495 с.
65. Гриценко В. Погляд Івана Франка на психологію селянина в європейській літературі [Електронний ресурс] / В. Гриценко. — Режим доступу: <http://www.i-franko.name/uk/LitGiticism/1891/VladaZemli.html>
66. Грант М. История Древнего Рима / М. Грант; пер. с англ. Л. Кныша. — М.: Терра-Книжный клуб, 2003. — 464 с.
67. Гришин В. В. Философия крестьянства Ж.-Ж. Руссо и Л. Н. Толстого: гуманистический аспект [Электронный ресурс] / В. В. Гришин, Шиловская Н. С. — Режим доступа: <http://www.gramota.net/materia/s/3/2015/10-1/>
68. Губени Ю. Местные инициативы как инструмент развития сельских территорий / Ю. Губени // Экономика Украины. — 2012. — № 2 (603). — С. 72–79.
69. Губені Ю. Е. Розвиток сільських територій: деякі аспекти європейської теорії і практики / Ю. Е. Губені // Економіка України. — 2007. — № 4 (545). — С. 62–70.
70. Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период / Л. Н. Гумилев. — Л.: Наука, Ленингр. отд., 1990. — 280 с.
71. Гусаков В. Г. Основные направления социально-экономического развития белорусского села // Соціально-економічні проблеми розвитку українського села і сільських територій: [матеріали Сьомих річних зборів Всеукр. конгр. вчених економістів-аграрників] (Київ, 9–10 листоп. 2005 р.) / редкол.: П. Т. Саблук [та ін.] — К.: ННЦ «ІАЕ», 2005. — С. 51–61.
72. Гусев А. В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов / А. В. Гусев // Отечественная история. — 1996. — № 2. — С. 85–103.
73. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. — 6-е изд. — СПб.: Глаголь, 1995. — 552 с.
74. Данилов В. П. Выступление на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» (Определение крестьянства) / В. П. Данилов // Отечественная история. — 1993. — № 2. — С. 5–9.

75. Данилов В. П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001 гг.) / В. Данилов // Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке.: избр. тр.: в 2 ч. Ч. 2. — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 633–652.
76. Дворецкая И. А. Из Паннонии в Италию VI–VIII вв.) / И. А. Дворецкая // Античность и Раннее Средневековье: социально-политические и этнокультурные процессы: межвузов. сб. науч. тр. / отв. ред. В. М. Строгачев. — Н. Новгород: Нижегородский государственный педагогический ин-т им. М. Горького, 1991. — С. 128–142.
77. Дейлі Г. Поза зростанням: економічна теорія сталого розвитку / Г. Дейлі; пер. з англ. — К.: Інтелсфера, 2002. — 478 с.
78. Делокаров К. Х. Системная парадигма современной науки и синергетика / К. Х. Делокаров // Обществен. науки и соврем. — 2000. — № 6. — С. 110–118.
79. Дергачев В. А. Геополитика / В. А. Дергачев. — К.: ВИРА-Р, 2000. — 448 с.
80. Державна цільова програма сталого розвитку сільських територій на період до 2020 року (проект) // Економіка АПК. — 2010. — № 7 (189). — С. 3–15.
81. Десять стран с наиболее развитым сельским хозяйством [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.agroxxi.ru/stati/10-stran-s-naibolee-razvitym-selskim-hozjaistvom.html>
82. Дністрянський М. С. Етнонаціональна мозаїчність сільського і міського населення України: пізнавальні та прикладні аспекти / М. С. Дністрянський // Укр. геогр. жур. — 2001. — № 2. — С. 17–22.
83. Добряк Д. С. Сучасний стан земельних ресурсів України / Д. С. Добряк // Розвиток аграрної науки в Україні та її завдання в умовах освоєння ринкової системи господарювання: матеріали Восьмих річних зборів Всеукр. конгр. вчених економістів-аграрників (Київ, 20–21 черв. 2006 р.). — К.: ННЦ «ІАЕ», 2006. — С. 271–274.
84. Домнин С. Чужие в городе [Электронный ресурс] / С. Домнин, С. Грибанова. — Режим доступа: <http://expert.ru/Kazakhstan/2012/45/chuzhie-v-gorode/>
85. Достоевский Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский ; [сост., комментарии А. В. Белов; отв. ред. О. А. Платонов]. — М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. — 880 с.
86. Духина Т. Н. Социокультурная адаптация тружеников села в современной России: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: спец. 22.00.06 — социология культуры, духовной жизни [Электронный ресурс] / Т. Н. Духина. — Майкоп, 2010. — Режим доступа: <http://geum.ru/aref/a74-6ref.php>
87. Дьяченко И. А. Сельско-городское пространство: проблемы и перспективы / И. А. Дьяченко // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2011. — Вып. 6, т. 4. — С. 131–135.

88. Европа идет к новым технологиям земледелия — к NO-TILL [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zerno-ua.com/journals/2009/fevral-2009-god/evropa-idet-k-novym-tehnologiyam-zemledeliya-k-no-till>
89. Ершова Л. Виховний ідеал українського селянства [Електронний ресурс] / Л. Ершова. — Режим доступа: [http://fik/c/Dokuments %20Settinge/.../Downloads/gru_2013_1_3.pdf](http://fik/c/Dokuments%20Settinge/.../Downloads/gru_2013_1_3.pdf)
90. Жданов С. Государственная политика развития сельских территорий / С. Жданов // АПК: экономика, упр. — 2005. — № 12. — С. 4–10.
91. Завьялова О. Г. Руральная система жизнедеятельности региона на примере Курганской области / О. Г. Завьялова, Л. В. Менщикова // Науч. ведомости БелГУ. Сер. «Естественные науки». — 2013. — № 10 (153), вып. 23. — С. 157–165.
92. Закон України «Про сільськогосподарську дорадчу діяльність»: науково-практичний коментар / Р. Я. Корінець, М. П. Гриценко, Ю. М. Берездєцький, Ю. Я. Кухарук та ін.; за ред. Р. Я. Корінця. — Львів: НВСП «Українські технології», 2007. — 248 с.
93. Залізко В. Д. Сутність поняття «сільська територія»: визначення та основні функції / В. Д. Залізко // Вісн. Хмельницького нац. ун-ту. — 2011. — № 6, т. 1. — С. 194–198.
94. Замятин Д. Геокультурный брендинг территорий: методология и методика / Д. Замятин // Библиотечное дело: геокультурный брендинг. — 2015. — № 4 (238). — С. 5–10.
95. Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов: дис. ... д-ра культурологических наук: 24.00.01 / Замятин Д. Н. — М., 2005. — 435 с.
96. Заславский Г. А. Украина в мире национальных государств / Г. А. Заславский. — Одесса: Маяк, 2003. — 112 с.
97. Заяць В. М. Підприємницька модель сільського розвитку / В. М. Заяць // Економіка АПК. — 2015. — № 11 (253). — С. 67–78.
98. Зверяков М. І. Розбудова в Україні мережі агенцій регіонального розвитку: вітчизняний досвід і керівництво до дії / М. І. Зверяков, Н. В. Смендина // БІЗНЕСІНФОРМ. — 2014. — № 6. — С. 57–63.
99. Звонар В. П. Сільська громада в Україні як суб'єкт соціально-економічного розвитку: активізація через самоорганізацію та партнерство / В. П. Звонар // Економіка та держава. — 2016. — № 11. — С. 44–48.
100. Зінчук Т. О. Еволюційність пріоритетів інвестування розвитку сільських територій України / Т. О. Зінчук, Н. М. Котенко, О. А. Прокопчук // Глобальні та національні проблеми економіки: наук. електр. журн. Миколаївського націон. ун-ту ім. В. О. Сухомлинського. — 2017. — Вип. 16. — С. 139–144.
101. Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека / В. Зомбарт. — М.: Наука 1994. — 443 с.

102. Зомбарт В. Социология / В. Зомбарт; пер. с нем. И. Д. Маркусона. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 213 с.
103. Иноземцев В. Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество (К проблеме социальных тенденций XXI века) / В. Л. Иноземцев // Общественные науки и современность. — 2001. — № 3. — С. 140–152.
104. Исследование: сельские жители в Германии богаче городских [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/>
105. Институт розвитку територіальних громад [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://uk.wikipedia.org/>
106. Кабанов В. В. Аграрная революция в России / В. В. Кабанов // Вопросы истории. — 1989. — № 11. — С. 28–45.
107. Каганский В. Крестьяноведение России вернулось на родину [Электронный ресурс] / В. Каганский. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oz/2003/2/kagan.htm>
108. Калугина З. И. Новая парадигма сельского развития [Электронный ресурс] / З. И. Калугина, О. П. Фадеева. — Режим доступа: <http://essosman.hse.ru/data/833/354/1224/Kalugina.doc>
109. Канке В. А. Философия экономической науки: учеб. пособие / В. А. Канке. — М.: ИНФРА-М, 2012. — 139 с.
110. Каппелер А. Росія як поліетнічна імперія: виникнення, історія, розпад / А. Каппелер; пер. з нім. Х. Назарцева; наук. ред. М. Крикун. — Львів: Вид-во Українського Католицького ун-ту, 2005. — 360 с.
111. Карпенко О. ЄС протягом 2014–2020 років виділить на сільський розвиток 95,6 млрд євро. А Україна? [Електронний ресурс] / О. Карпенко. — Режим доступу: <http://infoindustria.com.ua/yes-protyagom-2014-2020-rokiv-vidi-//t-na-silskiy-rozvitok-95-6-mird-yevro-a-ukrayina/>
112. Карпов С. П. Социальная структура городов Южного Черноморья (VIII–XV вв.) / С. П. Карпов // Класс и сословия средневекового общества / под ред. З. В. Удальцовой. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. — С. 64–72.
113. Кирдина С. Г. Междисциплинарные исследования в экономике и социологии: проблемы методологии / С. Г. Кирдина // Общественные науки и современность. — 2014. — № 5. — С. 60–75.
114. Кириленко І. Г. Трансформація соціально-економічних перетворень у сільському господарстві України: проблеми, перспективи / І. Г. Кириленко. — К.: ННЦ «ІАЕ», 2005. — 452 с.
115. Кирчанов М. Европейский феодализм как модель проторыночной экономики: крестьянские сообщества, аграрные экономики, города и экономическая динамика / М. Кирчанов // Экономическая теория и история: Воронежский ежегодник экономических исследований. — 2013. — № 2. — С. 69–91.

116. Кирчанов М. В. Проблемы визуализации городского и сельского социокультурных пространств хорватской истории в работах Иосипа Хорвата / М. В. Кирчанов // Научные труды факультета междунар. отношений Воронеж. гос. ун-та. — 2016. — Т. XXII. — С. 5–10.
117. Кіреєва Е. А. Політика розвитку сільських територій у країнах Європейського Союзу / Е. А. Кіреєва, Д. Л. Костюченко // Економіка, фінанси, менеджмент: актуальні питання науки і практики. — 2017. — № 8. — С. 68–79.
118. Коберніченко Т. Підходи до методики оцінки рекреаційного потенціалу гірських сільських територій / Т. Коберніченко, М. Сиротюк // Вісн. Львів. ун-ту. Сер. «Географія». — 2008. — Вип. 35. — С. 155–158.
119. Ковалев С. А. Сельское расселение (географическое исследование) / С. А. Ковалев. — М.: Изд-во МГУ, 1963. — 320 с.
120. Колінгвуд Р. Ідея історії / Р. Колінгвуд. — К.: Основи, 1996. — 616 с.
121. Колодко Г. В. Мир в движении / Г. В. Колодко; пер. с пол. Ю. Чайникова. — М.: Магистр, 2009. — 575 с.
122. Коломийчук В. С. Соціально-економічний механізм управління адміністративним районом в системі регіонального розвитку: дис. ... д-ра екон. наук: 08.10.01 / В. С. Коломийчук Василь Степанович; ІРД НАН України. — Львів, 2000. — 456 с.
123. Колот А. Міждисциплінарний підхід як передумова розвитку економічної науки та освіти / А. Колот // Вісн. Київського націон. ун-ту ім. Т. Шевченка. — 2014. — № 5 (158). — С. 18–21.
124. Кондратьев Н. Д. Аграрный вопрос: о земле и земельных порядках [Электронный ресурс] / Н. Д. Кондратьев // Особое мнение. — Кн. 1. — Режим доступа: http://land-question.narod.ru/rus/kondr_1.html
125. Кондратьев Н. Д. О крупно-крестьянских хозяйствах [Электронный ресурс] / Н. Д. Кондратьев // Особое мнение. — Кн. 2. — Режим доступа: http://land-question.narod.ru/rus/kondr_1.html
126. Кондратьев Н. Д. Перспективы развития сельского хозяйства СССР / Н. Д. Кондратьев, Н. П. Огановский. — М.: Новая деревня, 1924. — 173 с.
127. Коновалова О. В. Чернов и аграрная программа партии социалист-революционеров / О. В. Коновалова // Отечественная история. — 2002. — № 2. — С. 43–59.
128. Копотева И. В. Сельская политика Северных стран-членов Европейского Союза [Электронный ресурс] / И. В. Копотева // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. — 2014. — Вип. 9. — Режим доступа: http://fictionfoor.ru/author/kollektiv_avtorov/Krestyanovedenie_teoriya_istoriya_sovrem/read_online.html?pade=2
129. Корінець Р. Аспекти сільського розвитку [Електронний ресурс] / Р. Корінець. — Режим доступу: http://surdp.eu/uploads/files/KORIVETS_ua.pdf
130. Кормич Л. І. Історія України від найдавніших часів і до 2000 року: навч. посібник / Л. І. Кормич, В. В. Багацький. — Херсон: ООО «Одісей», 2000. — 480 с.

131. Корнаи Я. Системная парадигма / Я. Корнаи // Вопросы экономики. — 2002. — № 4. — С. 4–22.
132. Корнев И. Н. Географическая герменевтика в контексте концепции геокультурного пространства / И. Н. Корнев // Региональные исследования. — 2008. — № 1(16). — С. 3–9.
133. Корнійчук Л. Я. Історичний вимір фізичної економії: становлення, і розвиток фізико-економічної думки в Україні / Л. Я. Корнійчук, В. О. Шевчук, Л. В. Воробйова // Фізична економія у вимірах теорії і практики господарювання: колективна монографія / [за ред. Ю. О. Луценка, В. М. Жука, В. О. Шевчука, О. В. Ходаківської]. — К.: ННЦ «Ін-т аграрної економіки», 2013. — С. 51–92.
134. Корнійчук Л. Фізична економія. Українська школа / Л. Корнійчук, В. Шевчук, Л. Воробйова // Економіка України. — 2006. — № 9 (538). — С. 55–63.
135. Костинский Г. Д. Географическая матрица пространственности / Г. Д. Костинский // Известия РАН. Серия географ. — 1997. — № 5. — С. 15–24.
136. Костюк Г. Сокальська агенція регіонального розвитку [Електронний ресурс] / Г. Костюк. — Режим доступу: <http://prostirzmin.org>
137. Кравців В. С. Гірська політика в Україні: проблеми становлення та перспективи розвитку / В. С. Кравців [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://uadocs.exdat.com/docs/index-308694.html?page=8>
138. Кравченко Т. А. Розвиток села за допомогою сільських громад: новації суспільної політики в Україні [Електронний ресурс] / Т. А. Кравченко. — Режим доступу: <http://www.kbuara.kharkov.ua/e-book/apdu/2015-1/doc/2/02.pdf>
139. Кривчик Г. Г. Українське село під владою номенклатури (60–80-ті роки ХХ ст.) / Г. Г. Кривчик. — Дніпропетровськ: Вид-во Дніпропетровського ун-ту, 2001. — 190 с.
140. Крылатых Э. Н. Кластерный анализ продовольственной безопасности в европейских государствах / Э. Н. Крылатых // Аграрная Европа в XXI веке / [Крылатых Э. Н. и др.]; под общ. ред. Э. Н. Крылатых. — М.: Летний сад, 2015. — С. 141–153.
141. Кузан К. Ю. Види наукових досліджень: термінологічний аналіз [Електронний ресурс] / К. Ю. Кузан. — Режим доступу: http://dsplacе.udpu.org.8080/jspui/bitstream/6789/2994/1/terminologichny_analiz.pdf
142. Кузнецов И. А. Теория крестьянского хозяйства в российской аграрно-экономической мысли: генезис и интерпретации // Крестьяноведение: теория, история, современность: [ученые записки] / под ред. А. М. Никулина, М. Г. Пугачевой. — М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2013. — Вып. 8. — С. 20–48.
143. Култашев Н. Б. Проблемы теории географического познания: Общественные и философские предпосылки / Н. Б. Култашев. — Тверь: ТГУ, 1994. — 314 с.

144. Кульчицкий С. В. Концепция «кооперативного социализму» / С. В. Кульчицкий // Укр. іст. жур. — 1995. — № 2. — С. 3–17.
145. Кульчицкий С. В. Спроби реформ (1956–1964) / С. В. Кульчицкий // Укр. іст. журн. — 1998. — № 3. — С. 120–129.
146. Кутовая С. В. Трансформация социального пространства региона: дис. ... д-ра социол. наук: спец. 22.00.04 — «Социальная структура, социальные институты и процессы»/ Кутовая Светлана Владимировна; ФГБУН «Ин-т комплексного анализа региональных проблем» Дальневосточного отделения РАН. — Хабаровск, 2015. — 337 с.
147. Кууси П. Этот человеческий мир / П. Кууси; пер. с англ. — М.: Прогресс, 1988. — 368 с.
148. Крылов М. П. Региональная идентичность европейской России / М. П. Крылов. — М.: Новый Хронограф, 2010. — 240 с.
149. Лаженцев В. Н. Междисциплинарный синтез и исследовательская программа (с примерами по географии Севера России) / В. Н. Лаженцев // Известия Коми научного центра УрО РАН. — 2017. — № 1(29). — С. 102–108.
150. Лакатос И. Методология научных исследовательских программ / В. Лакатос // Вопросы философии. — 1995. — № 4. — С. 135–154.
151. Ле Гофф Ж. Цивилизация Средневекового Запада / Ж. Ле Гофф; пер. с франц. Е. И. Лебедевой; общ. ред. Ю. Л. Бессмертный; послесл. А. Я. Гуревич. — М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — 376 с.
152. Ленин В. И. X съезд РКП (б) 8–16 марта 1921 г.: доклад о замене разверстки натуральным налогом, 15 марта / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — Изд. пятое. — М.: Политиздат, 1970. — Т. 43. — С. 57–73.
153. Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 года / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — Изд. 5. — М.: Политиздат, 1970. — Т. 43. — С. 146–161.
154. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — Изд. 5. — М.: Политиздат, 1981. — Т. 41. — С. 298–318.
155. Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов: доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 года / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — Изд. 5. — М.: Политиздат, 1970. — Т. 44. — С. 155–175.
156. Ленин В. И. О кооперации / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — Изд. 5. — М.: Политиздат, 1970. — Т. 45. — С. 369–377.
157. Ленин В. И. Пятидесятилетие падения крепостного права / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — Изд. пятое. — М.: Политиздат, 1961. — Т. 20. — С. 139–142.
158. Ленин В. И. Развитие капитализма в России / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — М.: Политиздат, 1971. — Т. 3. — 792 с.

159. Ленин В. И. Успехи и трудности Советской власти / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — Изд. 5. — М.: Политиздат, 1969. — Т. 38. — С. 43–73.
160. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге П. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе). По поводу книги П. Струве: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». СПб. 1894 г. / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — Изд. 5. — М.: Политиздат, 1967. — Т. 1. — 662 с.
161. Леш А. Географическое размещение хозяйства / А. Леш. — М., 1959. — 328 с.
162. Лозовая О. Н. Ментальность города и села как объект психосемантического исследования: к постановке проблемы / О. Н. Лозовая // Журн. практич. психол. — 2009. — Вып. 15. — С. 130–140.
163. Лопата П. П. Развитое социалистическое общество: историческое место и основные черты / П. П. Лопата. — М.: Политиздат, 1976. — 128 с.
164. Лопата П. П. Реализация возможностей развитого социализма — историческая задача наших дней / П. П. Лопата // Проблемы научного коммунизма. — М.: Мысль, 1980. — Вып. 14. — С. 30–48.
165. Лукинов И. И. Эволюция экономических систем / И. И. Лукинов. — М.: Экономика, 2002. — 567 с.
166. Лукинов І. І. Економічні трансформації наприкінці ХХ сторіччя [Електронний ресурс] / І. І. Лукинов. — Режим доступу: http://www.vulib.su/lukinov/_index.html
167. Львовичкіна А. М. Етнопсихологія: навч. посібник / А. М. Львовичкіна. — К.: МАУП, 2002. — 144 с.
168. Людський розвиток в Україні: історичний вимір трансформації державної соціальної політики: колективна монографія / за ред. Е. М. Лібанової. — К.: Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. М. В. Птухи НАН України, 2014. — 380 с.
169. Мадаминджанова З. «Руралізація», или наступление села. Особенности городской культуры в Таджикистане [Электронный ресурс] / З. Мадаминджанова. — Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1441267140>
170. Мазур Л. Н. Политика реконструкции российской деревни (конец 1930-х — 1980-е годы) / Л. Н. Мазур // Отечественная история. — 2005. — № 3. — С. 25–37.
171. Макаров Н. П. Как американские фермеры организовали свое хозяйство / Н. П. Макаров. — Нью-Йорк: Association Press, 1921. — 157 с.
172. Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества / У. Мак-Нил; пер. с англ. А. Галушка. — К.: Нико-Центр; М.: Старклайт, 2004. — 1064 с.
173. Маккльоскі Д. Риторика экономической науки / Д. Маккльоскі. — М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара: Международные отношения, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. — 328 с.

174. Манзанова Г. В. Традиции и новации. Опыт сравнительного анализа аграрных сообществ Бурятии (России) и других стран / Г. В. Манзанова; отв. ред. Ю. В. Попков. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. — 266 с.
175. Маніфест XXVII надзвичайного з'їзду АФЗУ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fargner.co.va/pages/?id=185>
176. Мантино Ф. Сельское развитие в Европе. Политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов и до наших дней / Ф. Мантино; пер. с итал. — FAO, 2010. — 272 с.
177. Маркс К. Капитал. Т. III, части первая и вторая / К. Маркс. — М.: Политиздат, 1970. — 1078 с.
178. Маркс К. Манифест коммунистической партии / К. Маркс. — М.: Политиздат, 1976. — 64 с.
179. Маркс К. Немецкая идеология / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Изд. 2. — М.: Политиздат, 1955. — Т. 3. — 630 с.
180. Маслов С. С. Колхозная Россия. История и жизнь колхозов / С. С. Маслов. — М.: Наука, 2007. — 299 с.
181. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15–16 марта 1989 года. — М.: Политиздат, 1989. — 176 с.
182. Матыушова З. Художественные и ценностные источники русской деревенской прозы [Электронный ресурс] / З. Матыушова. — Режим доступа: <http://www.cool.com/search/article-detail?id=165492>
183. Междисциплинарность в науках и философии / отв. ред. И. Т. Касавин. — М.: ИФРАН, 2010. — 205 с.
184. Мельникова О. М. Междисциплинарные подходы в современной исторической науке [Электронный ресурс] / О. М. Мельникова. — Режим доступа: <http://Keepslide.com/news.politics/20231#sthash.nfoxVКО.dpbs>
185. Менделеев Д. И. Познание России. Заветные мысли: сборник [Электронный ресурс] / Д. И. Менделеев. — Режим доступа: <http://log-in.ru/books/dmitriy-mendeleev-poznanie-rossii-zavetnye-mysli/>
186. Мережа агентцій розвитку сільських громад Львівщини [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dialog.lviv.ua>
187. Мересте У. И. Современная география: вопросы теории / У. И. Мересте, С. Я. Ныммик. — М.: Мысль, 1984. — 296 с.
188. Методологические проблемы дисциплинарных и междисциплинарных исследований в социально-гуманитарных науках: коллективная монография. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2010. — 250 с.
189. Мизес фон Л. Антикапиталистическая ментальность: монография / Л. фон Мизес; пер. Б. Пинскер; науч. ред. Р. Левит. — Нью-Йорк: Телекс, 1992. — 78 с.
190. Микешина Л. А. Философия науки: современная эпистемология. Научные знания в динамике культуры. Методология научного исследо-

- вания: учеб. пособие / Л. А. Микешина. — М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. — 464 с.
191. Моцаренко В. И. Проблемы развития орошения на юге Украины: эколого-экономический аспект / В. И. Макаренко // Аграрное производство и природопользование: тезисы докладов и сообщений на II Всесоюз. конф. философов, экономистов, историков, писателей, ученых аграрников и практиков сельского хозяйства (октябрь 1989 года, г. Одесса) — М.: Наука, 1989. — С. 48–51.
 192. Мусина Л. С. О государственной политике развития села в Республике Казахстан / Л. С. Мусина // Економіка АПК. — 2003. — № 10 (108). — С. 142–150.
 193. Нагірна В. П. Інтегральний потенціал території у контексті господарської діяльності регіону / В. П. Нагірна // Укр. геогр. журн. — 2010. — № 2. — С. 32–39.
 194. Нагорна І. В. Деякі питання розподілу повноважень між центральною владою та органами місцевого самоврядування на регіональному рівні (на прикладі Одеси) / І. В. Нагорна // Упр. сучас. містом. — 1999. — № 3. — С. 19–22.
 195. Нагорна Л. Феномен регіоналізму і національна ідентичність в Україні: історичні витоки / Л. Нагорна // Регіональна історія України: зб. наук. ст. — 2007. — Вип. 1. — С. 107–122.
 196. Нарыкова Н. М. Аграрная эволюция в XIX веке: противоречия и тенденции (Западная Европа, США, Россия) [Электронный ресурс] / Н. М. Нарыкова. — Режим доступа: http://www.history.vuzlib.ru/book_0064_page_58.html
 197. Населені пункти лише двох районів Львівщини повністю підпадають під статус гірських територій [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zik.ua/ua/news/2010/07/09/236536>
 198. Нефедова Т. Горожане и дачи [Электронный ресурс] / Т. Нефедова. — Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/gorozhane-i-dachi>
 199. Нефедова Т. Г. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? / Т. Г. Нефедова, Дж. Пэллот. — М.: Новое изд-во, 2006. — 320 с.
 200. Нефедова Т. Пространственные контрасты сельской местности / Т. Нефедова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2012/6/prostranstvennye-kontrasty-selskoj-mestnosti>
 201. Нефедова Т. Сельская Россия на перепутье: географические очерки: монография / Т. Нефедова. — М.: Новое изд-во, 2003. — 408 с.
 202. Нефедова Т. Г. Территориальная организация сельскохозяйственной деятельности в европейской части России: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук: спец. 25.00.24 — экономическая, социальная и политическая география. — М.: Институт географии РАН, 2004. — 48 с.
 203. Нехамкин В. А. Антиурбанизм как социальное явление: философский анализ / В. А. Нехамкин // Социум и власть. — 2015. — № 2 (52). — С. 6–11.

204. Нечипоренко О. В. Адаптационные стратегии сельских локальных сообществ в условиях реформирования: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: спец. 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» / Нечипоренко Ольга Владимировна; РГГУ. — М., 2009. — 35 с.
205. Никольский С. А. Аграрное производство перед угрозой кризиса: философский анализ некоторых исходных причин возникновения / С. А. Никольский // Сельскохозяйственная практика: противоречия перестройки / сост. С. А. Никольский. — М.: Агропромиздат, 1988. — С. 88–134.
206. Никольский С. А. Административно-бюрократическая система управления и развития сельского хозяйства / С. А. Никольский // Человек и земля / сост. Р. С. Карпинская, С. А. Никольский. — М.: Агропромиздат, 1988. — С. 37–61.
207. Никонов А. А. Взгляды на аграрный вопрос в двадцатые годы [Электронный ресурс] / А. А. Никонов. — Режим доступа: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/artide/viewFile/89/91>
208. Никонов А. А. Спираль многовековой формы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX ст.) / А. А. Никонов. — М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. — 574 с.
209. Никулин А. М. Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему / А. М. Никулин. — М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. — 400 с.
210. Никулин А. М. Аграрный либерализм в России: история и современность / А. М. Никулин, И. В. Троцук, А. А. Куракин. — М.: РАНХ и ГС, 2014. — 55 с.
211. Никулин А. М. Северные территории Российской Федерации и стран Европы и Америки: компаративистский анализ перспектив сельского развития / А. М. Никулин, И. В. Троцук, И. В. Копотева. — М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, 2015. — 55 с.
212. Никулин А. М. Сельское развитие Финляндии: взаимодействие государства, фермеров и науки (возможные уроки для России) / А. М. Никулин, И. В. Троцук // Мир России. — 2014. — № 3. — С. 67–90.
213. Новиков В. Г. Еще раз о социальном пространстве сельской социологии [Электронный ресурс] / В. Г. Новиков. — Режим доступа: <http://edu.rgazu.ru/file.php/1/vestnik.rgazu/data/20140519154233/032.html>
214. Новожилова Е. О. Социо-исторический процесс: экологическое изменение (социально-историческая экология) / Е. О. Новожилова: дис. ... д-ра социол. наук: спец. 22.00.01 — теория, методология и история социологии. — СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2015. — 266 с.
215. Норкин Д. А. Приграничная территория как социальное пространство (на примере российско-эстонской границы): дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 [Электронный ресурс] / Норкин Денис Анатольевич; СПбГУ. —

- СПб., 2004. — Режим доступа: <http://www.dslib.net/soc-struktura/prigranichnaja-territoriya-kak-socialnoe-prostranstvo.html/> 523.
216. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
217. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа / Д. Норт // Вопросы экономики. — 1997. — № 3. — С. 6–9.
218. Носонов А. М. Природный потенциал территории и формирование региональных систем сельского хозяйства: автореф. дис. ... д-ра геогр. н.: спец.: 25. 00. 24 — экономическая, социальная и политическая география [Электронный ресурс] / А. М. Носонов. — М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2001. — Режим доступа: <http://earthpapers.net/prirodnuy-potentsial-territorii-i-formirovanie-regionalnyh-sistem-selskogo-hozyaystva>
219. Носонов А. М. Теоретические вопросы регионологии / А. М. Носонов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://prj-pggu.narod.ru/prj_11_1.pdf
220. Ныммик С. Я. Социально-экономические пространственные системы как образователи среды: Опыт изучения социально-экономических территориальных комплексов // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по географии. — 1979. — XVIII. — С. 3–105.
221. Оніщенко О. Сільський розвиток: основи методології та організації / О. Оніщенко, В. Юрчишин // Економіка України. — 2006. — № 10 (539). — С. 4–13.
222. Бальзак О. де. Сцены сельской жизни. Крестьяне [Электронный ресурс] / Бальзак де Оноре. — Режим доступа: http://booksmarket.org/book/Balzac-Onore-de_PSS-v-24-h--tomah-Tom-17-Stseny-selskoi-jizni.html
223. Онищенко О. М. Концептуальні проблеми майбутнього українського села і селянства / О. М. Онищенко, В. В. Юрчишин // Економіка АПК. — 2005. — № 11 (133). — С. 26–29.
224. Олійник Я. Б. Методичні підходи до дослідження територіальної ідентичності населення / Я. Б. Олійник, О. М. Гнатюк // Український геогр. жур. — 2013. — № 3. — С. 34–40.
225. Оскольский А. Осторожно, междисциплинарность! [Электронный ресурс] / А. Оскольский. — Режим доступа: <http://trv-science.ru/2013/09/24/ostorozhno-mezhdisciplinarnost/>
226. Основные направления внутренней и внешней политики на 2004 год: Послание Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу Казахстана от 16 апреля 2003 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://Knb.KZ/ru/presidentmsg/article.htm?id=10322165@cmsArticle>
227. Основні пріоритети Соціальної аграрної політики (САП) країн ЄС [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://www.amdi.org.ua/>

- uk/home/amdnews/21-news/300-the-man-priorities-of-the-common-agricultural-policy-cap-of-the-eu.html
228. Оценка развития сельского хозяйства и сельских территорий в странах Восточного партнерства: региональный отчет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fao.org/docrep/field/009/aq676r/aq676r.pdf>
 229. О Государственной программе возрождения и развития села на 2005–2010 годы: Указ Президента Республики Беларусь от 25 марта 2005 г. № 150 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.Pravo.by/main.aspx?goid=38718p0-p305001508p2-{NRPA}>
 230. О Государственной программе развития сельских территорий Республики Казахстан на 2004–2010 годы: Указ Президента Республики Казахстан от 10 июля 2003 г. № 1149 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.government.kz/docs/u031149.htm>
 231. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: Постановление Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 г. № 717 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mcx.ru/navigation/docfeeder/show/342.htm>
 232. О Государственной программе устойчивого развития села на 2011–2015 годы: Указ Президента Республики Беларусь от 1 августа 2011 г. № 342 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.agro.gomel.by/село.pdf>
 233. О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий: Закон Республики Казахстан от 8 июля 2005 г. № 66–3 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://faolex.fao.org/docs/texts/kaz54486.doc>
 234. О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ifar.ru/ofdocs/rus006.pdf>
 235. О Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 2136-р [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mcx.ru/documents/document/v7_show_print/14914.77.htm
 236. О мерах по развитию агроэкотуризма в Республике Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 2 июня 2006 г. № 372 // Нац. Реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2006. — № 89. — 1/7647.
 237. О мерах по упорядочению учета и сокращению количества пустующих и ветхих домов с хозяйственными и иными постройками в сельской местности: Указ Президента Республики Беларусь от 3 февраля 2006 г.

- № 70 // Нац. Реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2006. — № 22. — 1/7227.
238. О некоторых вопросах регулирования предпринимательской деятельности в сельской местности: Декрет Президента Республики Беларусь от 20 декабря 2007 г. № 9 // Нац. Реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2008. — № 1. — 1/9241.
239. О развитии сельского хозяйства: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ (в ред. от 5 апреля 2009 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ohranatruda.ru/ot_biblio/normativ/data_normativ/49/49072/index.php
240. О стратегии территориального развития Республики Казахстан до 2015 года: Указ Президента Республики Казахстан от 28 августа 2006 г. № 167 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.government.kz/docs/u060167~3.htm>
241. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/6752>
242. Об утверждении порядка и критериев отнесения территорий к неблагоприятным для ведения сельского хозяйства регионам: пояснительная записка к проекту Постановления Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2012 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mcx.ru/documents/file_document/v7_show/21444.133.htm
243. Об утверждении Прогнозной схемы территориально-пространственного развития страны до 2020 года: Указ Президента Республики Казахстан от 21 июля 2011 г. № 118 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31039616
244. Об утверждении программы «Развитие регионов на 2012–2020 годы»: Постановление Правительства Республики Казахстан от 26 июля 2011 г. № 862 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://minregion.gov.kz/rus>
245. Об утверждении Федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий Российской Федерации на 2014–2017 годы и на период до 2020 года»: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июня 2013 г. № 598 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/26308.htm>
246. Павлов О. І. Агроекономічний, фізіоекономічний, соціоекономічний та руралістичний підходи до дослідження сільських територій / О. І. Павлов // Економіка АПК. — 2016. — № 1. — С. 56–63.
247. Павлов О. І. Життя на сільських територіях: реалії та суспільні очікування / О. І. Павлов // Економіст. — 2013. — № 3. — С. 4–6.
248. Павлов А. И. Идентификация и классификация сельских территорий: теория, методология, практика: монография /А. И. Павлов. — Одесса: Астропринт, 2015. — 344 с.

249. Павлов А. Междисциплинарный статус руралистики / А. Павлов // *Eastern European Scientific Journal*. 2016. — № 1. — С. 65–68.
250. Павлов О. І. Парадигма сільського розвитку / О. І. Павлов // *Економіка України*. — 2006. — № 7. — С. 41–48.
251. Павлов О. Предметне поле сільської історії як складової руралистики / О. Павлов // *Регіональна історія України*. — 2015. — Вип. 9. — С. 69–86.
252. Павлов А. И. Пригородная зона как разновидность сельских территорий / А. И. Павлов // *Проблемы агрорынка: теор. и науч.-практ. журн. Казахского НИИ экономики АПК и развития сельских территорий*. — 2013. — № 4. — С. 16–21.
253. Павлов О. І. Регіональні особливості розвитку сільських територій України / О. І. Павлов // *Регіональна економіка*. — 2013. — № 4 (70). — С. 16–23.
254. Павлов О. І. Різновиди сільських територій та їх функціональні моделі / О. І. Павлов // *Економіка АПК*. — 2011. — № 10. — С. 116–123.
255. Павлов А. Руралізація: сутність, проявлення, класифікація / А. Павлов // *Наука и инновации: науч.-практ. жур. НАН Беларуси*. — 2017. — № 12. — С. 31–35.
256. Павлов А. Руральность: временное и пространственное измерения / А. Павлов // *Application of New Technologies in Management and Economy Arctine 2016: 5th International Conference / od. prof. dr. Maja Andjelkovic*. — Belgrade, Serbia, 2016. — *Proceedings Volume 2*. — P. 235–243.
257. Павлов А. И. Руральный дискурс междисциплинарных научных исследований / А. И. Павлов // *Экономика Украины*. — 2016. — № 6 (647). — С. 59–67.
258. Павлов О. І. Руральний контекст глобального економічного розвитку України / О. І. Павлов // *Modern science*. — 2015. — С. 15–22.
259. Павлов О. І. Сільський розвиток: об'єктність, просторові межі та суспільне призначення / О. І. Павлов // *Економіка України*. — 2011. — № 8. — С. 78–89.
260. Павлов О. І. Сільський розвиток в Україні: теорія, практика, політика, управління: монографія / О. І. Павлов. — Одеса: Астропринт, 2008. — 208 с.
261. Павлов О. І. Сільський розвиток як результуюча функціонування сільських територій та аграрної сфери / О. І. Павлов // *Економіка АПК*. — 2013. — № 1. — С. 77–82.
262. Павлов О. І. Сільські території України: історична трансформація парадигми управління: монографія / О. І. Павлов. — Одеса: Астропринт, 2006. — 360 с.
263. Павлов О. І. Сільські території України: функціонально-управлінська модель: монографія / О. І. Павлов. — Одеса: Астропринт, 2009. — 344 с.
264. Павлов О. Сільські урбанізовані зони і ареали як специфічний об'єкт функціонування і управління / О. Павлов // *Вісн. державної служби України*. — 2005. — № 3. — С. 34–38.

265. Павлов А. И. Социальноэкономический контекст устойчивого развития агропродовольственной сферы Украины / А. И. Павлов // Устойчивое развитие: междунар. журн. — Варна, Республика Болгария, 2012. — № 4. — С. 11–17.
266. Павлов О. І. Сутність теоретичних засад руралістики: понятійно-категоріальний апарат / О. І. Павлов // Економіка АПК. — 2016. — № 5. — С. 30–37.
267. Павлов А. Учение В. Вернадского о ноосфере как концептуальная основа устойчивого развития / А. Павлов // Аграрная экономика: ежемес. науч. журн. Нац. акад. наук Беларуси. — 2013. — № 8. — С. 68–72.
268. Павлова І. О. Психологічний інструментарій брендингу сільських територій Південного регіону / Павлова І. О. // Регіональна економіка. — 2017. — № 4(86). — С. 84–90.
269. Пантелеева О. И. Институциональные факторы устойчивого развития сельских территорий: мировой опыт и российская практика: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: спец. 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами — АПК и сельское хозяйство); 08.00.14 — мировая экономика / Пантелеева Ольга Ивановна; Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К. А. Тимирязева. — Москва, 2012. — 40 с.
270. Панченко П. П. Аграрна історія України: підручник / П. П. Панченко, В. А. Шмарчук. — 2-ге вид., випр. і доп. — К.: Т-во «Знання» КОО, 2000. — 342 с.
271. Папцов А. Г. Динамика, структура и продуктивность сельскохозяйственного производства в ЕС / А. Г. Папцов // Аграрная Европа в XXI веке / [Крылатых Э. Н. и др.]; под общ. ред. Э. Н. Крылатых. — М.: Летний сад, 2015. — С. 125–141.
272. Паспорт сільського населеного пункту. — К.: ННЦ ІАЕ, 2011. — 58 с.
273. Пасхавер Б. Й. Ринок землі: світовий досвід та національна стратегія: стенограма Одиннадцятих річних зборів Всеукр. конгр. вчених економістів-аграрників (Київ, 26–27 лют. 2009 р.). — К.: ННЦ «ІАЕ», 2009. — С. 73–82.
274. Пациорковский В. В. Сельско-городская Россия / В. В. Пациорковский. — М.: ИСЭПН РАН, 2010. — 390 с.
275. Петриков А. Обеспечить устойчивое развитие сельских территорий / А. Петриков // АПК: экономика, упр. — 2005. — № 6. — С. 13–19.
276. Петриков А. В. Проблемы и перспективы устойчивого развития сельских территорий России / А. В. Петриков // Экономика АПК. — 2005. — № 4 (126). — С. 123–128.
277. Пилясов А. Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания / А. Н. Пилясов. — М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 544 с.

278. Плотнікова М. Ф. Інноваційний характер та ризики в управлінні розвитком сільських територій / М. Ф. Плотнікова // Економіка і суспільство. — 2016. — Вип. 3. — С. 73–79.
279. Подолинський С. А. Праця людини і її відношення до розподілу енергії / С. А. Подолинський // Вибрані твори / [упорядник] Л. Я. Корнійчук. — К.: КНЕУ, 2000. — 342 с.
280. Поланьї К. Велика трансформація: політичні та економічні істини нашого часу / К. Поланьї; пер. з англ. — СПб.: Алетейя, 2002. — 320 с.
281. Політика сільського розвитку на базі громад в Україні: наук. доповідь / за ред. І. В. Прокопи, О. Л. Попова. — К.: Ін-т екон. та прогноз. НАН України, 2015. — 70 с.
282. Поліщук Я. П. Еволюція сільського розвитку в Україні: євроінтеграційний вимір / Я. П. Поліщук // Інноваційна економіка. — 2014. — № 3 (52). — С. 119–126.
283. Полухина Е. В. Особливості соціального порядку в постсовєтському сільському просторі: праця, покоління та гендер / Е. В. Полухина // Лабіринт. — 2014. — № 3. — С. 22–30.
284. Попова О. Агроекономіка: соціально-економічний зміст і засади сталого розвитку / О. Попова // Економіка України. — 2012. — № 35 (604). — С. 73–84.
285. Попова З. Д. Когнітивна лінгвістика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. — 314 с.
286. Попова О. Л. Екодіагностика природно-господарської організації території України: агроландшафтний аспект / О. Л. Попова // Економіка і прогнозування. — 2012. — № 3. — С. 92–101.
287. Попова О. Тут комфортно жити і працювати / О. Попова // Урядовий кур'єр. — 2015. — 16 вересня.
288. Поппер К. Логіка та розвиток наукового знання: зб. праць / К. Поппер; пер. з англ. — М.: Прогрес, 1983. — 496 с.
289. Поросенков Ю. В. Основи теорії комплексного географічного дослідження сільської місцевості обласного регіону / Ю. В. Поросенков, О. В. Диденко // Вєстн. Воронежського гос. ун-та. Сер.: географія, геоєкологія. — 2007. — № 2. — С. 54–58.
290. Портрет Інституту сільського розвитку [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://www.narda.org.ua/?fuseaction=pages.nain&name=763-print_version=18-transition=2
291. Потенціал розвитку та перспективи відродження сільських територій в умовах сучасних реформ: наук. аналіт. доповідь. — Львів: ДУ «Ін-т регіональних досліджень ім. М. І. Долішнього НАН України», 2017. — 44 с.
292. Притула Х. М. Соціально-економічний розвиток сільських територій: регіональний вимір: монографія / Х. М. Притула. — Львів: ДУ «Ін-т регіон. досліджень імені М. І. Долішнього НАН України», 2015. — 355 с.

293. Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации: материалы майского Пленума ЦК КПСС 1982 года. — М.: Политиздат, 1982. — 111 с.
294. Прокопа И. Сельские территории Украины: исследование и регулирование развития / И. Прокопа // Экономика Украины. — 2007. — № 6(539). — С. 50–59.
295. Прокопчук О. Європейська модель інвестиційного забезпечення політики сільського розвитку / О. Прокопчук, Т. Усюк // Agricultural and Resource Economics: International Scientific E-Journal (www.are-journal.com). — 2016. — Vol. 2, № 4. — С. 149–160.
296. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / отв. ред. А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувало. — М.: Вузовская книга, 2012. — 336 с.
297. Пушкин А. С. Арап Петра Великого. История села Горюхино. Пиковая дама / А. С. Пушкин. — М.: Директ-Медиа, 2015. — 74 с.
298. Про визнання таким, що втратило чинність, Розпорядження Кабінету Міністрів України від 2 лютого 2010 р. № 121: Розпорядження Кабінету Міністрів України від 2 вересня 2010 р. № 1761-р [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1761-2010-p>
299. Про Генеральну схему планування території України [Електронний ресурс]: Закон України від 7 лютого 2002 р. № 3059-14 (в ред. від 18 листопада 2012 р.). — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/3059-14>
300. Про державні цільові програми [Електронний ресурс]: Закон України від 18 березня 2004 р. № 1621-IV (в ред. від 2 грудня 2012 р.). — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1621-15>
301. Про добровільне об'єднання територіальних громад [Електронний ресурс]: Закон України від 5 лютого 2015 р. № 157-VIII. — Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/157-19>
302. Про запровадження оцінки міжрегіональної та внутрішньої диференціації соціально-економічного розвитку регіонів: Постанова Кабінету Міністрів України від 20 травня 2009 р. № 475 // Офіц. вісн. України. — 2009. — № 37. — С. 32–36.
303. Про засади державної регіональної політики [Електронний ресурс]: Закон України від 5 лютого 2015 р. № 156-VIII. — Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/156-19>
304. Про затвердження Галузевої програми соціально-економічного розвитку сільських територіальних громад (модельного проекту «Нова сільська громада») [Електронний ресурс]: Наказ Міністерства аграрної політики України від 1 червня 2010 р. № 2890. — Режим доступу: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/
305. Про затвердження Державної Стратегії регіонального розвитку на період до 2020 року [Електронний ресурс]: Постанова Кабінету Міністрів

- України від 6 серпня 2014 р. № 385. — Режим доступу: http://search.liga.zakon.ua/1_doc2.nsf/link1/KP140385.html
306. Про затвердження Державної цільової програми розвитку українського села на період до 2015 року [Електронний ресурс]: Постанова Кабінету Міністрів України від 19 вересня 2007 р. № 1158 (в ред. від 20 грудня 2013 р.). — Режим доступу: [http://zakon4.rada.gov.ua/lavs/show/1158–2007-п](http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1158-2007-п)
307. Про затвердження Загальнодержавної програми розвитку малих міст: Закон України від 4 березня 2004 року № 1580-IV // Офіц. вісн. України. — 2004. — № 13. — С. 17–51.
308. Про затвердження Концепції збалансованого розвитку агроєкосистем в Україні на період до 2025 року [Електронний ресурс]: Наказ Міністерства аграрної політики України від 20 серпня 2003 р. № 280. — Режим доступу: <http://www.uazakon.com/document/fpart88/idx88535.htm>
309. Про затвердження критеріїв оцінки стану соціально-економічного розвитку сільських територіальних громад, складу комісії та Положення про неї [Електронний ресурс]: Наказ Міністерства аграрної політики України від 22 червня 2010 р. № 342. — Режим доступу: [http:// search.ligazakon.ua/1_doc2.nsf/link1/FIN57677.html](http://search.ligazakon.ua/1_doc2.nsf/link1/FIN57677.html)
310. Про затвердження Методичних рекомендацій з розроблення положення про структурний підрозділ агропромислового розвитку місцевої державної адміністрації [Електронний ресурс]: Наказ Міністерства аграрної політики та продовольства України від 21 листопада 2012 р. № 722. — Режим доступу: <http://minagro.gov.ua/ministry?nid=2721>
311. Про затвердження Положення про Міністерство аграрної політики та продовольства України [Електронний ресурс]: Постанова Кабінету Міністрів України від 25 листопада 2015 р. № 1119. — Режим доступу: [http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1119–2015- %DO %BF](http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1119-2015-%DO%BF)
312. Про затвердження Положення про Міністерство екології та природних ресурсів України [Електронний ресурс]: Постанова Кабінету Міністрів України від 21 січня 2015 р. № 32. — Режим доступу: [http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/32–2015-n](http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/32-2015-n)
313. Про затвердження Положення про Міністерство регіонального розвитку, будівництва та житлово-комунального господарства України [Електронний ресурс]: Постанова Кабінету Міністрів України від 30 квітня 2014 р. № 197. — Режим доступу: [http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/197–2014- %DO %BF](http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/197-2014-%DO%BF)
314. Про затвердження положення про Міністерство соціальної політики України [Електронний ресурс]: Постанова Кабінету Міністрів України від 17 червня 2015 р. № 423. — Режим доступу: [http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/423–2015- %DO %BF](http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/423-2015-%DO%BF)
315. Про затвердження Порядку використання у 2009–2013 рр. бюджетних коштів, що спрямовуються на підтримку підприємств агропромислово-

- го комплексу через механізм здешевлення кредитів: постанова Кабінету Міністрів України від 26 лют. 2009 р. № 153 // Офіц. вісн. України. — 2009. — № 15. — С. 26—32.
316. Про затвердження Типового положення про агенцію регіонального розвитку [Електронний ресурс]: Постанова Кабінету Міністрів України від 11 лютого 2016 р. № 258. — Режим доступу: <http://zakon5rada.gov.ua/laws/show/258-2016-%DO%BF>
317. Про консультативну раду з питань розвитку сільського господарства та сільських територій: Указ Президента України від 30 квітня 2009 р. № 280/2009 // Офіц. вісн. України. — 2009. — № 33. — С. 39.
318. Про Концепцію Державної цільової програми сільськогосподарської діяльності на 2006—2009 роки [Електронний ресурс]: Розпорядження Кабінету Міністрів України від 20 червня 2005 р. № 210-р. — Режим доступу: http://icp.org.ua/ukr/zakon/akts/2005/06/21/kontseptsija_program_184.html
319. Про Концепцію Національної програми відродження села на 1995—2005 роки [Електронний ресурс]: Закон України від 4 лютого 1994 р. № 3924—12. — Режим доступу: <http://agro.ua.net/laus.index.php?docid=94>
320. Про нас: Всеукраїнська асоціація сільських та селищних рад [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://vassr.org/about>
321. Про невідкладні заходи щодо прискорення земельної реформи у сфері сільськогосподарського виробництва [Електронний ресурс]: Указ Президента України від 10 листоп. 1994 р. № 666 / 94. — Режим доступу: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=666%2F94>
322. Про невідкладні заходи щодо прискорення реформування аграрного сектора економіки [Електронний ресурс]: Указ Президента України від 3 груд. 1999 р. № 1529/99. — Режим доступу: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=1529%2F99>
323. Про основні засади державної аграрної політики на період до 2015 року [Електронний ресурс]: Закон України від 18 жовтня 2005 р. № 2982-IV. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2982-15>
324. Про основні засади розвитку соціальної сфери села [Електронний ресурс]: Указ Президента України від 20 грудня 2000 р. № 1356/2000. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1356/2000>
325. Про основні напрями розвитку агропромислового комплексу України [Електронний ресурс]: Указ Президента України від 29 квітня 1998 р. № 389/98. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/389/98>
326. Про охорону земель [Електронний ресурс]: Закон України від 19 червня 2003 р. № 962. — Режим доступу: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/994_154
327. Про порядок паювання земель, переданих у колективну власність сільськогосподарським підприємствам і організаціям [Електронний ресурс]: Указ Президента України від 8 серп. 1995 р.

- № 720/95. — Режим доступу: [http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=720 %2F95](http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=720%2F95)
328. Про пріоритетність, соціального розвитку села та агропромислового комплексу в народному господарстві [Електронний ресурс]: Закон УРСР від 17 жовтня 1990 р. № 400-ХІІ (в ред. від 10 червня 2012 р. № 4721–17. — Режим доступу: [http:// zakon4.rada.gov.ua/lavs/show/400–12](http://zakon4.rada.gov.ua/lavs/show/400-12)
329. Про регулювання містобудівної діяльності [Електронний ресурс]: Закон України від 17 лютого 2011 р. № 3038-VI (в ред. від 16 жовтня 2013 р.). — Режим доступу: [http:// search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T113038.html](http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T113038.html)
330. Про сільськогосподарську дорадчу діяльність [Електронний ресурс]: Закон України від 17 червня 2004 р. (ред. від 9 грудня 2012 р.) № 1807-IV. — Режим доступу: [http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1807–15](http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1807-15)
331. Про становлення і розвиток мережі сільськогосподарських служб в Україні [Електронний ресурс]: Наказ Міністерства аграрної політики України, Української академії аграрних наук та Національного аграрного університету від 25 квітня 2001 р. № 114/36/165. — Режим доступу: http://search.ligazakon.ua/l_doc2nst/link1/FIN2762.html
332. Про статус гірських населених пунктів України [Електронний ресурс]: Закон України від 15 лютого 1995 р. № 56/95-ВР. — Режим доступу: [http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?meg=56 %2f95- %E2 %FO](http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?meg=56%2f95-%E2%FO)
333. Про Стратегію розвитку аграрного сектору економіки на період до 2020 року [Електронний ресурс]: Розпорядження Кабінету Міністрів України від 17 жовтня 2013 р. № 806-р. — Режим доступу: [http:// zakon4.rada.gov.ua/lavs/show/806–2013-p](http://zakon4.rada.gov.ua/lavs/show/806-2013-p)
334. Про Стратегію сталого розвитку «Україна — 2020» [Електронний ресурс]: Указ Президента України від 12 січня 2015 р. № 5/2–15. — Режим доступу: <http://www.president.gov.ua/documents/18688html?PrintVersion>
335. Про схвалення Єдиної комплексної стратегії та плану дій розвитку сільського господарства та сільських територій в Україні на 2015–2020 роки [Електронний ресурс]. — Режим доступу: [http:// http://minagro.gov.ua/node/16025](http://http://minagro.gov.ua/node/16025)
336. Про схвалення Концепції Державної цільової програми сталого розвитку сільських територій на період до 2020 року [Електронний ресурс]: Розпорядження Кабінету Міністрів України від 3 лютого 2010 р. № 121-р. — Режим доступу: [http:// zakon4.rada.gov.ua/lavs/show/121–2010-p](http://zakon4.rada.gov.ua/lavs/show/121-2010-p)
337. Про схвалення Концепції Загальнодержавної програми соціального розвитку на період до 2011 року [Електронний ресурс]: Розпорядження Кабінету Міністрів України від 10 серпня 2004 р. № 573-р. — Режим доступу: [http:// zakon4.rada.gov.ua/lavs/show/573–2004-p](http://zakon4.rada.gov.ua/lavs/show/573-2004-p)
338. Про схвалення Концепції Комплексної програми підтримки розвитку українського села на 2006–2010 роки [Електронний ресурс]: Розпорядження Кабінету Міністрів України від 21 грудня 2005 р. № 536-р. — Режим доступу: [http:// zakon2.rad.gov.ua/lavs/show/536–2005-p](http://zakon2.rad.gov.ua/lavs/show/536-2005-p)

339. Про схвалення Концепції реформування місцевого самоврядування та територіальної організації влади в Україні [Електронний ресурс]: Розпорядження Кабінету Міністрів України від 1 квітня 2014 р. № 333-р. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show333-2014-%D1%80/print1406334264690050>
340. Про схвалення Концепції розвитку сільських територій [Електронний ресурс]: Розпорядження Кабінету Міністрів України від 23 вересня 2015 р. № 995-р. — Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show995-2015-%01%80>
341. Про утворення Міжвідомчої координаційної ради з питань розвитку сільських територій: Постанова Кабінету Міністрів України від 27 грудня 2008 р. № 1124 // Офіц. вісн. України. — 2008. — № 8. — С. 315–317.
342. Радченко В. П. Востребованность потенциала маркетинга в механизмах развития человеческих ресурсов села [Электронный ресурс] / В. П. Радченко. — Режим доступа: <http://www.gosthelp.m-economy.ru/art.php?nArtId=2478>
343. Развитие сельских территорий в Германии: информационные материалы / вып. ред. С. Вебер. — М., 2010. — 156 с.
344. Районная планировка (Справочник проектировщика). — М.: Техника, 1986. — 325 с.
345. Реймонт В. Мужики [Электронный ресурс] / В. Реймонт. — Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/muzhiki-read-322265-188.html>
346. Рейснер Л. И. Введение в историко-теоретическое исследование городов и городских систем Востока и Запада / Л. И. Рейснер // Города на Востоке: хранители традиций и катализаторы перемен / под ред. Е. Г. Журавской, С. А. Панарина. — М.: Наука, 1990. — С. 7–44.
347. Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география: в 19 томах, прил. — Репринтное издание 1877–1896 гг. [Электронный ресурс] / Э. Реклю. — СПб.: Альфарет, 2015. — (Серия «Всемирная география»). — Режим доступа: <https://alfaret.ru/item.php?prod=3764&subid=5&catid=296>
348. Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. — М.: МВШСЭН; Рос. полит. энциклопедия, 2002. — 592 с.
349. Риккерт Г. Философия истории // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. — К.: Ника-центр, 1998. — 512 с.
350. Роголина Н. Л. Аграрный кризис в российской деревне начала XX века / Н. Л. Роголина // Вопросы истории. — 2004. — № 7. — С. 10–22.
351. Родоман Б. Б. Поляризованная биосфера: сб. статей / Б. Б. Родоман. — Смоленск: Ойкумена, 2002. — 336 с.
352. Роман Э. Золя «Земля». Краткое содержание [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kritika24.ru/page.php?id=2306172>.
353. Руденко М. Енергія прогресу. Нариси з фізичної економії / М. Руденко. — Тернопіль: Джура, 2004. — 412 с.

354. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (Вопросы истории) / Рыбаковский Л. Л. — М.: ИСПИ, 2003. — 239 с.
355. Саблук П. Т. Розвиток земельних відносин в Україні / П. Т. Саблук. — К.: ННЦ «ІАЕ», 2006. — 396 с.
356. Савицкий П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. — М.: Аграф, 1997. — 464 с.
357. Савюк О. Ю. Методика суспільно-географічної оцінки якості життя сільського населення регіону: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: спец. 11. 00. 02 — економічна та соціальна географія О. Ю. Савюк. — Одеса: Одеський націон. ун-т ім. І. І. Мечникова, 2009. — 22 с.
358. Сайкевич О. Д. Державне регулювання аграрного сектора економіки в працях українських економістів другої половини ХІХ — початку ХХ століття / О. Д. Сайкевич // Економіка АПК. — 2001. — № 10 (75). — С. 34–43.
359. Саушкин Ю. Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика / Ю. Г. Саушкин. — М.: Мысль, 1973. — 559 с.
360. Село (деревня) // Социология: Энциклопедия [Электронный ресурс] / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. — Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/568/word/selo-derevnya>
361. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения / А. И. Солженицын // Литературная газета: спец. вып. — 1990. — 18 сентября. — С. 1–16.
362. Селунская Н. Б. К проблеме объяснения в истории / Н. Б. Селунская // Проблемы источниковедения и историографии. — М., 2000. — С. 44–62.
363. Сельское развитие — в фокусе государственной политики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vnews.agency/news/business/50575-selskoe-razvitiye-v-fokuse-gosudarstvennoy-politiki.html>
364. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России [Электронный ресурс] / В. П. Семенов-Тянь-Шанский. — Режим доступа: <http://library6.com/3596/item/783490>
365. Селяни і місто: феномен сприйняття урбанізаційних процесів у селянській традиції (матеріали історико-археографічних експедицій Північним Приазов'ям) / упорядник В. М. Константінова. — К.: Ін-т української археології та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України; Бердянський державний педагогічний ун-т, 2012. — 416 с.
366. Сергеев И. П. Римская Империя в III веке нашей эры / И. П. Сергеев. — Харьков: Майдан, 1999. — 224 с.
367. Сільський зелений туризм: другий етап розвитку ГО «Спілка сільського зеленого туризму України» [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://vrndn.org/silskyi-zelenyi-turyzm/>
368. Сільський сектор України на рубежі тисячоліть: [у 2 т.] / Л. О. Шепотько, І. В. Прокопа, С. О. Гудзинський, В. Д. Яворський. — К.: Ін-т

- економіки НАН України, 2003. — Т. 2: Соціальні ресурси сільських територій. — 466 с.
369. Скопин А. Ю. Введение в экономическую географию: учеб. пособ. / А. Ю. Скопин. — М.: Владос, 2001. — 348 с.
370. Скрипиль И. А. Взаимодействие городских и сельских территорий в экономическом пространстве региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук: спец. 08.00.05 — «Экономика и управление народным хозяйством: региональная экономика» / Скрипиль Ирина Александрова; КубГУ. — Краснодар, 2011. — 24 с.
371. Смирнягин Л. В. Трансформация общественного пространства России / Л. В. Смирнягин // Отечественные знаки. — 2002. — № 6 (97). — С. 114–123.
372. Современные тенденции аграрного развития. Теоретический семинар / обзор подготовлен Л. А. Овчинцевой // Отечественная история. — 1995. — № 3. — С. 101–134.
373. Соловьев Е. Л. Н. Толстой. Его жизнь и литературная деятельность [Электронный ресурс] / Е. Соловьев. — Режим доступа: <http://books.comua/>
374. Сонько С. П. Географічна інтерпретація доповідей Римського клубу [Електронний ресурс] / С. П. Сонько. — Режим доступу http://OFTHERoMECKVBREPORTS_statya_Sonko.pdf
375. Сорокин П. А. Заметки социолога: социологическая публицистика / П. А. Сорокин. — СПб.: Алетейя, 2000. — 300 с.
376. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов; пер. с англ. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
377. Социальная ситуация в чешской деревне // Экономика сел. хоз-ва России. — 2001. — № 12. — С. 33–39.
378. Социологический энциклопедический словарь. — М.: НОРМА, 2000. — 488 с.
379. Соціально-демографічні характеристики домогосподарств України у 2017 році (за даними вибіркового обстеження умов життя домогосподарств у 2017 році): доповідь [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://www.ukrstat.gov.ua>
380. Соціально-економічне становище сільських населених пунктів України: стат. зб. / відп. за вип. О. О. Кармазіна. — К.: Державна служба статистики України, 2014. — 187 с.
381. Соціоекономічний розвиток сільського господарства і села: сучасний вимір / [О. М. Бородіна, І. В. Прокопа, В. В. Юрчишин та ін.]; за ред. О. М. Бородіної. — К.: Ін-т екон. та прогнозув. НАН України, 2012. — 320 с.
382. Сталин И. В. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 4 июля 1928 года / И. В. Сталин // Соч. — М.: Госполитиздат, 1949. — Т. 11. — С. 139–196.

383. Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР / И. Сталин. — М.: Госполитиздат, 1952. — 94 с.
384. Становлення сільськогосподарських дорадчих служб в Україні / упоряд. І. Кравченко, Ю. Кухарук; за ред. Р. Шмідта. — К., 2002. — 71 с.
385. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции / Дж. Стиглиц. — М.: Мысль, 2003. — 172 с.
386. Сторінки історії Компартії України. — К.: Либідь, 1990. — 376 с.
387. Студенский Г. А. Очерки по теории крестьянского хозяйства / Г. А. Студенский // Труды НИИСХЭП. — 1923. — Вып. 8. — С. 7–63.
388. Супруненко О. Дегенерация Украины истекает с Запада страны [Электронный ресурс] / О. Супруненко. — Режим доступа: <http://mikle1.livejournal.com/1513584.html>
389. Супруненко О. Руралізація ака рагулізація / О. Супруненко // Український журнал. — 2008. — № 12. — С. 24–25.
390. Талавирия М. П. Організаційно-економічний механізм державної підтримки розвитку сільських територій / М. П. Талавирия // Економіка АПК. — 2011. — № 11(205). — С. 120–124.
391. Теорія, політика та практика сільського розвитку / за ред. О. М. Бородіної, І. В. Прокопи. — К.: Ін-т екон. і прогнозув. НАН України, 2010. — 376 с.
392. Ткачук А. Сільські території у період змін. Нові можливості?! [Електронний ресурс] / А. Ткачук. — Режим доступу: <http://www.youtube.com/watch?v=y1hXO-NKvVo>
393. Тойнби А. Дж. Цивилизации перед судом истории: сборник / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Айрис-пресс, 2003. — 593 с.
394. Толстой Л. Н. Много ли человеку земли нужно [Электронный ресурс] / Л. Н. Толстой. — Режим доступа: http://rvo.ru/tolstoy/01text/vol_10/
395. Торопов Д. Программно-целевой подход к развитию сельских территорий / Д. Торопов // АПК: экономика, упр. — 2005. — № 6. — С. 20–23.
396. Тоффлер Е. Третья хвиля / Е. Тоффлер; пер. з англ. А. Євса. — К.: Вид. дім «Всесвіт», 2000. — 480 с.
397. Трейвиш А. И. «Сжатие» пространства: трактовка модели / А. И. Трейвиш // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. — М.: Ин-т географии РАН, 2010. — С. 146–163.
398. Троцук И. В. Сельско-городская миграция советского периода в работах Т. И. Заславской / И. В. Троцук // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ученые записки. — М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2013. — Вып. 8. — С. 187–206.
399. Трошина Т. И. Население как объект социально-исторического исследования [Электронный ресурс] / Т. И. Трошина // Теоретико-методологический семинар докторантов — историков Европейского

- Севера. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/teretiko-metodologicheskij-seminar-doctorantov-istorikov-evropeyskogo-severa>
400. Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов. — М.: Издание Коммунистической академии, 1930. — Т. 1. — 328 с.
401. Туган-Барановский М. И. Очерки из новейшей истории политической экономии / М. И. Туган-Барановский // Экономические очерки / предисл., сост., ред. Г. Н. Сорвиной. — М.: РОССПЭН, 1998. — С. 6–136.
402. Тюнен фон И. Г. Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономии / И. Г. фон Тюнен. — М., 1926. — 213 с.
403. Тюрина А. П. Социально-экономическое развитие советской деревни: 1965–1980 / А. П. Тюрина. — М.: Мысль, 1982. — 208 с.
404. Убийство Столыпина. Свидетельства и документы / составитель А. Сереренников. — Рига: Молодежное рекламное-информационное агентство «ИнФА»: Кооператив «Курсив», 1990. — 304 с.
405. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем / А. И. Уемов. — М.: Мысль, 1978. — 272 с.
406. Україна і світ. Історія господарства від первісної доби і перших цивілізацій до становлення індустріального суспільства / за заг. ред. Б. Д. Лановика. — К.: Генеза, 1994. — 368 с.
407. Україна на 8 місці у рейтингу самих розвинутих аграрних країн [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <https://agropolitcom/news/172-ukrayina-na-8-mistsi-reytingu-naurozvinutishih-agrarnih-krayin>
408. Українська модель аграрного розвитку та її соціоекономічна переорієнтація: наук. доповідь / [О. М. Бородіна, В. М. Геєць, А. О. Гурторов та ін.]; за ред. В. М. Геєця, О. М. Бородіної, І. В. Прокопи. — К.: Ін-т екон. та прогнозів. НАН України, 2012. — 56 с.
409. Управление развитием сельских муниципальных образований в аспекте экономического взаимодействия отраслей: монография / под ред. А. М. Елисеева. — Томск: Изд-во Томского гос. архит.-строит. ун-та, 2011. — 120 с.
410. Уркевич В. Ю. Про категорію «сталий розвиток сільських територій» / В. Ю. Уркевич // Сучасне земельне, аграрне, екологічне та природоресурсне право: актуальні проблеми теорії та практики: матер. Міжнар. наук.-практ. конф. (м. Біла Церква, 21–22 травня 2010 р.). — Біла Церква: БНАУ, 2010. — С. 24–26.
411. Успенский Г. И. Власть земли [Электронный ресурс] / Г. И. Успенский. — Режим доступа: http://librebook.ru/vlast_zemli/vol1/4
412. Файн Л. Е. Нэповский «эксперимент» над российской кооперацией / Л. Е. Файн // Вопросы истории. — 2001. — № 7. — С. 35–55.
413. Федосеев В. И. Сельское население региона / В. И. Федосеев. — М.: Мысль, 1986. — 144 с.

414. Феодальный социализм // *Философский энциклопедический словарь* / гл. редакция Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — 840 с.
415. Фет А. А. *Жизнь села Степановки, или Лирическое хозяйство* / А. А. Фет. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 472 с.
416. *Философский словарь* / под ред. М. М. Розенталя. — М.: Наука, 1985. — 675 с.
417. *Философский энциклопедический словарь* / под ред. Л. Ф. Ильичева и др. — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — 840 с.
418. Хагуров А. А. Социально-экономическая структура российского села / А. А. Хагуров // *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV очередного Всероссийского социологического конгресса (23–25 октября 2012 года, г. Уфа)* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part33.pdf>
419. Хагуров А. А. *Социология российского села* / А. А. Хагуров. — Изд. 2-е, перераб. и дополн. — М.: ИС РАН, 2010. — 470 с.
420. Хаусман Д. *Экономическая методология в двух словах* / Д. Хаусман // *Мировая экономика и международные отношения*. — 1994. — № 2. — С. 105–110.
421. Хелд Д. *Глобальные трансформации: Политика, экономика и культура* / Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Д. Парратон — М.: Праксис, 2004. — [1], 575 с.
422. Хорев Б. С. *Территориальная организация общества* / Б. С. Хорев. — М.: Мысль, 1981. — 320 с.
423. Хрушев Н. С. *Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства* / Н. С. Хрушев. — М.: Политиздат, 1963. — Т. 4. — 438 с.
424. Цапюк С. В. *Социокультурные особенности образа жизни и ценности современного сельского жителя: автореф. дис. ... канд. социол. наук: спец.: 22.00.06 — социология культуры, духовной жизни (социологические науки)* / С. В. Цапюк. — Ростов-на-Дону: Педагогический институт ФГОУ ВПО «Южный федеральный ун-т», 2009. — 28 с.
425. Цофнас А. Ю. *Теория систем и теория познания: монография* / А. Ю. Цофнас. — Одесса: Астропринт, 1999. — 308 с.
426. Чайнов А. В. *Крестьянское хозяйство* / А. В. Чайнов. — М.: Экономика, 1989. — 492 с.
427. Чайнов А. В. *Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации* / А. В. Чайнов. — 2-е изд. — М.: Изд-во книгосоюза, 1927. — 456 с.
428. Чертищев А. В. *Сталинизм как реальность крестьянской социальной утопии* / А. В. Чертищев // *Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»*

- / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. — М.: Изд-во Ипполитова, 2014. — С. 223–239.
429. Чеховских И. Российская дача — субурбанизация или рурализация? [Электронный ресурс] / И. Чеховских. — Режим доступа: <http://sotok.net/russkij-mir/2166-rossijskaya-dacha-suburbanizacziya-ili-ruralizacziya.html>
430. Чисельність наявного населення України на 1 січня 2016 року / відп. за вип. Тімоніна М. Б. — К.: Державна служба статистики України, 2016. — 86 с.
431. Чисельність наявного населення України на 1 січня 2017 року: стат. зб. / відп. за вип. Тімоніна М. Б. — К.: Державна служба статистики України, 2017. — 83 с.
432. Шарыгин М. Д. Региональная организация общества (теоретико-методологические проблемы совершенствования) / М. Д. Шарыгин. — Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1992. — 204 с.
433. Швец Г. И. Концепция природно-хозяйственных систем и вопросы рационального природопользования / Г. И. Швец // Геогр. и природные ресурсы. — 1987. — № 4. — С. 18–28.
434. Шевчук В. О. Фізико-економічне мислення як атрибут сталості господарювання / В. О. Шевчук // Сталий розвиток та безпека агропродовольчої сфери України в умовах глобалізаційних викликів: монографія / [Павлов О. І., Хвесик М. А., Юрчишин В. В., та ін.]; за ред. О. І. Павлова. — Одеса: Астропринт, 2012. — С. 35–50.
435. Шенк Ф. Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней / Ф. Б. Шенк // Новое литер. обозрение. — 2001. — № 6 (52). — С. 42–61.
436. Шестопалов С. С. Типологическое разнообразие дачных поселений как фактор формирования пригородной зоны / С. С. Шестопалов // АМІТ. — 2010. — № 3(12). — С. 1–9.
437. Шингель Н. А. Правовое регулирование устойчивого развития сельских территорий [Электронный ресурс] / Н. А. Шингель. — Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/28731/1/13_шингель.pdf
438. Шлегель К. Возвращение европейских городов [Электронный ресурс] / К. Шлегель; пер. с нем. М. Гринберга. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oz/2012/3/s47.html>
439. Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. / О. Шпенглер; пер. с нем. И. Ч. Махонькова. — М.: Айрис-пресс, 2003. — Т. 2. — 624 с.
440. Шпикуляк О. Г. Інституція у розвитку та регулюванні аграрного ринку (теорія, методологія і організація): автореф. дис. ... д-ра екон. наук: спец. 08.00.03 — економіка та управління національним господарством. — К.: ННЦ «ІАЕ», 2010. — 35 с.
441. Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. 13 / Й. Шумпетер. — СПб.: Экономическая школа, 2001. — 1744 с.

442. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер; пер. с англ.; предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. — М.: Экономика, 1995. — 540 с.
443. Щербатюк В. В. Організація становлення сільських територій первинного (базового) рівня в системі сільського розвитку (на матеріалах Чернігівської області): дис. ... канд. екон. наук: спец. 08.00.03 [Електронний ресурс] / Щербатюк Вікторія Василівна; ННЦ «ІАЕ» УААН України. — К., 2009. — Режим доступу: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/255544.html>
444. Що таке сільський розвиток і чому це важливо для суспільства, сільського господарства і села [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://vassr.org/node/3054>
445. Экономическая история мира. Европа: в 4 т. Т. 1. — М.: Доликов и К, 2010. — 636 с.
446. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Перевоорот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Изд. 2. — М.: Политиздат, 1955. — Т. 20. — С. 7–338.
447. Энгельс Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Изд. 2. — М.: Политиздат, 1962. — Т. 22. — С. 503–525.
448. Юдин Э. Г. Системный подход как методологическое направление современной науки / Э. Г. Юдин // И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. Становление и сущность системного подхода. — М.: Наука, 1973. — С. 65–101.
449. Юрчишин В. Аграрні революції в Україні у контексті зламів політичних епох: витоки і сутність / В. Юрчишин // Економіка України. — 2009. — № 3 (568). — С. 45–57.
450. Юрчишин В. В. Базові основи переорієнтації розвитку вітчизняної агросфери на засадах соціоекономіки / В. В. Юрчишин // Сталій розвиток та безпека агропродовольчої сфери України в умовах глобалізаційних викликів: монографія / [Павлов О. І., Хвесик М. А., Юрчишин В. В. та ін.]; за ред. О. І. Павлова. — Одеса: Астропринт, 2012. — С. 464–478.
451. Якименко М. А. Земельна оренда на Україні в період капіталізму / М. А. Якименко // Укр. іст. журн. — 1991. — № 2. — С. 54–63.
452. Якобсон Р. О. Язык в отношении к другим системам коммуникации / Р. О. Якобсон; пер. с англ. Н. В. Перцовой // Избранные работы. — М.: Прогресс, 1985. — С. 290–312.
453. Яковенко И. Г. Циклы развертывания цивилизации и цикличность всемирной истории / И. Г. Яковенко // Цивилизация. Восхождение и слом. — М.: Наука, 2003. — С. 97–111.
454. Яковец Ю. В. История цивилизаций: учеб. пособ. для студентов вузов гуманитар. профиля / Ю. В. Яковец. — 2-е изд. перераб. и доп. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. — 352 с.

455. Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы [Электронный ресурс] / Ю. В. Яковец. — Режим доступа: <http://ss.xsp.ru/st/008/>
456. Якуба К. І. Сільська жінка і розвиток соціальної сфери в сільській мережі / К. І. Якуба // Економіка АПК. — 2005. — № 11 (133). — С. 62–68.
457. Яровий В. Д. Розвиток сільського господарства та відновлення сільських територій [Електронний ресурс] / В. Д. Яровий. — Режим доступу: [http://nww.fem.znaw.edu.agr-pol/14/Розвиток %20господарства %20та %20відновлення %20сільських %20територій.pdf](http://nww.fem.znaw.edu.agr-pol/14/Розвиток%20господарства%20та%20відновлення%20сільських%20територій.pdf)
458. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. / К. Ясперс. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.
459. 3+5. Strategy of prosperous country [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.minagro.gov.ua/system/files/3962059620final.pdf>
460. Assembly of European Regions (AER) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://enrd.ec.europa.eu/networks-and-networking/eu-organisations/en/assembly-of-european-regions_en.cfm
461. A systematic Source Book in Rural Sociology: In 3 Vol. /Ed.: P. Sorokin, C. C. Zimmerman, C. J. Calpin. — Wash.; Minneapolis. — 1930. — Vol. 1. — P. 187–233.
462. Berger G. Opinions and Facts / G. Berger // Interdisciplinary: Problems of Teaching and Research in Universities. — Paris: OECD, 1972. — P. 23–75.
463. Besselaar P. Disciplinary, Multidisciplinary, Interdisciplinary — Concepts and Indicators / P. Besselaar, G. Heimeriks // Paper for the 8 th conference on Scientometrics and Informetrics. — Sydney, 2001. — P. 1–9.
464. Bicanic R. Turning Points of Economic Development / R. Bicanic. — Paris: The Hague; Mouton, 1972. — 376 с.
465. Biro S. Impact of the Old and Effect of the New Rural Development: Programme in Hungary / S. Biro // Rural areas and development / ed. P. Chmielinski. — Warszawa: IAFE–NRI, 2016. — Vol. 13. — P. 91–102.
466. Black C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. — N. Y.: Evanston; London: Harper and Row, 1966. — 209 p.
467. Caldwell B. Beyond Positivism: Economic Methodology in the Twentieth Century / B. Caldwell. — N Y: Columbia University Press, 1982. — 342 p.
468. CORK 2.0. Declaration «A. Better Life in Rural Areas» [Electronic resource]. — Access mode: <http://translate.google.com/?hl=ru#en/ru/>
469. Council Regulation (EC) № 1698/2005 of September 2005 on support for rural development by the European Agricultural Fund for Rural Development (EAFRD) // Official Journal of the European Union. — 2005. — 312 p.
470. Directorate-General for Agriculture and Rural Development [Electronic resource]. — Access mode: http://ec.europa.eu/dgskgriculture/index_en.htm
471. ENRD Overview [Electronic resource]. — Access mode: http://enrd.ec.europa.eu/en/en-rd-presentation_en.cfm

472. European Agricultural Fund for Rural Development (EAFRD) [Electronic resource]. — Access mode: http://evropa.eu/legislation_summaries/agriculture/general_framework/160032_tn.htm#amendinyact
473. European Association for Development of Mountain Territories [Electronic resource]. — Access mode: http://enrd.ec.europa.eu/networks-and-networking/eu-organisations/en/euromontana_en.cfm
474. Friedmann J. Regional Development as a Policy Issue / J. Friedmann, W. Alonso // *Regional Development and Planning*. — Cambridge (Mass.), 1964. — P. 30–46.
475. Gajdos P. Marginalne regiony na Slovensku a ich rozvojove disponibility / P. Gajdos // *Agric. Econ.* — CZECH, SL. — 2005. — 12. — P. 555–563.
476. Granberg L. Peasantisation and beyond in Finland and Scandinavia / L. Granberg, M. Peltonen // *Europe's Green Ring (Perspectives on Rural Policy and Planning)*; L. Granberg, I. Kovach, A. Tovey (eds.). — Wiltshire, Anthony Rowe Ltd.: Ashgate, 2001. — P. 285–305.
477. Herlihy P. Ukrainian Cities in the Nineteenth Century / Patricia Herlihy; ed. by Rudnytsky Ivan. — Edmonton: The Canadian Institute of Ukrainian Studies. The University of Alberta, 1981. — P. 135–155.
478. Ito Sh. A. Framework for Comparative Study of Civilizations / Sh. A. Ito // *Comparative Civilizations Review*. — 1997. — Vol. 36 (Spring). — P. 4–15.
479. Jantson E. Towards Interdisciplinarity and Transdisciplinarity in Education and Innovation In Centre for educational research and innovation / E. Jantson // *Interdisciplinarity. Problems of Teaching and Research in Universities*. — Paris: OECD, 1972. — P. 97–121.
480. Krugman P. *Geography and Trade* / P. Krugman. — Cambridge, MA: MIT Press, 1991. — 476 p.
481. Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions* / T. Kuhn. — Chicago: University Press, 1962. — 172 p.
482. Kümmerer K. *The Ecological Impact of Time* // *Time and Society*. — London; Thousand Oaks; CA; Delhi: SAGE, 1996. — Vol. 5 (2). — P. 209–235.
483. Mäki V. *The Way the World Works (www): Towards an Ontology of Theory Choice* / V. Mäki // *The Economic World View. Studies in the Ontology of Economics*. — Cambridge: University Press, 2001. — P. 369–389.
484. McNeill W. H. *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force and Society since A. D. 1000*. — Oxford: Oxford University Press, 1982. — X, 405 p.
485. Midmore P. Agricultural science research impact in the Eastern European Union Member States / P. Midmore // *Studies in Agricultural Economics* 119(2017). — P. 1–10.
486. Nicolescu B. *The Transdisciplinary Evolution of the University Condition for Sustainable Development* [Electronic resource] / B. Nicolescu. — URL: <http://ciret-transdisciplinarity.org/bulletin/b12c8.php>
487. North V. *Institutions* / V. North // *Journal of Economic Perspectives*. — 1991. — Vol. 5, № 1. — 109 p.

488. Patterns of Urban and Rural Population Growth. — U. N., New York, 1980. — 175 p.
489. Pavlov O. The risks of rural development in Ukraine / O. Pavlov // Risk in the food economy — theory and practice. — Warsaw: Institute of agricultural and food economics — National research institute, 2017. — P. 259–270.
490. Piaget J. The epistemology of interdisciplinary relationship / J. Piaget // Interdisciplinary. Problems of teaching and research in universities. — P., 1972. — P. 127–139.
491. Popper K. Self and Its Brain / K. Popper, J. Eccles. — Springer International. 1977. — 596 p.
492. PREPARE Network — Partnership for Rural Europe [Electronic resource]. — Access mode: <http://tnrd.ec.europa.eu/networks-and-networking/eu-organisations/en/prepar-networken.cfm>
493. Rifkin J. Biosphere Politics. A Cultural Odyssey from the Middle Ages to the New Age. — San Francisco: Harper, 1991. — XII. — 388p.
494. Robinson G. M. Conflict and change in the countryside: Rural society, economy and planning in the developed world. — Chichester: John Wiley and Sons, revised edition, 1995. — 482 p.
495. Rural development 2014–2020 [Electronic resource]. — Access mode: http://ec.europa.eu/agriculture/rural-development-2014–2020/index_en.htm
496. Rural development in the European Union. Statistical and economic information Report // Directorate — General for Agriculture and Rural Development. — European Union, 2012. — 464 p.
497. Salus I. Theats to Rural Society in the Gzech Republic and its Future in the Context of Global Risks / I. Salus, T. Pilar, V. Majerova // Rural areas and development / ed. P. Chmielinski. — Warszawa: IAFE–NRI. — 2016. — Vol. 13. — P. 77–90.
498. Secco L. Dall'educabilita all'tducazione / L. Secco. — Verona: Morelli Editore, 1990. — P. 15–22.
499. Scott J. C. Moral Economy of Reasant. Rebellion and Subsistence in South-East Asia / J. C. Scott. — New Haven; London, 1976. — 512 p.
500. Shanin T. Defining Peasants / T. Shanin. — Oxford, 1990. — 236 p.
501. Sorokin P. A. Principles of Rural-Urban Sociology / P. A. Sorokin, C. C. Zimmerman. — N. T.: Henry Holt and Company, 1929. — 178 p.
502. Станков В. Селският туризъм като комуникация, различие и еднаквост / В. Станков // Икономика и управление на селското стопанство. — 2005. — № 2. — С. 58–62.
503. The European Association for Rural Development and Village Renewal (ARGE) [Electronic resource]. — Access mode: http://enrd.ec.europa.eu/networks-and-networking/eu-organisations/en/arge_en.cfm
504. The European Federation of Agricultural Consultants [Electronic resource]. — Access mode: <http://www.etac.net>

505. Towards an integrated rural development policy. The Cork declaration (November 1996) [Electronic resource]. — Access mode: http://ec.europa.eu/agriculture/rur/leader2/dossier_p/en/dossier/cork.pdf
506. Vihinen H. Finnish Model for the Rural Policy /H. Vininen // Finnish Journal of Rural Research and Policy. — 2009. — № 2. — P. 85–89.
507. Wagner K. Comparison of Structures, Development and Influence of Basic Conditions of Agriculture and Rural Development on Selected Alpine Regions / K. Wagner, J. Nied emayr // Rural areas and development / ed. P. Chmielinski. — Warszawa: IAFE–NRI, 2016. — Vol. 13. — P. 233–247.
508. Wielinga E. Generating space for innovations in agriculture: the Agri Spin project / E. Wielinga, A. Koutsouris, A. Knierim, A. Guichaova // Studies in Agricultural Economics. — 119(2017). — P. 26–33.
509. Wirth L. Human ecology / L. Wirth // Community life and social policy: Selected papers by Louis Wirth. — Chicago: University of Chicago Press, 1956. — P. 133–142.
510. Wirth L. Rural-urban differences / L. Wirth // Community life and social policy: Selected papers by Louis Wirth. — Chicago: University of Chicago Press, 1956. — P. 172–176.

Павлов А. И.

П121 Руралистика: теория, методология, научные направления : монография / А. И. Павлов. — Одесса : Астропринт, 2018. — 408 с.

ISBN 978–966–927–399–4

В монографии определен понятийно-категориальный аппарат исследования, изложены теория и методология, институциональные основы руралистики, прослежена историческая эволюция руральности, обоснована идентификация руралистики как междисциплинарной научной отрасли, охарактеризованы ее исследовательское поле и научные направления.

Издание рассчитано на научных сотрудников, преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов.

УДК 332.14:911.36

У монографії визначено понятійно-категоріальний апарат дослідження, викладено теорію і методологію, інституціональні засади руралістики, простежено історичну еволюцію руральності, обґрунтовано ідентифікацію руралістики як міждисциплінарної наукової галузі, охарактеризовано її дослідницьке поле і наукові напрями.

Видання розраховане на наукових співробітників, викладачів, докторантів, аспірантів і студентів.

Наукове видання

ПАВЛОВ Олександр Іванович

**РУРАЛІСТИКА:
ТЕОРІЯ, МЕТОДОЛОГІЯ,
НАУКОВІ НАПРЯМИ**

Монографія

Російською мовою

Завідувачка редакції *Т. М. Забанова*

Редактор *Н. Я. Рихтік*

Технічний редактор *М. М. Бушин*

Дизайнер обкладинки *В. І. Костецький*

Коректор *І. В. Шепельська*

Формат 60x84/16. Ум. друк. арк. 23,72.
Тираж 300 прим. Зам. № 237 (58).

Видавництво і друкарня «Астропринт»
65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21
Тел.: (0482) 37-07-95, 37-14-25, 33-07-17, (048) 7-855-855
e-mail: astro_print@ukr.net; www.astroprint.ua; www.stranichka.in.ua
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003 р.